№ 7 (204), вып. 34
Июнь 2015

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ
Белгородского государственного университета
История Политология

Belgorod State University Scientific Bulletin
History Political

Учредитель:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель:
НИУ «БелГУ»

Ииздательский дом «Белгород»

Адрес редакции, издателя, типографии:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-50062 от 29 мая 2012 г.

Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор
О. Н. Полухин,
ректор НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Зам. главного редактора
И.С. Константинов,
проректор по научной и инновационной работе НИУ «БелГУ», доктор технических наук, профессор

Научный редактор:
В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики НИУ «БелГУ», доктор географических наук

Ответственный секретарь:
О.В. Шевченко
зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии
В.А. Шаповалов,
проректор по заочному обучению и дополнительному образованию НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов,
заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

И.Т. Шатохин,
профессор кафедры российской истории и документоведения НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Среднепалеолитические пещерные стоянки Ереван I и Лусакерт I (Армения) ***Б.Г. Ерицян, А.Ю. Худавердян*** **5**

Некоторые замечания по вопросу структуры эпоса (троичная структура образа эпического героя) ***Д.В. Колосов*** ***13***

Эволюция власти Клеарха в Гераклее Понтийской ***Ю.В. Бабенкова*** ***19***

Македонская авантюра в Мессении: cui prodest? ***Н.Ю. Сивкина*** **25**

Судебное преследование Magistratus Designati: к вопросу о правовом статусе избранных магистратов Римской республики ***Р.М. Фролов*** ***30***

Древняя переправа через Керченский пролив и ее оборона ***А.Л. Ермолин*** ***38***

Боспорское царство и варварская периферия в I-IV н.э.: военный аспект взаимоотношений ***М.В. Циглер*** **48**

Военные кампании «Последнего защитника Рима» Флавия Стилихона ***Д.Е. Богданов*** ***53***

Episcopus bonus: эпистолярная репрезентация образа у Сидония Аполлинария ***Э.М. Манукян*** ***58***

Позднеантичные прогимнасмы (предварительные риторические упражнения) и Либаний ***А.М. Болгова*** ***65***

Иконография человека в Ранней Византии: принципы внешних репрезентаций ***Я.Ю. Иваницкая*** ***70***

Римская курия начала 60-х годов XVI в.: окружение папы Пия IV (по данным венецианских послов в Риме в 1560-1565 гг.) ***М.В. Третьякова*** ***76***

История Средневековой Франции в трудах учёных императорского Харьковского университета (XIX – начало XX вв.) ***С.И. Лиман*** ***84***

Политика «открытых дверей» и её интерпретация в официальной американской историографии на примере взаимоотношений США и Китая в начальный период президентства В.Вильсона ***А.С. Пушкарёв*** ***93***

Восприятие марсельского убийства (1934 г.) американской общественностью (по материалам газеты «The New York Times») ***К.Ю. Могаричев*** ***99***

Пропагандистское обеспечение политического курса Великобритании в связи с гражданской войной в Испании на страницах «The Times» (1936-1937 гг.) ***О.А. Тимошкова*** ***106***

В.Н. Шилов,
профессор кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ», доктор философских наук, профессор

Ответственный секретарь
И.Г. Оноприенко,
доцент кафедры российской истории и документоведения НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова)

С. Атлагич, доктор политических наук (Белградский государственный университет, Республика Сербия)

А.В. Глухова, доктор политических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

М. Казански, доктор истории (Центр изучения византийской цивилизации, Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии (Университет штата Теннесси, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук (Белгородский юридический институт МВД России)

Е.А. Молев, доктор исторических наук, профессор (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского)

М. Плувиано, доктор истории (Генуэзский университет, Италия)

С.И. Посохов, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Украина)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, старший научный сотрудник (Институт российской истории Российской академии наук)

С.Б. Сорочан, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Украина)

И.М. Тодоров, доктор истории, доцент (Великотырновский университет «Св. Кирилла и Мефодия», Болгария)

Х.Р. Туманс, доктор истории (Латвийский национальный университет, г. Рига)

Статьи представлены в авторской редакции.

Оригинал-макет *И.Г. Оноприенко, Ю.А. Шевцова*

E-mail: onoprienko@bsu. edu. ru

Подписано в печать 09.06.2015
Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 23,25
Заказ 170
Цена свободная
Тираж 1000 экз.
Дата выхода журнала 19.06.2015

Подписной индекс в Объединённом каталоге «Пресса России» – 18078

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в Издательском доме «Белгород»
Адрес издателя и издательства:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Процесс конвергенции элит в регионе Юго-Восточной Азии в новейшее время: на примере формирования постколониальной элиты Бирмы ***Д.А. Бродяк 113***

Российско-иранские отношения в период президента Махмуда Ахмадинежада ***А.А. Корнилов, Ф. Руми 120***

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Цена хлеба и хлебные цены в Русском государстве XVI в. ***Л.Г. Степанова 125***

Создание и функционирование Белгородского разряда как военно-административной и территориальной единицы России второй половины XVII в. ***В.Н. Фурсов, О.В. Дудина 131***

Характерные черты взаимоотношений дворовых с провинциальными помещиками в XIX в. ***И.Г. Оноприенко 137***

Общественные функции стариков в русской крестьянской деревне XIX в. ***Н.И. Кобзарева, В.П. Касаткин 141***

Складывание и функционирование системы учреждений профессионального образования в провинциальной России во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Курской губернии) ***Д.А. Терещенко 145***

Формирование региональной системы духовно-нравственного воспитания на аксиологических категориях православной культуры на рубеже XX–XXI вв. (на примере Белгородской, Курской и Смоленской областей) ***О.В. Пигорева 152***

Торговая активность татар из нижегородской глубинки (на материалах Васильсурского уезда начала XX столетия) ***Н.В. Костенюк 159***

Продовольственный вопрос в России в 1917 году: слабое место новой власти ***М.В. Оськин 164***

Вопросы опеки в правовом быту крестьянства Западного региона России первой трети XX века ***В.В. Кулачков 172***

Императорский дом Романовых и российская провинция ***А.В. Перепелицын 177***

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Электоральная культура и политическое участие граждан: российское измерение проблемы ***Т.С. Болховитина 179***

Идеология для современной России: необходимость и предпосылки ***В.Н. Шилов 183***

Анализ информационного сопровождения референдума о независимости Шотландии 2014 года с точки зрения теории «Окна Овертона» ***Е.В. Васина 190***

Сведения об авторах *195*

Информация для авторов *197*

© Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2015

№ 7 (204), Issue 34
June 2015

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Belgorod State University Scientific Bulletin

History Political science

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers

Founder:
Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod State National Research University»

Publisher:
Belgorod State National Research University
Belgorod Publishing House

Address of editorial office, publisher, letterpress plant: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate
ПИ № ФС 77-50062 May 29, 2012
Publication frequency: 4 /year

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,
Rector of Belgorod State National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,
Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod State National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Science Editor

V.M. Moskovkin,
Professor of World Economy Department of Belgorod State National Research University, Doctor of Geographical Sciences

Assistant Editors
O.V. Shevchenko,
Deputy Head of Department of Scientific and Innovative Activity of Belgorod State National Research University, Candidate of Historical Sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Editor-in-Chief of the Series
V.A. Shapovalov,
Vice-Rector on Distance and Supplementary Education Doctor of Historical Sciences, Professor (Belgorod State National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief

N.N. Bolgov,
World History and International Area Studies Department Chair Doctor of Historical Sciences, Professor (Belgorod State National Research University)

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ
Белгородского государственного университета
История Политология

CONTENTS

WORLD HISTORY

Middle paleolithic cave sites Yerevan I and Lusakert I (Armenia) ***B.G. Yeritsyan, A.Yu. Khudaverdyan 5***

Some notes concerning the epos structure (ternary structure of the image of the epic hero) ***D.V. Kolosov 13***

The establishment of the Clearchos' power in Heraclea Pontica ***Y.V. Babenkova 19***

Macedonian military adventure in Messenia: Cui Prodest? ***N.Yu. Sivkina 25***

The prosecution of Magistratus Designati: on the issue of the legal status of magistrates-elect in the roman republic ***R.M. Frolov 30***

Ancient ferried across the Kerch strait and its defence ***A.L. Ermolin 38***

Bosporan kingdom and the barbarous periphery in the I-IV A.D.: military aspect of relationship ***M.V. Tsigler 48***

Military campaigns of Flavius Stilicho – «The last defender of Rome» ***D.E. Bogdanov 53***

Episcopus bonus: epistolary representation of image at Sidonius Apollinaris ***E.M. Manukyan 58***

Late ancient progymnasmata (preliminary rhetorical exercise) and Libanius ***A.M. Bolgova 65***

Human iconography in Early Byzantium: principles of foreign representations ***Ya.Yu. Ivanitskaya 70***

The roman curia the early 60-s of the XVI century: the circle of pope Pius IV (according to the venetian ambassadors in Rome in 1560–1565) ***M.V. Tretyakova 76***

History of Medieval France in works of scholars of Kharkov Emperor's University (19TH – early 20TH centuries) ***S. I. Liman 84***

Open door policy and its interpretation in american historiography: US-China relations at the initial stage of W. Wilson's presidency ***A.S. Pushkarev 93***

Marseillaises assasination (1934) in perception of american public (on materials of «The New York Times») ***K.Yu. Moharychev 99***

Propaganda support in «The Times» for the political course in the Great Britain in the case of the Civil war in Spain (1936-1937) ***O.A. Timoshkova 106***

The convergence process of elites in the region of South – East Asia in recent times: the case of the formation of Burma's post-colonial elite ***D.A. Brodyack 113***

Russian-iranian relations under president Mahmud Ahmadinejad ***A.A. Kornilov, F. Roomi 120***

I.T. Shatohin,
Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Historical Sciences, Professor (Belgorod StateNational Research University)
V.N. Shilov,
Professor of the Cultural and Political Studies Department, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Belgorod State National Research University)

Editorial Assistant
I.G. Onoprienko,
Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Historical Sciences

Members of Editorial Board:
M.G. Abramzon, Doctor of Historical Sciences, Professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)
S. Atlagich, Doctor of Political Sciences (Belgrade State University, Republic of Serbia)
A.V. Glukhova, Doctor of Political Sciences, Professor (Voronezh State University)
M. Kazanski, PhD in History (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)
A.V. Korobkov, PhD in Political Science (Middle Tennessee State University, USA)
K.N. Lobanov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)
E.A. Molev, Doctor of Historical Sciences, Professor (Nizhniy Novgorod State University after N.I. Lobachevskiy)
M. Pluviano, PhD in History (University of Genoa, Italy)
S.I. Posokhov, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)
I.M. Pushkareva, Doctor of Historical Sciences, Senior Scientific Worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)
S.B. Sorochan, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)
I.M. Todorov, PhD in History, Associate Professor (Velikotyrnovo University «St. Cyril and Methodius», Bulgaria)
H.R. Tumans, PhD in History (Latvian National University, Riga, Latvia)

The articles are given in authors` editing.

Page layout: *I. G. Onoprienko, J. A. Shevtsova*

e-mail: onoprienko@bsu. edu. ru

Passed for printing 09.06.2015
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 23,25
Order 170
Price free
Circulation 1000 copies
Date of publishing: 19.06.2015

Subscription reference in The Russian Press common catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Publishing House "Belgorod", Belgorod State National Research University
Address: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

RUSSIAN HISTORY

The value of bread and bread prices in the Russian state of the XVI century ***l.G. Stepanova*** ***125***

Creating and functioning of Belgorod zone as a military and territorial unit of Russia in the second half of the 17th century ***V.N. Fursov, O.V. Dudina*** ***131***

The features of interrelations between the domestics and provincial landowners in the 19-th century ***I.G. Onoprienko*** ***137***

Public functions of old men in the russian country village of the XIX century ***N.I. Kobzareva, V.P. Kasatkin*** ***141***

Functioning of vocational education as one of the areas of education and cultural life in Russia in second half XIX-early XX centuries (on materials of Kursk province) ***D.A. Tereshchenko*** ***145***

The formation of a regional system of moral education on axiological categories of orthodox culture at the turn of XX – XXI centuries (for example, the Belgorod, Kursk and Smolensk regions) ***O.V. Pigoreva*** ***152***

Trade activity of the tatars from nizhny novgorod province (based on the material of Vasilsursky district, beginning of the XX century) ***N.V. Kostenyuk*** ***159***

Food issue in Russia in 1917: weaknesses of the new government ***M.V. Os`kin*** ***164***

Questions of guardianship in legal life of the peasantry of the Western region of Russia of the first third of the XX century ***V.V.Kulachkov*** ***172***

The imperial house of Romanov and the russian province ***A.V. Perepelitsyn*** ***177***

POLITICAL SCIENCE

Electoral culture and political participation of citizens: the russian measurement of a problem ***T.S. Bolkhovitina*** ***179***

Ideology for modern Russia: necessity and preconditions ***V.N. Shilov*** ***183***

Analysis of information support of the referendum on the Scottish independence in 2014 from the point of view of the theory of «The Overton Window» ***E.V. Vasina*** ***190***

Information about Authors ***195***

Information for Authors ***197***

© Belgorod National Research University, 2015

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 903

СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕЩЕРНЫЕ СТОЯНКИ ЕРЕВАН I И ЛУСАКЕРТ I (АРМЕНИЯ)

Б.Г. ЕРИЦЯН
А. Ю. ХУДАВЕРДЯН

Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армении, г. Ереван

e-mail: akhudaverdyan@mail.ru

Армения является одним из главнейших очагов первоначального появления и распространения древнейших людей, областью высокой концентрации разнородных памятников каменного века. Представлены результаты исследования пещерных стоянок Ереван I и Лусакерт I. Возраст первого индивида из Ереван I примерно от 8-12 лет. Коронка имеет весьма большие для зубов этого типа размеры. Примерный возраст второго индивида из Ереван I 30-40 лет. Верхний постоянный второй резец деформирован, носит следы воздействия огня. В Лусакерте I обнаружен фрагмент нижней челюсти взрослого индивида. Тело нижней челюсти высокое, нижний край тела в виде тонкого очерченного гребня имеет в переднем отделе хорошо выраженную площадку. Тело нижней челюсти в дистальном направлении становится ниже и массивнее. Перечисленные находки характерны для человека современного физического типа с некоторыми архаичными признаками.

Ключевые слова: Армения, средний палеолит, пещерные стоянки, Ереван I, Лусакерт I, зубы, нижняя челюсть.

Центрально-армянская возвышенность является главным очагом источников сырья вулканического происхождения и высокой концентрации разнородных памятников и культур каменного века в Переднеазиатском регионе. Еще полвека назад на территории Армении не было известно ни одной пещеры, содержащей материальную культуру палеолитического периода. Начиная с 1966 г. и до сегодняшнего дня планомерные и систематические исследования ущелья реки Раздан (от Кармир Блура до г. Раздана) выявили более 120 разновременных пещерных памятников, из которых только в четырех (Ереван I, Ереван II, Лусакерт I, Лусакерт II) были обнаружены материалы среднепалеолитической культуры. Именно указанные памятники стали главными объектами наших многолетних комплексных исследований. Полученные результаты позволили решить ряд важных проблем, касающихся не только изначальной культуры палеолита Армении, но и хронологической последовательности остальных (неолита, археолита, псевдолита) периодов каменного века исследуемой территории в целом[1].

В рамках данного исследования считаем необходимым остановиться на результатах исследования пещерных стоянок Ереван I и Лусакерт I, с целью установления соот-

[1] Ерицян Б., Татевосян С. Проблема периодизации каменного века Армении // Материалы 10 научной сессии, посвященной итогам археологических исследований в Республике Армении (1993-1995 гг.). Ереван, 1996. С.25-26 (на арм. яз.); Ерицян Б. Логическая модель археологической культуры // Культура древней Армении. Вып. XI. Ереван, 1998. С. 23-24 (на арм. яз.).

ветствия между природной средой, обществом и культурой среднепалеолитического периода. Местные особенности указанных памятников можно охарактеризовать следующими общими критериями.

- Указанные памятники являются базовыми, долговременными, пещерными стоянками среднего палеолита. Расположены они на расстоянии 50 км друг от друга, в различных экологических нишах ущелья р. Раздан в пределах Араратской котловины.
- Мощность культурных отложений достигает от 3 до 5 м. Культурные слои пещер заполнены археологическими артефактами, биостратиграфическими материалами. Индустриальная культура почти целиком базируется на местном сырье – обсидиане. Выявлены от 30 до 150 000 каменных изделий, представляющих полный цикл обработки (от сырья до отходов производства). Отсутствуют обработанные изделия из костей и керамика. Наряду с каменными изделиями были обнаружены большое количество остатков древней флоры и фауны, громадные скопления угля, золы, костей во вскрытых очагах и редкие фрагменты гоминид.
- Комплексные исследования перечисленных материалов позволяют восстановить особенности среды обитания, занятия древних людей, а также получить радиокарбонные (по С14 в Гронингене) и изотопные даты отдельных биостратиграфических подразделений культурного пласта исследуемых пещер (табл. 1 и 2). В связи с этим, весьма актуальна проблема установления антропологического облика создателей этих культур.
- Многолетние тщательные исследования указанных культурных факторов привели к выявлению механизма внутреннего развития среднего палеолита ереванского типа[2]. Мы не касаемся ряда подробностей практических преобразований материальной культуры в научный аппарат археологии палеолита. Отметим, что отдельные процедуры (описание, анализ, синтез, построение) были направлены на выявление типологических (технико-морфологических) характеристик каменных изделий. Раскрываются подразделения материальной культуры, генетически связанные и последовательные, которые адекватно отражены в созданной нами новой археологической системе[3]. Без последнего практически невозможно установить систему относительной хронологии и периодизации культур каменного века Армении в целом (от палеолита до современности).

В 1973 г. Б.Г. Ерицяном в пещере Ереван I (рис. 1) были обнаружены фрагмент теменной кости человека и второй верхний, правый молочный моляр, а в 1974 г. был найден второй верхний резец взрослого индивида (рис. 2).

Изучение морфологии зубов много раз давало в руки антропологов ценные данные об ископаемом человеке, тем более, что зубы порой являются единственным источником таких данных, сохраняясь в земле лучше других костных останков. Однако ископаемый одонтологический материал часто страдает серьезным дефектом, снижающим его ценность: зубы оказываются сильно стертыми вследствие грубой пищи, употреблявшейся древними людьми. В этом отношении наша находка не является исключением. Чрезвычайно сильная стертость коронки моляра (глубоко затронувшая дентин), указывает на грубую консистенцию пищи. Возраст индивида примерно от 8-12 лет. Обращают на себя внимание необычайно длинные (12,1-12,3 мм) расходящиеся заостренные корни, длина которых превышает длину корней вторых верхних молочных моляров в современных популяциях (9,3 мм). Коронка имеет весьма большие для зубов этого типа размеры (вестибуло-лингвальный диаметр 11,3 мм; мезио-дистальный – 9,6 мм). Вестибуло-лингвальный диаметр коронки индивида из Ереван I (11,3 мм), что выше аналогичных размеров у сунгирских детей (10,0 мм)[4]. Мезио-дистальный диаметр коронки демонстрирует значительную ширину (9,6 мм) по сравнению со средними размерами сунгирских детей (8,7 мм). Соответствующие коронки вторых верхних молочных моляров в современных европеоидных популяциях в среднем равны: 9,93 мм и 8,71 мм, а эти же средние размеры для людей верхнего палеолита соответственно равны 10,14 мм и 8,31 мм.

---

[2] Ерицян Б.А. Ереванская пещерная стоянка и ее место среди древнейших памятников Кавказа. Автореф. канд. дисс. М., 1970. С. 15.

[3] Ерицян Б, Татевосян С. Указ. соч. С. 25-26; Ерицян Б. Указ. соч. С. 23-24.

[4] Зубов А.А. Морфологическое исследование зубов детей из Сунгирского погребения // Сунгирь: антропологическое исследование. М., 1984. С. 180.

Низко расположенная точка расхождения корней и большая высота неразветвленного отдела корневой системы свидетельствуют о наличии тавродонтизма. Термин “тавродонтизм” (быкозубость) ввел А. Кизс, отметивший существование у гоминид обьемистой, глубоко заходящей в корневую систему (как на зубах быков) форму пульповой камеры. При тавродонтизме неразветвленная часть корневой системы, называемая иногда “телом зуба”, имеет значительную высоту, составляющую часто большую часть общей высоты (длины) корневой системы. Отдельные корни остаются свободными лишь в апикальной трети, или же, начиная со средней трети. Можно предположить, что тавродонтизм некоторых форм является следствием типичного для некоторых из них сращения корней, имеющих при большой массивности соответственно широкие каналы. При таком срастании широкие части каналов, проходящие в цервикальной и средней трети корневой системы, сливаются, образуя продолжение пульповой камеры. Тавродонтизм, следовательно, может встречаться везде, где налицо сочетание большой массивности корней с более или менее сильной тенденцией к срастанию их. Учитывая, что слияние корней в филогенезе гоминид начинается раньше, чем они успевают резко сократиться в размерах и массивности, не следует считать неожиданным возникновение тавродонтных форм на одной из ступеней эволюции человека. При дальнейшем уменьшении размеров коронок и корней соответственно уменьшается и полость, достигающая у современного человека в общем чисто кинодонтной формы, хотя и здесь остатки тавродонтизма наблюдаются (при решении вопроса о том, какая форма полости представлена в каждом конкретном случае, необходимо учитывать возраст индивида, которому принадлежал зуб, так как с возрастом полость значительно сокращается в обьеме). Следовательно, тавродонтные формы не обязательно являются побочными, уклонившимися в сторону от линии эволюции, ведущей к Homo sapiens.

Из-за стертости зуба высота коронки небольшая, поэтому определить присутствие эмалевой гипоплазии затруднительно. Зуб здоров – не поврежден кариесом, зубной камень отсутствует.

Примерный возраст второго индивида из Ереван I 30-40 лет. Верхний постоянный второй резец деформирован, носит следы воздействия огня (примерная температура 300°С[5]). Обнаружены следы гипоплазии эмали. Эмалевая гипоплазия возникает в результате прерывания ростовых процессов. На зубах образуются линейные дефекты, канавки, связанные с воздействием неблагоприятных факторов среды. Этиологическим фактором, приводящим к возникновению эмалевой гипоплазии, являются болезни, недоедания, травмы, наследственные заболевания[6].

В 1977 г. Б.Г. Ерицяном при раскопках Лусакерт I (рис. 3), за пределами передней площадки пещеры в отножениях слоя В, был обнаружен фрагмент нижней челюсти взрослого индивида с многочисленными каменными орудиями и фрагментами костей млекопитающих. У нижней челюсти полностью отсутствуют восходящие ветви, сочленовные отростки, мыщелки, ретромолярное пространство, некоторые участки альвеолярной дуги и тела (рис. 5). Челюсть – массивная, крупная, лишенная побородочного выступа. Массивность и выраженность рельефа челюсти, возможно, ассоциируются с мужским полом. Тело нижней челюсти высокое. Нижний край тела в виде тонкого очерченного гребня имеет в переднем отделе хорошо выраженную площадку, по шестибалльной шкале Шульца[7] форма угла нижней челюсти ближе типу I. У всех классических неандертальцев преобладает этот тип – это округлый и не выступающий подбородок. Подобная тенденция наблюдается на челюстях из Дманиси (D211, D2735), Араго (Arago 2, Arago 13) и ранних африканских формах (KNM ER 992, KNM WT 15000). У эректоидных и сапиентных форм чаще фиксируется третий тип по шкале Шульца – это округлый, вы-

[5] Walker L. The deposition of the human remains // An Iron Age hillfort in Hampshire. Excavations 1968-1978: the finds. Vol. 2. London, 1984. P. 442-462.

[6] Goodman A.H., Rose J.C. Assessment of systemic physiological perturbations from dental enamel hypoplasias and associated histological structures. Yearbook of Physical Anthropology. 1990. № 33. P. 59-110; Hillson S. Dental pathology// Biological anthropology of the human skeleton / Edited by M.A. Katzenberg, S.R. Saunders. New York, 2000. P. 249-286.

[7] Schultz H. Ein Beitrag zur Rassenmorphologie des Unterkiefers // Ztitschrift fur Morphologie und Anthropologie. 1933. Bd. 32. H. ½. S. 275-366.

ступающий за оси ветви и тела челюсти угол. Тело нижней челюсти у лусакертского человека в дистальном направлении становится ниже и массивнее. Тип строения подбородка ближе типу III (без подбородочного выступа). На челюсти Табун I (женский) отсутствует подбородочный выступ, профильная линия симфиза скошена назад[8]. Этот тип преобладает среди эректусов, на гейдельбергской челюсти и атлантропов[9]. По типу строения базальной части у находки Лусакерт I ближе третий вариант. У всех плейстоценовых находок наиболее часто встречается третий и шестой варианты с нависающим подбородком. Если у неандертальских людей преобладает тип с одной точкой опоры, то базальная часть нижней челюсти эректусов и сапиенсов, как правило, имеет две опоры.

Внутренняя поверхность симфизарной области у лусакертского человека начинается наклонной плоскостью, она получает продолжение в виде обширного утолщения (к сожалению, наружный слой местами отсутствует). Двубрюшная ямка не выражена. Двубрюшная ямка у эректусов не выражена в 75% случаев[10]. Нижнечелюстной валик средне выражен у лусакертского человека. Челюстные экзостозы имеют сложную этиологию и определяются как средовыми, так и генетическими факторами. Их генетическая обусловленность была выявлена многими исследователями[11]. У генетически предрасположенных индивидов челюстные экзостозы появляются лишь тогда, когда средовой стресс достигает определенного уровня. К средовым факторам, активирующим рост челюстных экзостозов, считают жевательную гиперфункцию. О роли диеты свидетельствуют данные о встречаемости нижнечелюстного валика у современных алеутов[12], у которых она меньше по сравнению с данными на краниологическом материале[13]. Население Армении эпохи бронзы характеризуется высокой встречаемостью челюстных экзостозов[14]. Функции зубов, у отмеченных индивидов, надо полагать, были многообразнее современных людей, а валики (торусы), возможно, являются следствием адаптации к большой нагрузке, которой подвергались челюсти этих людей.

У лусакертского человека подъязычная ямка как самостоятельное образование, отделенное от остальной части подальвеолярного углубления, не выявляется. Следует отметить, что гейдельбергская челюсть лишена самостоятельной подъязычной ямки, а на челюсти взрослого индивида из Эрингсдорфа это углубление четко выражено[15] . Подбородочная ость у находки из Лусакерта I слабо развита. У одних среднеплейстоценовых форм ости не развиты, у других – напротив, образуется третья ость[16]. У находки из Лусакерта I фиксируется правое подбородочное отверстие (foramen mentale). Оно одиночное и располагается на уровне верхней трети нижней челюсти (10 мм). У людей из Крапины также фиксируется отверстие на уровне верхней трети ветви, а у других ископаемых гоминид – на середине протяжения ветви[17]. У подавляющего большинства ранне- и среднеплейстоценновых гоминидов подбородочное отверстие расположено выше[18]. Форма отверстия индивида из Лусакерта I воронкообразная. Такая же форма свойственна гейдельбержцу, ребенку из Эрингсдорфа и некоторым челюстям из Крапины[19].

---

[8] Рогинский Я.Я. Палестинские и близкие им формы гоминид // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., 1966. С. 183.

[9] Васильев С.В. Дифференциация плейстоценовых гоминид. М., 1999. С. 75.

[10] Там же. С. 78.

[11] Moorrees C.F.A., Osborne R.H., Wilde E. Torus mandibularis: Its occurrence in Aleut children and its denetic determinants // American Journal of Physical Anthropology. 1952. Vol. 10 (3). P. 319–330; Suzuki M., Sakai T. A familial study of torus palatinus and torus mandibularis // American Journal of Physical Anthropology. 1960. Vol. 18 (4). P. 275-366.

[12] Moorrees et al. Указ. соч. P. 327.

[13] Hrdlicka A. Mandibular and Maxillary hyperostoses // American Journal of Physical Anthropology. 1940. Vol. 37. P. 1-67.

[14] Khudaverdyan A.Yu. The anthropology of infectious diseases of Bronze Age and Early Iron Age from Armenia // Dental Anthropology. 2011. № 2 (2). P. 42-54.

[15] Никитюк Б.А. Нижняя челюсть // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., 1966. С. 353.

[16] Бунак В.В. Род Homo, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980. С.227.

[17] Kallay J. Lage und form des foramen-mandibulare beim Krapinamenschen // Osterreichische Zeitschrift fur Stomatologie. 1955. Bd. 52. N 10. S. 21-26.

[18] Bräuer G., Schultz M. The morphological affinities of the Plio-Pleistocene mandible from Dmanisi, Georgia // Journal of Human Evolution. 1996. Vol. 30 (5). P. 445–481.

[19] Никитюк Б.А. Указ. соч. С. 357.

У лусакертского человека высота симфиза равна 30,5 мм, толщина тела в этой области – 13,5 мм (?)[1], а толщина тела на уровне премоляров – 12 мм (?). Высота симфиза нижней челюсти из Дманиси (D 211) равна 30,8 мм, толщина тела в этой области – 16,8 мм, а толщина тела на уровне премоляров – 18,5 мм[20]. Индекс массивности лусакертской челюсти на уровне симфиза (процентное отношение толщины тела к высоте его) меньше (44,3), чем у челюсти из Дманиси (54,6)[21] и больше чем у сунгирской челюсти (36,8)[22]. Расстояние между наружной и внутренней поверхностями альвеолярной части тела на уровне подбородочного отверстия у лусакертского человека примерно равно 11 мм. У Homo erectus данный признак варьирует (min-max) от 14-15 мм, у классических неандертальцев – 10-17 мм, у сапиенсов верхнего палеолита величина варьирует от 10-18 мм, у Homo sapiens sapiens – 7-11 мм[23]. Межклыковая ширина у человека из Лусакерта I примерно равна 38 мм. У эректусов величина указанного признака равна 33 мм, у классических неандертальцев признак варьирует от 31-40 мм, у сапиенсов верхнего палеолита величина варьирует от 25-40 мм, у Homo sapiens sapiens – 21-32 мм[24].

Форма альвеолярной дуги нижней челюсти эллипсоидная. Увеличение широтных размеров альвеолярной дуги, вполне закономерно (связь с возрастом)[25]. Увеличение также может быть связано с утратой зубов и сокращением межзубных промежутков. У индивида наблюдается прижизненное выпадение зубов. Одна из распространенных причин прижизненных выпадений зубов – усиленная нагрузка на зубочелюстной аппарат. Были зафиксированы следы пороза альвеолярного отростка нижней челюсти (результат развития инфекции в ротовой полости индивида или следствие дефицита витамина С в организме).

Необходимо еще раз отметить, что при описании находок из Ереван I и Лусакерта I можем утверждать, что они бесспорно относятся к сапиентной форме с налетом архаизма. Для нижней челюсти из Лусакерта I характерны III тип строения контура симфиза по шкале Шульца и не выражена двубрюшная ямка. Кроме того, форма угла нижней челюсти ближе типу I, а форма базальной части ближе к третьему варианту. Подбородочное отверстие с правой стороны одиночное, располагается на уровне P3-P4 в верхней трети нижней челюсти. Заметно выпуклая внешняя поверхность тела от C до P4. Среди архаичных признаков мандибулы отметим массивность и толщину тела челюсти. Подъязычная ямка не выявляется (архаичная особенность), подбородочная ость слабо развита. Высота симфиза несколько меньше, чем у дманиской находки (D 211). Толщина альвеолярной части тела на уровне подбородочного отверстия больше (11мм?), чем у современных представителей Homo sapiens (9,5 мм, n=45) и меньше чем у эректусов (14.4 мм, n=5), у классических неандертальцев (13 мм, n=6) и у сапиенсов верхнего палеолита (12,8 мм, n=11).

В заключение приведем несколько общих соображений о взаимосвязи природы, общества и культуры палеолита Армении. Среднепалеолитическая культура ереванского типа целостная, материальная, самоорганизующая система палеолита, причем она единственная в своем роде и неповторима. Именно такая индустриальная культура претендует быть первоначальной, собственно палеолитической культурой Армении, которая кардинально отличается (по всем параметрам) от остальных культурных периодов каменного века. Что касается физического типа ее создателей и особенности среды их обитания, то полученные результаты исследования последних находятся в полном соответствии со статусом изучаемой культуры. Создателями этой культуры не могут быть ранние гоминиды, фрагменты которых отсутствуют на исследуемой территории. Судя по промышленности, эта культура создана людьми современного анатомического типа, которым пришлось пройти долгий путь эволюционного развития.

---

[20] Gabunia L.K., Vekua A.K. La mandibule de l'homme fossil du Villafranchien supérieur de Dmanissi // L'Antropologie, 1995. Vol. 99(1). P. 29-41; Габуния Л.К., Векуа А.К. Дманисский ископаемый человек и сопутствующая ему фауна позвоночных. Тбилиси, 1993. С. 22.

[21] Габуния Л.К., Векуа А.К. Указ. соч. С. 22-23.

[22] Бунак В.В., Герасимова М.М. Верхнепалеолитический череп Сунгирь I и его место в ряду других верхнепалеолитических черепов // Сунгирь. Антропологическое исследование. М., 1984. С. 45.

[23] Васильев С.В. Указ. соч. С. 79-81.

[24] Там же.

[25] Занина-Покровская В.С. Некоторые краниологические материалы к возрастным изменением альвеолярной дуги у взрослых // Вопросы антропологии. 1973. Вып. 43. С.188-198.

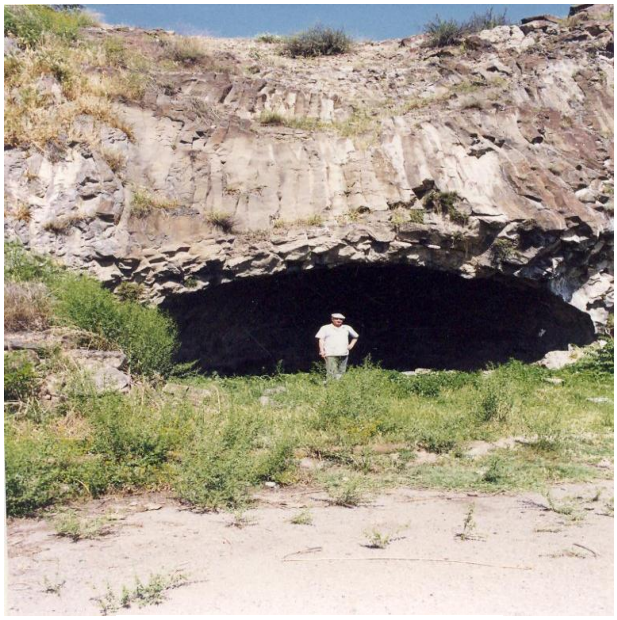


Рис. 1. Пещерная стоянка Ереван I

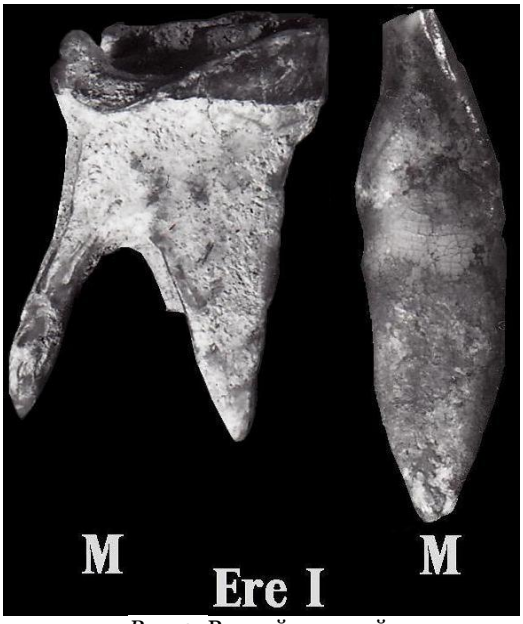


Рис. 2. Второй верхний, правый молочный моляр

Рис. 3. Пещерная стоянка Лусакерт I

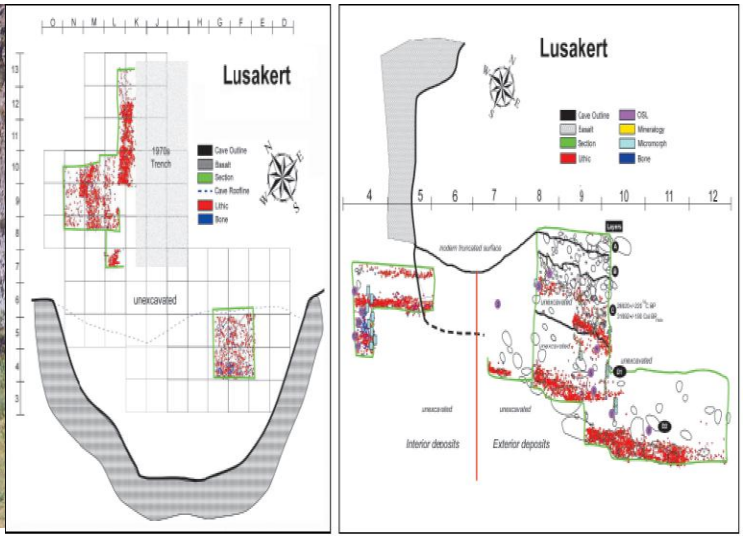
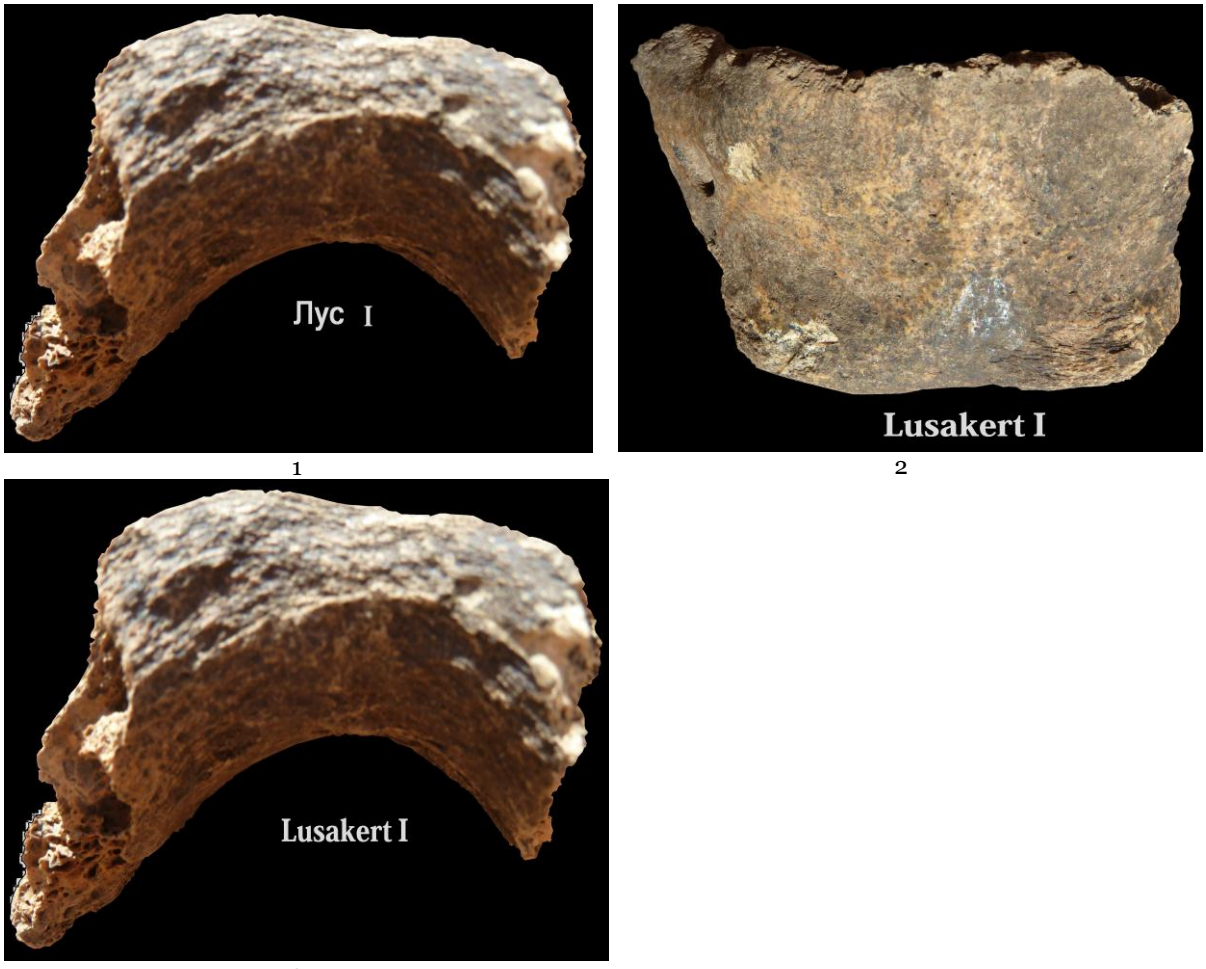


Рис. 4. Стратиграфия отложений среднепалеолитической пещерной стоянки Лусакерт I



1 2 3

Рис. 5. Нижняя челюсть из пещеры Лусакерт I:
1. фронтальный вид, 2. наружная поверхность, 3. базальная поверхность

Таблица 1

Результаты комплексного исследования пещеры Ереван I

Культура	Слои	Отлажения	Фауна	Флора	Антропологические материалы	Даты по С14	Климат
Мезолит верхний и средний палеолит поздней стадии	1 2 3	Эоловый лес 1.4м	Testudo graeca Felis sp. Vulpes V. Equus hemi-nous	Quercus Alnus 6% Compositae Ephedra - 94%	Homo Sapiens Sapiens Incisor (left I)	Gr. N; 8028 31.100ВĐ	W II сухой, теплый
средний палеолит развитая стадия	4 5_1	суглинки аллюви-ального характера 0.7м	Equus hidrum Equus Cabalus Rhinoceross sp. Bison sp.	Betula Salix – 75% Chenopdia Gramineae – 25%	Homo Sapiens с архаичными чертами фрагмент тем-менной кости и Molar (M2)	Gr. N; 7665 47.800 ВĐ 50.000 ВĐ	W I- II умеренный
средний палеолит ранняя стадия	5_2 6 7	осколки и гравит андезито-базальта 0.9м	Alce sp. Canis Lupus Cervus elapus Versus sp.	Pinus Picea – 97% Polygonceae – 3%	-	Gr. N; 8860 26.000 ВĐ 27.700ВĐ	W I холод-ный влажный

Таблица 2

Результаты комплексного исследования пещеры Лусакерт I

Среднепалеолитическая культура	Слои	Фауна	Флора	Антропологические материалы	Даты по С14	Климат
Леваллуа мустье	A B	Vulpes V. Caprelus C. Bison sp.	Compositae Ephedra - 94%	Homo Sapiens с архаичными чертами фрагмент нижней челюсти		Аридный
Леваллуа зубчатый Теяко-зубчатый	C 1 C 11	Canis L. Equus hidrum Equus Cabalus Rhinoceross sp.	Betula Salih – 75% Chenopoda gramineas – 75%		36600+/-2800 BP 35300+/-2800 BP 26920+/-220 14C BP 31692+/-190 Cal BP	Холодный W II
Премустье	D	Equus hem Cervus elapus Sus scrofa Ursus sp.	Pinus – 75% Picea polygonceae – 3%		GRA-14949 LYON-1006 26.920±220	Влажный W I – II
Теяк	E F G H	Equus Cabalus Bos sp. Rupicapra Ovis sp.				Умеренно холодный W – I

MIDDLE PALEOLITHIC CAVE SITES YEREVAN I AND LUSAKERT I (ARMENIA)

B.G. YERITYAN
A.YU. KHUDAVERDYAN

Institute of Archaeology and Ethnography National Academy of Science, Republic of Armenia

e-mail: akhudaverdyan@mail.ru

Armenia is one of the most important centers of early emergence and expansion of ancient people, the region of dense concentration of Stone Age sites. Human remnants were found in the cave Yerevan I (fragment of parietal bone, second upper, right deciduous molar and second deciduous incisor). The age of the first individual is approximately 8-12 years, the second – 30-40 years. The crown of the tooth is big for the teeth of that type. Curiously long, divergent and pointed teeth roots are worth to mention. A fragment of lower jaw of an adult individual was found in Lusakert I (layer B). It is noteworthy that the body is massive and according to the symphysis form, the mandible from Lusakert belongs to Homo sapiens. The corpus of the mandible is high. The delineated and thin edge of the body has a well accentuated part in the front side. The body of the mandible in distal direction is lower and more massive. It is noteworthy that all abovementioned findings in Armenia are characteristic of the human of modern physical type with several archaic features.

Key words: Armenia, Middle Paleolithic, cave sites, Yerevan I, Lusakert I, teeth, mandible.

УДК 2-265.3

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ВОПРОСУ СТРУКТУРЫ ЭПОСА (ТРОИЧНАЯ СТРУКТУРА ОБРАЗА ЭПИЧЕСКОГО ГЕРОЯ)

Д.В. КОЛОСОВ

Издательство «Книговек», г. Москва

e:mail: kolosoff.koul@mail.ru

Данная статья посвящена отражению в эпической героике, прежде всего восточнославянской, трёхчленной системы деления ранних обществ, предложенной в теоретическом аспекте Ж. Дюмезилем. Отдельно рассматривается аспект замены фигуры Пахаря трикстером. В целом данная статья является продолжением предыдущей, опубликованной в одном из более ранних номеров. В своей совокупности они представляют собой две части одного материала, посвященного структуре образов эпического героя на примере европейской эпической традиции. Основные параллели и аналогии делаются между древнегреческим и восточнославянским эпосами.

Ключевые слова: Жрец-Воин-Пахарь, богатырская троица, трикстер, Алёша Попович.

При всем разнообразии трудов по типологии эпоса существует не так много работ, посвящённых генезису эпической героики, а именно двум проблемам:

А/ особенностям и тождеству перемены эпических поколений;

Б/ троичности образа эпического героя.

Б

Символика троичности свойственна сознанию человека и всей мировой культуре. Троичная структура проявляется на архетипическом уровне, что великолепно продемонстрировал Юнг[1]. Троицы на сакральном уровне возникли ещё в ранней древности, но появление их соотносится с началом эпической эпохи, ибо в начале, до формирования пантеонов богов, первенствовали все же культурные герои, либо в единичном выражении, либо в противопоставлении богам, либо в оппозиции с трикстером.

Ярчайший пример единично-двоичного восприятия нуминозного – Прометей. Поначалу это единичный культурный герой, вопреки воле богов наделяющий человека всеми возможными благами, воплощёнными в архетипических образах быка и огня, иначе говоря – в пище материальной и духовной.

Но тут же подле Прометея появляется отрицательный двойник, своего рода неверно спроецированная его тень – Эпиметей[2]. Если Прометей – «предвидящий», даже предшествующий созданию, – Эпиметей в буквальном смысле крепок лишь «задним умом». Потому он разрушает все начинания Прометея – и даже не сам, на это у него недостаёт ума, а с помощью Пандоры – той самой femme fatale, что с торжеством патриархата признается обществом источником всяческих бед[3].

С развитием социальных отношений единая либо бинарная фигура культурного героя приобретает троичную структуру, что уже окончательно свидетельствует о переходе на эпическую ступень – социума и ментальности.

Классическую троицу, – а чаще и не одну, – можно найти фактически в любой культуре. Троичная структура проявляется сразу на сакральном и «профанном» уровне. На сакральном это – многочисленные божественные троицы: Мардук-Син-Шамаш у шумеро-аккадцев, Осирис-Гор-Исида у египтян, Варуна-Индра-Агни, Варуна-Индра-Митра, Тримурти у индийцев, Зевс-Посейдон-Аид, Зевс-Аполлон-Дионис у греков, Янус-Марс-Минерва, с последующей заменой Януса на Юпитера у римлян, Один-Тор-Локи и пр.

---

[1] Юнг К.Г. Попытка психологического истолкования догмата о Троице. Ответ Иову. М., 1995.

[2] Здесь уместно повторить трактовку Юнга, обозначающий трикстера как взгляд «я», брошенный в далёкое прошлое коллективного сознания, ещё не дифференцированного. Эпиметей, по определению Юнга, «персона», в противоположность «самости» Прометея – Юнг К.Г. Психологические типы. М.; СПб., 1995, гл. 5.

[3] Лосев А.Ф. Античная мифология в её историческом развитии // Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 88.

Где-то принцип троичности реализуется на эпико-героическом уровне: Агамемнон-Ахилл-Одиссей у греков, Вяйнямейнен-Ильмаринен-Ёукахайнен (Лемминкяйнен) у финнов и карелов.

Социумно троица получила выражении в трёхчленной структуре человеческого общества, убедительно доказанной Дюмезилем[4], выделившим три архетипических категории социума: Жрец, Воин, Пахарь.

С теми или иными незначительными отклонениями означенную троицу можно вычленить фактически в любой эпической традиции, за исключением, быть может, наиболее архаических. Если взять греческую, мы найдём не одного героя под каждый из типов. Роль Жреца исполняют установители закона вроде Миноса, и прорицатели вроде Тиресия или Мопса. На роль Воина претендует любой великий герой, прославившийся истреблением нелюдей или враждебных людей – Геракл, Персей, Тесей. К категории Пахаря или творца вообще можно отнести героев-демиургов: известнейший пример – Дедал.

Сохраняется эта традиция и в третьем поколении героев, когда налицо «классическая» троица героев – Агамемнон, Ахилл, Одиссей. В данном случае Агамемнон, как верховный вождь, исполняет функции Жреца. Ахилл – идеальное воплощение Воина. Несколько сложнее привязать к архетипу Пахаря многогранную фигуру Одиссея, равно расположенного как бранному, так и к мирному труду. Однако это противоречие легко разрешимо.

Е.М. Мелетинский, разбирая принцип троичности в скандинавской традиции, выделяет две Троицы. Одна из них классическая – по Дюмезилю: *«Один, Тор и Фрейр как царь-маг, воин и носитель плодородия-богатства»*[5]. Но тут же и вторая – Один-Тор-Локи.

Казалось бы, Локи совершенно не сопоставим с Фрейром, однако здесь имеет место социо-культурный генезис ментальности. При переходе на героический уровень, как в культурном, так и в эпическом его аспектах, один из элементов изначальной троицы подменяется новым. На смену Пахарю идёт трикстер, что часто свойственно эпике, в классическом ее виде отстраняющей, а то и исключающей трудовую функцию героя в пользу хитреца, плута, когда появляются фигуры, подобные Одиссею, Ёукахайнену, Алёше Поповичу[6]. В новой троице появляется противостояние, свойственное эпохе разложения героизма в пользу цивилизации, выраженной властителем. Возникают три оппозиционные пары, противостояние в которых проявляется более или менее выраженно: жрец-воин, воин-хитрец, хитрец-жрец.

Первое противостояние является стержнем всей «Илиады», в основе сюжета которой – конфликт между Ахиллом и Агамемноном. Трикстер Одиссей свою позицию как потенциального лидера до поры до времени не проявляет: он лоялен Агамемнону, лоялен Ахиллу, при том, не претендуя на первые роли; но уже в «Малой Илиаде» он – один из двух главных действующих персонажей.

Схожую оппозицию можно отметить у финно-карелов. Ведущим эпическим персонажем здесь является Вяйнямейнен – демиург и шаман[7], посредством магии добывший огонь, железо, построивший первую лодку, сплётший рыболовные сети, а то и вовсе – сотворивший мир[8]. Вяйнямейнен похитил у темной матери Лоухи для людей сампо – олицетворение абсолютного блага[9], небесные светила.

Ильмаринен – тоже демиург, но в отличие от Вяйнямейнена – «кователь небесного железа», *«идеализированный и в какой-то степени обожествлённый кузнец»*[10]. Если культурный герой Вяйнямейнен «опустился» до ремесла, кузнец Ильмаринен, напротив,

---

[4] Dumezil G. The Archaic Roman Religion. Chicago, 1970; Dumezil G. Types epiques indo-europeens: un heros, un sorcier, un roi. P., 1971; Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.

[5] Мелетинский Е.М. Поэтика мифа М., 1976. С. 253.

[6] К слову, именно такую трактовку образа Алёши, объясняя её негативным отношением к «поповскому племени», дал ещё Вс. Миллер: Миллер В. Очерки русской народной словесности, М., 1910. Т. 2. С. 161.

[7] Элиаде М. История веры и религиозных идей. М., 2008. Т.3. С. 36; Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса, Ранние формы и архаические памятники. М., 1963. С. 25.

[8] Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. С. 119.

[9] Сампо можно отождествить также с землёй – см. Евсеев В.Я. Исторические основы карело-финского эпоса, кн. 1. М.-Л., 1960. С.93.

[10] Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. С. 126.

поднялся до уровня демиурга. Он создал-воссоздал те чудесные для человека предметы, которые Вяйнямейнен сотворил колдовством. Если Вяйнямейнен похитил сампо, то Ильмаринен изготовил его *«из пушинки лебединой, из кусочка веретёнца и из молока коровы, и из ячменя крупинки»*, как выковал плуг, меч, коня, золотую деву.

Третий культурный герой финно-карелов – Ёукахайнен либо Лемминкяйнен. Это типичный трикстер, неудачник, разрушающий каждое начинание Вяйнямейнена[11]. При этом, в отличие от скандинавской троицы, трикстер-Ёукахайнен происходит от архетипа не Пахаря, но Воина – очень неудачливого воина, не только неспособного противостоять силам зла, но и лишающего своим неосторожным бахвальством человечества уже почти обретённого вышнего блага – сампо.

Не является исключением для общего правила и славянская эпика, где можно выделить как минимум две подобные троицы – древнейшую и классическую.

Первая состоит из архаических богатырей, представляющих зарю славянской эпики, не исключено, что вплоть до праславянского пласта ментальности. В первую очередь, это касается Святогора, фигуру в абсолютной степени бездеятельную – по образному определению К.С. Аксакова, силу без воли.

Как бы не оценивать Святогора, сопоставляя его с тучей, как это делает А.Н. Афанасьев[12], либо с горой – *«бесплодной непроизводительностью горных пород»*[13], несомненно, Святогор – древнейшее олицетворение воина, вооружённой силы этноса, причём этноса молодого, пробуждающегося, пассионарного. Опираясь на теорию Л.Н. Гумилева, Д.М. Балашов соотнёс фигуру Святогора с пассионарным подъёмом в эпоху становления праславянской общности, чей ареал фольклорист определил в горах Придунавья[14]. Когда же пассионарный дух праславянского этноса ослаб, и начали формироваться субэтнические общности, ведущие роли в которых играли неславянские элементы, могучая фигура Святогора приобрела запредельную инертность, обратившись в фон для подвигов новых героев, в символ изменения самой ментальности нового поколения – отказа от гигантизма и расчета пусть на богатырские, но вполне человеческие силы.

В это же время подвергается переосмыслению ещё один былинный герой – Волх-Вольга. Этот образ поначалу возник как герой культурный, шаман, повелевающий силами природы и надеющийся не столь на физическую мощь, сколь на магическую премудрость. В ранней традиции мы имеем дело с безусловным Жрецом, медиатором между человеком и небом, обладающим даром влиять на пространство и время собственной волей, метаморфировать в любое звено природы – ясного сокола, седого волка, гнедого тура[15].

По мере угасания архаики магическая функция Жреца Волха отходит на второй план. С переходом от язычества к христианскому культу подобный герой уже не воспринимается положительным: волхв Волх рискует обратиться во врага человеческого – в образе ли Змея, Соловья. По этой самой причине функции жреца уступают княжескому достоинству. Поздний герой уже не жрец, а князь, не Волх, а Вольга, и идентифицируется то с легендарным Святославом, то с Олегом Святославовичем[16]. Прежде непобедимый, Вольга постепенно уходит в тень, уступая даже мужику Микуле Селяниновичу, олицетворению вооружённой силы народа, как это повсеместно происходило с фигурой мага, утрачивающего былое влияние.

Заодно с Воином и Шаманом умаляется фигура и третьего члена архаической богатырской троицы – Микулы Селяниновича. Микула – классический вариант Пахаря, символизирующего производительную силу этноса. Но в любой эпике образ Пахаря, не выражающего основной функции богатыря, – противостояния смерти, обыкновенно в образе антропоморфного либо тератоморфного врага, – ограничен, обеднён по сравнению с классическим героем. Потому-то Микула Селянинович не совершает ратных подвигов: его назначение – сопровождать богатырей, исполняя своего рода роль маркитанта.

---

[11] Хотя Е.М. Мелетинский постулирует Ёукахайнена «как фигуру относительно позднюю, созданную уже в рамках героического эпоса, для того чтобы оттенить благородные черты Вяйнямейнена» (Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. С. 137).

[12] Афанасьев А.Н. Мифы, поверья и суеверья славян: поэтические воззрения славян на природу. М.-СПб., 2002. Т.1. С. 377.

[13] Аникин В. П. Русский богатырский эпос. М., 1964. С. 29.

[14] Балашов Д.М. Святогор // Русский фольклор, XX. Л., 1981. С. 10-21.

[15] ВолхВсеславьевич, 40-46 / Былины. М., 1958.

[16] Рыбаков Б.А. Исторический взгляд на русские былины // История СССР. 1961. № 5. С. 146.

Уже в эпоху государственности ранняя архаическая богатырская троица была заслонена троицей классической, живописно показанной на знаменитой картине В.М. Васнецова.

Несмотря на многогранность образов Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович вполне вписываются в традиционную архетипическую троичную схему, где Илья Муромец представляет Воина, Добрыня Никитич – Жреца; образ же Алёши Поповича – выражение той причудливой метаморфозы, что произошла со временем с архаическим образом Пахаря.

Хотя былинный цикл об Илье Муромце сложился позже, нежели легенды о двух других героях богатырской троицы, образ Ильи представляется наиболее архаическим, как непомерной, в сравнении с прочими богатырями князя Владимира, силой, так и первым врагом – Соловьём-разбойником.

В отличие от своих сотоварищей, Илья воспринимался прямым преемником древней троицы, о чем, в частности, свидетельствует перечисление имён Святогора, Вольги и Микулы в качестве тех богатырей, с какими калики советуют не драться Илье[17]. Да и во всем образе Ильи очевидны черты архаического богатыря, одиночки, Recke, свершающего подвиги поначалу единственно во имя собственной славы. Подобно другим архаическим богатырям, Илья – сидень, не умеющий пробудить заложенную в нем потенциальную силу. Её он получает по воле Неба, так что в своей близости с божественным Илья сродни первым поколениям греческих героев, «широкославным детям богов»[18].

И все первые друзья-недруги Ильи Муромца имеют отношение именно к этому древнему поколению. Его представитель – Святогор, наделяющий Илью большей силой. Её представитель – Соловей-разбойник, герой ушедшего поколения, воспринимающийся теперь нелюдем, таким же, какими представлялись героям Полифем или Грендель. Илья постепенно, с трудом отрывается от архаического поколения, в котором он был рождён, и какое он пересидел на печи.

Классическим героем-защитником он становится уже к концу жизни, отчего в былинах постоянно подчёркивается традиционный эпитет Ильи – «старый казак». При этом следует отметить, Илья – исключительно защитник, но никак не слуга князя, как прочие богатыри. Потому-то он, как Ахилл, оппонирует утверждающему свое превосходство властелину, оспаривая его исключительность не только прямым бунтом против власти и новой веры – *«А стрелил-то по чудным крестам»*[19], но и собственной исключительностью в ратном деле, выезжая против врагов в одиночку, наперёд дружины и обращающийся к богатырям за помощью лишь в исключительном случае.

В отличие от Ильи, ярко выраженного архетипического воина-богатыря, Добрыня – фигура более сложная. Даже если не касаться знаменитого «крестильного» «подвига» исторического Добрыни[20], признаваемого многими исследователями реальным прототипом былинного персонажа[21], несомненна связь Добрыни былинного с архетипом Жреца.

Достаточно внимательно проанализировать главную легенду о Добрыне – его странном противостоянии со Змеем. В первый раз одолев Змея, Добрыня заключает с ним договор, а решительную расправу учиняет лишь после того, как Змей нарушает свое обещание. И в обоих случаях налицо религиозная атрибутика – *«колпак да земли греческой»*[22], а сама суть подобного двухэтапного противостояния наталкивает на мысль о том, что в первый раз Добрыня выступал в роли волхва, защищающего интересы языческого Перуна от змея Велеса, а во втором он уже обратился в апостола новой, греческой веры, что не изменило по сути фигуры Добрыни.

В отличие от Ильи Муромца, Добрыня – преданный слуга князя, проявляющий эту свою преданность не только на поле брани, но и за столом – *«Он стольничал, чашни-*

[17] Получение силы / Илья Муромец. М.-Л., 1958. С. 10.
[18] Hom.Od. XI, 639.
[19] Илья в ссоре с Владимиром / Илья Муромец. С. 235.
[20] «Путята крестил мечом, а Добрыня – огнём» (Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. М., 1988. Т.1. С. 177).
[21] Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М., 2000. С. 51.
[22] Добрыня и Змей, 157 / Добрыня Никитич и Алёша Попович. С. 8.

чал девять лет»[23]. Ещё в большей степени услужлив третий персонаж богатырской троицы – Алёша Попович, самый неоднозначный герой богатырского братства.

По-видимому, былинный Алёша также имел своего исторического прототипа. Историческую (псевдоисторическую?) канву образа Алёши Поповича подробнейшим образом разбирает В.И. Калугин[24]. Обычно Алёшу отождествляют с Александром Поповичем, павшим в битве при Калке – *«И Олександр Поповичь ту же убиен бысть с инеми седьмдесятию храбрых»*[25] – и отличившимся в иных бранных делах. Летописный Александр Попович – герой, безусловно, положительный, а вот былинный витязь далеко не столь однозначен ни в своих помыслах, ни в своих поступках.

В.Я. Пропп отчаянно защищает этого богатыря, именуя его *«ярким выразителем русского национального характера»*, отличающемуся «*остроумием и жизнерадостностью*», смелостью «*до безрассудства*»[26]; однако должно признать, что это чрезмерно упрощённая, более того, политизировано идеализированная, ура-патриотическая трактовка, ибо Алеша во всех своих поступках безмерно далёк даже от далеко не идеального в нашем понимании идеала героя. При этом сам Владимир Яковлевич, разбирая былину о неудавшейся женитьбе Алёши на невесте Добрыни, по сути, опровергает свои доводы в пользу благородства героя. Той же точки зрения придерживаются и все прочие видные исследователи русского фольклора, замечая, что Алёша совершал поступки, *«которые не всегда достойны богатыря»*[27].

С Алёшей связан ряд мифов: главные – о поединке с Тугарином и о сватовстве. В отличие от старших сотоварищей, полагающихся на силу и веру, Алёша предпочитает действовать хитростью. Тугарина он побеждает посредством примитивной уловки.

На что ты, Тугарин, да за собой силу ведёшь?
Я один да один, как да пёрстичёк,
Ты, Тугарин, да за собой силу ведёшь!
Он поворачивал коня да коня накруто.
Этот тот-то Олёша повертлив был,
Повёртывал да под конину гриву,
Отсекал он своей да саблей вострой,
Отсекал он своей да саблей востренькой
Голову Тугарину Змеевичу[28].

Подобный прием не свойственен классическому богатырю[29]. К обману прибегают лишь немногие из героев: в греческой традиции классический пример тому – Одиссей, уже по факту рождения обречённый на характер плута[30]. Алёша выступает подобным же трикстером, как ни оправдывай его деяние наличием острого ума[31]. Одиссей тоже почитался самым многоумным среди ахейцев, что вовсе не являлось свидетельством его благородства, явно не присутствовавшего в ряде поступков, например, обмане Аякса[32].

Вот и Алёша Попович являет собой некую славянскую параллель Одиссея – типаж героя, не гнушающегося ради достижения цели никакими средствами. Это – типичный трикстер, к тому же великолепно вписывающийся в классическую троичную схему, подобную, скажем, скандинавской троице Один-Тор-Локи.

Более того, в былинах о сватовстве Алёши, герою приписывают настоящую подлость – попытку обманом завладеть невестой Добрыни, за что Алёша и получает полною мерой.

Брал да Алешу за желты кудри,

---

[23] Три года Добрынюшка стольничел, 5 / Добрыня Никитич и Алеша Попович. С. 159.
[24] Калугин В.И. Герои русского эпоса. М., 1983. С. 138-149.
[25] Лихачёв Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче. Тр. ОДРЛ. Т. VII. М.-Л., 1949. С. 26.
[26] Пропп В.Я. Русский героический эпос. М.-Л. 1955. С. 201-200.
[27] Добрыня Никитич и Алеша Попович. С. 350.
[28] Алёша Попович и Тугарин, 109-117 / Добрыня Никитич и Алёша Попович. С. 186.
[29] Но богатырю отходящей эпики. Ср. как действует Лемминкайнен в поединке с хозяином Похьолы – Калевала. Избранные руны. Петрозаводск, 1970. С. 174.
[30] Версия об отцовстве Сизифа – Eur. Ihyig. 524.
[31] «Алёша действительно обманывает в бою поганое Идолище или Тугарина. Но это не значит, что он трус и обманщик. Он побеждает более сильного противника превосходством своего ума» (Пропп В.Я. Русский героический эпос. С. 203).
[32] Apollod.Epit.V, 6.

Прямо через стол передёргивает,
Начал шалыгой поворачивати:
В букханьи не слышно окханья;
Не дал ему смерти скорыя,
А дал ему безвечье вековечное[33].

Так почему же безусловно положительный исторический прототип, если согласиться с отождествлением былинного Алёши с витязем Александром Поповичем, вдруг приобретает столь малосимпатичные черты неверного товарища, способного нанести удар исподтишка как недругу, так и другу? Причем традиция изображать Алёшу Поповича в роли трикстера, интригана перешла из эпики в позднейшую народную сказку[34]. Порой это пытаются объяснить некоей причастностью Алёши к поповскому роду, что будто бы не вызывало симпатии сказителей былин –

Алешенька роду поповского:
Поповские глаза завидущие,
Поповские руки загребущие…[35]

Объяснение приемлемое, но едва ли убедительное, особенно если учесть, что образ Алёши как поповского сына сформировался позже возникновения былинного образа в целом, когда язычество уже утратило свою притягательность, и христианство сделалось народной религией.

Думается, причина кроется в ином. Генезиально, по мере развития эпоса, изменения ментальности самой героической эпохи образ героя-основателя, демиурга, творца, подателя благ отходил на второй план, метаморфируя под влиянием иных ценностей – стремления к славе, богатству, а потом и власти. К славе герой отныне стремился любой ценой – отсюда его неразборчивость в средствах. Когда сокровище стало тождественным славе, появился мотив «рук загребущих». Когда память в потомстве стало определяться уже не только свершёнными подвигами, но и положением человека в общественной иерархии, появилось стремление к власти, достичь которой все проще было не героическими свершениями, а службой, ухищрением. Именно потому на смену Пахарю пришёл трикстер – тот самый Одиссей, ради славы променявший ячменное поле на бранное, тот самый Алёша Попович, сменивший в богатырской троице мужика Микулу.

SOME NOTES CONCERNING THE EPOS STRUCTURE (TERNARY STRUCTURE OF THE IMAGE OF THE EPIC HERO)

D.V. KOLOSOV

Knigovek Publishing, Moscow

e-mail: kolosoff.koul@mail.ru

The article investigates the heroic epos, Slavonic in the first place, as a trinomial system of early societies divided as proposed by Dumizel. The replacement of the ploughman by a trickster is dealt with separately. In general, this articleis a continuation ofthe previous one,publishedin one of theolderrooms.Taken together,they represent twoparts of the samematerial on thestructure of the imageof the epic heroby the example ofthe Europeanepic tradition. The mainparallels and analogiesmadebetweenGreek andEastern Slavicepic.

Key words: Priest-Warrior-Ploughman, a trinity of heroes, trickster, Alyosha Popovich.

[33] Добрыня в отъезде 204-209 /Добрыня Никитич и Алёша Попович. С. 267.
[34] Астахова А.М. Народные сказки о богатырях русского эпоса. Петрозаводск: Карелия, 1970. М.; Л., 1962. С. 69.
[35] Добрыня Никитич и Алёша Попович, с. 350.

УДК 94(3)

ЭВОЛЮЦИЯ ВЛАСТИ КЛЕАРХА В ГЕРАКЛЕЕ ПОНТИЙСКОЙ

Ю.В. БАБЕНКОВА

Санкт-Петербургский государственный университет

e-mail: juily.babenkova@gmail.com

В настоящей статье рассматривается вопрос установления и эволюции власти Клеарха в Гераклее Понтийской, где его тирания оказалась ярким примером политического режима эпохи кризиса полиса IV в. до н.э. на периферии античного мира. Особый акцент в работе ставится на анализе общественной обстановки в городе до возникновения тирании и исследованию методов достижения власти будущего тирана. Автор приходит к выводам, что осуществление амбициозных планов Клеарха стало возможным, благодаря, прежде всего, проводимой им жесткой и целенаправленной политике, а также благодаря его выдающимся личностным способностям.

Ключевые слова: кризис полиса, софистика, стасис, демагогия, наемники, Клеарх, тирания.

Около 364/3 г. до н.э. в Гераклее Понтийской установилась тирания, представлявшая собой одно из проявлений кризиса полиса IV в. до н.э. на периферии античного мира[1]. Начальный этап авторитарного правления в Гераклее связан с деятельностью Клеарха, политика и власть которого являются предметом исследования в настоящей статье.

Политическая система Гераклеи Понтийской при тиранах, в том числе, при первом из них – Клеархе – привлекала внимание ученых с начала XIX в. (Г. Польсберв, Г.-Г. Пласс, Г. Шнайдервирт, Г. Апель, Г. Берве и др.). В науке сложились различные точки зрения на сущность гераклейской тирании в целом. Её рассматривали как вариант национальной монархии[2], обычной городской тирании[3], тирании, сходной с раннегреческими авторитарными режимами[4]. Не появилось также единых оценок правления Клеарха. Значительные достижения в изучении гераклейской власти были сделаны во 2-й пол. XX в. С.М. Берстейном, А. Биттнер, С.Ю. Сапрыкиным, Э.Д. Фроловым. С.М. Берстейн пришел к выводу о том, что уже во время правления Клеарха и Сатира, первых гераклейских тиранов, формируются определенные монархические тенденции в организации власти, которые в дальнейшем все более и более укрепляются[5]. А. Биттнер, выделяя две природы авторитарного правления в Гераклее, считает, что в начальный период единоличная власть правителей представляла собой обычную тиранию, характеризующуюся насильственной узурпацией власти и неприятием новых правителей со стороны горожан, которая впоследствии приобретает монархический характер[6]. В работах Э. Д. Фролова[7], которые ценны глубоким интересом к политической истории авторитарных режимов IV в. до н.э. в целом, проанализировано положение Гераклеи Понтийской в период,

[1] Основные вопросы хронологии гераклейской тирании были разработаны К. Ю. Белохом (Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. III. B.-Lpz. 1923. S. 94). Датировка начала тирании основывается на сообщении Юстина (Justin, XVI. 4.3,) об обращении гераклейской олигархии к Эпаминонду, после отказа которого правящая верхушка фактически окончательно предоставила карт-бланш в руки Клеарха. Исследователь считает, что просьба к Эпаминонду об оказании помощи могла иметь место только в 364 г. до н.э. или, по крайней мере, в 363 г. до н.э., когда он действовал в Византии. О тирании и кризисе полиса см.: Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001. С. 66.

[2] Beloch K. J. Griechische Geschichte. Bd. I-IV. B.-Lpz., 1912-1927; Burstein St. M. Outpost of Hellinism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, Los Angeles, London, 1976. P. 60.

[3] Lenshau Th. Tyrannis // RE. 1948, Bd. 1. S. 315-323; Bd. 2. S. 679-682.

[4] Дзагурова В. П. Гераклея Понтийская (в период ее автономии IV – I вв. до н. э.). М., 2007. 157 с.

[5] Berstein S. M. Op. cit. P. 63.

[6] Bittner A. Gesellschaft und Wirtschaft in Herakleia Pontike. Eine Polis zwischen Tyrannis und Selbstverwaltung. (Asia-Minor-Studien. Bd. 30). Habelt, Bonn, 1998. S. 151.

[7] Фролов Э. Д. Гераклейские мариандины // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 22-33; Он же. Становление полиса в зоне колонизации (Социально-политическое развитие Гераклеи Понтийской) // Рождение греческого полиса. СПб., 2004. С. 205–231; Он же. Тирания в Гераклее Понтийской (введение и часть I) // Античный мир и археология. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 114–139.

предшествующий тирании, и раскрыты предпосылки ее становления. С.Ю. Сапрыкин считает[8] правление Клеарха близким «старшей тирании», объясняя это поздним основанием Гераклеи, сохранением корней дорийской знати, использованием подневольного труда мариандинов. Он полагает, что говорить о зарождении монархических тенденций в начальный период автократического правления еще слишком рискованно[9].

Таким образом, в науке не сложилось единой оценки тиранической власти в Гераклее. В этой связи анализ условий выдвижения Клеарха, применяемых им методов борьбы за власть, может помочь внести некоторую определенность в понимание сущность правления гераклейских тиранов.

Различного характера сведения о Клеархе представлены богатой литературной традицией. Основу наших представлений об установлении тирании составляют сообщения Юстина (Помпея Трога) и Мемнона. Остальные свидетельства имеют вспомогательный характер: отрывочные упоминания Диодора, Полиена, статья о Клеархе в словаре Свиды и другие, а также эпиграфический[10] и нумизматический материал[11].

Положение Гераклеи Понтийской в начале IV в. до н.э. оставалось весьма тревожным в силу напряженного внутреннего положения и сложной внешнеполитической обстановки. С момента основания примерно в середине VI в. до н.э. колонистами из Мегар Гераклея Понтийская, являя собой блестящий пример развития полиса в зоне греческой колонизации, так и не достигла периода стабилизации, пребывая постоянно в череде социально-политических переворотов. Так и начало 60-х годов IV в. до н.э. застало гераклейское общество в состоянии раскола. С одной стороны, происходило противостояние полисной знати и новой торгово-ремесленной элиты. По представлению Э. Д. Фролова, вместе с размыванием кровно-родственных связей, начавшимся еще в предшествующий тирании период, происходило выделение торгово-ремесленной верхушки из среды гераклейского населения[12]. Так постепенно эта новая прослойка укрепилась и начала претендовать на власть в полисе, однако в экономике Гераклеи торговля и промышленность не смогли добиться решающего преимущества, поэтому позиции земельной аристократии были сильнее[13]. Кроме того, гераклейская знать имела прочную поддержку персидских царей и сатрапов, что во многом определяло её сильные позиции в экономическом и социальном отношении. Во-вторых, широкие слои демоса вели борьбу и с аристократическим сословием, и с новой полисной элитой. Согласно Юстину, накануне выступления Клеарха демос требовал отмены долгов и передела земли, так как наиболее плодородная земля находилась в руках аристократов (Justin., 16.4.2). Значительное число обедневших гераклеотов имело большие долги и находилось под угрозой обнищания. В-третьих, острые противоречия сложились между рабами и полисной знатью. Косвенно об этом можно судить на основании сообщения Юстина о том, что Клеарх освобождал рабов репрессированных аристократов и даже давал им в жены супруг и дочерей их хозяев (Justin., 16.5.2). Развитие всех названных деструктивных социальных процессов накануне выдвижения будущего правителя Гераклеи сочеталось с монопольной властью аристократического совета 300 (Polyaen. 2. 30. 1-2, Justin., 16.4.12-16), который сосредоточил весь контроль над делами в полисе и решал все текущие дела в пользу зажиточных землевладельцев.

В это же время сложилась непростая внешнеполитическая обстановка для гераклейского полиса. Во-первых, необходимы были силы для торговой и политической конкуренции в Причерноморье, что осложнялось затянувшимся конфликтом с Боспорским царством. Во-вторых, в 60-е годах IV в. до н.э. персидские малоазийские сатрапы (Ариобарзан, сатрап Понта, и его союзник Датам, сатрап Каппадокии) подняли восстание про-

[8] Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 112-113, 115, 119.

[9] Сапрыкин С. Ю. Рец.: S. M. Burstein. Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkley, 1976. // Вестник древней истории, 1977. № 3. С. 230.

[10] Jonnes L. The Inscriptions of Heraclea Pontica. With a Prosopographia Heracleotica by Walter Ameling. “Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien”, 47. Bonn, 1994. URL: http: // epigraphy.packhum.org/inscriptions/main.

[11] Carradice I. A., Ashton R. H. J., Bateson D., Dowler A., Kroll J.H., Kim H., Rutter N. K. Sylloge Nummorum Graecorum – Project. URL: http://www.sylloge-nummorum-graecorum.org/: Search Criteria: Heraclea Pontica

[12] Фролов Э. Д. Становление полиса в зоне колонизации (Социально-политическое развитие Гераклеи Понтийской)... С. 224.

[13] Фролов Э. Д. Тирания в Гераклее Понтийской (введение и часть I)... С. 138.

тив царской власти, стремясь обеспечить себе и союзникам доступ к морю, начали угрожать греческим городам (Diod., 15.90.3). В этом отношении Ариобарзан, сатрап Понта, добился большого успеха, поставив примерно в середине 366 г. до н.э. под свой контроль ряд геллеспонтских городов[14]. Его союзник Датам, сатрап Каппадокии, достиг подобного успеха в Синопе (Diod., 15.91.2), что подтверждается также обозначением его имени на монетах города[15]. Более того, к середине 360-х годов до н.э. он подчинил практически всю Пафлагонию (Justin., 10). От гибели Гераклею спасло то, что планы совместного выступления Ариобарзана и Датама против Артаксеркса II провалились (Polyaen., 7.21.1; Aristot., Oeconomica, 2.2.24a. 1350B27-28). Царские наместники Автофрадат из Лидии и Мавзол из Карии сумели остановить враждебные акты сатрапов (Nepos, Datames 9), но это было временным затишьем, так как Митридат, сын Ариобарзана, сатрап Геллеспонской Фригии, намеревался завершить планы отца и захватить Гераклею (Justin., 16.4.7; Suda, s.v. ΚΛΕΑΡΧΟΣ). Такая обстановка в центральной Анатолии ставила Гераклею Понтийскую в угрожающее положение.

Результатом такого социального напряжения, осложненного внешней опасностью, стало начало стасиса в конце 365 – начале 364 гг. до н. э. (Justin., 16.4.2; Suda, s.v. ΚΛΕΑΡΧΟΣ). С. М. Берстейн считает, что, возможно, ситуацию усугубило падение демократии и прекращение выплат за общественную службу и других подобного рода выплат, лишая гражданский коллектив важного источника дохода[16]. Совет, на тот момент главный политический орган в гераклейском полисе, оказался в сложном положении, так как не мог решить проблему и не принимал никакого решения по стабилизации внутреннего положения до 364/3 г. до н.э. (Justin., 16.4.2-3). К сожалению, нам ничего не известно о характере дискуссии по поводу урегулирования социальных противоречий в полисе. Возможно, были сторонники одобрения компромисса с демосом, но, как показывают последующие события, большинство членов совета к этому было не готово. Правящая партия сначала увидела возможность помощи со стороны афинского стратега Тимофея во время его возвращения из Пропонтиды с флотом для освобождения осажденного Кизика от персидского гарнизона (Diod., 15.81.6; Nepos, Timotheus 1.2.; Justin, 16.4.3). Но он отверг их призыв продлить свое путешествие до Гераклеи и использовать свои силы против демоса (Justin., 16.4.3; Diod., 15.81.6; Isocrates, Antidosis 113). Неожиданное прибытие в Византий беотийского флота во главе с Эпаминондом вновь открыло надежду на военную помощь гераклейским аристократам. Их просьба основывалась не только на личных связях, существовавших у аристократов обоих городов (IG, 7, 2531), но и на традиционном обязательстве Фив, как одних из основателей Гераклеи, помогать их колонии. Но снова ответ был отрицательным (Justin., 16.4.3; Diod., 15.79.1).

Провал надежд на помощь извне привел аристократический совет 300 к пониманию необходимости смены своей тактики в решении кризисных явлений в полисе. Они обратились к демократическому политику, которого прежде изгнали, – к Клеарху, служившему в то время в войске Митридата, сына Ариобарзана (Suda, s. v. ΚΛΕΑΡΧΟΣ Justin., 16.4.7). Его изгнание было аннулировано, и Клеарх возвратился вместе с отрядом наемников, чтобы принять новую должность.

Наши сведения о жизни Клеарха до возвращения в гераклейский полис и активной политической деятельности достаточно скудны. Вероятно, к этому моменту ему было примерно 45 лет (Memn. I.4)[17]. Можно предположить, что принадлежал он к высшему аристократическому сословию, так как имел возможность получить отличное образование в Афинах в середине-конце 370-х годов до н.э. в качестве слушателя Исократа и ученика Платона (Memn., FGrH 3B, 434F1.1; Suda, s.v. ΚΛΕΑΡΧΟΣ; Isocrates, Letter 7, 12). Вероятнее всего, в то время и завязывается дружба Клеарха с другим учеником Исократа, Тимофеем, будущим афинским стратегом. По-видимому, она-то и оказалась одним из факторов, который повлиял на решение Тимофея отказать совету в обращении за помощью. Тимофей также оказал содействие тому, что Клеарх получил афинское гражданство

[14] Burstein S. M. Op. cit. P. 48.
[15] Waddington W. H.., Babelon E., Reinach Th. Recueil gènèral des monnaies grecques d'Asie Mineure. Paris, 1904. T I. 1, 183 no. 21
[16] Burstein S. M. Op. cit. P. 47.
[17] Берве Г. Тираны Греции / Пер. с нем. О. Е. Рывкиной. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 391.

(Demosthenes, 20.84). Можно допустить, что Клеарх назвал старшего сына Тимофеем в его честь. Вероятно, Клеарх был образован в соответствии с идеями современного ему софистического учения, которое восхваляло индивидуалистические (волевые) начала в человеке, ставило акцент на роли сильной личности в истории, развивало взгляд на монархическое правление как на лучшую форму правления вообще[18]. О том, что Клеарх был весьма образованным правителем говорит и тот факт, что у него была «библиотека, превзошедшая библиотеки других, кого прославила тирания» (Memn., I.2) (Перевод В.П. Дзагуровой).

Тот факт, что совет обратил внимание на Клеарха для урегулирования внутренней ситуации в полисе, выглядит совершенно неслучайным. Дело в том, что для IV в. до н.э. было характерным, когда крупные стратеги, стоявшие во главе отряда наемников, благодаря военным успехам и состоянию создавали своего рода политическую клиентелу в том или ином полисе или регионе[19]. Примечательно, что сам будущий правитель Гераклеи, будучи изгнан олигархами как политик демократической направленности, не имел возможности оказывать прямое влияние на политическую жизнь полиса. Но, можно предположить, что определенные военные успехи Клеарха на службе у Митридата (он стоял во главе отряда наемников) могли усилить его политический вес в глазах части гераклейского населения. Вероятно, с ним велись тайные переговоры, в результате которых у правящей партии, видимо, появилось основание поверить в то, что он изменил своим прежним союзникам (демократам)[20]. Безусловно, олигархи осознавали опасность этой стратегии, как отмечал Аристотель (Aristot., Politics, 5.5.9, 1306a 27-30). Но принятие ими столь важного решения заставляет предположить, что совет был обеспокоен более серьезной угрозой — нарастающей внутренней смутой в условиях усложнявшейся внешнеполитической обстановки и угрозы со стороны зависимых мариандинов[21].

Итак, в 364/3 г. до н. э., изменив свое решение подчинить Гераклею Митридату, с разрешения совета Клеарх с наемными войсками занял акрополь и взял персидского сатрапа в плен, получив затем за его освобождение большой выкуп. Таким образом, он приобрел сильную позицию в городе и поддержку демоса (Polyaen., 2.30.1; Iustin., 16.4.9.) и официально по предложению правящей олигархии был введен в новую экстраординарную должность – третейского судьи в гражданских разногласиях) (Suda, s. v ΚΛΕΑΡΧΟΣ; Justin, 16.4.4-5, 9; Aeneas Tacticus 12.5; Aristot., Politics, 5.5.9, 1306a28). Как сообщает Полиэн, совет, в сущности, предоставил возможность безнаказанно совершать нападения на гераклеотов, выступавших против олигархов (Polyaen., 2.30.1-2; Justin., 16.4.11, 5,14; Memn., FGrH 3B, 434F9.2). Тем самым, Клеарх приобрел полную свободу действий, что оказалось первым шагом на его пути к единоличному правлению в Гераклее. Хотя официально он действовал в роли независимого судьи, он должен был использовать своих людей, чтобы подавить основных оппонентов совета.

С этого момента он планомерно и энергично начал осуществлять концентрацию власти в своих руках, прибегая порой к тонкой игре на противоречиях олигархической и демократической группировок. Так, появившись перед народным собранием после наделения им должности советом, Клеарх заявил, что «не будет больше содействовать сенату, свирепствующему против народа» и что станет посредником между сенатом и народом, «если тот будет упорствовать в прежней своей жестокости» (Justin., 16.4.12-16). Более того, согласно Юстину, он внес предложение об отставке в случае, если демос и они сами чувствуют себя способными решить свои проблемы самостоятельно. В ответ на это собрание предоставило Клеарху *summum imperium* (Justin., 16.4.16). Греческие источники не дают соответствующего термина-эквивалента, поэтому можно только лишь предполагать, какая должность стоит за этим словосочетанием. Но очевидно, что она предоставляла ему огромную власть и возможность влияния на общественную жизнь в Гераклее. Словом, данная акция была продиктована стремлением будущего тирана обосновать официально расширение своих полномочий. К тому же, по-видимому, ожидалось, что удовле-

[18] Фролов Э. Д. Факел Прометея: очерки античной общественной мысли. Л., 1991. С. 337.
[19] Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975. С. 261.
[20] Mosse Cl. Un aspect de la crise de la cite grecque au IVe siecle: la recrudescence de la tyrannie // Revue philosophique, t. 152. 1962. № 1. P. 1-20.
[21] Burstein S. M. Op. cit. P. 30.

творение популистских лозунгов демоса создаст в его лице прочную опору будущего режима, по крайней мере, на начальном этапе закрепления у власти. Тем более, что совершенным демаршем он отделил себя от ненавистной для демоса олигархии и мог спокойно с ней расправиться.

Клеарх начал правление с экстраординарного заседания гераклейского народного собрания, в ходе которого были отменены прошлые решения совета 300, ущемлявшие интересы демоса и арестовано 60 его членов. Фактически тогда этот институт и прекратил свое существование в Гераклее. Тем не менее, падение власти совета не становится началом крушения традиционной политической организации. В период правления первого тирана возрастает роль гражданского ополчения. Гражданам разрешалось иметь оружие (Polyaen., 2.30.3). Одновременно укрепилось положение народного собрания. Об этом косвенно может свидетельствовать надпись 361 г. до н.э. о возвращении имущества некоего афинского проксена, согласно которой афинские послы должны были иметь дело не с тираном, а с гераклеотами, то есть с народным собранием (IG 2,2 117, lines 21-22). Правление Клеарха отмечено началом нового чекана в нумизматической истории города. На лицевой стороне монеты изображалась надпись «ΗΡΑΚΛΕΙΑ», которая продолжает обычную полисную традицию чекана.

Для понимания сущности событий в Гераклее полезно провести параллель с Сиракузами периода становления там тиранического режима. Так, накануне прихода к власти Дионисия Старшего внутренние противоречия в Сиракузах также достигают особой остроты, общество находилось в состоянии раскола. Во внешней политике возникла угроза со стороны Карфагена, особенно после взятия карфагенянами Акраганта, которая еще больше дестабилизировала ситуацию внутри страны[22]. Путь к власти гераклейского авторитарного правителя во многом аналогичен стратегии завоевания власти в Сиракузах (Diod., 16.81.5). Возможно, Клеарх узнал многое о Дионисии Старшем еще во время его пребывания в Афинах. Параллели между ними можно проследить и в умелой тактике достижения власти, использовании демагогии для привлечения широких слоев демоса. Оба правителя с самого начала имели законные основания для своей деятельности в полисе, нередко опираясь на традиционную конституцию. Положение сиракузского тирана Дионисия, пришедшего к власти в схожих условиях, известно как стратег-автократор. Поэтому проецируя ситуацию на гераклейский полис, можно предположить, что власть Клеарха могла выражаться в подобного рода магистратуре, для которой характерно сочетание военной должности с определенным внутренним контролем[23].

Теперь, возвращаясь к рассматриваемому сюжету, подведем основные итоги. Решающая битва с силами совета и его союзниками произошла, вероятно, в конце 364 – начале 363 гг. до н.э., и закончилась полной победой Клеарха (Justin., 16.5.5). Используя военную силу в лице наемников и с разрешения главного полисного института на тот момент, будущий тиран занял акрополь и приобрел тем самым сильную позицию в полисе. Затем, используя демагогию и другие популистские методы, Клеарх приобрел поддержку большинства жителей полиса. Официальное положение, которое он занимал в государстве, нам в точности не известно. Но эта должность, по-видимому, предоставляла ему огромную власть и возможность влияния на общественную жизнь в Гераклее. Тиран начал правление с ареста 60 членов совета. Фактически тогда этот политический орган прекратил свое существование, олигархи были обречены на изгнание. Так, Клеарх, используя и конституционные (легальные) средства и силовые, а также широко применяя демагогию, добился подтверждения законности своего положения, как единоличного правителя. Тем не менее, факт падения власти совета не становится началом крушения полисной конституции. Более того, в дальнейшем политика тирана была направлена на внешнее сохранение всех атрибутов республиканских органов власти. Действуя порой весьма жесткими мерами (в частности с олигархами), Клеарх приобрел поддержку большинства жителей полиса, которые в результате получили возможность улучшить свое социальное положение. Такие условия оказались благоприятными для установления авторитарного режима и начала изменений в организации жизни полиса.

---

[22] Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001. С. 361.
[23] Beloch K. J. Op. cit. 1912. S. 112, 196; Berve G. Op. cit. 1967. S. 236.

THE ESTABLISHMENT OF THE CLEARCHOS' POWER IN HERACLEA PONTICA

Y.V. BABENKOVA

Saint Petersburg State University

e-mail: juily.babenkova@gmail.com

This paper deals with the foundation of the Clearchos' tyranny in Heraclea Pontica, where the regime is turned out to be the striking example of the polis's crisis in the IV century BC. Special emphasis is placed on the analysis of social position before establishing the tyranny and the investigation of Clearchos' political methods to achieve the power. The author concludes that the implementation of ambitious plans of the political leader seems to be a result of the focused and tough policy and his own outstanding personal abilities.

Key words**:** polis's crisis, sophistry, stasis, demagogy, mercenaries, Clearchos, tyranny.

УДК 94 (3)

МАКЕДОНСКАЯ АВАНТЮРА В МЕССЕНИИ: CUI PRODEST?

Н.Ю. СИВКИНА

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

e-mail: natalia-sivkina@yandex.ru

В статье анализируется нападение Деметрия Фарского на Мессению. Древние авторы обвиняли македонского царя в подготовке государственного переворота и провокации массовых убийств в городе, а затем в организации похода Деметрия. Автор считает, что македонский царь Филипп V непричастен к этой авантюре. В результате проделанного автором исследования подробно изучен один из наиболее ярких эпизодов заключительного этапа существования эллинистической Греции и Македонии в контексте международных отношений этого времени в Греции и на Балканах в целом. Исследование построено на глубоком анализе письменных источников.

Ключевые слова: Эллинистическая Македония, Мессения, Филипп V, Деметрий Фарский.

Мессения в конце III в. до н.э. оказалась в эпицентре борьбы за первенство в Греции между Этолийским и Ахейским союзами. Интересы обеих лиг требовали включения Мессении в сферу своего влияния на полуострове. Нестабильное положение в Пелопоннесе усугублялось активным вмешательством в греческие дела македонского царя Филиппа V. В целом, внешнюю политику Мессении с 222 по 212 гг. до н.э. можно легко проследить по источникам. Внутренние события, напротив, остаются предметом давней дискуссии[1].

Сначала Мессения находилась в сфере этолийских интересов в Пелопоннесе, приблизительно с конца 240-х гг. до н.э. она стала союзником Этолии (Syll[3]. 472; Polyb. IV. 3. 9; 6. 11), причем их альянс был антиспартанским. Однако в годы Клеоменовой войны, которую вели Спарта и Ахейский союз (229–222 гг. до н.э.), между Мессенией и Этолией начинаются разногласия: Мессения не была заинтересована в усилении Спарты, и нейтралитет, который сохранял Этолийский союз в этой войне, ее не устраивал. Кризисом в их взаимоотношениях воспользовался Арат – стратег Ахейского союза, благодаря его стараниям Мессения в 220 г. до н.э. вступила в Эллинскую лигу[2], объединявшую Македонию, Ахейский союз и ряд других государств.

В качестве члена Эллинской лиги Мессения участвовала в Союзнической войне[3] 220–217 гг. до н.э. против этолийцев. Однако после войны в конце 216 г. до н.э. в Мессении произошел государственный переворот, в результате которого к власти пришли сторонники крайней формы демократии. С этого времени, вероятно, наметился поворот во внешней политике государства: начинается сближение с прежним союзником – Этолией, закончившееся выходом мессенцев из Эллинской лиги.

---

[1] В источниках сохранились два фрагмента, свидетельствующих о революции в Мессении (Polyb. VII. 10. 1; Plut. Arat. 49). Обычно исследователи считают, что речь в них идет об одном и том же событии и относят их к 215 году: Roebuck C. A history of Messenia from 369 to 146 B.C. Chicago, 1941. P. 81; Walbank F.W. Philip V of Macedon. Cambridge, 1967. P. 72, n. 3; 299 ff. Однако наиболее убедительным кажется предположение Д. Мендельс о том, что источники сообщают о двух разных переворотах: Полибий (VII. 10. 1) говорит о революции 219 г., а Плутарх (Arat. 49) – о свержении правительства в 215 г. до н.э.: Mendels D. Messene 215 B.C. – an enigmatic revolution. // Historia. Bd. 29. 1980. P. 246 ff.

[2] Эллинская лига была образована в 224 г. до н.э. по инициативе Ахейского союза. О причинах, подтолкнувших ахейцев к сближению с Македонией см.: Plut. Arat. 38. 11; 39; 40. 2; 41. 3; Cleom. 15; 17; 19. 1; 22. 4; Polyb. II. 51. 2; 52. 2 и 4; Сизов С.К. Тайная дипломатия в годы Клеоменовой войны // Из истории античного общества. Горький, 1988. С. 58 слл.; он же. Ахейский союз. М., 1989. С. 101 слл. Об устройстве и составе лиги подробнее см.: Самохина Г.С. Панэллинская идея в политике Македонии конца III в. до н.э. // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 107 слл.; Сивкина Н.Ю. Состав Эллинской лиги 224 г. до н.э. // Проблемы истории и творческое наследие профессора Н.П. Соколова. Н. Новгород, 1998. С. 43 слл.; Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schacht bei Chaeroneia. Tl. 2. Gotha, 1899. S.335 ff.; Beloch K. J. Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd. 4. Berlin – Leipzig, 1925. S. 712 ff.; Walbank F. PhilipV of Macedon. Cambridge, 1967. P. 15 f.; Bengtson H. Die Inschriften von Labranda und die Politik des Antigonos Doson. Bayer. Akad. Wiss. München, 1971. S. 42 ff.; Scherberich K. Koinè symmachía. Untersuchungen zum Hellenbund Antigonos`III Doson und Philipps V. (224–197 v. Chr.) // Historia. H. 184 (Einzelschriften). Stuttgart, 2009. S. 177 ff.

[3] Подробнее о войне см.: Сивкина Н.Ю. Последний конфликт в независимой Греции: Союзническая война 220–217 гг. до н.э. СПб., 2007.

События в Мессении после 216 г. до н.э., приведшие к разрыву отношений между Мессенией и Эллинской лигой, в источниках отражены фрагментарно. Возможно, недовольство населения вызвала попытка македонского царя установить гарнизон на Ифоме во время переворота 216 г. до н.э. Описание этого инцидента сохранилось у Полибия и Плутарха (Polyb. VII. 11; Plut. Arat. 50). На горе Ифоме располагался мессенский кремль, Филипп отправился туда для принесения жертв и хотел под этим предлогом занять крепость. Полибий пересказывает диалог македонского царя с Аратом, который намекнул на разрыв союзных отношений в случае такого насилия над мессенцами. Поэтому македонский царь был вынужден отказаться от задуманного плана.

В изложенной историком версии стоит подчеркнуть два важных момента. Во-первых, царь пытался мирно занять Ифому и уступил под давлением основного партнера по союзу. Во-вторых, сама идея установления гарнизона на Ифоме была разумна и оправданна. Конечно, в распоряжении Филиппа V оказался бы еще один стратегический пункт в Пелопоннесе. Но Мессения воздержалась бы от дальнейших социальных смут и переворотов. Пожалуй, можно утверждать, что явных причин для недовольства царем у мессенцев не было, если только эти настроения не раздувались враждебной пропагандой.

Также обстоит дело и с другим обвинением в адрес царя: Плутарх указывает, что именно Филипп спровоцировал переворот 216 г. до н.э. и массовые убийства в Мессене (Plut. Arat. 49). По его версии, в городе началась междоусобная борьба. Для урегулирования конфликта в Мессению поспешили стратег Ахейского союза Арат и глава Эллинской лиги – Филипп V. Прибыв на один день раньше, македонский царь спровоцировал столкновение между народом и должностными лицами, в результате которого толпа (ἐπελθόντες) уничтожила около двухсот граждан (Plut. Arat. 49). Предводителями народа Плутарх называет демагогов (…τῶν δημαγωγῶν…).

Упоминание Плутарха о демагогах представляется весьма важным. С одной стороны, и Арат, и Филипп, пытаясь урегулировать конфликт, должны были вести переговоры именно с ними. И если о Филиппе современные исследователи говорят, что он заботился не об умиротворении граждан союзного государства, а о своих державных интересах, то вполне правомерно то же самое сказать и об Арате. Дело в том, что с 220 г. до н.э. у власти в Мессении, видимо, находилась проахейская партия. Косвенным доказательством данного предположения может служить тот факт, что Полибий (VII. 10. 1) терпимо относится к новому режиму, хотя не был сторонником революционных действий (ср. II. 47. 3; IV. 81; XIII. 6; XV. 21). Кроме того, он положительно отзывается о богатом мессенце Горге (VII. 10. 2–5), но в другом пассаже (IV. 31. 1) неодобрительно говорит о мессенских олигархах. Употребление историком в этом же пассаже терминов ἰσηγορία, δημοκρατία (VII. 10. 1) тоже является косвенным свидетельством в пользу установления проахейского правительства, потому что обычно эти термины используются Полибием (Polyb. II. 38. 6; 41. 5–6; 42. 3; 44. 6) для характеристики государственного устройства ахеян. Таким образом, вполне понятна заинтересованность Арата в разрешении этого конфликта.

С другой стороны, если македонский царь способствовал свержению проахейского режима в Мессении[4], наносил удар по авторитету Арата, и таким образом препятствовал расширению ахейского влияния в Пелопоннесе, то следует признать, что его позиция в этом конфликте была необдуманной, так как способствовала усилению проэтолийской партии. Македонский царь не мог не понимать этого. Если это так, то можно допустить, что Филипп намеренно спровоцировал уничтожение проахейски настроенных граждан; тогда ввод гарнизона, по его замыслу, должен был способствовать закреплению успеха македонян и не оставлял возможности для усиления проэтолийской партии.

Но в противоречии с этими предположениями находится его уступка Арату на Ифоме. Если царь так хитроумно организовал устранение проахейской партии, то он нашел бы веские аргументы в оправдание установления гарнизона. Например, этолийская угроза или необходимость сохранения мира в регионе и т.д. Однако, согласно источникам, царь вел себя неуверенно, хотя Филипп давно продемонстрировал окружению, что не потерпит опеки советников и давления[5]. Едва ли он всерьез опасался угроз Арата. Тогда что стало причиной отказа от замысла? Возможно, причина кроется в том, что царь не был готов к тому, как развивались события. Скорее всего, он непричастен к перевороту[6].

[4] Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 2. Oxford, 1967. P. 57-60.

[5] Errington R.M. Philip V, Aratus and the «Conspiracy of Apelles» // Historia. Bd. XVI. Hft. 1. 1967. P. 19-36; Сивкина Н.Ю. Заговор Апеллеса в 218 г. до н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 21. М., Магнитогорск, Новосибирск, 2008. С. 233-241.

[6] Hammond N.G., Walbank F.W. A history of Macedonia. Vol. 3. Oxford, 1988. P. 396.

Стоит вспомнить причину конфликта. Социальные проблемы переживали все греческие государства в конце III в. до н.э. Реформы, проведенные царем Клеоменом в Спарте, вызвали беспрецедентную волну «революционного энтузиазма», которая охватила территорию Ахейской лиги[7]. Подобные ожидания, вероятно, были характерны и для Мессении.

Социальные мероприятия, если они вообще имели место после переворота 220 г. до н.э., вероятно, не удовлетворили народные массы. Граждане Мессении были вынуждены принять участие в Союзнической войне. Вполне вероятно, что иллюзии относительно народовластия и равноправия рассеялись уже в ходе войны. У власти попрежнему оставались зажиточные граждане, которые, что и вызывало недовольство, следовали в русле ахейской политики. В результате войны Мессения не получила никаких компенсаций за свое участие, отобранные ранее ахейцами Пилос и Кипариссия не были ей возвращены. Новое правительство было не в состоянии компенсировать тяготы войны, приведшие, вероятно, к разорению части граждан.

Скорее всего, недовольство политикой правительства не скрывали не только низы общества, но и зажиточные граждане – противники проахейской партии (Polyb. VII. 10. 1). Возможно, что нестабильностью внутри государства попытались воспользоваться и прежние союзники Мессении – этолийцы, которые, стремясь вернуть ее под свой контроль, могли обещать помощь и поддержку своим сторонникам. Вполне вероятно, что недовольство политикой правительства всех слоев населения и привело к социальному взрыву.

Прибыв в Мессению, царь вовсе не имел намерения устраивать кровавый переворот, напротив, он пытался разрешить конфликт мирным путем, возможно, склоняя правительство к уступкам. Однако прибытие Арата, явно для поддержки правящего режима, означало, что надежды на преобразования тщетны, начались погромы. Можно ли, располагая столь скудной информацией, обвинять Филиппа в провокации убийств? Да; но, в сущности, точно также можно обвинить и Арата.

Если бы Филипп все спланировал заранее и стоял за произошедшим в городе насилием, то едва ли он оставил государство без гарнизона. Это решение было бы логичным завершением продуманной операции. Колебания царя и осторожность, проявленная на Ифоме, свидетельствуют в пользу того, что у Филиппа не было четко продуманного плана, положение в Мессении изменилось столь неожиданно, что дальнейшие события предусмотреть было невозможно. Но даже в такой ситуации царь не стал прибегать к силовым методам и настраивать против себя население союзного государства. Однако проэтолийские силы усмотрели в сложившихся обстоятельствах шанс на возвращение утраченных позиций.

Вполне вероятно, определенное влияние на выход Мессении из лиги оказал вероломный поход македонян под руководством Деметрия Фарского. У Полибия имеется упоминание о том, что Деметрий необдуманно и легкомысленно попытался захватить крепость мессенцев в соответствии с замыслами македонского царя Филиппа V и погиб во время этого предприятия (Polyb. III. 19. 10). Однако историк не приводит никаких подробностей этой кампании, даже дата похода неизвестна.

Свидетельство Павсания (IV. 29. 1–5; 32. 2) также не вносит ясности в произошедшие события. Более того, он путает Деметрия Фарского с сыном Филиппа, датирует указанные события периодом до 272 г., не упоминает ни о смерти Деметрия, ни о мотивах нападения. По его версии, Деметрий высадился в Арголиде и прошел весь Пелопоннес, внезапно начав штурм Мессены. Жители оказали ожесточенное сопротивление, вытеснили захватчиков на Ифому, где атаковали их с двух сторон.

Можно предположить, что подобные действия Деметрий мог организовать не ранее 216 г., поскольку последнее упоминание о нем в источниках связано с государственным переворотом в этом городе, якобы спровоцированном Филиппом V. Тогда он прибыл в Мессену, сопровождая македонского царя (Polyb. VII. 11; Plut. Arat. 49). Следующее нападение организовал сам Филипп, скорее всего, в конце 214 – начале 213 г.[8], поскольку есть указания, что стратег Ахейского союза Арат в это время был еще жив (Plut. Arat. 51; Polyb. VIII. 14. 1). Источники не упоминают Деметрия, говоря об этом походе царя на мессенские земли[9]; видимо, это означает, что к тому времени Деметрия уже не было в живых. Таким образом, предприятие Деметрия, вероятно, могло иметь место лишь в период с конца 216 по конец 214 г. до н.э.

---

[7] Tarn W.W. The Greek Leagues and Macedonia // CAH. Vol. 7. 1928. P. 755, 757.

[8] Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schacht bei Chaeroneia. Tl. 2. Gotha, 1899. S. 471; Roebuck C.A. A history of Messenia from 369 to 146 B.C. Chicago, 1941. P. 83.

[9] Walbank F. Philip V of Macedon. Cambridge, 1967. P. 78. n. 3.

Поход Деметрия повлек за собой грандиозные перемены в расстановке сил на международной арене, однако мотивы нападения Деметрия на Мессену остаются неясными. Полибий намекает, что Деметрий действовал в соответствии с замыслами македонского царя (III. 19. 10). Конечно, можно принять предположение, что Филипп V не отказался от старого плана ввода гарнизона на Ифому, но, не имея возможности действовать лично, он переложил эту задачу на Деметрия. В случае удачи Филипп оставался незапятнанным перед лицом всех союзников, так как предприятие Деметрия можно было представить как его самостоятельную акцию. Вероятно, отчасти Деметрий мог рассчитывать и на внезапность нападения, поскольку жители Мессены не ожидали его появления. Если следовать за Полибием, то мессенцы весьма легкомысленно относились к обороне своих земель. Несмотря на то, что древние авторы единодушны в оценке мессенской крепости как второй после Акрокоринфа (Plut. Arat. 50; Polyb. VII. 11), ее защитники не могли оказать достойного сопротивления не только македонским силам (Polyb.VII. 11; Plut. Arat. 49), что вполне естественно, но и отдельным пиратским отрядам (Polyb. IV. 3. 8 – 4. 1). Однако задуманный царем план не удалось реализовать, более того, он привел к обратному результату: мессенцы предпочли выступить на стороне Этолии.

Подобная версия имеет свои слабые стороны. Во-первых, не следует забывать, что наш основной источник – Полибий – не относится к числу приверженцев Филиппа. Поэтому не вызывает удивления его настойчивое желание обвинить македонского царя во всех преступлениях против греков. Во-вторых, нападение на союзника являлось нарушением Общего Мира. Однако Филипп всегда подчеркивал свою роль защитника Мира. Он сумел перебороть желание ввести гарнизон в 216 г. мирным путем. Что могло заставить его столь грубо нарушить права союзников?

С другой стороны, Деметрий мог отправиться в Грецию, только выполняя приказ македонского царя. Во-первых, с какими силами мог прийти иллирийский авантюрист в Мессению? Только с македонскими. Но без приказа царя это едва ли было возможно. Если он привел сюда наемников, то их также оплачивал македонский царь. Деметрий мог бы навербовать их, если бы располагал свободными средствами и, что еще важнее, если бы он покинул двор Македонии. Однако для беглеца от римского правосудия этот шаг был слишком рискованным.

Возможно, стоит обратиться к характеристике Деметрия: это был человек смелый и отважный, но действовавший необдуманно и наугад (Polyb. III. 19. 9). Пожалуй, по организации поход на Мессену выглядит как раз таким необдуманным мероприятием Деметрия. Полибий, как противник политики Филиппа, явно необъективен в данном вопросе. Скорее всего, если бы этот поход был подготовлен самим македонским царем, то он был бы продуман более основательно. Может быть, нападение на мессенскую крепость все же было самостоятельной акцией Деметрия?

Тогда какую задачу поставил царь перед Деметрием, отправляя его с отрядом в Пелопоннес? Стоит вспомнить, что еще после Клеоменовой войны в Пелопоннесе был оставлен Таврион в должности «попечителя» или «царского уполномоченного». Количество войск, находившихся в распоряжении Тавриона неизвестно, но вероятнее всего, оно не могло быть больше 1 000 человек, так как Тавриону негде было бы расквартировать слишком большое войско. К тому же значительное присутствие македонских воинов вызывало бы постоянное раздражение местных властей. Как полагал Г. Бенгтсон[10], штабквартира этого офицера находилась в Коринфе. Но, возможно, следует внимательнее отнестись к словам Полибия (IV. 6. 6), что в Орхомене, в Аркадии, располагался македонский гарнизон и собранные там военные силы. Этот пассаж следует понимать в том смысле, что именно в Орхомене была ставка Тавриона, и там базировалось его войско, которое не могло быть многочисленным.

Но если Таврион много лет контролировал полуостров, то отправка Деметрия могла вызвать недовольство союзников. Они могли расценить его прибытие как недружественный жест царя, который усиливал македонское присутствие в Греции. Таврион же мог заподозрить, что царь не доверяет ему после стольких лет верной службы. Кроме того, сомнительно, чтобы Деметрий, обладавший таким большим влиянием на царя, как описывает Полибий (V. 12. 5-7; VII. 11. 2-3; 13. 4-5), согласился бы занять второстепенное место в Пелопоннесе, подчиняясь Тавриону.

[10] Bengtson H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit Bd. 2. München, 1944. S. 357-360.

Павсаний, хотя и путает некоторые детали, сообщает, что Деметрий высадился в Арголиде. Но оттуда, добравшись до Тегеи, была прямая дорога не только на Мессению, но и на Спарту (Polyb. V. 20. 1-3), а также на Орхомен. Вероятнее всего, Филипп отправил Деметрия вовсе не в Мессену. Возможно, царь намеревался заменить Тавриона на посту уполномоченного по делам Пелопоннеса Деметрием. Такое решение объясняется несколькими причинами. Во-первых, Таврион был не молод, он был сподвижником еще Антигона Досона (Polyb. IV. 6. 4; 87. 8), занимал пост уже восемь лет. Во-вторых, неизвестно, разделял ли Таврион новые планы царя, зародившиеся отчасти под влиянием Деметрия. Интересно и то, что после 214-213 гг. до н.э. сведений о пребывании Тавриона в Греции в источниках нет. Вероятно, он все же был отозван в Македонию.

Смена представителя Македонии могла быть вызвана какими-то событиями в Спарте. Возможно, именно в это время умер спартанский царь Ликург. Его сын был слишком мал. Назначение регентом Маханида могло вызвать опасения македонского царя, что новый правитель Спарты совершит враждебные акции против участников Эллинской лиги. Политика Маханида действительно оказалась антимакедонской[11].

Однако операция с самого начала пошла неудачно. Деметрий, прибыв в Арголиду, обнаружил, что спартанцы сохраняют спокойствие и никаких мер против них предпринимать не стоит. Можно лишь предположить, что авантюрная натура Деметрия не могла этим удовлетвориться. Стоит вспомнить, что мессенские земли всегда были притягательны для пиратов (Polyb. IV. 3. 8 – IV. 5). Едва ли Деметрий заботился о македонских интересах в этом регионе. Все его устремления были вызваны желанием восстановить свою власть на утраченных им иллирийских территориях. Он удачно склонил Филиппа на свою сторону и вызвал македонское проникновение в Иллирию (Polyb. V. 108. 6-9). Однако, находясь при царе довольно значительное время, он, видимо, имел возможность убедиться, что греческие дела царь ставит выше иллирийских, и не готов к решающим сражениям с римлянами (Polyb. V. 110).

В связи с этим иное значение приобретал для него захват Ифомы. Возможно, разочарование в македонской помощи подтолкнуло его к желанию завладеть одной из самых неприступных крепостей Греции. Трудно даже представить, насколько далеко простирались его честолюбивые замыслы.

Таким образом, предпринятый Деметрием поход на мессенскую крепость, вероятно, был его самостоятельной акцией, которая оказалась неудачной для предводителя. Однако возмущенные жители приписали эту акцию македонскому царю. Стремясь избежать дальнейших притеснений, они предпочли выйти из состава Эллинской лиги. Предпринятые царем меры уже не могли изменить антимакедонскую политику Мессении.

MACEDONIAN MILITARY ADVENTURE IN MESSENIA: CUI PRODEST?

N. Yu. SIVKINA

N. Novgorod State University

e-mail: natalia-sivkina@yandex.ru

This article analyzes the Demetrius`s attack on Messenia. Ancient historians blamed the Macedonian King to prepare a coup d ' état and the mass political killings in the city, and later in the campaign of Demetrius of Pharus. The author believes that the Macedonian King Philip V had nothing to this adventure. The results of this study the author studied in detail one of the most strikingepisodes of the final stage of the existence of Hellenistic Greece and Macedoniain the context of international relations this time in Greece and the Balkans in general. The research is based on a thorough analysis of the written sources.

Key words: Hellenistic Macedonia, Messenia, Philip V, Demetrius of Pharus.

[11] Tomlinson R. Argos and the Argolid: from the end of the Bronge Age to the Roman occupation. Ithaca–N.Y., 1972. P. 164.

УДК 94(37)

СУДЕБНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ MAGISTRATUS DESIGNATI: К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ИЗБРАННЫХ МАГИСТРАТОВ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ*

Р.М. ФРОЛОВ

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

e-mail: FrolovRM@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос о наличии у избранных древнеримских магистратов, еще не вступивших в должность (magistratus designati), защиты от судебного преследования. Аргументируется, что десигнаты, в отличие от действующих магистратов, не пользовались судебным иммунитетом. Следовательно, в этом отношении designati оставались на положении privati. Отмечается, что данный вывод может оказаться важным для исследования статуса designatus с точки зрения того, какими полномочиями магистратов могли обладать его носители. Данная проблема имеет важное значение для изучения правовых аспектов истории Римской Республики.

Ключевые слова: античный Рим, защита от судебного преследования, magistratus, magistratus designati, privati.

«Ne designati rostrum praetoris pedesque spectes».
Lucil. Sat. V. 233-234.

В республиканском Риме магистраты обладали определенной защитой от судебного преследования[1], хотя остается предметом дискуссии вопрос о том, насколько всеобъемлющей была такая защита, и на каких должностных лиц она распространялась на том или ином этапе истории Республики[2]. Поскольку иммунитет могли получить именно вследствие занятия магистратуры, логично задаться вопросом о том, обладали ли им также magistratus designati – те, кто уже был избран, но еще не вступил в должность.

Вопрос этот в историографии не был обойден вниманием, однако есть, по меньшей мере, два обстоятельства, которые побуждают вновь обратиться к нему.

Во-первых, на наш взгляд, недооцененным остается значение исследования судебного иммунитета десигнатов для уточнения их правого статуса в целом. Ведь если, например, выясняется, что designati обладали иммунитетом подобно магистратам, то это может трактоваться как аргумент в пользу того, что избранных должностных лиц формально нельзя назвать в полном смысле privati, и что они по своему правовому положению приближались к магистратам.

Во-вторых, аргументацию исследователей, специально занимавшихся этой проблемой, необходимо скорректировать с учетом следующих моментов. Поскольку не все действующие магистраты обладали иммунитетом, для вывода о том, что десигнаты не имели такой защиты, какой были наделены магистраты, могут быть приняты во внимание только аргументы, касающиеся лиц, избранных на должности, определенно предоставлявшие иммунитет (например, на консульскую). С другой стороны, вывод о возможности судебного преследования таких десигнатов хотя бы в рамках одного из процессов, по которым они после вступления в должность преследоваться не могли, уже вполне достаточен для заключения о том, что десигнаты находились в этом отношении на положении частных лиц, а не на положении магистратов.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (грант Президента РФ № МК-2810.2015.6); РГНФ (проект № 15-31-01205) и Министерства образования и науки РФ (проект № 91 в рамках базовой части государственного задания на НИР ЯрГУ).

[1] Далее для краткости мы часто называем ее «иммунитет» или «судебный иммунитет».

[2] См. об этом, в частности: Ryan F.X. The Lex Scantinia and the Prosecution of Censors and Aediles // Classical Philology. 1994. № 89. P. 159–162; Kunkel W. Staatsordnung und Staatspraxis der römischen Republik. Zweiter Abschnitt: Die Magistratur. München, 1995. S. 259–265; Licandro O. *In magistratu damnari*. Ricerche sulla responsabilita' dei magistrati romani durante l'esercizio delle funzioni. Torino, 1999.

Вопрос о судебном иммунитете десигнатов, прежде всего, нашел отражение в дискуссии между Эрнестом Уэйнрибом и Дэвидом Роем Шэклтоном Бэйли, развернувшейся на страницах журнала «Phoenix» в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в.

Шэклтон Бэйли рассматривал пассаж из третьей книги «Дигест» (Dig. III. 3. 54): «Павел в 50-й книге “Комментариев к эдикту”. Ни женщина, ни воин, ни тот, кому предстоит отсутствовать по делам государства, ни тот, кто страдает от хронической болезни, ни тот, кому предстоит занять должность магистрата, ни тот, кто не может быть принужден участвовать в процессе, не считается пригодным защитником»[3].

На основании этого текста Шэклтон Бэйли сделал вывод о том, что «тот, кому предстоит занять должность магистрата» (qui magistratum initurus est), «обладал иммунитетом». По мнению исследователя, поскольку известно, что десигнаты все же могли быть обвинены в нарушениях при соискании магистратуры (de ambitu), то такое обвинение представляло собой «исключение из правила»[4]. Отметим, что, строго говоря, уже очевидно существенное различие между десигнатами и магистратами, поскольку первые могли быть обвинены de ambitu, было это исключением или нет. Но, может быть, десигнаты обладали иммунитетом хотя бы в части тех случаев, в которых частные лица им обычно не обладали? Есть основания для отрицательного ответа на этот вопрос.

Еще Йохан Мадвиг писал, что «ничто не препятствовало судебному преследованию десигнатов», тогда как магистраты обладали «определенной личной неприкосновенностью»[5]. Тем не менее, именно Уэйнриб (хотя на Мадвига он не ссылается) в полемике с Шэклтоном Бэйли впервые попытался подробно обосновать эту позицию. Исследователь в статье, посвященной вопросу о возможности судебного преследования магистратов, отмечал, что Павел в приведенном выше пассаже не говорит о том, что десигнат обладал иммунитетом, но только перечисляет тех, кто не могли выступать в качестве чьих-либо представителей (defensores) в гражданском процессе. Из слов Павла можно сделать вывод прямо противоположный тому, к которому пришел Шэклтон Бэйли: десигнаты как раз могли быть вызваны в суд, потому что Павел отделяет того, кто «magistratum initurus est», от того, кто «inuitus iudicium pati non potest»[6].

Уэйнриб приводит также свидетельство Диона Кассия о предоставлении судебного иммунитета всем «будущим магистратам» (future magistrates) Тиберием в 31 г. н.э. (Dio Cass. LVIII. 8. 3)[7]. Исследователь и сам отмечает целый ряд трудностей в интерпретации этого эпизода[8]. Но, прежде всего, нужно обратить внимание на то, что здесь не идет речь о magistratus designati в строгом смысле: защита предоставлялась тем «кому предстояло управлять провинциями или выполнять какое-либо иное общественное поручение», а не «будущим магистратам».

Шэклтон Бэйли в ответе Уэйнрибу сделал попытку опровергнуть его доводы[9]. Ученый отметил, что перечисленные Павлом лица не могли быть defensores не «в силу тех или иных обстоятельств», как пишет Уэйнриб, но по единственной причине – они не могли быть ответчиками (rei). Иными словами, термин defensor употреблен Павлом вместо reus, что Шэклтон Бэйли демонстрирует ссылкой на фразу Ульпина из того же титула Дигест, что и отрывок из сочинения Павла (Dig. III. 3. 51. 1): «defendere est eandem vicem quam reus subire» («защищать значит следовать той же судьбе, что и ответчик»). Данный тезис нельзя принять, но к его обсуждению вернемся ниже.

---

[3] «Paulus libro quinquagensimo ad edictum. Neque femina neque miles neque qui rei publicae causa afuturus est aut morbo perpetuo tenetur aut magistratum initurus est aut inuitus iudicium pati non potest, idoneus defensor intellegitur».

[4] Shackleton Bailey D.R. Cicero's Letters to Atticus 2. Cambridge, 1965. P. 227, n. 51; цит. по: Weinrib E.J. The Prosecution of Roman Magistrates // Phoenix. 1968. № 22. P. 51.

[5] Madvig J.N. Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staates. Leipzig, 1881. S. 350. Ср.: Willems P. Le droit public romain. Ed. 5. Louvain, 1883. P. 253-254.

[6] Weinrib E.J. The Prosecution of Roman Magistrates… P. 51.

[7] «(Тиберий) предоставил и другим, кому предстояло управлять провинциями или выполнить какое-либо иное общественное поручение, неприкосновенность в этот период от данного обвинения» («<…> καὶ τοῖς ἄλλοις τοῖς ἡγεμονεύσειν τινῶν ἢ καὶ ἄλλο τι δημόσιον πράξειν μέλλουσιν ἄδειαν ἐν τῷ καιρῷ τούτῳ τῶν τοιούτων δικῶν ἔδωκε»).

[8] Weinrib E.J. The Prosecution of Roman Magistrates… P. 52-53.

[9] Shackleton Bailey D.R. The Prosecution of Roman Magistrates-Elect // Phoenix. 1970. № 24. P. 162-165.

Критикует Шэклтон Бэйли и мысль Уэйнриба о том, что десигнаты могли быть призваны в суд именно потому, что Павел отделяет того, кто «magistratum initurus est», от того, кто «inuitus iudicium pati non potest». Если бы эти две категории действительно противопоставлялись, то пришлось бы признать, что и другие перечисленные группы лиц (например, женщины и воины) могли быть вызваны в суд, но это неверно, следовательно, категория «qui inuitus iudicium pati non potest» введена просто для того, чтобы учесть всех тех, кто не попал в ранее указанные группы.

В заключение Шэклтон Бэйли приводит список известных случаев судебного преследования десигнатов; все они, как он считает, – примеры обвинений de ambitu. Исследователь признает, что простого отсутствия сведений об обвинении designati в других преступлениях недостаточно. Поэтому ученый ссылается на Плутарха (Plut. Cat. Min. 42), который повествует о предложении принять в сенате в 55 г. до н.э. постановление о вступлении следующих преторов в должность немедленно после избрания[10]. Некоторыми сенаторами было предложено принять решение о том, чтобы избранные преторы все же оставались частными лицами в течение 60 дней, т.е. могли бы в течение этого срока ответить перед судом в случае, если кто-то обвинит их de ambitu (Cic. Att. Q. fr. II. 7. (9)). Не вполне ясно, как именно эти свидетельства должны, по мысли исследователя, поддерживать его тезис о допустимости преследования десигнатов только по обвинениям de ambitu. Из них, кажется, следует только то, что и так не являлось предметом дискуссии: возможность обвинения избранных магистратов в незаконном соискании должностей и невозможность обвинить в этом же самом уже действующих магистратов. Вывод же Шэклтона Бэйли в его ответе на критику Уэйнриба остался прежним: по закону или по законам о quaestio de ambitu десигнаты могли преследоваться по данному обвинению, а по законам о других quaestiones – не могли.

Такой взгляд и ранее принимался рядом исследователей и оказывал существенное влияние на анализ ими более общих проблем, особенно событий политической борьбы в республиканском Риме[11]. Сходной позиции придерживался Ричард Бауман. Рассматривая эпизод, когда был осужден Гортензий, избранный консулом на 108 г. до н.э., Бауман отмечает, что «консул-десигнат, возможно, имел ту же защиту от судебного преследования, что и консул или другой магистрат». Аргументируется это следующим: прежде всего, как считает Бауман, «ясно, что консул-десигнат был чем-то большим, чем просто privatus» (он уже давал клятву, его имя включалось в фасты, он мог издавать эдикты и т.д.)[12]. Отметим, что даже если бы можно было признать наличие у десигната всех перечисленных прерогатив, отсюда еще нельзя было бы заключить (как это делает Бауман), что он должен был и в отношении наличия судебного иммунитета быть «чем-то большим, чем просто privatus», т.е. обладать иммунитетом. Исследователь, похоже, имел в виду здесь иммунитет десигнатов от всех видов обвинений, включая de ambitu[13], что, конечно, невозможно принять. Но, может быть, следует признать наличие у них защиты в отдельных случаях? Бауман указывает на lex Memmia (до 113 г. до н.э.), который, по его мнению, защищал и тех, кто был уже магистратом, и тех, кто вскоре должен был занять магистратуру[14]. Здесь Бауман ссылается на Теодора Моммзена[15].

Моммзен отмечает, что защитой от судебного преследования пользовались, в частности, те, кто находился на военной службе, или те, кто покидал Италию по государ-

[10] Ibid.

[11] Например, еще Эдвард Сэмон в статье 1939 г. писал о попытках Цезаря избежать ситуации, при которой он становился бы на время privatus и был бы подвержен атакам оптиматов. Как только он стал бы consul designatus, то оказался бы в безопасности, поскольку, – пишет Сэмон, – избранный консул обладал иммунитетом и мог быть осужден только за электоральные злоупотребления (Salmon E.T. Caesar and the Consulship for 49 B.C. // The Classical Journal. 1939. № 34. P. 389). О том, что для Цезаря важно было дождаться именно вступления в консульство, а не просто избрания, см., напр.: Gagliardi L. Cesare, Pompeo e la lotta per le magistrature. Anni 52-50 a.C. Milano, 2011. P. 20-21.

[12] Bauman R.A. The abdication of “Collatinus” // Acta Classica. 1966. № 9. P. 130.

[13] Бауман отмечает, что Гортензий мог быть осужден именно de ambitu. Его обвинению должен был предшествовать отказ от империя (магистратуры) и в том случае, если он был осужден после вступления в должность, и в том случае, если он был осужден, еще будучи десигнатом, потому что, подобно магистрату, десигнат не мог быть обвинен, пока не произошла абдикация империя (Bauman R.A. Op. cit. P. 130).

[14] Bauman R.A. Op. cit. P. 130.

[15] Mommsen Th. Römisches Strafrecht. Leipzig, 1899. S. 353, Anm. 2.

ственным делам. Ученый цитирует свидетельство Валерия Максима (III. 7. 9: «законом Меммия <…>, который запрещал принимать жалобы на тех, кто отсутствуют по государственному делу»)[16] и Светония (Caes. 23: «добился, чтобы не был ответчиком, пока отсутствует по государственному делу»)[17]. Заметим, здесь не идет речь о десигнатах: в первом случае на защиту по закону Меммия претендовал действующий квестор (уже отправившийся в провинцию); во втором – говорится об успешном обращении Цезаря, готовившегося выполнять обязанности проконсула в Галлии, к плебейским трибунам с тем, чтобы они защитили его от вызова суд, пока он отсутствует по делам государства. То же самое замечание можно отнести и к двум приведенным Моммзеном пассажам из 48-й книги «Дигест»[18]. Примечательно здесь то, что сам Моммзен не приводит эти свидетельства там, где специально пишет о десигнатах (в работе «Römisches Staatsrecht»). Он вновь ничего не говорит о десигнатах и тогда, когда указывает на приведенное выше перечисление Павлом «непригодных» defensores (Dig. III. 3. 54pr.). Замечание Моммзена о том, что судебный иммунитет «распространялся также на тех, кто еще никуда не отправился, но уже имел обязательство отправиться» («erstreckt sich auch auf den noch Anwesenden, aber zum Abgehen Verpflichteten») относится, очевидно, не к категории «qui magistratum initurus est», а к другой группе лиц, названных Павлом в числе «непригодных» defensores, – «qui rei publicae causa afuturus est».

Возвращаясь к дискуссии Уэйнриба и Шэклтона Бэйли, нужно отметить, что первый, отвечая на критику последнего, привел, на наш взгляд, еще более убедительные аргументы в пользу своей концепции[19]. Прежде всего, Уэйнриб пишет, что в составленном Шэклтоном Бэйли перечне случаев преследования десигнатов по обвинению de ambitu тип обвинения в действительности не везде очевиден. Далее Уэйнриб концентрируется на критике рассуждений Шэклтона Бэйли, которые сводятся к тому, что если, согласно Ульпиану, «defendere est eandem vicem quam reus subire», то десигнаты не могли быть defensores именно потому, что не могли быть rei, а преследование de ambitu – единственное исключение из этого правила. Уэйнриб обращает внимание на то, что в составленном Павлом списке «непригодных» defensores среди прочих категорий упомянуты женщины и хронически больные. По логике Шэклтона Бэйли они также не могли быть rei, однако последний не приводит свидетельств о том, что хронически больные не могли быть ответчиками, а женщины, как известно, отвечали в iudicia imperio continentia. Кроме того, – добавляет Уэйнриб, – в Дигестах список непригодных defensores у Павла и список тех, кто не мог быть rei (Dig. II. 4. 2; см. ниже), у Ульпиана настолько различны, что нельзя заключить, что в них перечислены люди с тем же самым объемом ответственности (identical liability). У Ульпиана хронически больные, например, не упомянуты вообще, а из женщин отмечены только невесты, откуда следует, что все остальные могли быть вызваны в суд. Но тогда неверен тезис Шэклтона Бэйли о том, что в списке Павла в число тех, кто не мог быть defensores, включены те, кто не мог быть rei[20].

Уэйнриб обращает внимание также на контекст пассажа Павла о defensores. Павел приводит свой список там, где он обсуждает causae liberales, а defensores в рамках процесса по этим делам могли выступать не только от лица ответчика, но и от имени истца. Это делает данный пассаж иррелевантным обсуждаемой проблеме. Даже если бы перечис-

---

[16] «legis Memmiae <…>, quae eorum, qui rei publicae causa abessent, recipi nomina uetabat».

[17] «obtinuit, cum rei publicae causa abesset, reus ne fieret».

[18] Dig. XLVIII. 2. 12pr.: «Венулей Сатурнин во 2-й книге “О публичных судах”. Следующих нельзя обвинять: легата императора, т.е. наместника провинции, <…>; также магистрата римского народа либо того, кто отсутствовал по государственным делам, если он отсутствовал не с целью уклонения от закона» («Venuleius Saturninus libro secundo de iudiciis publicis. Hos accusare non licet: legatum imperatoris, id est praesidem prouinciae, <…>; item magistratum populi Romani eumue, qui rei publicae causa afuerit, dum non <d>etractandae legis causa abest»). Dig. XLVIII. 5. 16. 1: «Седьмой главой закона Юлия о прелюбодеяниях определено так: “Пусть никто не включает в список ответчиков того, кто будет на тот момент отсутствовать по государственным делам без уклонения (от закона)”» («Legis Iuliae de adulteriis capite septimo ita cauetur: ‘ne quis inter reos referat eum, qui tum sine <d>etrectatione rei publicae causa aberit’ <…>»). Ср.: Cod. Iust. IX. 9. 15.

[19] Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate // Phoenix. 1971. № 25. P. 145-150.

[20] См. тж.: Dig. III. 3. 51 pr. Кроме того, Уэйнриб отмечает, что в высказывании «defendere est eandem vicem quam reus subire» статус defensor вообще не определяется. Джеффри Татум (Tatum W.J. The Patrician Tribune: Publius Clodius Pulcher. Chapel Hill, London, 1999. P. 275, n. 97) добавляет: если принять вывод Шэклтона Бэйли, то магистраты с империем a fortiori тоже должны были быть перечислены в перечне «непригодных» defensores у Павла, поскольку они не могли быть ответчиками (однако их в списке нет).

ленные Павлом категории лиц, не признававшихся idonei defensores, не могли бы также выступать и в качестве rei, отсюда не следовало бы то, что они не могли быть rei по любым другим, кроме causae liberales, делам в рамках гражданского процесса.

Следует согласиться с Уэйнрибом в том, что наличие у десигнатов иммунитета от преследования в рамках гражданского процесса по всем обвинениям должно было быть зафиксировано в упомянутом выше списке Ульпиана, перечисляющего тех, кто не могли быть объектами in ius vocatio (Dig. II. 4. 2)[21]. Здесь перед нами текст, составленный с целью перечислить именно тех, кто не мог быть вызван в суд, но среди таковых десигнатов нет. Включены только действующие магистраты. Причина их помещения в данный список, по мнению Уэйнриба, состояла в наличии у них империя и coercitio, которых не было у десигнатов[22]. Здесь уместно, на наш взгляд, добавить, что даже если десигнаты обладали империем или другими магистратскими прерогативами «в скрытом (неактивном) виде», это означало бы по-прежнему, что фактически они этих прав еще не имели, так как не могли ими воспользоваться на практике. Поэтому совершенно логично то, что десигнатов нет в перечне Ульпиана. Детализированность списка Ульпиана и его целевая направленность позволяют заключить, что десигнаты могли быть вызваны в суд.

Дигесты содержат еще один пассаж, где в самом общем виде говорится о возможности вызова в суд магистратов (Dig. XLVII. 10. 32)[23]. Как верно подметил Уэйнриб, показателен уже сам факт того, что требующим пояснения автор пассажа (снова Ульпиан) посчитал возможность привлечения к ответственности действующих магистратов, а не десигнатов. Более того, различие есть даже между самими магистратами: вызову в суд высших магистратов препятствует наличие империя (его можно применить в свою защиту). Десигнаты же не могли воспользоваться империем.

В комментарии нуждается еще один важный тезис Уэйнриба: если некоторые магистраты (такие как квесторы и эдилы) могли быть вызваны в суд в период исполнения магистратуры (см., напр.: Gell. N.A. XIII. 13; Dig. XVIII. 6. 4), то a fortiori не было общего для всех десигнатов иммунитета от вызова в суд[24]. Само по себе это умозаключение нам кажется верным: действительно, в любом случае нельзя говорить о существовании судебного иммунитета у всех десигнатов. Логично, что если действующие квесторы могли быть вызваны в суд, то и квесторы-десигнаты тоже. Однако это еще не означает, что не обладали защитой, например, консулы-десигнаты. Следовательно, вывод об отсутствии у последних такой защиты должен подкрепляться иными аргументами, например, конкретными эпизодами привлечения к суду консулов-десигнатов (о чем речь пойдет ниже). Тем не менее, общий вывод Уэйнриба можно принять.

---

[21] «Ульпиан в 5-й книге “Комментариев к эдикту”. Не следует вызывать в суд ни консула, ни префекта, ни претора, ни проконсула, ни других магистратов, которые обладают империем, могут на кого-либо налагать наказание и приказывать заключить в тюрьму; ни понтифика, пока он совершает жертвоприношение; ни тех, кто из-за святости места не могут его покинуть, а также того, кто по государственному делу проезжает мимо на общественном коне. Кроме того, не следует вызывать в суд ни того, кто женится, ни ту, которая выходит замуж, ни судью, пока он расследует дело, ни того, кто излагает дело перед претором, ни того, кто организовывает похороны близких или совершает над умершим положенные обряды» («In ius vocari non oportet neque consulem neque praefectum neque praetorem neque proconsulem neque ceteros magistratus, qui imperium habent, qui et coercere aliquem possunt et iubere in carcerem duci: nec pontificem dum sacra facit: nec eos qui propter loci religionem inde se movere non possunt: sed nec eum qui equo publico in causa publica transvehatur. Praeterea in ius vocari non debet qui uxorem ducat aut eam quae nubat: nec iudicem dum de re cognoscat: nec eum dum quis apud praetorem causam agit: neque funus ducentem familiare iustave mortuo facientem»).

[22] Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate… P. 145-147.

[23] «Также магистратам не разрешено совершать что-либо противозаконное. Итак, если магистрат что-либо сделал через правонарушение, как в качестве будто бы частного лица, так и с использованием положения должностного лица, он может быть обвинен в правонарушении. Но может ли это быть сделано только после того, как он оставит магистратуру, или тогда, когда он еще ее исполняет? Более верно то, что, если он является магистратом, который не может быть законно вызван в суд, следует ждать до тех пор, пока он не откажется от должности. Если же он из числа младших магистратов, т.е. тех, которые не имеют империя или (высшей) власти, то он может быть вызван в суд непосредственно в период исполнения магистратуры» («Nec magistratibus licet aliquid iniuriose facere. Si quid igitur per iniuriam fecerit magistratus vel quasi privatus vel fiducia magistratus, iniuriarum potest conveniri. Sed utrum posito magistratu an vero et quamdiu est in magistratu? Sed verius est, si is magistratus est qui sine fraude in ius vocari non potest, exspectandum esse quoad magistratu abeat. Quod et si ex minoribus magistratibus erit id est qui sine imperio aut potestate sunt magistratus et in ipso magistratu posse eos conveniri»).

[24] Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate… P. 148. Таким же путем исследователь рассуждает о возможности обвинения действующих квесторов в одном из постоянных уголовных судов: quaestio de sicariis (Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate… P. 149-150; см.: Dio Cass. LVI. 24. 7). К этому мы можем добавить показания источников об обвинении Публия Клодия, бывшего квестором-десигнатом, de incestu: Asc. 52-53C; Cic. Att. I. 13. 3; Schol. Bob. 26 Hildebrandt (см. об этом: Tatum W.J. Op. cit. P. 74-75, 275, n. 97).

Убедительно показав возможность обвинения десигнатов в рамках гражданского процесса, Уэйнриб переходит к вопросу о quaestiones. Действительно, если, например, из общей формулировки Дигест следует, что десигнаты не числились в ряду тех, кто не мог быть объектом in ius vocatio, это еще не говорит о том, что они могли быть осуждены в рамках уголовного процесса. Что касается последнего, не вызывает сомнений то, что десигнаты преследовались по делам de ambitu. Уэйнриб, однако, делает попытку доказать, что это не единственное обвинение, по которому избранные магистраты могли быть привлечены к суду.

Исследователь ссылается, прежде всего, на lex Acilia repetundarum (8-9): «О тех, в отношении кого суд не будет проводиться, пока они будут исполнять магистратуру или обладать империем. Диктатор, консул, претор, начальник конницы, <…> Этим законом не устанавливается, что суд не может проводиться в отношении того из них, кто откажется от магистратуры или империя»[25]. Уэйнриб обращает внимание на то, что в тексте закона к «habebunt» не добавляется «habituri sunt» (т.е. вновь нет никаких указаний о запрете преследования десигнатов). Однако до конца нельзя быть уверенным в этом из-за того, что не сохранилась концовка той строки, где находится слово «habebunt», и начало следующей[26].

Более перспективным в плане доказательства возможности привлечения десигнатов к суду не только по обвинению de ambitu кажется текст Аскония (тоже упомянутый Уэйнрибом), из которого прямо следует, что защита от обвинения de repetundarum приобреталась тогда, когда магистрат вступал в должность, а не с того момента, как его избирали (Asc. 19C): «Поэтому они боялись, как бы Скавр за те деньги, которые он отнял у союзников, не приобрел консульство (как ранее поступил его отец) и не вступил в должность до того, как по поводу него мог бы быть вынесен приговор»[27]. Здесь идет речь именно о консульстве, а, например, не о квестуре. На наш взгляд, этот момент крайне важно подчеркнуть, так как пассаж позволяет сделать вывод о том, что избранный в консулы не обладал судебным иммунитетом, даже несмотря на то, что действовавший консул им, безусловно, пользовался.

Сам Уэйнриб посчитал вполне достаточным недвусмысленное указание Аскония на вступление в должность как на момент, после которого возникала защита от судебного преследования[28]. Однако в позднейшей литературе можно встретить иной подход. Автор изданного в середине 80-х гг. XX в. подробного комментария к сочинениям Аскония Брюс Маршалл, которому дискуссия Шэклтона Бэйли и Уэйнриба знакома, констатирует, что если бы выборы для Скавра оказались успешными, он, став консулом-десигнатом, получил бы иммунитет от судебного преследования (кроме обвинения в противозаконном ведении предвыборной кампании)[29]. Маршалл, таким образом, следует здесь концепции Шэклтона Бэйли, хотя не объясняет, почему предпочел данное мнение. Таким образом, либо он по какой-то причине проигнорировал аргументацию Уэйнриба, либо, что вероятнее, посчитал ее не убедительной. Так или иначе, это заставляет нас внимательнее проанализировать свидетельство Аскония.

Для аргументации своей позиции Маршалл делает ссылку на Цицерона. Тот в одном из писем к Аттику пишет (Cic. Att. IV. 15. 9): «Наконец, готовлюсь выступать за Друза, а потом за Скавра. Будут у речей славные названия. Возможно, консулы-десигнаты тоже обратятся. Если в их числе не будет Скавра, то на этом суде у него возникнут серьезные проблемы»[30]. По нашему мнению, вряд ли на основании этого пассажа можно предположить, что попадание в число десигнатов избавило бы Скавра от обвинения. Скорее избрание в консулы сделало бы защиту проще, но не спасло бы от суда[31].

---

[25] «De heisce, dum mag(istratum) aut inperium habebunt, ioudicium non fiet. Dic(tator), co(n)s(ul), pr(aetor), mag(ister) eq(uitum), <…> [Quei eorum e]x eo mag(istratu) inperioue abierit, quo min[us de eo ioudicium fiat, e(ius) h(ace) l(ege) n(ihilum) r(ogatur)».

[26] Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate… P. 149.

[27] «<…> timere ergo se ne Scaurus ea pecunia quam a sociis abstulisset emeret consulatum et, sicut pater eius fecisset, ante quam de eo iudicari posset, magistratum iniret <…>». О техническом выражении magistratum inire, обозначавшем именно вступление в должность, см.: Hartmann O.R. Der römische Kalender. Leipzig, 1882. S. 250-251; Herzog E. Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung. Bd. I. Leipzig, 1884. S. 673-675.

[28] Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate… P. 149.

[29] Marshall B.A. A historical Commentary on Asconius. Columbia, 1985. P. 124.

[30] «Deinde me expedio ad Drusum, inde ad Scaurum. Parantur orationibus indices gloriosi. Fortasse accedent etiam consules designati. In quibus si Scaurus non fuerit, in hoc iudicio valde laborabit».

[31] Ср.: Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate… P. 149, n. 8. Вывод о том, что для получения иммунитета необходимо было вступление в должность консула, а не просто избрание, т.е. статус консула-десигната, можно обнаружить также, например, в книге Вольфганга Кункеля (Kunkel W. Op. cit. S. 256, A. 17a),

В пользу такой интерпретации может свидетельствовать, на наш взгляд, еще одно обстоятельство. Асконий сообщает, что обвинители во главе с П. Валерием Триарием так и не отправились на Сардинию и Корсику для сбора свидетельств против ответчика, объяснив это тем, что не хотели терять 30 дней ввиду приближавшихся консульских выборов (Asc. 18–19C). Скавр для участия в них вернулся в Рим 29 июня (Asc. 18C). Консульские выборы, которые должны были пройти примерно в течение следующей недели-двух, постоянно откладывались и состоялись только в следующем, 53 г. до н.э.[32]. Тем не менее, на момент, когда обвинители отказались от того, чтобы ехать за сбором доказательств, т.е. на сессии суда 6 июля, никто не предполагал, что выборы будут перенесены почти на целый год. Таким образом, если бы обвинители опасались не вступления Скавра в должность консула, а уже самого его избрания в консулы, то наличие или отсутствие задержки в 30 дней никак не повлияло бы на ситуацию: обвинители с большой долей вероятности в любом случае не успевали до выборов довести суд до конца. Тем более, что могущественные и многочисленные союзники Скавра (в его защиту, помимо Цицерона, выступало еще пятеро известнейших ораторов, что необычно много, см.: Asc. 20C), конечно, смогли бы успешно вести даже уже начавшийся процесс так, чтобы он не был завершен до выборов. И действительно, фактически суд над Скавром завершился только в сентябре (Cic. Att. IV. 17. 4). Но если задержка в 30 дней, несмотря на то, что и с ней, и даже без нее суд вряд ли бы завершился до выборов (будь они проведены в обычные сроки – летом), все-таки имела такое принципиальное значение для обвинителей, о каком пишет Асконий, то это дополнительный аргумент в пользу того, что именно вступление в должность, а не избрание в консулы, давало бы Скавру иммунитет от обвинения de repetundarum. Если до вступления в должность оставалось бы после избрания порядка пяти месяцев, то тогда наличие дополнительной 30-дневной задержки вполне могло оказаться принципиальным, учитывая, что в распоряжении влиятельных заступников обвиняемого и без того были многочисленные возможности затянуть суд (о них можно получить представление хотя бы на примере известного дела Верреса).

Но чем же, в таком случае, объяснить указание Аскония на то, что обвинители торопились именно в связи с приближавшимися выборами? Как представляется, они могли стремиться не столько к тому, чтобы Скавр был признан виновным, сколько к тому, чтобы просто инициировать против него судебный процесс. Зачем? Сами обвинители объясняли отказ от 30-дневного расследования нежеланием допускать растрату Скавром вывезенных им из провинции средств на «покупку» консульства (Asc. 19C). По мнению Джеффри Льюиса, действительная цель обвинителей состояла в том, чтобы, начав этот процесс, не допустить успеха Скавра на выборах или снизить его шансы[33]. Действительно, Цицерон прямо говорит именно об этом: «Но вся эта стремительность и поспешность, то, что ты отказался от расследования, положил конец всему предыдущему процессу, сделало очевидным и ясным (это, однако, и не было секретом) то, что этот суд был устроен не ради правосудия, а из-за консульских комиций»[34]. Таким образом, не избрание угрожало суду, а суд – избранию. Между прочим, хотя Скавр был оправдан (Asc. 28C), он не стал консулом. Может быть, обвинители все-таки достигли своей настоящей цели[35]? Отказавшись от 30-дневного расследования, они успели начать процесс до выборов, что не только могло, но и, вероятно, действительно повлияло на их результаты: Скавр, хотя его шансы первоначально оценивались как весьма высокие, не стал консулом[36]. Так или иначе,

в монографии Эриха Груена (Gruen E.S. The Last Generation of the Roman Republic. Berkeley, Los Angeles, London, 1974. P. 333, n. 108) и в недавней статье Франсиско Пина Поло (Pina Polo F. The Political Role of the *Consules Designati* at Rome // Historia. 2013. № 62. P. 445-446). Однако все три исследователя не останавливаются подробно на аргументации этого тезиса.

[32] Squires S. Notes // Asconius. Commentaries on Five Speeches of Cicero / Ed. and transl. by S. Squires. Bristol, Wauconda, 2006. P. 148; Lewis R.G. Commentary // Asconius. Commentaries on Speeches by Cicero / Ed. and transl. by R.G. Lewis. Oxford, 2006. P. 218.

[33] Lewis R.G. Op. cit. P. 218.

[34] Scaur. 30: «Sed omnis ista celeritas ac festinatio, quod inquisitionem, quod priorem actionem totam sustulisti, illud patefecit et inlustravit quod occultum tamen non erat, non esse hoc iudicium iudici, sed comitiorum consularium causa comparatum». См. тж. Scaur. 31-37. Ср.: Gruen 1974, 333.

[35] Как, вероятно, добились ее и те, кто выступал в защиту Скавра, заинтересованные в его оправдании, а не в самом по себе избрании его консулом, см. об этом: Gruen E.S. Op. cit. P. 333-337.

[36] См. об этом Gruen E.S. Op. cit. P. 332.

аргументация в пользу такого прочтения эпизода со Скавром, безусловно, должна оцениваться с учетом существования других доводов в пользу отсутствия у десигнатов, включая консулов-десигнатов, иммунитета от преследования в уголовных судах (по меньше мере – в quaestio de ambitu)[37].

Ответа Шэклтона Бэйли на последний упомянутый материал Уэйнриба, насколько нам известно, уже не последовало. На наш взгляд, выводы Уэйнриба, хотя и нуждаются в корректировках, в целом убедительны. Они важны, однако, не только сами по себе. Если designati не пользовались судебным иммунитетом (как в гражданском, так и в уголовном процессах) в объеме большем, чем другие privati, то предположение о том, что в этом отношении десигнаты по своему положению приближались к магистратам, неверно. Следовательно, с данной точки зрения designati формально оставались в полном смысле privati. Гражданская и уголовная ответственность десигнатов была идентичной таковой у других частных лиц и, соответственно, принципиально отличалась от ответственности действующих магистратов. Сформулированный в таком виде, этот вывод может оказаться важным для исследования статуса designatus с точки зрения того, какими политическими полномочиями магистратов, возможно, обладали его носители. Так, например, уже в свете сказанного о возможности судебного преследования консулов-десигнатов крайне проблематичным выглядит довольно распространенный в историографии тезис о том, что они, подобно действующим магистратам, могли воспользоваться ius edicendi[38].

THE PROSECUTION OF MAGISTRATUS DESIGNATI: ON THE ISSUE OF THE LEGAL STATUS OF MAGISTRATES-ELECT IN THE ROMAN REPUBLIC

R.M. FROLOV

P.G. Demidov Yaroslavl State University

e-mail: FrolovRM@yandex.ru

This paper attempts to determine whether magistrates-elect (*magistratus designati*) in ancient Rome had immunity from prosecution. The author argues that *designate* did not enjoy immunity in cases when incumbent magistrates did so. Therefore, in that respect, magistrates-elect can be regarded as *privati*. This conclusion may prove to be of importance for understanding the position of *designate* in terms of investigating the magisterial powers they might have had. This issueis important to study the legal aspects of the history of the RomanRepublic.

Key words: ancient Rome, immunity from prosecution, *magistratus*, *magistratus designati*, *privati*.

[37] Уэйнриб (Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate… P. 149) предполагает, что designati могли быть вызваны и в quaestio de adulteriis. Так, в «Дигестах» уточняется процедура в случае обвинения магистрата de adulteriis, но совсем не упоминается десигнат, статус которого, следовательно, даже не требовал специальных процедурных оговорок в случае преследования по данному обвинению (Dig. XLVIII. 5. 39. 10).

[38] См., напр.: Pina Polo F. Op. cit. P. 441-444, 451.

УДК 94(37).07

ДРЕВНЯЯ ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ КЕРЧЕНСКИЙ ПРОЛИВ И ЕЕ ОБОРОНА[1]

А.Л. ЕРМОЛИН

Археологический институт Цинмана, Университет г. Хайфа, Израиль

doryerm@yandex.ru

В работе предлагается уточненный взгляд на проблему древней переправы через Боспор Киммерийский (Керченский пролив) в античные времена, а также высказывается обоснование мнения об организации обороны мест переправы со стороны Керченского полуострова (Крым). Рассматриваются все основные версии размещения переправы на местности с учетом топографических особенностей и военно-фортификационных возможностей. Материалы и выводы статьи основаны на личных полевых исследованиях автора в течение 2000-2009 гг. Делается обоснованный вывод о местах древней переправы с привлечением археологических свидетельств.

Ключевые слова: переправа, оборона, Боспор, Керченский пролив.

Особое место в обороне Европейского Боспора первых веков н.э. занимали транзитный кочевнический путь (шлях) и переправа. Учитывая этот путь и место переправы, и создавалась оборона, призванная прикрыть остальную территорию от отклонявшихся от «транзита» кочевников.

Первые упоминания о переправах через пролив, разделяющий Европу и Азию, дает Эсхил, называя пролив Боспором – Коровьим бродом. Геродот (Herod. IV. 12, 45) упоминает переправы дважды, называя их (в plural.) Киммерийскими и т.д. Нет сомнения, что эти переправы существовали в действительности.

Без малого 200 лет идет дискуссия о Киммерийских переправах и локализации города на переправе – Порфмия. Казалось бы, рассмотрены все варианты переправ летних и зимних, более 50-ти лет проводятся раскопки Порфмия. Но, тем не менее, все еще возникает масса вопросов, на которые пока нет ответов. При попытке локализовать эти археологические объекты, а переправа также является таковым, допускается масса предположений, которые, переходя из одной публикации в другую, становятся уже почти фактами, не требующими доказательств.

Одним из предположений, высказанных по поводу местоположения поселения у пос. Жуковка (Порфмий?), было то, что заболоченная низина, расположенная юго-восточнее, являлась в древности заливом, а само укрепленное поселение было портом. После тщательного изучения топографии данного района, аэрофотосъемки и космической съемки, а также в результате разведок, выяснилось, что в низину врезаются три оврага, через которые происходит сброс дождевых и талых вод с площади около 50-ти км². В верховьях оврага, расположенного к востоку от поселения, находится грязевая пучина. Таким образом, долина регулярно подвергалась и подвергается заиливанию. В результате образовался выступ, вдающийся в Керченский пролив. Кроме того, необходимо учесть изменение уровня моря. Вот что пишет Р.В. Трифонов по этому поводу: “Фанагорийская регрессия Черного моря документируется археологическими данными. Регрессия началась, вероятно, в начале I тыс. до н.э. и сменилась в середине I тыс. н.э. нимфейской трансгрессией. В эпоху регрессии уровень Черного моря упал на 5-6 м.”[2]. Того же мнения придерживается и М.В. Агбунов: “Палеогеографами твердо установлено, что в античное время, в период так называемой фанагорийской регрессии, уровень Черного моря был ниже современного как минимум на 5 м”[3]. Эта цифра (5 м) в той или иной мере принята археологами. В результате этого произошло затопление низменных участков, размыву берегов и образованию аккумулятивных форм – кос, перемычек-пересыпей. В Керченском проливе, соответственно, уровень был ниже, но, с учетом заиливания, береговая линия проходила на современной глубине с отметкой

[1] Часть текста использована в статье, написанной совместно в Н.Ф. Федосеевым: Ермолин А.Л., Федосеев Н.Ф. Переправа – Порт Мион – «традиционный Порфмий» // Боспорский Феномен. Население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 210-218. Здесь использована только авторская часть текста.

[2] Трифонов В.Г., Трифонов Р.В. Происхождение и экологические последствия фанагорийской регрессии Черного моря // Геология. Инженерная геология. Гидрогеология. № 6. Ноябрь-Декабрь 2006. С. 509-521.

[3] Агбунов М.В. Античная лоция Черного моря. М., 1987. С. 10.

3,5-4 м. Соответственно, береговая линия в районе современной переправы была восточнее на 400-500 м, но это не значит, что пролив был намного уже, скорее он был намного мельче, а коса Чушка была развёрнута по линии С-Ю. Об изменении таманского побережья пишут также Е.Ф. Шнюков[4] и др. авторы.

Реконструкцию расположения косы Чушка дает Н.Ф. Федосеев[5]. С подъемом воды и размывом современного мыса Фонарь образовалась пересыпь ниже по течению, которая нарастала по мере увеличения уровня пролива. За пересыпью сохранялся первоначальный уровень. Когда он упал ниже уровня пролива, там стали скапливаться сточные воды, и через пересыпь стала просачиваться вода из пролива. Подобная ситуация произошла с Акрой, локализованной на территории современного с. Заветное. Здесь озеро образовалось на месте оврага, и его уровень встал выше уровня укреплений Акры, да и ее сохранность можно объяснить тем, что она с подъемом воды стала регулярно замываться песком. В ином случае остатки стен и культурный слой были бы размыты штормами и разбиты во время ледохода.

Что касается района современной переправы, то на карте 1817 г. и картах начала XX в. на этом месте находится озеро. На сегодняшний день между поселением, локализованным как Порфмий, и застройками на берегу пролива находится заболоченная низина с отметкой около 0. В период существования этого поселения (до сер. I в. до н.э.) оно находилось на удалении от 1,1 до 1,3 км от побережья, и портом быть не могло, а, кроме того, никаких археологических данных, указывающих на причастность жителей этого поселения к мореплаванию.

Необходимо рассмотреть вопрос о том, что же подразумевается под словом переправа или переправы? Уже достаточно много написано о переправах водных, т.е. на каких либо судах или лодках; также существует легенда о коровьем броде. Эсхил называет переправу через пролив – «Коровий брод». Еврипид описывает, как со стороны Тавриды (Крыма) пролив переплывает Ио – возлюбленная Зевса, превращенная Герой в корову и гонимая оводом.

Если внимательно посмотреть на отметки глубин, то действительно, оставшаяся глубина после вычитания 3,5 – 4 м вполне подходит для брода. Здесь необходимо еще учитывать сезонные колебания глубины Азовского моря и, соответственно, пролива. Глубина его наибольшая в весеннее-летний сезон, и уменьшается к концу лета, с уменьшением сброса воды из Дона и Кубани. Еще надо учесть, что одно из главных русел Кубани (Гипаниса) в древности впадало в Черное море[6]. Кроме того, уровень пролива может меняться в зависимости от ветра. Это явление описано в современной лоции Азовского моря: «Приливные колебания уровня в описываемом районе незначительны: величина их не превышает нескольких сантиметров. Они полностью затушевываются сгонно-нагонными колебаниями».

Ниже приводится таблица колебаний уровня моря в Керченском проливе.

Таблица

Колебания уровня моря, см

Пункт	Средний уровень	Максимальный уровень (год наблюдений)	Минимальный уровень (год наблюдений)	Величина колебаний уровня
Керчь, порт	472	534 (1970)	329 (1969)	205

Как видно из таблицы, уровень от нормального может понижаться на 1,43 м.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что переправа вброд была возможна и вполне реальна, и этим могли пользоваться местные жители для перегона крупного рогатого скота и лошадей через пролив. Однако, переход большой массы кочевников, как с крупными животными, так и с мелким рогатым скотом, учитывая большое количество повозок с людьми и скарбом, маловероятен. Уместно вспомнить легенду о переправе гуннов по заиленному проливу[7], хотя к этому времени уровень моря поднялся, о чем можно судить по опустевшей Акре.

---

[4] Шнюков Е.Ф., Аленкин В.М., Путь А.Л., Науменко П.И., Иноземцев Ю.И., Скиба С.И. Керченский пролив. Киев, 1981.

[5] Федосеев Н.Ф. Еще раз о переправе через Боспор Киммерийский ...

[6] Болгов Н.Н. Проблемы континуитета в контексте развития античной цивилизации в Северном Причерноморье (конец III – VI вв.). Дисс. ...д.и.н. Н. Новгород, 2003. С. 74.

[7] Тортика А.А. К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе «гуннов» через Боспор Киммерийский // Боспорские чтения. 2002. Вып. III. С. 239-242. Для того, чтобы представить, как это могло выглядеть, следует вспомнить Перекопско-Чонгарскую операцию, когда войска Красной армии 8 ноября 1920

Говоря о водной переправе, надо учитывать цель переправы. Если это касается отдельных людей или небольших групп, то через пролив можно было переправиться из любого ближайшего прибрежного поселения и совсем не обязательно, например, было ехать для этого из района Китея в Порфмий (более 45 км). Если говорить о больших количествах людей и грузов, то для этого были необходимы уже не рыбацкие лодки, а как минимум торговые корабли. Нужны также причалы для погрузки и разгрузки, как на европейской стороне, так и на азиатской. Т.е., надо переправляться из оборудованного порта в порт, что можно было сделать как из Пантикапея, так и из любого другого порта с причалами. В этом случае продолжительность движения через пролив и расстояние не имеет большого значения, главное здесь – удобство погрузки и разгрузки, а также надежность плавсредства.

На данный момент наиболее вероятным портом погрузки и выгрузки на Европейской стороне был Пантикапей. О распределении нагрузки на порты Боспора Страбон пишет: ”Столицей европейских боспорцев служит Пантикапей, а азиатских – Фанагорий (ибо и так называется этот город); и торговым пунктом для товаров, привозимых из Меотиды и лежащей за ней варварской страны, служат, как кажется, Фанагорий, а для доставляемых туда с моря – Пантикапей” (XI, 2, 10). Отсюда можно сделать вывод, что существовал проход между Азовским морем и Таманским заливом, основным же портом на азиатской стороне Боспора был Фанагорий (Фанагория), Пантикапей же (точнее цари Боспора) взял на себя функцию распределения импортных товаров по всему Боспорскому царству. Расстояние между этими портами 43 км, т.е. для доставки какого-либо груза объемом в один корабль, достаточно светлого время суток.

В перипле Арриана совершенно лаконично дается характеристика Пантикапея как портового города: “От Мирмекиона до Пантикапея, важного боспорского города, 25 стадиев, 3[4]/3 мили; он имеет обширную гавань и верфи”. По словам Страбона: “Пантикапей представляет собой холм, со всех сторон заселенный, окружностью в двадцать стадиев; с восточной стороны от него находится гавань и доки приблизительно для тридцати кораблей, есть также акрополь; основан он милетянами” (VII, 4, 4). По этому описанию можно судить о размерах пантикапейского порта. Если ширину одного дока брать минимум за 25-30 м, то протяженность только верфи будет составлять 750-900 м.

Здесь надо еще учитывать расположение береговой линии в древности. Она могла отстоять от современной, как считается исследователями, на 400-500 м. В настоящее время древний порт, вероятнее всего, находится под водой. Об этом можно судить еще и по тому факту, что при чистке дна Керченского залива грунт сбрасывался в проливе в район мыса Ак-Бурун, откуда современные искатели подводных сокровищ достают древние артефакты.

Что же касается других боспорских городов, то нигде не сказано, что там были причалы, т.е. порты. В Нимфее упоминается хорошая гавань, но о портовых сооружениях – нет ни слова. Страбон о проливе пишет так: “Весь этот пролив имеет прекрасные гавани»” (XI, 2, 8). Но речь здесь идет о заливах, удобных для стоянки. В Нимфее имелась гавань, но, вероятнее всего, погрузка и разгрузка была рейдовой. Это же касается, по всей видимости, и Киммерика, и Китея.

Без сомнения, во всех этих прибрежных городках был свой рыболовный “флот”, изображение этих небольших рыбацких «фелюг» на Боспоре встречается повсеместно[8], но эти рыбацкие кораблики не требуют причалов.

Из археологических находок, поднятых из моря, большой интерес представляют древние якоря, фиксация места находки которых может в некоторой степени указать на места якорных стоянок.

Таким образом, если говорить о переправе через Боспор Киммерийский по воде, то наиболее вероятным местом загрузки и выгрузки на европейской стороне Боспора был Пантикапейский порт, а местом разгрузки и загрузки на азиатской стороне – Фанагорийский порт.

Что же касается переправы через пролив кочевников[9], то на кораблях переправить десятки и даже сотни тысяч голов скота, десятки тысяч человек и тысячи

г. форсировали Сиваш, где заиленность намного выше, чем в Керченском проливе. Последний раз Сиваш форсировали подразделения 51 Армии 1 ноября 1943 г. Ширина Сиваша в этом месте – ок. 4 км.

[8] В Китее, например, кораблик изображен на стене склепа Забага на некрополе Джурга-Оба.

[9] Тортика А.А. К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе «гуннов» через Боспор Киммерийский // Боспорские чтения. 2002. Вып. III. С. 239-242.

повозок, практически невозможно в рамках одной организованной акции. Им для этого надо было сконцентрироваться или в Фанагории или в Пантикапее, что было бы для города настоящей катастрофой с точки зрения продовольствия, общественного порядка, функционирования властей и т.п. Поэтому, на наш взгляд, единственной реальной возможностью переправиться была для них ледовая переправа зимой.

Каким же требованиям должна отвечать ледовая переправа? Следует для аналогии обратиться к современным требованиям к ледовым переправам[10]. Вот что там говорится о месторасположении ледовой переправы на этапе разведки: «2.7. … Берега следует выбирать по возможности пологие. Если такой возможности нет, нужно организовать съезд при помощи подручных средств. 2.8. Ось ледовой переправы рекомендуется назначать в конце плеса, выше переката, где лед более однороден по структуре и толщине. Трасса переправы должна быть по возможности прямолинейной и пересекать реку под углом не менее 45°».

Оба берега переправы должны быть удобны как для выхода на лед, так и для выхода на противоположный берег. Если посмотреть на карту Керченского пролива, то таких мест не так много. Кроме того, необходимо учитывать возможность дальнейшего движения от места переправы. Здесь речь идет о переправе больших групп людей со скотом и имуществом – кочевников. Сразу после переправы, допустим, на европейскую сторону, а по тактике передвижения кочевников, скот идет впереди обоза, необходима перспектива дальнейшего беспрепятственного движения вперед. По возможности, на пути не должно быть глубоких поперечных оврагов, заболоченных участков и полей грязевых. На пути движения должны быть источники воды и хотя бы прошлогодняя трава для питания животных.

По сведениям Страбона, переправы находились в самом узком месте пролива, т.е. в районе современного мыса Фонарь. Рассмотрим вариант переправы в этом районе, месте современной переправы Порт-Крым и локализации городка Порфмий.

Сойдя на берег, для дальнейшего движения в сторону Казантипского залива, необходимо попасть на северную окраину современного пос. Глазовка. Только оттуда открывается путь на Казантипский залив и в дальнейшем вдоль него – к Перекопскому перешейку. Необходимо далее обойти или перейти гору Хрони. При движении в направлении С-СВ, не далее чем 1 км, попадаем по довольно глубокому оврагу на поле грязевых вулканов, за ними находится крутой склон, изрезанный оврагами гряды, соединяющей мыс Фонарь с горой Хрони. Скот туда гнать просто опасно, а обоз не пройдет. Перспектива идти в “лоб“ на гору Хрони и через нее, тоже небольшая, как весь южный склон изрезан оврагами, а северный склон непроходим для обоза. В направлении СЗ, в обход горы Хрони, с запада, расположен глубокий овраг с протекающей по нему речкой. Овраг для движения по нему скота и обоза не подходит, так как имеет довольно крутые склоны, также изрезанные промоинами. Выходит так, что, перейдя пролив, можно попасть в ловушку.

Что касается береговой линии западнее, то она не подходит для переправы по причине обрывистого берега. Зато за самим мысом Фонарь, к западу от пос. Подмаячный, находится совершенно подходящая лощина с пологим выходом к морю и пологим выходом на восточный склон горы Хрони. От береговой линии до вершины восточного склона – всего 2 км, и сейчас там имеется полевая дорога. Более удобного места для выхода на берег с перспективой дальнейшего движения на европейском берегу Боспора, по нашему мнению, нет.

Разведками, проведенными нами зимой 2008 г. на грядах, ограничивающих долину с запада и востока, были выявлены оборонительные валы (см. Валы Людмилы) (рис. 1). Этот участок берега вполне соответствует требованиям к ледовой переправе, так как он расположен в конце плеса (это самая крайняя точка Азовского моря) и выше переката (выше самого мелкого участка Керченского пролива). В этом месте – самый надежный ледостав. Относительно большие глубины и минимальное начальное течение в сторону пролива не способствуют образованию промоин[11].

---

[10] Инструкции по проектированию, строительству и эксплуатации ледовых переправ (ОДН 218.010-98 от 01. 10. 1998 г.).

[11] Из исторически достоверных фактов переправы через Керченский пролив, стоит обратиться к факту ледовой переправы в декабре – феврале 1942 г. В своих воспоминаниях генерал-лейтенант инженерных войск А. Смирнов-Несвицкий[11] пишет: «…С 11 по 18 января 1942 г. температура упала до –18° –20°. В южной части пролива от Еникале до Керчи и далее в пределах видимости была чистая вода. В районе же рыбацкого поселка

Из аналогий XX в. следует, что переправа в районе м. Фонарь вполне реальна, а переход кавалерийской дивизии и повозок вполне соответствует переправе кочевников. Вероятнее всего, и кочевники высылали авангард для ледовой разведки и организации переправы, а, возможно, эти вопросы решались жителями Ахиллеона и Порфмия. Но совершенно очевидно, что необходимо было проводить промеры толщины льда, расчищать торосы, обозначать полосы движения, т.е. организовывать переправу. Одним из важнейших элементов переправы должен быть маяк на европейской стороне, т.к. полоса побережья, пригодная для выхода, составляет не более 500 м.

Организации ледовых переправ через Боспор Киммерийский – Керченский пролив известны и в средневековье. О не совсем удачной переправе через Керченский пролив пишет Эвлия Челеби[12]. Переправа проходила от мыса Чочка (совр. название коса Чушка) к мысу Килиседжик. На первый взгляд все понятно: переправа проходила от оконечности современной косе Чушка на Еникальский мыс, но Челеби говорит об одном часе езды от Тамани до косы Чучка, и не говорится о переправе по льду через Таманский залив. Следовательно, до косы добирались по дороге, а от Тамани до косы Чушка в объезд Таманского залива около 70 км, до основания же косы Тузла всего 8 км, т.е. действительно час езды на лошадях.

Описание самой косы также более подходит к косе Тузла: «Этот пролив Чочка, находящийся между морем Азовским и морем Черным, имеет неполных две мили длины. Если бы с обеих его сторон имелись замки, то донские казаки не могли бы, минуя замок Азов, моря Черного достичь. Со стороны полуострова Таманского располагается мель шириной в милю, а глубиной на рост человека или только на аршин. Если бы владыки возжелали возвести замок на этой широкой, в милю, мели со стороны Тамани на полуострове Чочка, то через этот пролив, длиной около мили, даже птица не перелетела бы незамеченной. Этот пролив между мысами Чочка и Килиседжик, через который переправились мы сейчас, – самый укрепленный, неприступный, но и самый злосчастный пролив, подо льдами которого, вследствие ломания их, свыше десяти тысяч солдат мусульманских утонули, в году 976, во время властвования султана Селима Второго …».

Действительно, коса Тузла находится между Азовским и Черным морями, т.е. на половину пути по проливу от Азовского к Черному морю. О ширине пролива Челеби пишет: «Тотчас посадили пашу в сани с двумя длинными полозьями и поволокли их на длинных веревках. Я, недостойный, шествовал рядом с пашой по льду и шаги исчислял. Пройдя быстро, за пятьсот шагов, неполную милю, отделяющую мыс Чочка от противоположного берега крымского, остановились мы на мысе Килиседжик». Здесь надо учитывать, что шаги в древности и средневековье у многих народов считались парами.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что Челеби переправлялся с современной косы Тузла на мыс Ак-Бурун. Там же Челеби пишет о трагедии,

---

Жуковка лед сковал пролив … С помощью председателя рыбацкой артели были подобраны опытные рыбаки, хорошо знающие пролив. Они с большой охотой согласились оказать помощь в разведке льда и быть проводниками колонн войск по проливу. Среди них оказался рыбак, который в годы гражданской войны также в период ледостава помогал отрядам Красной Армии перейти по льду из Крыма на Тамань. … По восьми маршрутам было направлено восемь групп по 10-12 человек каждая во главе с офицером и одним-двумя проводниками-рыбаками. … Донесения были благоприятные: толщина льда на всех 8 маршрутах колебалась от 14 до 20 сантиметров, ледостав сплошной, трещин и майн не встречалось. Местами требовалось скалывать торосы или проделывать в них проходы. … На берегу в районе Кордона Ильича и косы Чушка находились исходные пункты ледовых дорог, обозначавшиеся номерами справа налево. Маршрут начинался с Кордона Ильича и выходил на Крымский берег севернее Глейки. … На каждом из восьми маршрутов были проложены по 2-3 пути, обозначенные вехами. … Переправа началась в ночь на 20 января 1942 г. В первую ночь прошли части 12-й стрелковой бригады, 224-й и 302-й стрелковых дивизии и вместе с ними часть артиллерии этих соединений. … В последующие несколько суток перешли по льду: 47-я армия, кавалерийская дивизия, бригада (два полка) пограничных войск со своими обозами и артиллерией. Кавалерийские части, и обозы шли на увеличенных дистанциях. Всадники спешивались и вели лошадей в поводу. Одновременно переправлялись снабженческие грузы 51-й и 47-й армий. …Прочный лед, усиленный мастерством саперов, позволил организовать ледовую дорогу, которая действовала 27 дней: с 28 декабря 1941 г. по 1 января 1942 г. и с 20 января по 11 февраля 1942 г. По ней в Крым были переброшены: 6 стрелковых и 1 кавалерийская дивизия, 2 стрелковые бригады, 15 зенитных дивизионов, 1 артполк, 3 автомобильных батальона, 3 дорожно-эксплуатационных полка, 11 батальонов аэродромного обслуживания. Всего по ледовой дороге с Таманского полуострова в Крым было переправлено: людей 96 618, лошадей — 23 903, автомашин — 6519, орудий калибра 122-мм — 30, орудий 76-мм — 103, орудий зенитных — 122, орудий 45-мм — 45, тракторов — 46, танкеток — 10, повозок — 8222, кухонь — 10.»

[12] Книга путешествий. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.) / Пер. и комм. Е.В. Бохревского. Симферополь, 1999.

произошедшей после его переправы: солнце растопило лед, он начал трескаться, а затем подул южный ветер и сломал лед. Но даже при трехдневных оттепелях солнце не может растопить лед, и переправа возможна, но при этом толщина льда должна быть на 25% больше допустимой. Но ветер сам по себе лед не поломает. Произошло же следующее: при южном ветре в Керченском проливе начинает подниматься уровень воды за счет нагона воды из Черного моря. Лед, естественно, отрывается от берега, образовываются забереги – вода между льдом и берегом, затем с подъемом воды появляется обратное течение, и возникает явление под названием *сулой*[13], в результате подо льдом образуются волны, которые и ломают лед. И самое примечательное то, что в описанном месте это происходило как минимум дважды и говорит о том, что это место рискованной переправы, в любой момент даже лед достаточной толщины может быть разломан. И даже только по этой причине кочевники здесь переправляться не могли.

Что касается косы Тузла, то во времена Страбона ее вообще не существовало, так как в проливе существовало еще одно течение, направленное из Таманского залива, которое и смывало все песчаные наносы из Азова. Коса появляется после того, как Кубань поменяла свое русло, и стала впадать в Черное море. Затем русло меняется еще раз в начале XIX в., и сейчас река впадает уже в Азовское море. Смена русла повлияла на водный режим Азовского моря, и, естественно, на ситуацию в Керченском проливе.

В первых веках н.э. в районе Нимфея существовало прибрежное течение, направленное в Черное море. Только благодаря этому течению могла существовать нимфейская гавань в устье речки, впадающей в пролив севернее Нимфея. За счет течения там образовался эстуарий[14]. Затем, с появлением обратных прибрежных течений, появились косы, и эстуарий был замыт. Поэтому какие-либо признаки стоянки кораблей в районе Нимфея надо искать, по нашему мнению, под слоем наносного песка на глубине 8-10 м к северу от городища.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что ледовая переправа через пролив находилась в древности севернее мыса Фонарь. Скорее всего, переправа проходила по нескольким полосам с азиатской стороны, но все они сходились на пятисотметровом участке севернее мыса Фонарь на европейской стороне (рис. 2). На керченском берегу формировался уже непрерывный поток, продолжая движение на запад.

Далее необходимо уточнить возможное местоположение Порфмия из письменной традиции – городка у переправы. Из источников известно, что он находился в крайней восточной части Керченского п-ова. На противоположной стороне был расположен Ахиллеон. Известно также расстояние от Мирмекия до Парфения: 40 стадий, до Порфмия – 60 стадий, до Пантикапея – 25 стадий. Для измерения расстояния надо уточнить расположение дорог. Как правило, дороги проходили вдоль курганных и грунтовых некрополей (или наоборот, некрополи возникали у дорог), т.е. дорога от Мирмекия в Пантикапей проходила, скорее всего, вдоль береговой линии, где располагался некрополь Пантикапея и, возможно, частично некрополь Мирмекия. Расстояние измерялось от окраины одного города до окраины другого.

Нашими раскопками 2006-2007 гг. на территории Керчи были выявлены слои I в. до н.э. – III в. н.э. в районе ул. Карла Маркса (центр города), соответственно, расстояние до переправы измерялось от этой улицы (рис. 3).Расстояние составило 4,6 км; при стадии 0,185 км это расстояние будет = 24,86 стадии, что совпадает с указаниями Псевдо-Арриана. До городка Парфения дорога проходила предположительно по гряде, начинающейся у мыса Еникале, и доходила до восточной окраины завода им. Войкова. На гряде расположен курганный и грунтовый некрополи. Дорога, проложенная по гряде – кратчайший путь до переправы.

На расстоянии 7,33 км, или 39,62 стадии от Мирмекия, находится памятник археологии, локализованный как Парфений. Это довольно сложный памятник,

---

[13] Сулой – это взброс воды на поверхности моря, возникающий, например, при резком уменьшении скорости течения (особенно приливного), при столкновении разнонаправленных потоков, выходе течения из узкости или при сильных ветрах, направленных против течения. Водная поверхность в зоне развитых сулоев напоминает поверхность кипящей воды. Чаще наблюдаются в проливах (например, Курильский пролив) и в устьях рек. В некоторых районах сулой достигает высоты 3-4 м и может представлять опасность для плавания небольших судов. Единственное место, где были зафиксированы сулои на Черном море, это Керченский пролив.

[14] Эстуа́рий (от лат. Aestuarium – затопляемое устье реки) – однорукавное, воронкообразное устье реки, расширяющееся в сторону моря. Образование эстуария происходит, если приносимые рекой наносы удаляются морскими течениями.

исследована его лишь небольшая часть. В 2008 г. на территории памятника и прилежащей к нему площади нами были проведены археологические разведки. В результате было установлено, что площадь поселения V – середины III вв. до н.э. составляет около 30 га, и оно представляло собой деревню (по классификации И.Т. Кругликовой), состоящую из отдельно стоящих усадеб. На краю обрыва в районе современных построек (свинарников), находилось святилище – зольник. Около сер. III в. до н.э. жизнь на поселении прекращается, и только приблизительно в I в. до н.э. – нач. I в. н.э. строится небольшая крепость, просуществовавшая до сер.III в. н.э. Вероятно, эта крепостца и называлась Парфением.

Далее дорога шла по низине в сторону совр. пос. Глейки и далее в сторону переправы. На расстоянии 3,74 км, или 20,2 стадий от Парфения находится еще один археологический объект – поселение Маяк 1. Выявленное и обследованное В.В. Веселовым (в сводной ведомости под № 2), в свое время оно было недооценено археологами и считалось обычным боспорским неукрепленным поселением IV-III вв. до н.э.[15] Там же, в 150 м к востоку от поселения, на возвышенности, В.В. Веселовым были найдены остатки еще одного поселения с материалом III-II вв. до н.э.

В 2008 г., как упоминалось выше, здесь были проведены археологические разведки (рис. 4). Выяснилось, что на месте поселения, в северной его части, находится еще одна усадьба, стены которой видны на полевой дороге, идущей на гору Хрони. При обследовании поселения Маяк 1 был выявлен материал эпохи поздней бронзы – раннего железа (рис. 5) и V-III вв. до н.э. На месте предполагаемой усадьбы были найдены фрагменты боспорской черепицы, в том числе и с клеймом (рис. 6). На поселении были также обнаружены две линии рвов, один из них (южный) частично распахан, второй (северный) перерезает поселение. Вероятно, рвы предназначались для предотвращения движения с переправы в сторону Пантикапея, так как на высоте, расположенной в 150 м восточнее, был выявлен материал I в. до н.э. – III в. н.э. (рис. 7), но поселение сильно повреждено карьером, остались практически только зольники и ров с северной стороны. По местоположению памятника можно предположить, что это была небольшая крепость, которая контролировала дорогу с переправы на Пантикапей и саму переправу, т.е. небольшой город–крепость у переправы под названием Порфмий. До этой крепостцы от Мирмекия ровно 60 стадий. Что же касается стен и башни, указанных на плане Дюбрюкса, то стена являлась составляющей системы обороны и находилась в линии рва, являясь его продолжением на выходе скалы. Башня являлась еще и маяком для судоходства, и ориентиром при ледовой переправе. По тому факту, что на этом месте существовало поселение как до Боспорского царства, так и во время его процветания и заката, можно судить о стратегическом значении этой точки на карте Боспора.

На наш взгляд, ошибкой исследователей при локализации Порфмия было то, что его пытались искать на самом берегу пролива, но там он не контролировал бы передвижение кочевников на начальном этапе перехода и оказывался бы в тылу у потенциального врага. Укрепления же Порфмия – как сама крепость, так и стена с башней со стороны переправы, выглядели довольно внушительно и оставались сверху, но в стороне от переправляющихся через Боспор Киммерийский как в Европу, так и в Азию. При дальнейшем передвижении кочевников наблюдение и контроль за передвижением передавались от крепости к крепости.

Следующая крепость по ходу движения должна была находиться на месте поселка Глазовка. Некрополь первых веков н.э. расположен на горе Хрони, а материал этого времени встречается в поселке. Затем путь шел мимо горы Темирова (или Темиргоры), на которой также стояла крепость, и т.д. В целом путь кочевников через Керченский п-ов – это тема отдельного исследования, но она непосредственно связана как с переправами, так и с укреплениями.

Далее рассмотрим вопрос о поселении на западной окраине пос. Жуковка, локализованном в свое время как Порфмий. Многолетние раскопки показали, что это поселение прекращает свое существование в 1-й пол. I в. до н.э., а все письменные упоминания о Порфмии относятся к началу I в. н.э. и позже, когда этого поселения уже не было. Подобные крепостцы появляются в сер. – 2-й пол. III в. до н.э. по побережью Азовского моря, Керченского пролива и Черного моря; в это же время пустеет степная часть полуострова. Вывод напрашивается сам собой: после каких-то глобальных

[15] Веселов В.В. Разведки на Керченском полуострове // СА. XXIX-XXX. 1959.

катаклизмов (войн, засухи, истощение земли, а скорее все вместе) население было вынуждено искать пропитания и защиты на морском побережье. Соответственно, население близлежащего поселения (в районе Парфения) общими усилиями строит крепость и живет там до сер. I в. до н.э., а далее наступают смутные времена Митридата VI, и происходит перестройка всей оборонной и урбанистической системы Боспора.

О том, что на месте Псевдо-Порфмия существовало неукрепленное поселение, а скорее крестьянская усадьба, говорит факт выявления остатков строения с толщиной стен 1-1,1 м. Подобные стены вряд ли могли быть оборонительными. Сложенные из бутового камня без связующего раствора, они были в высоту не более 2-2,5 м, т.е. являлись стеной хозяйственно-жилого комплекса (как пример – усадьба Андреевка Северная, поселение Южно-Чурубашское). Да и количество его населения (предположительно, около 400 человек) вполне соответствует населению двух-трех деревень.

Таким образом, как нам представляется, наиболее вероятно, что самым удобным способом переправы через Керченский пролив для больших масс кочевников была ледовая переправа. Она находилась, по нашему мнению, севернее мыса Фонарь. Здесь на пятисотметровом участке сходились не менее пяти путей переправ с азиатской стороны Боспора. Порфмий же из письменных источников вряд ли может быть городищем Порфмий у с. Жуковка. На эту роль в большей мере подходит поселение Маяк 1, где были выявлены остатки поселения 1-х вв. н.э. на оконечности скалистой гряды, находящееся в наиболее удобном месте на пути переправы.

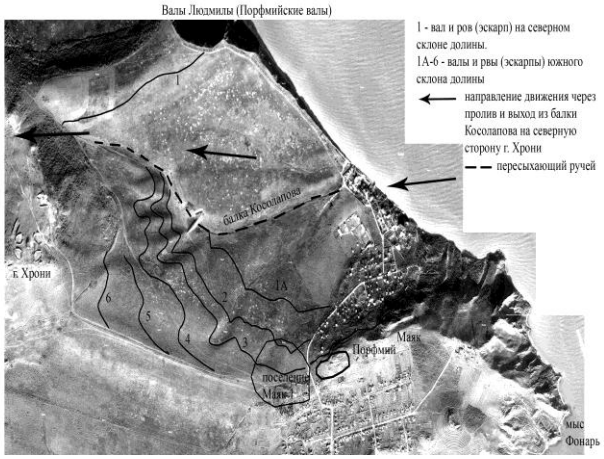


Рис. 1. Место переправы через Боспор Киммерийский на европейской части Боспора. Валы Людмилы (Порфмийские валы) к северу от пос. Маяк в балке Косолапова. Местоположение городка у переправы – Порфмия. Космическая съемка

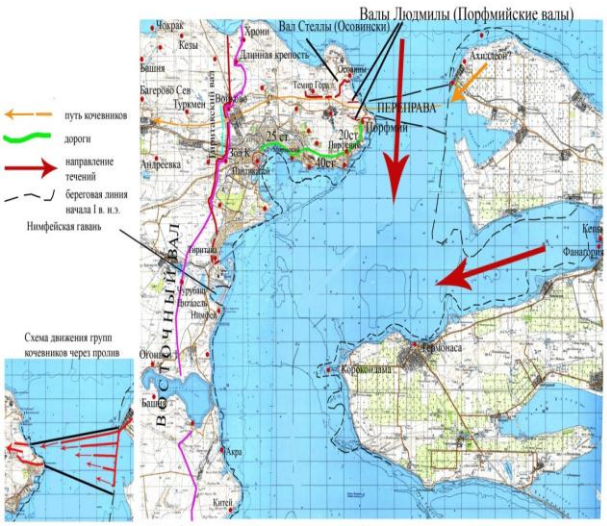


Рис. 2. Ситуационный план ледовой переправы (Киммерийских переправ) через Керченский пролив (Боспор Киммерийский)

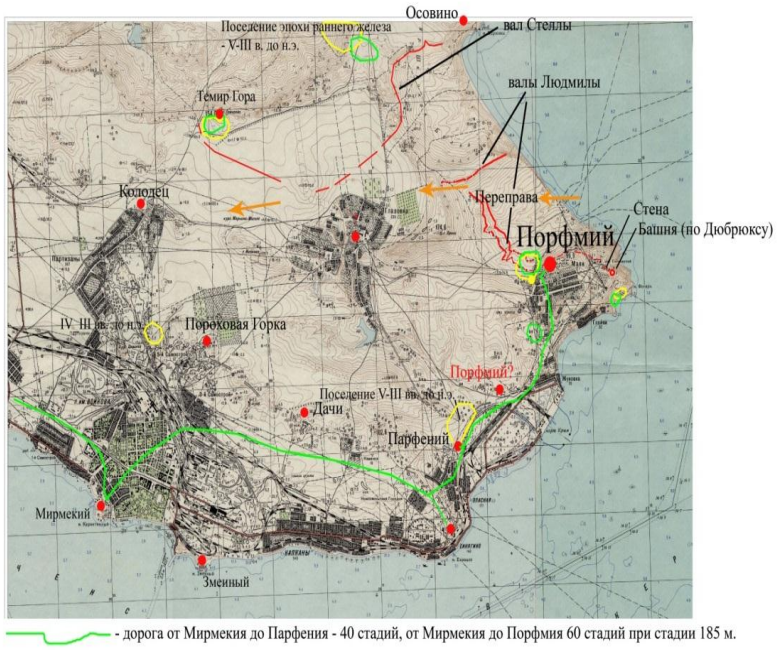


Рис. 3. Ситуационный план расположения памятников археологии в районе переправы

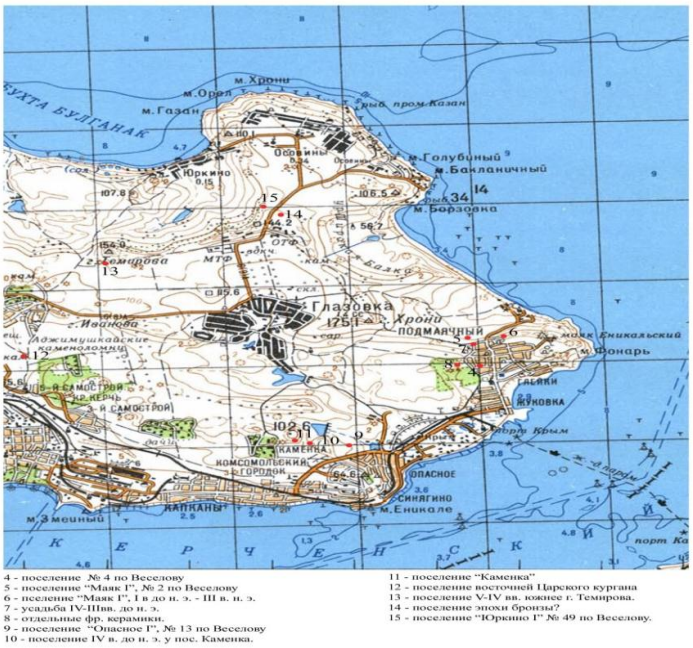


Рис. 4. Ситуационный план поселений, обследованных археологическими разведками в 2008 г.

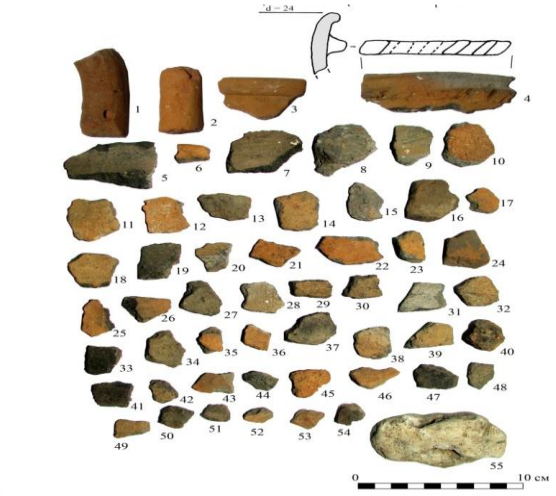


Рис. 5. Поселение Маяк I, по Веселову. Подъемный материал

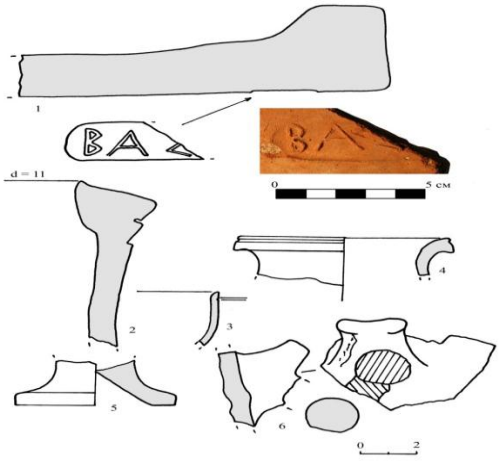


Рис. 6. Усадьба IV-III вв. до н.э. южнее пос. Маяк I. Подъемный материал

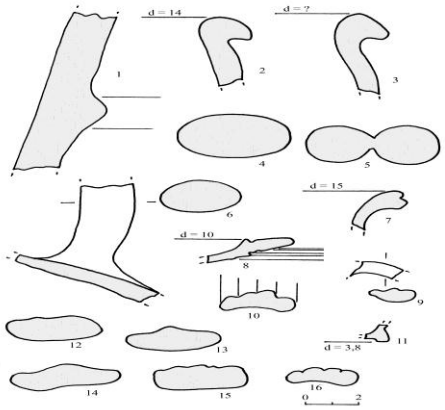


Рис.7. Поселение (крепость?) восточнее пос. Маяк I. Подъемный материал

ANCIENT FERRIED ACROSS THE KERCH STRAIT AND ITS DEFENCE

A.L. ERMOLIN

Zinman Institute of Archaeology, Haifa, Israel

e-mail: doryerm@yandex.ru

We propose a revised approach to the problem of crossing the Cimmerian Bosporus (Kerch Strait) in ancient times, and expressed an opinion on the justification of organizing the defense of the crossing place from the Kerch Peninsula (Crimea). We considerall major versions of the crossing location on the ground, taking into account topographic features and capabilities of military fortifications. Materials and conclusions of the article are based on the author's personal field research during 2000-2009 years. Make informed judgments about the places of crossing with the assistance of archaeological evidence.

Key words: ferry, defense, Bosporus Strait of Kerch.

УДК 94(3)

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО И ВАРВАРСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ В I-IV Н.Э.: ВОЕННЫЙ АСПЕКТ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ*

М.В. ЦИГЛЕР

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

e-mail: czigler@yandex.ru

Статья посвящена вопросу применения варварских воинских формирований в Боспорском царстве. На основе анализа источников доказывается постепенное возрастание доли и роли наемного контингента в армии и обороне государства. Исследуется проблема статуса отдельных племен на территории царства. Автор доказывает, что постоянные и тесные контакты, интегрирование наемников в систему обороны, стали путем для многочисленных заимствований у варваров в военном деле Боспора. Также прослеживается определенная эволюция взаимодействий Боспора и варваров на его периферии в сторону обострения варварского фактора.

Ключевые слова: античность, военная история, Боспорское царство, боспорская армия, варвары, наемники.

Во все времена неотъемлемой частью любого государства являлись его вооруженные силы. В создании боеспособной армии важную роль играют многие аспекты: принцип комплектования, вооружение, стратегия и тактика ведения боя и многое другое. В античное время был заложен определенный фундамент во всех вышеперечисленных сторонах. В истории древнего мира мы знаем массу примеров, когда грозной военной силе находился противник, сумевший ей противостоять: разгром Персидской державы Александром Македонским, война Ганнибала с Римом, а затем и римско-парфянские войны, когда фактически непобедимая армия империи терпела крах в боях со своим восточным соседом. Все эти конфликты являли собой примеры, когда победа давалась не только путем создания некой новой, более совершенной боевой организации. Во всех случаях античные государства воевали с соседями, которых считали варварами, однако, у них же многому и учились. Заимствования порой выражались даже в виде создания абсолютно идентичных боевых отрядов, а также использования конкретных тактических приемов. Их применение вопределенные моменты носило поворотный характер. В связи с этим принципиально важным предстает изучение вопроса заимствований и совершенствования на этой основе государствами древнего мира собственной военной организации.

Отметим, что достаточно длительное время в антиковедении роль варварских народов в историческом развитии отходила на второй план. Археологические раскопки и изыскания ученых за последнее столетие обеспечили условия для пересмотра данной позиции. Несмотря на то, что отдельные варварские племена по определенным критериям находились на более низкой ступени развития по сравнению с такими цивилизациями как римская, греческая и др., это не являлось препятствием для их взаимодействия и сотрудничества. Разного рода контакты обеспечивали полное и всесторонне взаимовлияние. Подобные процессы мы можем обнаружить, если обратимся к истории Боспорского царства. В настоящей работе мы попытаемся обозначить основные свидетельства привлечения варваров на военную службу в Боспорском царстве. Сразу отметим, что круг источников очень ограничен. В связи с этим, мы имеем и очень мало исследований по данному вопросу.

Близость с сарматскими и скифскими территориями и длительное взаимодействие, проходящее сквозь века, оказало огромное влияние на культуру и экономику Боспорского царства. Элементы упомянутых варварских народов прослеживаются в социальном и политическом устройстве, в армии и религиозных обрядах боспорцев. Со временем в правящей династии и большей части аристократии выделились выходцы именно скифско-сарматского происхождения. Представители этих народов вместе с меотами и фракийцами составляли большую часть местного населения. Причем именно скифы, а затем сарматы оказывали наибольшее влияние (даже больше, чем Римская им-

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-5688.2014.6 (договор от «03» февраля 2014 г. № 14. Z56.14.5688-МК).

перия) на Боспорское царство[1]. Подтверждением тому служат археологические данные[2]. Прежде всего, это огромное количество семейных склепов боспорской аристократии явно негреческого характера. Погребальные стелы со скульптурными рельефами и настенными росписями погребальных камер указывают на общество, которое пытается считать себя греческим, но, по сути, является сарматским[3]. Изображения знатного боспорца также имели сарматский характер. Он, как правило, сидел на коне, был одет в конической формы металлический шлем, кольчугу или чешуйчатые доспехи с длинным копьем в руках, а также имел меч с круглой каменной головкой эфеса[4]. Аналогичные изображения мы можем увидеть у фигур сарматов на колонне Траяна или арке Галерия в Салониках.

В контексте данного вопроса нельзя не отметить устоявшееся в историографии мнение об основателе династии Спартокидов. Его происхождение связывают с фракийским народом, так как во Фракии известен царевич с таким именем[5]. Кроме того, целый ряд особенностей захоронений Спартокидов указывает на фракийское влияние. Антропонимический анализ свидетельствует о том, что почти десятую часть боспорской элиты составляли именно фракийцы, которые могли предоставлять свои вооруженные отряды для основной армии[6]. Вообще вся история Боспора неразрывно связана с тем или иными периодами переселения варваров. На смену сарматскому периоду придет готский, который, в свою очередь, сменит гуннский. К сожалению, это время на Боспоре освещено еще меньшим количеством источников. Однако свидетельств варварского присутствия и влияния на военное дело северо-причерноморских греков более чем достаточно. Рассмотрим далее уже более подробно эти аспекты.

По вопросу о том, как формировалась боспорская армия в рассматриваемый нами период, к сожалению, на сегодняшний день мы не располагаем достаточными сведениями, и существуют разные точки зрения. По мнению В.Д. Блаватского, формирование боспорской армии происходило на основе всеобщей воинской повинности для мужского населения, как у соседей сарматов[7]. Этой же точки зрения придерживается и Мариуш Мельчарек[8]. А.Ю. Виноградов и В.А. Горончаровский утверждают, что с учетом более высокого уровня развития Боспорского царства по сравнению с сарматскими племенами, следует искать аналогии с другими близлежащими народами античного мира. К числу таких, по мнению историков, следует отнести Понтийское царство[9]. Аналогичную точку зрения развивает А.В. Ивенских в диссертации, посвященной военному делу Боспорского царства[10]. Так или иначе, к боспорской армии в случае военного столкновения почти всегда присоединялись наемные варварские отряды. Их основу составляли как народы, включенные в состав государства и обязанные предоставлять вооруженные силы по требованию, так и соседние племена на основе тех или иных договоренностей.

Факты присутствия в боспорской армии в качестве наемников варварских формирований скифов и фракийцев уже в IV в. до н.э. мы можем обнаружить в сочинении Диодора Сицилийского (Diod. XX, 22-24). Ко всему прочему автор, не давая конкретных пояснений, отмечает также применение скифской тактики боспорскими военачальниками (Diod.XX, 22). Наемники же составляли определенную основу армии. Причем такая тенденция сохранялась и до наступления новой эры, так как важнейшим лицом при царе был командир наемников[11]. Однако, как считает А.В. Ивенских, уже с конца I в. до н.э., из-за опасности варварских набегов, реформируя военную организацию, боспорские цари увеличивают долю собственного греческого населения в армии[12]. Вместе с тем, это не означает, что государство перестает использовать наемные силы, скорее наоборот. В под-

---

[1] Mielczarek M. The Army of the Bosporan kingdom. Lodz, 1999. P. 101-103.

[2] Сулимирский Т. Сарматы. Древний народ юга России. М., 2008. С. 145.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., 1949. С. 56.

[6] Ивенских А.В. Военная организация Боспорского царства в середине I века до н.э. – II веке н.э. / Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Пермь, 2006. С. 7.

[7] Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. С. 141-142.

[8] Mielczarek M. Op. cit. P. 82-83.

[9] Виноградов А.Ю., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.). СПб., 2008. С. 155.

[10] Ивенских А.В. Указ соч.

[11] Mielczarek M. Op. cit. P. 69-70.

[12] Ивенских А.В. Указ соч. С. 8.

тверждение этому можно привести эпиграфические данные (КБН 131 и КБН 666). Так в КБН 666 в эпитафии упоминается «центурион и начальник отряда фракийцев»[13]. Надпись датируется II в. н.э. Первоначально считалось, что это был римский отряд. Современная историография в большинстве своем называет это формирование боспорским[14]. По предположению А.В. Ивенских фракийцы, организованные по римскому образцу, составляли своеобразную элиту боспорской армии.

Следует также сказать, что территорию Боспорского царства населяла масса других подчиненных народов: синды, меоты, тарпеты, тореты, дандарии и др. Они сохраняли определенную экономическую автономность, но полной независимости не имели, в связи с чем, также предоставляли государству свои вооруженные отряды[15]. В III веке роль и активность применения наемных варварских войск еще больше увеличивается. Теперь их основу помимо сарматов стали составлять еще и готы. Археологический материал свидетельствует о существовании целых организованных отрядов на территории Боспора. Вероятно, что готы могли иметь некие договоренности с боспорским царями. По мнению И.Т. Кругликовой, правитель Фарсанз для обороны границ государства заключил союз с варварами[16]. Конкретно о форме и условиях союза мы можем только догадываться. В.А. Сидоренко предположил, что готы могли селиться на территории Боспора на правах «федератов»[17]. Что касается договоренностей, то они, вероятно, существовали не с империей, а с боспорскими царями, т.е. локального характера[18]. Более подробно вопрос о статусе этих народов на обозначенных территориях рассматривают М.Л. Рябцева и Н.Н. Болгов, утверждая, что единой линии и системы защиты с помощью варварских отрядов пантикапейскими царями не было создано, особенно в раннее время, однако отдельные группы все же могли использоваться для охраны границ[19].

Вообще формы договоренностей, по которым варвары участвовали в боевых столкновениях на стороне Боспорского царства – отдельная проблема. Безусловно, на территории государства не только готы селились на правах военных поселенцев. Так В.А. Горончаровский подробно пишет об аспургианах, которые также на основе каких-то договоренностей, как римские федераты в позднее время, составляли часть вооруженных сил Боспора[20]. Аспургиане населяли азиатскую часть государства[21]. Касаемо данного народа в историографии существуют разные мнения. В.Ф. Гайдукевич, В.В. Латышев и др. считали, что аспургиане имеют меото-сарматское происхождение[22]. М.И. Ростовцев и В.Д. Блаватский назвали аспургиан военной дружиной, служившей Боспорскому царству[23]. Данный народ упоминается у Страбона (Strab.XI.2.1; XII.3.29) и предстает как некая административно-политическая единица. В КБН 36 перечислены высшие должностные лица Боспорского государства, среди которых упоминается «начальник аспургиан». Возможно, что данный народ также составлял часть вооруженных сил Боспора на правах подобных римским «федератам».

Таким образом, Боспор включал варварские отряды в состав своей армии в довольно значительном количестве практически все время своего существования. Аналогичная практика применялась и эллинистическими государствами. Ее удобство обеспечивалось тем, что такие силы не требовали постоянных расходов из казны, несли сторожевую службу в пограничных районах и могли участвовать в отражении нападений

---

[13] Корпус боспорских надписей / под ред. В.В. Струве. М., 1965. С. 387.

[14] Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 84-85; Крыкин С. М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993. С. 239.

[15] Виноградов А.Ю., Горончаровский В.А. Указ. соч. С. 160.

[16] Крутикова И.Т. Боспор III IV вв. в свете новых археологических исследований // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 8.

[17] Сидоренко В.А. Федераты Византии в юго-западном Крыму, последняя четверть III – начало VIII вв. / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1994. С. 6.

[18] Рябцева М.Л., Болгов Н.Н. Готские "федераты" Боспора и готы-федераты Византии на Боспоре // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. № 13. 2010. С. 20.

[19] Рябцева М.Л., Болгов Н.Н. Указ. соч. С. 26.

[20] Горончаровский В.А. Между империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. М., 2003. С. 169-180.

[21] Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С. 152.

[22] Гайдукевич В.Ф. Указ. соч. С. 316; Латышев В.В. Краткий очерк истории Боспорского царства. СПб., 1909. С. 103.

[23] Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964. С. 75; Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Сб. статей в честь гр. П.С. Уваровой. Древности. Т. XXV. 1916. С. 10.

извне[24]. Тактика и стратегия боя требуют достаточно глубокого анализа и отдельной работы, но в контексте нашего исследования мы не можем не обозначить также факты варварского влияния и в этом аспекте. Как мы уже отмечали, одной из главных составных частей наемного контингента в Боспорском царстве были сарматы, а вернее сарматская конница[25]. Это предопределяло использование некоторых тактических принципов, которые успешно применяются с данными отрядами, а именно: внезапное нападение; удар по флангам и окружение, притворное отступление, прорыв линии противника компактным строем всадников[26]. Ко всему прочему появившаяся катафрактарная конница у самого Боспора была аналогом именно сарматской кавалерии[27]. Блаватский отмечает, что новая боспорская конница во многом превосходила даже римскую, так как сарматский образец уже изначально лучше римского варианта[28].

В целом следует отметить, что реконструкции В.А. Горончаровского на основе материала батальных сцен из росписей боспорских склепов римского времени[29] представляют серьезную научную значимость и определенное продвижение в этом вопросе. Однако, именно эта часть монографии ученого наиболее лапидарна. Вместе с тем, очевидно, что огромный наемный контингент и в целом полиэтничный состав армии целиком и полностью предопределяли тактику применения тех или иных боевых частей.

С III века с учетом обстановки в Северном Причерноморье армия Боспора чаще участвует в оборонительных боях. Полный провал наступательной стратегии отражает в своем труде Константин Багрянородный. Собранное Боспором войско в период войн с Херсонесом он именует «толпой» (Const. Porph., Deadm. imp., 53). Нельзя исключать тот факт, что силы Херсонеса, имеющие в своих рядах профессиональных бойцов, поддерживаемых самим Римом, были более организованы[30]. Однако сложно поверить в то, что армия, имевшая собственные боеспособные части вроде катафрактарной конницы, целый конгломерат варварских наемников, на тот момент превратилась в некое аморфное скопление наспех собранных сил. В связи с этим, критика труда Константина Багрянородного кажется вполне справедливой[31]. В описании войн мы не встречаем никаких подробностей о сражениях, численности и тактике сторон и т.д. Константин касается данных событий как просто факта противостояния и преследует определенные цели. Как отмечает С.В. Ярцев, в сочинении четко прослеживается линия отражения как вечного друга и союзника Рима города Херсонеса, которому противопоставлялся Боспор, окруженный враждебными варварскими народами[32]. Подробностями мы к сожалению не располагаем и не знаем четко причин того противостояния. По мнению Н.Н. Болгова, только сильное влияние и давление боспоро-сарматской знати могло побудить Фофорса к изменению внешнеполитических приоритетов и нападению на территорию империи с целью овладения всей Таврикой[33]. Исход кампании показывает, что боспорская армия в III-IV вв. использовалась преимущественно для обороны. И хотя В.Д. Блаватский отмечает, что главной задачей Боспорского государства была организация защиты и нападения[34], все же ко второму его силы были готовы значительно хуже, чем к первому, а посему активность внешней политики в позднеантичное время была незначительной[35]. Основу войска

---

[24] Горончаровский В.А. Военное дело и военно-политическая история Боспора в середине I в. до н.э.-середине III в. н.э. / Автореф. дисс. … докт. ист. наук. СПб, 2005. С. 6.

[25] Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1991. С. 146.

[26] Виноградов А.Ю., Горончаровский В.А. Указ. соч. С. 207.

[27] Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С. 152; Сулимирский Т. Сарматы. Древний народ юга России. М., 2008. С. 7.

[28] Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. С. 147.

[29] Горончаровский В.А. Указ. соч. С. 100-116.

[30] Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 176.

[31] Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 47-48; Фролова Н.А. Монетное дело Фофорса (285-308 гг.) // СА. 1984. № 2. С. 46-52; Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV в. // МАИЭТ. 1994. Т.4. С. 545-560.

[32] Ярцев С.В. Античный мир и варвары северного Причерноморья в первых сюжетах «Повествования о крепости Херсон» Константина Багрянородного // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. № 16. 2010. С. 21.

[33] Болгов Н.Н. Позднеантичный Боспор: между античностью и средневековьем // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 33; Болгов Н.Н. Основные проблемы восточно-римской и ранневизантийской политики на Северном Понте (сер. III – VI вв.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. № 1. С. 130.

[34] Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 94.

[35] Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996. С. 62.

составляли элитные отряды из знатных граждан. Остальные же боевые единицы целиком и полностью дислоцировались на границах в виде отдельных наемных или союзных варварских частей и включались в единую армию в случае серьезной военной угрозы. В связи с этим термин «толпа» здесь может быть применим не столько в плане низкой боеспособности такой армии, сколько из-за ее очень пестрого состава. Однако именно в наступательной стратегии это и было, вероятно, слабым местом такой организации.

Если говорить о численности варварских воинских формирований в рядах боспорской армии, то А.Ю. Виноградов и В.А. Горончаровский отмечают, что даже в самые лучшие времена с учетом финансовых возможностей она не превышала 4 тыс.[36] Однако есть данные Лукиана Самосатского о призыве значительных по масштабам вооруженных сил, в том числе, и наемных. Греческий писатель упоминает противостояние со скифами, в котором Боспором было собрано войско общей численностью 40 тыс. чел., половину из которых составляли аланы и савроматы (Luc. Tox. 54). Проверить степень достоверности тех или иных сведений не представляется возможным. Компромиссным решением будет позиция, при которой численность наемников боспорской армии следует оценивать, исходя из конкретной ситуации и событий. Так, вероятно, что в войнах, описываемых Лукианом и Константином, Боспору удалось собрать весомо большие силы. В остальное же время боевой контингент мог ограничиваться постоянно действующим войском собственно Боспора и периферийными приграничными отрядами варваров.

Таким образом, пути и формы варварского влияния на различные аспекты в развитии Боспорского царства достаточно многочисленны. И это не удивительно, так как полиэтнический состав населения на Боспоре полностью исключал возможность создания замкнутых и обособленных локусов социокультурной и политической жизни государства. Пантикапейские цари не только активно подключали варваров к боевым действиям; со временем традиции, элементы тактики боя заимствовались и стали применяться собственными вооруженными силами, часть которых также формировалась по образцу наемных и союзнических сил. Приблизительно с III в. н.э. вооруженные силы Боспора стали использоваться преимущественно для обороны. Причиной тому, в первую очередь, является приход новой волны варваров. Боспору приходилось, вместе с отражением нападений воинственно настроенных племен, интегрировать часть из них в систему собственной обороны. Эти силы не только несли пограничную службу, но и включались в армию государства в случае возникновения серьезной военной угрозы. Войны с Херсонесом показали, что войско Боспора стало еще более пестрым по составу. Сплочение отдельных пограничных гарнизонов, состоящих преимущественно из варварских отрядов, в единую армию, обрекало ее на поражение в случае, если она использовалась для наступления. В связи с этим само Боспорское государство рассматривалось Римом больше как периферийный форпост для сдерживания на своих северо-восточных границах варваров, часть из которых успешно интегрировалась в эту систему обороны.

BOSPORAN KINGDOM AND THE BARBAROUS PERIPHERY IN THE I-IV A.D.: MILITARY ASPECT OF RELATIONSHIP

M.V. TSIGLER

L. TolstoyTulaState Pedagogical University

e-mail: czigler@yandex.ru

Article is devoted to a question of application of barbarous groups in the Bosporan Kingdom. On the basis of the analysis of sources gradual increase of a share and a role of the hired contingent in army and state defense is proved. The problem of the status of tribes in the kingdom territory is investigated. The author proves that continuous and close contacts, integration of mercenaries in defense system, became a way for numerous loans from barbarians in bosporan army. Also traced the evolution of specific interactions of the Bosporus and the barbarians on the periphery toward the barbaric aggravation factor.

Key words: antiquity, military history, Bosporan Kingdom, bosporan army, barbarians, mercenaries.

[36] Виноградов А.Ю., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.). СПб., 2008. С. 157.

УДК 94(37).09

ВОЕННЫЕ КАМПАНИИ «ПОСЛЕДНЕГО ЗАЩИТНИКА РИМА» ФЛАВИЯ СТИЛИХОНА

Д.Е. БОГДАНОВ

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: ignorabim@yandex.ru

В статье рассматривается военная карьера Флавия Стилихона – фактического правителя Западной Римской империи в 395-408 гг. Стилихон занял пост *magister militum* в годы правления Феодосия Великого, после его смерти – возглавил регулярную армию Западной Римской империи и, вплоть до своей гибели, боролся с вторжениями варваров. В работе рассматриваются различные мнения по поводу причин ярко выраженного патриотизма и этатизма этого варварского по происхождению полководца и государственного деятеля Позднего Рима, который первым, по сути, стал верховным военным правителем, на деле более важным, нежели император.

Ключевые слова: Флавий Стилихон, поздняя античность, римская армия, Феодосий Великий, Аларих, Радагайс.

В рамках периода Поздней Античности особый интерес представляет процесс трансформации институтов римского государства, поддерживавших его могущество и процветание на протяжении предшествующих столетий: власть, право, армия. Особенно дискуссионной является проблема преемственности и континуитета в позднеантичную эпоху[1].

Со времён школы «Анналов» также популярным остаётся изучение личности в истории, направление микроистории. Личность человека переломной эпохи, остающегося заложником поведенческих и ментальных стереотипов, в то же время, является катализатором трансформации сложившегося бытия и перехода общества на новую ступень развития. Бесспорно, эпохой окончательного изменения баланса сил Римской империи и окружавшего её Барбарикума стала Поздняя Античность: смешение и взаимодействие христианского и языческого, варварского и античного, провинциального и имперского достигло в этот период максимальной степени, обнажив достоинства и пороки прошлых эпох и предложив многообещающее будущее и разрешение многовековых противоречий.

Переходный характер этой эпохи неминуемо отразился на Флавии Стилихоне – виднейшем полководце и государственном деятеле Рима на рубеже IV-V вв., проявившись россыпью неразрешённых сомнений и противоречий. Несмотря на своё варварское происхождение, Стилихон был назван современниками «защитником вечного города» и «последним римлянином». Символично, что с его гибелью в 408 г. неразрывно связано и скорое падение Рима.

К сожалению, в отечественной литературе Стилихону не было уделено специального внимания, за исключением устаревшей работы Н. Фирсова[2]. Труды классиков мировой историографии XVIII-XX вв. почти не акцентировали внимания на персоналиях (Э. Гиббон, Т. Моммзен, А. Джоунз, А. Пиганьоль, А. Демандт и др.)[3].

Отец Флавия Стилихона был одним из знатных вандалов, поступивших на службу Риму военачальниками, а его мать была, скорее всего, римлянкой[4]. Стилихон решил пойти по пути отца и, поступив на военную службу, достаточно быстро добился повышения, поскольку его отличала повышенная жизненная активность, генетически восходящая к варварскому происхождению и резко контрастирующая с упадком жизненной активности правящей элиты Рима.

В 384 году, после удачного выполнения им дипломатического поручения в Пер-

---

[1] Болгов Н. Н. Поздняя античность: история и культура. Белгород, 2009. С. 4; Ващева И. Ю. Концепция Поздней античности в современной исторической науке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6 (1). С. 220-231.

[2] См.: Фирсов Н. О делах Стилихона // Журнал министерства народного просвещения. Петербург. 1855. №№ 10-12.

[3] См.: Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. В 7-ми тт. Т. 3. М., 1996; Джонс А. Х. М. Гибель античного мира. Р/н/Д, 1997; Моммзен Т. История Рима. М., 2009.

[4] Cambridge ancient history. The Late Empire, A.D. 337-425. V. XIII / ed. by P. Garnsey, A. Cameron. Cambridge, 2008. P. 612.

сии, император Феодосий I отдал ему в жёны свою племянницу (фактически удочеренную им после смерти её отца[5]).

После смерти Феодосия Стилихон оказался в исключительно удачной позиции. По обычаю, сложившемуся в 375-394 гг., *magistri militum* имели практически неограниченную военную власть[6], что особенно проявилось в вульгарной узурпации Арбогаста, которого восточные авторы обвиняли в организации убийства императора Валентиниана II (об этом согласно пишут Зосим, Сократ Схоластик, Филосторгий, Эрмий Созомен)[7]. По воле Арбогаста на престоле утвердился канцелярист Евгений, который, будучи римлянином, имел право, в отличие от Арбогаста, считаться императором.

Поддавшись уговорам жены, Феодосий вскоре собрался в поход, несмотря на то, что большинство проверенных в предыдущих кампаниях полководцев не могли стать во главе войска, поскольку римлянин Промот и франк Баутон погибли в засаде, подстроенной, скорее всего, Флавием Руфином, а франк Рихомер, дядя Арбогаста, умер от болезни незадолго до смерти Валентиниана.

Исход противостояния был разрешен в генеральной битве (Socr. Schol. V.25), которая состоялась на р. Фригид близ г. Аквилея в 394 г.[8] Обстоятельства этой битвы туманны: практически каждый автор описывают эти события по-своему, приводя детали, о которых не упоминали прочие (Socr. Schol. V.25; Theod., V.24; Soz., VI.24; Zos., IV.55-58; De Caes., XLVII).

Одним из наиболее дискуссионных является вопрос о командирах войска Феодосия, поскольку, по различным сообщениям, управление осуществляли Тимасий и Стилихон, или Тимасий единолично, при том, что Стилихон был его заместителем. В числе командиров также упоминаются гунн Савл, гот Аларих и ивер Бакурий, погибший в начале сражения вместе с крупнейшим варварским подразделением в войске Феодосия, что с удовольствием отмечает Павел Орозий, игнорируя, как и на протяжении всего последующего текста, заслуги Стилихона (Oros., 7.35).

Кроме того, восточные армии, которые Феодосий, в последние годы своей жизни повёл спасать Запад в борьбе против Евгения, не вернулись к Востоку, но, наряду с западными армиями, были оставлены под командованием Стилихона[9]. Подобная концентрация военных сил Востока и Запада никогда более не достигалась. В противовес этой чудовищной власти была позиция Руфина, которого Феодосий оставил как «опекуна» своего сына Аркадия и управителя на Востоке. Феодосий выше ценил Руфина, чем Стилихона, учитывая его назначение консулом в 392 г. Этой славы никогда при жизни Феодосия не получит Стилихон[10], но Руфин был лишь гражданским администратором, без военных частей под его прямым командованием.

Наиболее значимым произведением, целиком посвящённым правлению Флавия Стилихона, является панегирик De Consulatu Stilichonis Клавдия Клавдиана. Первые две части панегирика: о военных и мирных доблестях, были рецитированы в Медиолане, сразу же после принятия Стилихоном консульства в начале 400 г., а третья – в Риме, месяцем позже, по случаю триумфального вступления.

«Се, продолжают, сполна благосклонствуя, вышние римску
Радость, новыми нам успехи успехами множа…» (1-3).

Так начинается этот панегирик, вследствие чего очевиден вывод: как и в Эпиталамии на брак Гонория Августа, Стилихон изображён наилучшим правителем «Вечного города», преумножающим его величие и славу.

Сразу после смерти Феодосия Великого, при поддержке недовольных политикой Руфина вельмож Восточного двора (Евтропий, Тимасий, Промот) и командующими варварскими частями в составе римской армии (Гайна, Трибигильд), Стилихону удалось организовать убийство Руфина (Zos. V. 1-14). После подготовленного убийства Руфина, Стилихон надеялся захватить в свои руки Восток, но встретил отпор в лице человека, кото-

---

[5] Cameron A., Long J. Barbarians and the politics at the court of Arcadius. LA, 1993. P. 484.

[6] Подробнее, см.: Мехамадиев Е. А. Проблема разделения армии между Западной и Восточной Римской империей в период регентства Стилихона (395-408 гг.): союзные этнические подразделения и федераты // Античная древность и средние века. Вып. 40. Екатеринбург, 2011. С. 21-30.

[7] Croke B. Arbogast and the Death of Valentinian II // Historia. 1976. Vol. 25.

[8] Подробнее, см.: Парфенова Н. В. Геркулес и Юпитер против Христа: битва при Фригиде (394 г.) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2005. Вып. 6. С. 3-8.

[9] Mazzarino S. Stilicone. Rome, 1942. P. 2.

[10] Хизер П. Падение Римской империи. М., 2011. С. 296.

рый принял наиболее активное участие в заговоре – трон занял евнух-кувикулярий Евтропий.

Пока происходило свержение Руфина, вестготы соратника Стилихона в битве при Фригиде Алариха из северной Фессалии двинулись в Беотию (Zos. V.12), спеша пройти то самое ущелье, где отдали жизни за бессмертный подвиг 300 спартанцев. Вся Беотия и все местности, через которые прошли варвары, «были обречены на гибель» (Zos. V.5).

В это время правительство Запада разрабатывало план возвращения префектуры Иллирик под своё управление. Столица Галльской префектуры переносится в Арль (Olymp. 2). Стилихон проверяет оборону рейнской границы и завязывает переговоры с представителями франкских и алеманнских племен. Подготовлен мирный договор. Надеясь на него, Стилихон вывел из Галлии в Италию три легиона, чем ослабил оборону Рейна[11].

Но действия Стилихона были противоречивыми. Окружив вестготов, он воздержался от наступления на их лагерь. Вместо этого Стилихон предавался кутежам с «бессовестными женщинами», а его воины грабили местных жителей (Zos. V.7). Павел Орозий, рассказывая об этих событиях, заявил, что он предпочитает умолчать об Аларихе и его готах, окруженных и оставленных без наказания (Oros. VII. 37, 2).

В 396 г. Аларих был изгнан из Греции, а Гонорий и Стилихон, судя по всему, не были едины в отношении к вестготам. В итоге Стилихон нанял их для вторжения в земли императора Аркадия, что позволяло не оставлять крупный гарнизон на границах Италии и не бояться вторжения.

Будучи «знатнейшем мужем из тогдашних» (Soz. IX, 6), Стилихон пытался породниться с императором. В начале 398 года ему это удалось – Стилихон породнился с императором Гонорием, выдав замуж за него свою тринадцатилетнюю дочь от Серены (Zos. V.12.1; Marcell. Chron. [CM 2.69]), и вскоре принял командование над всей армией, преумножая свое могущество. Этот брак воспевается в Эпиталамии, автор которого позволяет себе называть Гонория «новичком», а Стилихона уважительно именует «почтенным мужем» (Claud. Epit. 23-24).

В то же время, Византия объявила Стилихона врагом государства и завязала переговоры с комитом Африки Гильдоном, прекратившим доставку продовольствия Риму. Стилихон был вынужден оставить Ахайю и заняться снабжением Рима за счёт Галлии и подготовкой войны против Гильдона. Он вывел из Галлии еще шесть легионов, чем окончательно ослабил оборону Рейна (Cl. Claud. De bello Gildonico, v. 415-423). Безопасность границ должен был обеспечить договор с франками и алеманнами, подписанный летом 398 г. в Милане[12].

Полководец Маскелдел (в других вариантах – Масцизель, Масцельд), используя поддержку Флавия Стилихона, заставил бежать Гильдона. Вскоре Гильдон убил себя сам (Marcell. Chron. 398, 4), а Маскелдел заслужил триумф, вернув африканские территории в состав империи Гонория (Zos., V.11). Возможно, данное Маскелделу почётное право вызвало зависть его покровителя, и скорая гибель триумфатора была организована при участии Флавия Стилихона (Zos., V.11)[13].

Поскольку Византия отвергла великодержавные притязания Рима, Клавдиан, близкий ко двору[14], призывал к войне против Константинополя и требовал разрушения его. «Один город, — писал он, — мы уступаем фуриям-мстительницам, во искупление мира» (Cl. Claud. In Eutrop. II, v. 39).

В 398 г. готы, поселенные еще Феодосием Великим в малоазиатской области Фригии, подняли восстание под предводительством своего вождя Трибигильда и разоряли страну. Именно эти события послужили отправной точкой к стремительному падению Евтропия. Посланный усмирить восставших полководец Гайна в 399 г. объединился с Трибигильдом, добился убийства евнуха-кувикулярия и скорого изгнания своего ставленника Флавия Аврелиана, ставшего консулом в 400 г. Безусловно, результаты деятельности Гайны были особенно выгодны Стилихону, но Гайна, судя по всему, преследовал и

[11] Джонс А. Х. М. Гибель античного мира. Ростов-на-Дону, 1997. С. 313.

[12] Клавдиан. Полное собрание латинских стихотворений. СПб., 2009. С. 630.

[13] Зосим – единственный источник, который зафиксировал детали кончины Маскелдела, но это может быть актом пропаганды, инициированной Восточным двором, поскольку подобные обстоятельства отсутствуют у других авторов, описавших данные события (Ср.: Oros. VII, 36,6).

[14] См.: Cameron A. Claudian: Poetry and Propaganda at the Court of Honorius. L., 2002.

собственные интересы: он стремился улучшить своё положение на Востоке, пытаясь заполучить в союзники Иоанна Златоуста (Theod. V.32-33, Soz. VIII.4).

В ноябре 401 г. Аларих двинулся на запад, а Стилихон укрепил стены города Рима, вызвал легионы из Британии и рейнскую армию и решил пересечь ему путь в Реции (Zos. V. 26), оставив Гонория в Милане. В 402 г. Аларих осадил Милан, но подоспевший Стилихон сразился с ним при Полленции в день Пасхи, что с негодованием отмечали христианские писатели (Oros. VII, 37). Своими действиями Аларих, скорее всего, намеревался заключить выгодное соглашение со Стилихоном. Стилихон, в свою очередь, с помощью Алариха намеревался присоединить Иллирик к империи Гонория, и, в зависимости от результата соглашения, он предполагал привести свой план в исполнение (Olymp. 3, Soz. VIII, 25; IX, 4).

А уже в следующем году Стилихон сам стал триумфатором, заключив с Аларихом мир, считавшийся удачным, несмотря на то, что Стилихон не сумел добиться максимального результата, однако, прекратил наступление Алариха, благополучно завершив, таким образом, свой очередной поход в Грецию (Zos., V.25-26). Гонорий лично убедил сенат в правильности принятого решения и разделил триумф со Стилихоном, расположившись с ним одной колеснице. Оба надели тяжелые золотые украшения и облачились в традиционные ornamenta triumphalia, их лица были раскрашены краской[15].

В 405 г. (или в 404 г.) язычник-гот Радагайс сумел продвинуться вглубь Италии во главе четырёхсот тысяч галлов и германцев, обитавших за Рейном и Дунаем (Zos. V. 26.3). Эти данные Зосима – основного источника – не вполне подтверждаются другими авторами: Радагайс в других источниках назван «скифом», а число воинов – двести тысяч (Oros. VII. 37.8; Marcell. Chron. [2.68]) с уточнённой племенной принадлежностью — «готы» (Oros. VII.37.8). Такая численность войск, учитывая общую численность варварских племён, представляется вполне правдоподобной. Возможно, данные Зосима не совпадают с иными из-за совмещения им работ Евнапия и Олимпиодора и возникших, вследствие этого, ошибок и искажений (отсутствие в описании вторжения через Рейн 406 г., путаница в указании географических названий)[16].

Пытаясь остановить наступление, Флавий Стилихон объединил под своим командованием 30 подразделений и выступил в союзе с готами, аланами и гуннами (Zos. V.26.4) против разделившего свои орды на три части Радагайса, осадившего Флоренцию и вызвавшего панику римлян (Oros. VII.37.9). Объединённым войскам удалось оттеснить Радагайса на высоты Фьезоле и обрезать все каналы поступления вооружения и продовольствия (Oros. VII.37.13). Сопротивлявшиеся противники, изможденные голодом, были триумфально разгромлены, а остальные – сдались или же вступили в войска Стилихона в качестве наёмных воинов (Zos. V.26.5; Olymp. 9). Радагайсу отрубили голову и обменяли её пленникам на золотые слитки (Marcell. Chron. [2.68]), распродав многих воинов вождя в качестве рабов по низкой цене (Oros. VII. 37.12).

Роль командующих войск, одержавших победу над Радагайсом, определяется в источниках прямо противоположно: Сар и Ульдин названы победителями Радагайса, а Стилихон и вовсе не упоминается Орозием и Комитом Марцеллином (Oros. VII. 37.12; Marcell. Chron. [2.68]), или же подробно описано «героическое спасение всей Италии» Стилихоном, удостоенным за этот подвиг всяких почестей, без упоминания имён союзников, сражавшихся под его началом (Zos. V.26.5). Однако значимая роль Стилихона в битве при Фьезоле отчасти подтверждается намёком на «проявление доблестей людей, тем более, врагов» (Oros. VII.37.12). Отрицание же его заслуг объясняется, скорее всего, его происхождением и проводимой Стилихоном при дворе императора Гонория политикой, в том числе, попыткой установления династических связей, чему христианский автор даёт резко негативную оценку (Oros. VII. 37.17-18).

Тем не менее, победа, одержанная над «самым страшным из прошлых и нынешних врагов» (Oros. VII. 37.8), являлась безусловной военной удачей и наиболее крупным успехом в полководческой карьере Стилихона[17], который не был воспет ушедшим к тому времени из жизни Клавдием Клавдианом, пропагандистом всех прошлых дел и заслуг Флавия Стилихона. Увы, не способствовала эта победа и укреплению авторитета триум-

[15] Мэттьюз Р. Гладиаторы. М., 2003. С. 304.

[16] Сиротенко В. Т. История международных отношений во второй половине IV – начале VI вв. Пермь, 1975. С. 68.

[17] Bury J.P. History of the Later Roman Empire. V. I. L., 1958. P. 104.

фатора, а лишь разожгла зависть политических противников, пытавшихся в будущем скомпрометировать его, обвиняя в отношениях с варварами.

Эти победы укрепили авторитет «защитника Рима» при дворе Гонория, учитывая оказанную императору часть. Однако оппозиционная политическая группировка ставила ему в упрёк образованный по его инициативе союз с гуннами Ульдина и готами Сара против Радагайса (Oros.VII.37.12). К слову, после падения Стилихона только Зосим и Галльская хроника сохранили память о нем, как о герое Фьезоле[18].

Несмотря на успешность политики сдерживания варваров, против Стилихона работало его варварское происхождение; крайне малое количество его сторонников обладали влиянием и являлись самостоятельными политическими фигурами. Его активная политика и стремление решить внешнеполитические задачи государства при отсутствии легитимности привели к обвинению в «филоварварской» политике, сговоре и государственной измене (Olymp. 7). Император Гонорий оказался внушаемым[19]: Стилихон был лишен всех званий и казнен 23 августа 408 г.[20] Складывается впечатление, что его попытка усилить империю лежала на одних весах с губительными для империи последствиями: его гибель во многом предопределила падение Рима в 410 году.

Таким образом, на протяжении 395-408 гг. Флавий Стилихон, используя свой полководческий и дипломатический талант, умело пресекал нашествие варварских племён и сумел защитить центр Империи, ослабив, однако, защиту на окраинах (отозвав легионы из рейнских земель, Галлии, Британии). Помимо противостояния с вельможами Восточного двора, успешных военных кампаний против Гильдона и Алариха, наиболее значимым достижением в карьере Стилихона является разгром вторгнувшегося на территорию империи Радагайса.

Ярко выраженный патриотизм и этатизм этого варварского по происхождению полководца и государственного деятеля Позднего Рима, который первым, по сути, стал верховным военным правителем, на деле более важным, нежели император, является важным историческим феноменом. Стилихон открывает собой ряд «генералиссимусов» Западного Рима, фактически правивших им в течение V в. вместо равеннских императоров, вплоть до отправки инсигний в Константинополь в 476 г. германскими вождями.

MILITARY CAMPAIGNS OF FLAVIUS STILICHO – «THE LAST DEFENDER OF ROME»

D.E. BOGDANOV

Belgorod National Research University

e-mail: ignorabim@yandex.ru

The article is devoted to the military career Flavius Stilicho who was the commander of Roman army and ruled the Western Roman Empire from 395 to 408 A.D. Stilicho became a *magister militum* during the reign of Theodosius the Great. Since 395 A.D. he had the emperor's power and was called "the last defender of Rome" because of his permanent armed fights against the barbarians and the Eastern Court. The paper deals with different views about the causes pronounced patriotism and etatism this barbaric origin commander and statesman Late Rome, who was the first, in fact, became the supreme ruler of the military, in fact, more important than the Emperor.

Key words: Flavius Stilicho, the late antiquity, the Roman army, Theodosius the Great, Alaric, Radagaisus.

[18] O'Flynn J.M. Generalissimos of the Western Roman Empire. Edmonton, 1983. P. 41.
[19] См.: Cameron A. Claudian: Poetry and Propaganda at the Court of Honorius. Oxford, 1970.
[20] O'Flynn J.M. Above mentioned. P. 14.

УДК 94(44).012

EPISCOPUS BONUS: ЭПИСТОЛЯРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА У СИДОНИЯ АПОЛЛИНАРИЯ

Э.М. МАНУКЯН

Ивановский государственный университет

e-mail: manukyan_33@mail.ru

В настоящей статье рассматривается образ идеального епископа в представлении Сидония Аполлинария (430 – ок. 490 гг.), галло-римского аристократа и епископа V столетия. Исследование проводится на базе его обширного эпистолярного наследия. Особый акцент ставится на соотношении в образе аристократических и аскетических характеристик. Автор приходит к выводам, что трансформация литературного образа епископа в эпоху Поздней Античности являлась непосредственным следствием сложного и многоликого процесса усиления епископата и обоюдной интеграции традиционной римской и христианской культурных парадигм.

Ключевые слова: позднеантичная Галлия, галло-римская аристократия, Церковь, епископат, монашество, аристократизм и аскетизм, Сидоний Аполлинарий, эпистолография, мировоззрение, образ идеального епископа.

Имя высокое знатность его вела от начала,
В Риме род таковой в сонм бы сенатский вступил…
Вышняя ца́рей любовь, столп отчизны, отцов защищенье,
Покровитель друзей, града и граждан краса,
Храмов зиждитель святых, неимущим даятель безмолвный,
Странноприимец благой, снедью дарящий гостей…
Он царей умирял, ободрял граждан управленьем;
Радость людская, увы! Днем унеслася одним.

(Венанций Фортунат.
Эпитафия Леонтию второму,
епископу Бордо[1])

Постепенное развитие Церкви и церковной организации в эпоху Поздней Античности, во многом усиленное религиозными реформами равноапостольного императора Константина, а затем и решающими эдиктами его не менее великого последователя Феодосия, и, как следствие этого, подъем Церкви Христовой в IV-V вв., сопровождались параллельным усилением статуса и роли епископского сана в римском обществе. При этом ослабление светских политико-административных структур в V в. могло только способствовать тренду на престиж церковных чинов, ибо в это время обнаруживается активная интеграция римской аристократии в кадровый состав высшего духовенства, которая привносила в церковно-христианскую жизнь и идеологию многие элементы, присущие ее элитарной культуре.

В то же время, мы видим, как монашеское движение, еще недавно зародившееся в колыбели египетских пустынь, с непостижимой скоростью движется с Востока на Запад, дабы там быть воспетым такими подвижниками идеологии *imitatio Christi*, как Иоанн Кассиан и Евхерий Лионский[2]. Идея монашеского созерцания овладела умами не только простолюдинов, но и нобилитета. По словам выдающегося исследователя Поздней Античности А. Х. М. Джоунса, «пустынники, монахи и монахини выходили из всех слоев общества: от высших до самых низших»[3]. Большинство таких монахов потом возвращалось в мир, чтобы занять епископский престол, оставаясь при этом монахами и продолжая вести аскетический образ жизни.

[1] Венанций Фортунат. Избранные стихотворения / пер. с лат., вступ. стат. и коммент. Р. Л. Шмаракова. М., 2009. С. 92-93.

[2] См. об этом: Cristiani L. Lérins et ses fondateurs. Saint-Wandrik, 1946; Pricoco S. L'isola dei santi. Il cenobio di Lerino e le origini del monachesimo gallico. Roma, 1978; Chadwick O. John Cassian. Cambridge, 1968; Stewart C. Cassian the Monk. Oxford, 1998; Фокин А. Р. Преподобный Иоанн Кассиан // Арелатские проповедники V-VI вв. М., 2004. С. 330-362; Etaix R. Eucher de Lyon // Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques. vol. XV. 1968. Col. 1315-1317; Зайцев Д.В. Евхерий // Православная энциклопедия. Т. 17. 2008. С. 696-698.

[3] Jones A. H. M. The Later Roman Empire A.D. 284-602: a Social, Economic and Administrative Survey. Vol. II. Oxford, 1964. P. 931.

Именно в этих условиях, как справедливо говорят исследователи, происходит изменение роли, статуса и самой природы епископского сана в позднеантичном обществе; фигура епископа становится ключевой для культурной, экономической и общественно-политической жизни[4]. Со времен апостольских епископ представлялся как праведный и рачительный блюститель общины с основными функциями распределения материальных благ (ἐπίσκολος – букв. с греч.: «блюститель»). Заданная модель, вскормленная *Первым Посланием Тимофею* и *Дидахе*, позже постоянно корректируется сначала с «узурпированием» епископами власти и над духовной пищей (II в.), потом и над всей общиной[5]. Эта упрощенная нами эволюция замечательно отражается в различных исторических источниках эпохи, начиная с памятников агиографии и заканчивая историями, и выражается, прежде всего, в трансформации самого образа *episcopus bonus* – идеального епископа, который в эпоху Поздней Античности более или менее успешно впитывал в себя порой трудно совместимые качества и характеристики: *аристократические* и *аскетические*. Подобные люди, сочетающие в себе, в той или иной мере, способности как духовных лидеров, так и светских руководителей, становились отличными епископами для своих общин.

Но здесь же у современников возникал один существенный вопрос: какие из этих характеристик все-таки должны преобладать у идеального епископа? В текстах историк сможет найти вполне различные по своей комбинации и иерархии ценностей образы. Между тем, специфика литературного моделирования образа епископа напрямую зависела от региональных реалий и мировоззрения конкретного автора.

В этой статье, на примере писем галло-римского аристократа-епископа Сидония Аполлинария (430 – ок. 490)[6], мы хотим показать, как в мировоззрении людей того времени, прежде всего, представлявших элиту общества, конструировался многосоставный образ христианского епископа, будучи следствием сложного процесса, происходившего в западном мире в эпоху Поздней Античности.

Галльский регион интересен, прежде всего, тем, что тенденции, имевшие здесь место, значительно отличались по характеру от идентичных процессов в других регионах *Pax Romana*. Во-первых, галльский епископат к V в. почти полностью состоял из членов клановой галло-римской аристократии[7]; во-вторых, и галльское монашество подпитывалось во многом за счет представителей местного нобилитета, лучшие из которых позже становились епископами. По словам профессора У. Е. Клингширна, «такое решение поменять отечество на монастырь не было в V в. уникальным среди христиан-аристократов Северной и Центральной Галлии»[8]. Впрочем, это совсем не значило, что все епископы Галлии были из монахов.

---

[4] Rapp C. Holy Bishops in Late Antiquity: the Nature of Christian Leadership in an Age of Transition. Berkeley, 2005. P. 16-23; Maxwell J. Education, Humility and Choosing Ideal Bishops in Late Antiquity // Episcopal Elections in Late Antiquity / Ed. by Johan Leemans, Peter Van Nuffelen, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, Berlin/Boston, 2011. P. 462-463.

[5] См. об этом: Лебедев А.П. Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века. СПб., 1997. С. 49-63; 108-156; Jay E.G. From Presbyter-Bishops to Bishops and Presbyters // JECS. 1993. Vol. I. № 3. P. 125-162; Rebillard É., Sotinel C., éd. L'évêque dans la cité du IVe au Ve siècle: Image et autorité. Rome, 1998; Sullivan F. A. From Apostles to Bishops. The Development of the Episcopacy in the Early Church. New York, 2001.

[6] См. о нем: Ешевский С. В. Аполлинарий Сидоний: Эпизод из литературной и политической истории Галлии V в. Собр. соч. в 3-х т. М., 1870. Т. 3; Карсавин Л. П. Из истории духовной культуры падающей римской империи (Политические взгляды Сидония Аполлинария). СПб., 1908; Буяров Д. В. Мировоззрение и сочинения Сидония Аполлинария в контексте позднеантичной культуры. Благовещенск, 2009; Литовченко Е. В. К образу Аполлинария Сидония: человек поздней Античности // Научные ведомости БелГУ. 2007. № 3 (34) С. 30-39; Шкаренков П. П. Образ идеального императора в панегириках Сидония Аполлинария // Школа теоретической поэтики. Сборник научных трудов к 70-летию Натана Давидовича Тамарченко. С. 259-268; он же. На перекрестке эпох: репрезентация варварских правителей в сочинениях Сидония Аполлинария // Цивилизация и варварство. 2013. № 2. С. 152-180; Stevens E. Sidonius Apollinaris and his Age. Oxford, 1933; Loyen A. Sidoine Apollinaire et l'esprit précieux en Gaule aux derniers jours de l'empire. Paris, 1943; Rousseau Ph. In Search of Sidonius the Bishop // Historia. 1976. № 25 P. 356-377; Harries J. A. Sidonius Apollinaris and the Fall of Rome, AD 407-485. New York, 1994; Gotoh A. The Consecration of Sidonius Apollinaris // Studia Patristica. 1997. № 29. P. 40-45; Le Guillou J. Sidoine Apollinaire: L'Auvergne et son temps. Aurillac, 2001; Mascoli P. Un nobile galloromano: Apollinare il Vecchio // Annali della Facoltà di lettere e filosofia dell'Università di Bari. 2002. № 45. P. 3-16; Grzywaczewski J. La culture romaine en Gaule au Ve siècle d'après Sidoine Apollinaire // Annales. 2007. № 10 P. 116-138; Waarden van J. Sidonio Apollinare, poeta e vescovo // Vetera Christianorum. 2011. № 48. P. 99-113; Waarden van J., Kelly G. (eds.). New Approaches to Sidonius Apollinaris. Leuven, 2013.

[7] Gassman P. Der Episcopat in Gallien im 5. Jahrhundert: Diss. Bonn, 1977. S. 64-67.

[8] Klingshirn W. E. Caesarius of Arles: The Making of a Christian Community in Late Antique Gaul. Cambridge, 2004. P. 20.

Классический пример – Сидоний Аполлинарий, бывший до своего посвящения в сан политиком (занимал пост *praefectus Urbi* ок. 468 г.), светским литератором и панегиристом сменяющих друг друга императоров, одному из которых он даже приходился зятем (речь об императоре Авите /455-456/). Ок. 471 г. он становится епископом небольшого города Клермон, что в Оверни (в провинции Аквитании Первой)[9]. Происходя из благородной христианской семьи[10], он впитал в себя как христианские, так и традиционалистские элементы, что делает сочинения этого человека только интереснее и богаче для исследователей. Почти все адресаты писем Сидония, собранных в 9 книгах, являются его соотечественниками и аристократами, треть из которых – это епископы галльских церквей. Его сохранившиеся произведения – это, по сути, «панегирик» всей галло-римской аристократии, пытавшейся выполнять свои привычные занятия и функции в тяжелых условиях общего кризиса и вторжения варваров. Активная переписка римской элиты замечательно показывает стремление к сплочению ее представителей на фоне самых тяжелых обстоятельств[11]. И некоторые из них старались держаться вместе уже в новой роли – представителей клира[12].

Специфика эпистолярного жанра в античности заключается в том, что он породил такое явление, как «открытое письмо», т.е. письмо, предназначенное не только для прочтения его адресатом, но и другими людьми[13], возможно, определенного круга. В дальнейшем такое письмо могло публиковаться[14]. Послания Сидония были обращены к галльской аристократии и несли в себе определенную цель. Это предельно важно в контексте нашего понимания образа идеального епископа в его эпистолярной репрезентации.

«PATER PATRUM, EPISCOPUS EPISCOPORUM». ЕПИСКОП КАК ЦЕРКОВНЫЙ СЛУЖИТЕЛЬ

Примечательно, что образ епископа, конструируемый Сидонием, основан на характеристике реальных людей, к которым он относился с самым глубоким почтением. С другой стороны, он вполне мог наделять людей какими-либо особыми качествами, даже если таковыми они и не обладали в полной мере[15], что и делает этот образ идеальным. Первое письмо т.н. «серии епископских посланий» адресовано одному из самых авторитетных и старейших иерархов Галлии – епископу города Труа Лупу (383-479)[16], его давнему другу. По сути, это письмо представляет собой ответ на поздравления по поводу рукоположения Сидония[17].

Весь текст послания строится на основе образной антитезы: новоиспеченный епископ Сидоний противопоставляет себя, «недостойнейшего из смертных», не заслуживающего священного сана грешника – Лупу, «образцу нравственности» и «столпу всех добродетелей». Луп Труаский предстает перед нами в образе главного блюстителя церковного порядка своего времени, советчика и утешителя для всех христиан: «Благословен Дух Святой и Отец Бога Всемогущего, что ты, отец отцов, епископ епископов и второй Иаков

---

[9] Обстоятельства его избрания неизвестны. Скорее всего, он был избран по обоюдной воле населения Оверни и духовенства как наиболее влиятельный аристократ в южной и центральной Галлии.

[10] Дед, а затем и отец Сидония были префектами Галлии. Дед же Сидония первым из членов его семьи принял христианское вероисповедание (Sidonius Apollinaris. Ep. I.3; V.9.). Таким образом, Сидоний был христианином в третьем поколении.

[11] Литовченко Е. В. Письма Сидония как образцы эпистолярного жанра в позднеримской литературе // CURSOR MUNDI: человек Античности, Средневековья и Возрождения. Иваново, 2014. Вып. 6. С. 8.

[12] Mathisen R.W. The Ideology of Monastic and Aristocratic Community in Late Roman Gaul // POLIS. 1994. №6. P. 203-205.

[13] От редакции // Античная эпистолография. М., 1967. С. 3.

[14] См. подр. об античной эпистолографии: Античная эпистолография … ; Альбрехт М. фон. История римской литературы в 3 томах. М., 2005. Т. 1. С. 561-568; Т. 2. С. 1248-1261; Т. 3. С. 1566-1580; Ebbeler J.V. Pedants in the apparel of heroes? Cultures of Latin letter-writing from Cicero to Ennodius. Ph.D. diss., University of Pennsylvania, 2001.

[15] Буяров Д. В. Христианский уровень в мировоззрении Сидония Аполлинария // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 1. С. 24.

[16] См. о нем: Krusch B. Vita sancti Lupi episcopi Trecensis // Vita sancti Lupi episcopi Trecensis // MGH. S. rer. Merov. T. III. Hannover, 1896. S. 117-120; Mathisen R.W. Lupus // PLRE II: Suggested Addenda and Corrigenda // Historia. 1982. № 31. P. 377-378; Mathisen R. W. Hilarius, Germanus, and Lupus: The Aristocratic Background of the Chelidonius Affair // Phoenix. 1997. №33. P. 160-169; Kaufmann F. Lupus // Studien zu Sidonius Apollinaris. Frankfurt am Main, 1995. S. 321-322.

[17] См. об этом: Манукян Э. М. Переписка Сидония Аполлинария и Лупа Труаского // CURSOR MUNDI: человек Античности, Средневековья и Возрождения. Иваново, 2014. Вып. 6. С. 17-23.

своего века, наблюдаешь с некой дозорной башни любви, не уступающей Иерусалиму, за всеми членами Церкви Бога нашего, что ты достоин утешить всех слабых и заслуженно быть для всех советчиком»[18]. Как видно из приведенного отрывка, задействуя слова Псевдо-Климента из его послания к сщмч. Иакову Иерусалимскому (*episcopus episcoporum*)[19], автор приравнивает своего почтенного адресата к самому «брату Господнему», апостолу от 70 и первому епископу Иерусалима. Чтобы со всей очевидностью провести эту параллель, Сидоний прямо говорит далее: *«et alter saeculi tui Iacobus»*. Дабы гиперболизировать данное сравнение и подчеркнуть роль галльской церкви и ее лидера, автор вводит в оборот метафору «дозорной башни (*specula*) в Иерусалиме», т.е. горы Сион, – метафору, которая была развита африканской экзегетической традицией[20] и, по всей вероятности, оттуда и транслировалась в галльский регион.

Луп – наследник апостолов; Сидоний называет апостола Петра «сподвижником» (*collega*) Лупа, в то же время, сравнивая себя «грешника» с новозаветным прокаженным (*Лк.* 5:12.)[21]. Он превращается в истинного первосвященника Христовой Церкви, авторитет которого безоговорочен: «…вне сомнения, ты первый из всех понтификов во всем окружающем мире… сонмища сподвижников признают твое первенство и даже трепещут от твоей строгости»[22].

Сидоний также вспоминает о духовной брани монаха Лупа в Леринской обители[23], куда он убежал, отрекшись от светской аристократической жизни, говоря об этом его жизненном периоде как о «суровых караулах Леринской службы»[24]. Вообще, образ епископа Лупа как воина Христова достаточно развит в тексте. В частности, применительно к нему употребляются такие термины, как *primipilaris*[25], *dux*[26], *tubicen*[27]. Вот, к примеру, «батальная сцена» с участием нашего героя на передовой: «Ты, опытный полководец, сумел, как передают, собрать пораженных из вражеских рядов и, словно искуснейший горнист, протрубить отступление от грехов к Христу»[28]. На самом деле под этими ратными подвигами Сидоний подразумевает успешную борьбу епископа Труа с пелагианской ересью в Британии[29], куда он в свое время отправился вместе с Германом Осерским (ок. 429 г.)[30].

Довольно интересен образ епископа-пастыря, который лучше всего выражен в аллюзии на притчу о пастухе из *Евангелия от Луки* (15:4-7): «подобно евангельскому пастырю ты больше радуешься, если они [паства Лупа] оставляют отчаяние, нежели, если бы они всегда оставались невредимыми»[31].

Но все-таки ключевым для данного текста является образ епископа-ходатая и посредника (*intercessor*) между паствой и Господом. Не случайно в этой канве автор приводит распространенный в христианской традиции топос «епископ-Моисей», уходящий своими корнями к *Апостольским постановлениям (Кн. 2, гл. 30)*: «Но если ты, как Моисей, скорее младший, нежели меньший, – говорит Сидоний, – станешь ходатаем за массу моих злодеяний между мной и Господом нашим, с Которым ты несешь один крест, то не будем мы более погружаться живыми в преисподнюю и, воспламененные побуждениями плотских пороков, не станем впредь возжигать чужой огонь на алтаре Господа; …мы бу-

---

[18] Sidonius Apollinaris. Ep. VI. 1. 1 // Gai Sollii Apollinaris Sidonii Epistulae et Carmina / Rec. Chr. Luetjohann // MGH AA Bd. 8. Berlin, 1887. 484 s.

[19] Clemens Romanus. Epistola ad Jacobum // Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Ed. J.-P. Migne. P., 1857. T. 2. Col. 32–33.

[20] Даниэлу Ж. Истоки латинского христианства. Париж, 1978. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/Danielou/_01.php

[21] Sidonius Apollinaris. Ep. VI. 1. 2.

[22] Sidonius Apollinaris. Ep. VI. 1. 3.

[23] Леринский монастырь – древнейшая и знаменитейшая христианская обитель Галлии; был основан ок. 410 г. св. Гонoратом на одном из Леринских островов (совр. Saint Honorat), расположенных в 3 км от современного города Канны (Франция). Св. Луп, увлечённый славой св. Гонората, подвизался в монастыре ок. 425 г.

[24] Sidonius Apollinaris. Ep. VI. 1. 3.

[25] Ibid.

[26] Sidonius Apollinaris. Ep. VI. 1. 4.

[27] Ibid.

[28] Ibid.

[29] Grégoire J. F., Collombet F. Z. Œuvres de C. Sollius Apollinaris Sidonius. Paris, 1836. T. I. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://remacle.org/bloodwolf/historiens/sidoine/index.htm

[30] Сообщения об этой миссии содержатся в хронике Проспера Аквитанского (429. 1301) и в житие св. Германа Осерского, написанном Констанцием Лионским (3. 12-16), священником и другом Сидония.

[31] Sidonius Apollinaris. Ep. VI. 1. 4.

дем изрядно и вдосталь радоваться, если по молитве твоей мы сможем укрепить нашего внутреннего человека, даже если и не невредимую душу для воздаяния, то, по крайней мере, исцелённую для прощения»[32]. Это последние слова послания, но их смысл – центральный. По сути, и само это письмо является водораздельным во всем девятикнижии, ибо событие, послужившее для него поводом, ввело Сидония в новую жизнь с абсолютно другой ролью – епископа. И не случайно он изображает своего знаменитого коллегу, ставя акцент на его миссии заступника и ходатая человека перед Богом: новоиспеченный и совсем неопытный клирик выражает надежду, что епископ Луп поддержит его как друга и посредством своей молитвы попросит прощения за его грехи и прежнюю жизнь, якобы не совместимую с его теперешним положением.

«NON EPISCOPUS, SED POTIUS ABBAS». ИНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА

Трудно говорить о степени искренности некоторых положений из послания, но то, что Луп покажется читателю идеальным епископом, – неоспоримо. Но посмотрим, как Сидоний будет применять данную схему на практике. Спустя некоторое время после хиротонии ему предстояло пройти настоящее «боевое крещение» в Бурже, где коллегия епископов, в состав которой входил и Сидоний, должна была избрать нового митрополита[33]. Выбор пал на мирянина Симплиция – местного магистрата из влиятельной аристократической семьи[34]. Свою соборную речь (*Contio*) Сидоний включил в письмо епископу Лиона Перпетую[35]. Благодаря этому, мы можем увидеть, на какие аргументы опирался Сидоний, отстаивая своего кандидата на предстоящих выборах епископа.

Итак, уже в вводной части своей речи, где Сидоний дает пояснения, почему он выбирает кандидата из вполне определенного слоя, мы встречаем такую любопытную фразу: «Если я провозглашу кого-нибудь из монахов, то будь он подобен Павлам, Антониям, Иларионам и Макариям, имей он преимущества усердного анахоретства, неблагодарные ничтожества тут же прозвенят мне уши нестройным ропотом, растерзают их шумом и жалобами: "этот избранник, проворчат они, надлежит для звания не епископа, но аббата: ему лучше ходатайствовать за души пред небесным судьей, чем за тела, пред земным..."»[36]. Не стоит питать иллюзий, что позиция Сидония здесь сильно расходится с мнением этих, как он выразился, «неблагодарных ничтожеств». Далее мы еще не раз убедимся, что сей пассаж задал определенный вектор для всей декламации.

Рекомендацию своего протеже Сидоний начинает с акцента на знатном происхождении Симплиция, предки которого занимали как светские, так и духовные должности[37]. Затем он заостряет внимание на некоторых способностях кандидата, в частности, на таких, как опыт административного управления, поскольку Симплиций занимал достаточно высокий чин в городе[38]; как наличие политико-дипломатической практики, поскольку тот принимал участие в посольских миссиях к «королям, одетым в шкуры» и «принцепсам, облаченным в пурпур»[39]; как финансовая состоятельность кандидата, воплощенная в постройке им храма в Бурже[40], по сравнению с которой грандиозные архитектурные деяния царя Соломона просто меркнут (разумеется, не без помощи искусного ритора)[41]. Сидоний также апеллирует к классической образованности Симплиция, назы-

---

[32] Sidonius Apollinaris. Ep. VI. 1. 6.

[33] См. об этом: Waarden van J. Episcopal Self-Presentation: Sidonius Apollinaris and the Episcopal Election in Bourges AD 470 // Episcopal Elections in Late Antiquity / Edited by Johan Leemans, Peter Van Nuffelen, Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, Berlin/Boston, 2011. P. 555-561; Манукян Э.М. К вопросу о выборе епископа в Галлии V века: критерии, мотивации, цели (на примере выборов в Бурже ок. 471 г.) // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы докладов XXXIII всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб., 2014. С. 333-339.

[34] В одном из писем Сидоний называет Симплиция vir spectabilis (Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 8. 2.).

[35] Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 9.

[36] Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 9. 9.

[37] Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 9. 16-18.

[38] Ibid.

[39] Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 9. 19.

[40] Храмы и монастыри, построенные епископами в пределах их *civitates*, выполняли важнейшую функцию репрезентации их власти и финансовой состоятельности (Омельченко Д. М. Цезарий Арелатский и его «Завещание» // CURSOR MUNDI. Человек Античности, Средневековья, Возрождения. Иваново, 2009. № 2. С. 209); см. подр.: Усков Н. Ф. Монастыри в городе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1: Феномен средневекового урбанизма. М., 1999.

[41] Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 9. 21-22.

вая его ученым человеком[42]; при этом, говоря о его религиозных началах, он ограничивается поговоркой: «вся наука из родного дома»[43]; но все же, он не мог не отметить и его пастырские способности, еще в мирской жизни выраженные в каритативной деятельности[44]. Качества, присущие любому *christianus bonus*, тоже не опускаются Сидонием: он говорит о смирении, доброте, дружелюбности и честности Симплиция.

Список характеристик внушителен, но при этом мы мало что сможем найти схожего в образе Симплиция с образом Лупа. Здесь мы видим епископа «светской ориентации». Как бы Сидоний не пытался сделать акцент на присутствие в Симплиции благодати Божьей или даже на чуде, случившемся с ним по воле свыше (*divinitus*)[45], Симплиций более напоминает самого Сидония, нежели епископа-монаха Лупа (держа в уме цитату о монахах). Возможно, мы более приблизимся к истине, если ознакомимся с еще одним посланием.

«ОН НАПОМНИЛ НАМ ЛУПА»

В письме к своему другу Сульпицию, которое, как и два предыдущих, можно датировать примерно 471 г., Сидоний хвалит его сына Гимерия, молодого священника, прибывшего в Лион из Труа, где состоял учеником у самого Лупа[46]. Весь текст – это характеристика Гимерия как священника. Гимерий – мудрый советник для своей паствы, который вне зависимости от собеседника всегда искренен и честен. Он высоконравственен, христолюбив и скромен: «весь замысел своих свершений… [он направляет] ко Христу»[47]; «за столом, в дороге, на совете он уступает своим подчиненным; тем самым сделалось так, что сонм высших с удовольствием ставит себя ниже его»[48]; «в церкви он соблюдает простоту голубя, в обществе – мудрость змея»[49]. Выясняется к тому же то, что Гимерий ведет довольно аскетический образ жизни: «Посты его радуют, пища же утешает; первому привержен он из-за обычая креста, ко второму его склоняют, проявляя любовь: в конце концов, и то, и другое у него под контролем, ибо он обуздывает жажду чрева, определив сколько раз ему вкушать, и бахвальство, определив, сколько раз следует воздерживаться»[50]. Присмотримся к тому, как автор говорит о его религиозной образованности: «Главное же для этого человека – это забота об образовании, но в высшей степени религиозном, где сущность смыслов занимает его более, нежели пена словесности»[51]. И это говорит такой знаток и ценитель классической литературы как Сидоний! Теперь вспомним, насколько мы осведомлены на этот счет относительно Симплиция. Вполне очевидно, что образ священника Гимерия у Сидония удивительно соотносится с образом епископа Лупа. Моральный облик, приверженность аскетизму, религиозная компетентность, церковно-пастырская ориентация деятельности прослеживается в создании как того, так и этого портрета. Сомнения исчезнут, когда мы прочитаем признание самого Сидония: «подражанием нравам он напомнил нам святого епископа Лупа, несомненно, первого из всех галльских понтификов»[52].

Но попробуем обратить внимание именно на то, что́ мы не сможем найти в предложенных Сидонием образах Лупа и Гимерия – это упоминаний о светской миссии церковнослужителя. Здесь и кроется кардинальное отличие образа Лупа от образа Симплиция. Наличие и отсутствие данной установки становится основообразующей для остальных характеристик образа.

---

[42] Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 9. 18-19.
[43] Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 9. 19-20.
[44] Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 9. 19. Каритативная деятельность являлась замечательным выражением христианского милосердия, любви, а также авторитета и материальных ресурсов епископа; см. об этом: Тюленев В. М. Выкуп пленных в контексте становления христианского общества в Западной Европе V – начала VI века // Исторический журнал: научные исследования. 2012. №1 (7). С. 84-91; Klingshirn W. E. Charity and Power: Caesarius of Arles and the Ransoming of captives in Sub-Roman Gaul // Journal of Roman Studies. 1985. Vol. 75. P. 183–203.
[45] Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 9. 20.
[46] Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 13.
[47] Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 13. 3.
[48] Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 13. 4.
[49] Ibid.
[50] Ibid.
[51] Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 13. 2.
[52] Sidonius Apollinaris. Ep. VII. 13. 1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Репрезентацией такого идеального образа епископа в послании Лупу Сидоний, на наш взгляд, пытался решить вполне конкретную задачу: продемонстрировать ставшее уже давно «*традиционным*» для христианства определенное понимание сущности епископского сана (епископ как пастырь и церковный служитель), и, возможно, тем самым, оправдать свое присутствие в клире. На соборе в Бурже Сидоний, уже отталкиваясь от политических реалий своего времени, «дополняет» нам это понимание, предлагая некую «новую модель» епископа, в рамках которой епископ должен выполнять еще и функции светского руководителя (если не в первую очередь). Сидоний транслирует нормы аристократической культуры в клир и в сам образ *episcopus bonus*. Но это совсем не означает, что Луп для Сидония не хорош как епископ или аристократ. Если христианство и доминировало в пространстве центральной и южной Галлии, то это доминирование ко второй половине V века имело сугубо урбанистический характер[53]. Городские общины почти полностью были тождественны общинам церковным. Потому и церковный порядок невозможен без общественного, и более эффективным епископом в условиях тотального кризиса, согласно Сидонию, будет тот, кто до этого имел опыт государственной службы, а не отречения от реального мира, тогда как следование аскетическому образу жизни было бы более приемлемым для священника (*presbyter*), нежели для епископа. Примерно так у Сидония и разрешается вопрос соотношения аскетических и аристократических качеств. Он старается поставить приоритет одного не в ущерб другому.

Сидоний прекрасно знал, что его письма будут прочитаны не только адресатами. Поэтому есть все основания полагать, что созданный им в письмах образ стал элементом не только его индивидуального сознания, но и нашел отклик в сознании его читателей, т.е. знати, или даже отражал это сознание. Казус в Бурже – отличный тому пример: Сидоний, как новоявленный епископ, никогда бы не решился предложить кандидата, заранее зная, что остальные члены коллегии епископов не одобрили бы его выбор.

Образ идеального епископа у Сидония нельзя назвать целостным, он сложен, порой противоречив, даже необычен и не всегда соответствует общим тенденциям для Галлии V в. (относительно епископов из числа монахов, коих было немало). Но, с другой стороны, этот образ четко отражает личность и мировоззрение своего создателя – человека «переходной» эпохи, в котором сочетались различные и порой трудно соотносимые культурные образцы, человека который надеялся, что в условиях кризиса деятельные аристократы объединятся и продолжат выполнять свои прежние функции. Многие же из них, подобно ему, окажутся уже в новой роли – епископов галльских городов. Случай Сидония очень любопытен и помогает нам взглянуть на процесс усиления роли епископата в позднеантичном обществе глазами самих его представителей.

EPISCOPUS BONUS: EPISTOLARY REPRESENTATION OF IMAGE AT SIDONIUS APOLLINARIS

E.M. MANUKYAN

Ivanovo State University

e-mail: manukyan_33@mail.ru

This paper deals with the image of ideal bishop in the presentation of Sidonius Apollinaris (430-490), the Gallo-Roman aristocrat and bishop of fifth century. The investigation is based on his epistolary heritage. Special emphasis is placed on the correlation of aristocratic and ascetic qualities in the image. The author concludes that the transformation of a literary image of a bishop in Late Antiquity is a direct consequence of complex and multifaced process of episcopal strengthening and mutual integration of traditional Roman and Christian cultural paradigms.

Key words: Late Antique Gaul, Gallo-Roman aristocracy, Church, episcopate, monasticism, aristocratism & asceticism, Sidonius Apollinaris, epistolography, outlook, image of ideal bishop.

[53] Уивер Р. Х. Божественная Благодать и человеческое действие: исследование полупелагианских споров. М., 2006. С. 249-250.

УДК 94(495).01

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЕ ПРОГИМНАСМЫ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РИТОРИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ) И ЛИБАНИЙ

А.М. БОЛГОВА

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: bolgova@bsu.edu.ru

В статье рассматривается генезис и развитие жанра прогимнасм – предварительных (начальных) риторических упражнений, которые сложились в первые века н.э. и стали основой начального курса обучения риторике, которое достигло расцвета в IV-VI вв. в различных школах ранневизантийского Востока. В работе приводится типология жанров прогимнасм и приводится их сравнение в различных сохранившихся корпусах. В числе прочих сохранился и корпус прогимнасм Либания, которые распределены по жанрам. Вслед за К. Гибсоном, устанавливается, какие из этих упражнений подлинные, а какие нет. Знание прогимнасм позволит лучше понять позднеантичную риторику в более высоких ее типах – декламациях и речах.

Ключевые слова: риторика, Поздняя античность, прогимнасмы, упражнения, Либаний, школа.

Научившись читать и писать, греческие мальчики из высшего класса в поздней Римской (Ранневизантийской) империи, как правило, записывались в гимнасий конкретного учителя (grammatikos), с которым они намеревались изучать великие произведения классической литературы, ориентируясь на такие основы, как стихотворные размеры, мифологические и исторические аллюзии, а также этимологии[1]. Уже подростками они будут продолжать изучение классиков, либо с грамматиком, либос ритором, и научатся сочинять ряд упражнений, называемых progymnasmata, от слов "упражнения" (gymnasmata) и "предварительные" (про-): это начальная практика декламации.[2]

Во время учебы с ритором студенты будут введены в теорию, шаг за шагом находя метод для определения того, что именно находится в положении риторического "вопроса" в каждом случае,[3] а затем практиковались в составлении и публичном чтении (рецитировании) собственных декламаций (meletai) на основании мифологических, комедийных или исторических тем.[4] Некоторые студенты поступали на еще более продвинутую подготовку к философии.

Курс progymnasmata состоял из четырнадцати упражнений в прозе следующего состава, по мере сложности:

басня (mythos),

повествование (diêgêma),

[1] Gibson C.A. Introduction // Libanius's progymnasmata: model exercises in Greek prose composition and rhetoric / translated with an introduction and notes by Craig A. Gibson / Writings from the Greco-Roman world; 27. Atlanta, 2008. P. XX.

[2] О том, что такое progymnasmata, см.: Kennedy G. Greek Rhetoric under Christian Emperors. A History of Rhetoric 3. Princeton: Princeton University Press, 1983. P. 52–73; Clark, Donald L. Rhetoric in Greco-Roman Education. New York, 1957. P. 177–212; Cichocka, Helena. Progymnasma as a Literary Form // SIFC. 10. 1992. P. 991–1000; Webb, Ruth. The Progymnasmata as Practice // Education in Greek and Roman Antiquity / ed. Yun L. Too. Leiden, 2001. P. 289–316. О латинских progymnasmata см. Bonner, Stanley F. Education in Ancient Rome: From the Elder Cato to the Younger Pliny. Berkeley - Los Angeles, 1977. P. 250–276; о позднеантичных и византийских коллекциях progymnasmata см. Hunger, Herbert. Die Hochsprachliche Profane Literatur der Byzantiner/ HAW 12.5.1–2. Munich, 1978. 1. S. 92–120; Schissel, Otmar. Rhetorische Progymnastik der Byzantiner // Byzantinisch neugriechisches Jahrbuch. 11. 1934. S. 1–10; образцы упражнений, сохранившихся в папирусных фрагментах, см. Cribiore, Raffaella. Gymnastics of the Mind: Greek Education in Hellenistic and Roman Egypt. Princeton, 2001. P. 220–230; Morgan, Teresa. Literate Education in the Hellenistic and Roman Worlds. Cambridge Classical Studies; Cambridge, 1998. P. 190–226.

[3] Heath M. Hermogenes on Issues.Strategies of Argument in Later Greek Rhetoric. Oxford, 1995; Kennedy G. Greek Rhetoric under Christian Emperors. A History of Rhetoric 3. Princeton, 1983P. 73–86; Russell, Donald A. Greek Declamation.Cambridge, 1983. P. 40–73.

[4] Berry D.H., Heath, Malcolm. Oratory and Declamation // Handbook of Classical Rhetoric in the Hellenistic Period (330 B.C.–A.D. 400) / ed. Stanley E. Porter. Leiden, 1997. P. 393–420; Russell, Donald A. Greek Declamation. Cambridge, 1983.

анекдот (chreia),
максима (gnome),
опровержение (anaskeuê),
подтверждение (kataskeuê),
общие места (koinostopos),
восхваление (enkômion),
инвектива (psogos),
сравнение (synkrisis),
речевые характеры (êthopoiia),
описание (экфрасис),
тезисы (thesis),
введение в закон (eisphoratounomou).[5]

Если количество упражнений в дошедших до нас коллекциях точноопределено руководством, то преподаватели в поздней античности и Византии думали, что упражнения в повествовании, речевых характерах и описаниях наиболее важны, а далее важны упражнения в тезисах и введении в закон.[6]

Progymnasmata были разработаны, чтобы дать студентам практику в различных композиционных режимах, идя, как правило, от простых к самым сложным. Каждое упражнение подчеркивало особые композиционные навыки или предметы; многие позже будут включены в качестве «строительных блоков» в более продвинутые упражнения и в полные выступления (речи).

Знание греческой мифологии, важных литературных сочинений (особенно гомеровского эпоса) и основных моментов классической афинской истории сформировали необходимые предпосылки для композиционного обучения.

Через progymnasmata студенты научались формировать свое знание классической литературы – ее мифов, героев и этических ценностей - и превращать его в служебные аргументы. Progymnasmata не только демонстрируют нам в деталях, как и чему в письменном виде, и в каком составе учили в греко-говорящем мире в течение более чем тысячи лет, но и освещают один важный метод, с помощью которого культивировалась элита, осуществлялась передача культурного значения эллинизма в каждом новом поколении.

Греческие progymnasmata известны нам сегодня по двум основным источникам: (1) трактаты, написанные для студентов и / или преподавателей, которые содержат предписания наряду с предлагаемыми темами и полностью или частично разработанными примерами из упражнений, и (2) свободно построенные коллекции образцов упражнений.

Сохранилось четыре трактата с progymnasmata, а именно, Теон (I или V в.), [Гермоген] (вероятно, II в.), Афтоний (IV в.), и Николай Мирликийский (V в.).[7]

---

[5] Таков порядок риторических упражнений, который дает Афтоний; о порядке у других авторов см. Kennedy, George A. Progymnasmata: Greek Textbooks of Prose Composition and Rhetoric / SBLWGRW 10. Atlanta, 2003. P. XIII. Упражнения по введениям в закон были представлены в коллекции Либания речами в поддержку права (synegoria).

[6] Stegemann, Willy. Nikolaos (21) // PW. 17. 1. P. 449; Schissel O. Rhetorische Progymnastik der Byzantiner // Byzantinisch-neugriechisches Jahrbuch. 11. 1934. S. 6; Rabe, Hugo (ed.). Aphthonii Progymnasmata / Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana; Rhetores Graeci 10. Leipzig, 1926. P. XIII. Упражнения в тезисах и законе были иногда полностью опущены как слишком сложные.

[7] О Теоне см. Reichel, Georg. Quaestiones Progymnasmaticae / Ph.D. diss. University of Leipzig, 1909. P. 20–114; Stegemann, Willy. Theon (5) // PW. 5A. P. 2037–2054; Butts, James R. The Progymnasmata of Theon: A New Text with Translation and Commentary / Ph.D. diss. Claremont Graduate School, 1986; текст с комментарием см. Patillon, Michel; Bolognesi, Giancarlo (eds.). Aelius Theon: Progymnasmata / Collection des universites de France. Paris, 1997. Malcolm Heath (Theon and the History of the Progymnasmata // GRBS. 43 [2002–2003]. P. 129–160) обосновал датировку текста Теона V веком. О [Гермогене] см. Radermacher, Ludwig. Hermogenes (22) // PW 8. P. 865–877; Rabe, Hugo. Aus Rhetoren Handschriften, 1: Nachrichtenuber das Leben des Hermogenes // RhM. 62. 1907. P. 247–262; текст см. Rabe, Hugo (ed.). Hermogenis Opera / Rhetores Graeci 6. Leipzig: Teubner, 1913. M. Heath (Theon. P. 158–160) поддерживает мнение, что автор, обычно атрибутируемый как Гермоген, в действительности мог быть Минуцианом. Об Афтонии см. Brzoska, Julius. Aphthonius (1) // PW 1. P. 2797–2800; текст см. Rabe, Hugo (ed.). Aphthonii Progymnasmata. Leipzig, 1926. О Николае см. Stegemann, Willy. Nikolaos (21) // PW. 17. 1. P. 424–457; текст см. Felten, Joseph. (ed.) Nicolai Progymnasmata / Bibliotheca Scriptorum Graecorumet Romanorum Teubneriana; Rhetores Graeci 11. Leipzig, 1913. Все четыре трактата были переведены с введениями и указателями: Kennedy, George A. Progymnasmata: Greek Textbooks of Prose Composition and Rhetoric. Atlanta, 2003.

Помимо этого, из коллекций образцов упражнений, составленных в прозе, которые сохранились от древности, коллекция, отнесенная к Либанию, является крупнейшей.[8] Там же сохранились несколько других поздних античных и византийских сборников progymnasmata (многие из которых показывают знание коллекции Либания и его круга), а также эпитомы, введения, схолии и комментарии к очень влиятельному трактату Афтония,[9] который был учеником Либания.[10] Большая часть этого материала остается непереведенной.

Progymnasmata Либания были, возможно, собраны и отредактированы после его смерти, и со временем включили progymnasmata других авторов, некоторые из которых идентифицированы, а некоторые из тех, которые будут включены в сборник, нет.[11] Достоверность ряда пунктов остается под сомнением.[12]

Если далее рассмотреть прогимнасмы Либания по жанрам с оценкой степени их достоверности различными издателями, то картина будет следующей:

- Басни (мифы) 1-3 (Норман; Фёрстер и Мюншер рассматривали их как подлинные).
- Повествования 1-41 (Норман;Фёрстер и Мюншер считают 1-3 подлинными).
- Анекдоты (хрии) 4 (Фёрстер-Мюншер; Норман).
- Максимы (гномы) 1–3 (Норман; Фёрстер – Мюнше рсчитают 1 подлинной).
- Опровержения 2 (Фёрстер и Мюншер; Норман считает его подлинным).
- Подтверждения 3 (Фёрстер и Мюншер; Норман).
- Восхваления (энкомии) 8 (Hunger. *Die hochsprachliche profane Literatur*, 1:105) и 9 (Фёрстер - Мюншер; Норман).
- Инвективы 8 (Фёрстер и Мюншер; Норман считает ее подлинной).
- Этопеи 7, 9, 16-17, 19 (Фёрстер и Мюншер; Норман рассматривает их как подлинные).
- Этопеи 13, 20, 22, 24-27 (Фёрстер и Мюншер; Норман).
- Описания (экфрасисы) 8-30 (Фёрстер и Мюншер; Норман).[13]
- Тезисы 2-3 (Фёрстер и Мюншер; Норман).
- Закон 1 (Фёрстер и Мюншер; Норман).

Два автора упражнений, ложно приписываемых Либанию, могут быть идентифицированы по имени. Одним из них является псевдо-Николай, автор большой сохранив-

[8] Издание: Libanius's progymnasmata: model exercises in Greek prose composition and rhetoric / translated with an introduction and notes by Craig A. Gibson / Writings from the Greco-Roman world; 27. Atlanta, 2008. О Либаниевых progymnasmata см. Hock, Ronald F., O'Neil, Edward N. The Chreia and Ancient Rhetoric: Classroom Exercises / SBLWGRW 2. Atlanta, 2002. P. 125–126; Schouler, Bernard. La tradition hellenique chez Libanius. 2 vols. Collection d'etudes anciennes. Lille: Atelier national reproduction des theses, Universite Lille III, 1984. 1. P. 51–138; Wolf, Peter. Libanius und sein Kampf um die hellenische Bildung // MH. 11. 1954. S. 234–236; Foerster R., Munscher K. Libanios // RW. 12. P. 2518–2522.

[9] О коллекциях progymnasmata см. Hunger, Herbert. Die Hochsprachliche Profane Literatur der Byzantiner / HAW 12.5.1–2. Munich, 1978. 1. S. 92–120. О поздних влияниях Афтония см. Hock, Ronald F., O'Neil, Edward N. The Chreia in Ancient Rhetoric: The Progymnasmata / SBLTT 27. Atlanta, 1986. P. 212–216. См. Kennedy, George A. Progymnasmata: Greek Textbooks of Prose Composition and Rhetoric. Atlanta, 2003. P. 173–228; переведены избранные комментарии Иоанна Сардского. Параллели между этими текстами и аналогичными в коллекции Либания указаны в переводе.

[10] Хотя он и не упомянут в качестве такового в обзоре студентов Либания у Petit, Paul. Les Etudiants de Libanius: Un professeur de faculte et seseleves au bas empire. Etudes prosopographiques. Paris, 1956.; см Hock, Ronald F., O'Neil, Edward N. The Chreia and Ancient Rhetoric: Classroom Exercises. Atlanta, 2002. P. 122–123; Rabe, Hugo. Aus Rhetoren Handschriften, 2: Aphthonios der Schuler des Libanios // RhM. 62. 1907. P. 262–264. Письмо Либания Афтонию сохранилось: Libanius, Ep. 1065 (Foerster. Libanii Opera. V. 11. P. 189).

[11] Foerster R., Munscher K. Libanios // RW. 12. P. 2518.

[12] О достоверности отдельных пунктов в коллекции см. специально: Norman A. (ed.). Libanius: The Julianic Orations. Vol. 1 of Libanius: Selected Works. LCL. Cambridge, 1969. P. XLIX; Foerster R., Munscher K. Libanios // RW. 12. P. 2518–2522.

[13] Hebert, Bernhard D. SpatantikeBeschreibung von Kunstwerken: Archaologischer Kommentarzu den Ekphraseis des Libanios und Nikolaos / Ph.D. diss. Karl-Franzens-Universitat Graz, 1983. S. 8–9, разделяет авторство описания следующим: примеры 2 и 4 по Либанию, например, 3 с помощью второго автора, а остальные примеры - третьего автора, которым, по его словам, может быть Николай Мирликийский. Эберт также рассматривает возможность считать Афтония их автором.

шейся коллекции образцов progymnasmata,[14] который не тождественен Николаю Мирликийскому, вышеупомянутому автору ныне сохранившегося трактата о progymnasmata.[15]

Фёрстер и Мюншер предположили, что псевдо-Николай сочинил следующие пункты в коллекции, отнесенные к Либанию: повествование 19, 22, 24, 31-32, 34, 36-39, прославление (энкомий) 9, инвектива 8, этопея 26, описания(экфрасисы) 8-28,тезисы 2-3 и введение в закон 1.[16]

Из других перечисленных авторов Север Александрийский,[17] студент Либания, также написал свою собственную коллекцию образцов повествования и характерных речей.[18] Север мог быть автором характерных речей 26 и 27 в коллекции Либания.[19]

Что касается анонимных авторов в коллекции, то Ферстер и Мюншер предполагают, что анекдот (хрия) 4, максима (гнома) 3, опровержение 2, и подтверждение 3 созданы одним и тем же автором.[20] Они также отмечают, что описание (экфрасис) 29 обнаруживает знание ее автором Речей Хорикия Газского (VI в.),[21] а описание (экфрасис) 30 определяют как принадлежащее к Газской школе, выдающейся школе риторов, процветавшей в конце V и в VI в.[22]

---

[14] Walz, Christian (ed.). Rhetores Graeci. 9 vols. in 10. Stuttgart, 1832–1836. 1. P. 263–420.

[15] О дате и авторстве progymnasmata Псевдо-Николая см. Hock, Ronald F., O'Neil, Edward N.The Chreia in Ancient Rhetoric: The Progymnasmata. Atlanta, 1986. P. 198–204, которые датируют Псевдо-Николая между VI и XIII вв.; Amato, Eugenio. Costantino Porfirogenito ha realmente contribuito alla redazione dei Geoponica? // GFA. 9. 2006. 3. n. 17, Hock и O'Neil's понижают terminus ante quem до X в.; Stegemann, Willy. Nikolaos (21). S. 447–457, считает их автором Афтония; Horandner, Wolfram. Der Prosarhythmus in der rhetorischen Literatur der Byzantiner / Wiener byzantinistische Studien 16; Vienna, 1981. S. 59–60, 65–68, спорящий с Stegemann'ом на основании метрики; Hunger, Herbert. Die Hochsprachliche Profane Literatur der Byzantiner. Munich, 1978. 1. S. 92; Felten, Joseph (ed.). Nicolai Progymnasmata. Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana; Rhetores Graeci 11. Leipzig, 1913. P. XXVII. [Libanius], экфрасис 25 атрибутируют Псевдо-Николаю Foerster R., Munscher K. Libanios // RW. 12. P. 2521–2522; Stegemann, Willy. Nikolaos (21). P. 449; и Hebert, Bernhard D. Spatantike Beschreibung von Kunstwerken: Archaologischer Kommentarzu den Ekphraseis des Libanios und Nikolaos / Ph.D. diss. Karl-Franzens-Universitat Graz, 1983. S. 8–9. Возможно, что Псевдо-Николай работал в конце IV – V вв.

[16] Stegemann, Willy. Nikolaos (21).P. 448–449, приписывает следующие тексты Либаниевой коллекции Николаю: повествования 19, 22, 24, 31, 37–39 (пропустив примеры Foerster – Munscher 32, 34, 36); характерные речи 26; и описания 8–17 (пропустив примеры Foerster - Munscher 18–28). Об авторстве описаний см. Hebert, Bernhard D. Spatantike Beschreibung von Kunstwerken: Archaologischer Kommentar zu den Ekphraseis des Libanios und Nikolaos / Ph.D. diss. Graz, 1983. S. 8–9. Характерная речь 26 также приписывается Северу Александрийскому.

[17] Не консул 470 г., как когда-то думали.

[18] Walz, Christian (ed.). Rhetores Graeci. 9 vols. in 10. Stuttgart, 1832–1836. 1. P. 534–548. О Севере и его progymnasmata, см. Hock, Ronald F., O'Neil, Edward N. The Chreia and Ancient Rhetoric: Classroom Exercises. Atlanta, 2002. P. 121–122; Hunger, Herbert. Die Hochsprachliche Profane Literatur der Byzantiner. Munich: Beck, 1978. 1 S. 92–120; Gerth, Karl. Severos von Alexandreia // PW Suppl. 8. S. 715–718; Schissel, Otmar. Severus von Alexandreia: Ein verschollener griechischer Schriftsteller des IV. Jahrhunderts n. Chr. (I). Byzantinisch-neugriechisches Jahrbuch.8. 1929–1930. S. 1–13; Seeck, Otto. Severus. 36 // PW 2A. S. 2005–2006. О подготовке нового издания см. Amato, Eugenio. Prolegomeni all'edizione critica dei Progimnasmi di Severo Alessandrino // MEG. 5. 2005. P. 31–72.

[19] Amato, Eugenio. L'autore dell' ευνουχοσερων (Ps.-Lib., ethop. 26 Foerster) edil piu antico frammento in prosa di etope ad'autore // Approches de la Troisieme Sophistique: Hommagesa Jacques Schamp / ed. Eugenio Amato; Collection Latomus 296. Brussels, 2006. P. 363–375; Hunger, Herbert. Die Hochsprachliche Profane Literatur der Byzantiner. Munich, 1978. 1. S. 109. Schissel O. Rhetorische Progymnastik der Byzantiner // Byzantinisch-neugriechisches Jahrbuch.11. 1934. 6 n. 1 впервые отнес характерную речь 26 Северу Александрийскому на основе параллелей с Севером, характерной речью 3 (Walz, Christian. (ed.). Rhetores Graeci. 9 vols. in 10. Stuttgart, 1832–1836. 1. P. 541, 17–42, 31; переиздано Glettner, Josef. Severos von Alexandreia: Ein vers chollener griechischer Schriftsteller des IV. Jahrhunderts n. Chr. [III] // Byzantinisch-neugriechisches Jahrbuch 9 [1930–1931]. S. 96–103), на что было указано Glettner'ом (100–101); мнение Шисселя передает без комментариев Gerth, Karl. Severos von Alexandreia // PW Suppl. 8. S. 718. Foerster R., Munscher K. Libanios // RW. 12. P. 2521, и Stegemann W. Nikolaos, 449 связывают пример 26 с Псевдо-Николаем. Об авторстве характерной речи 27 см. Foerster R., Munscher K. Libanios // RW. 12. P. 2521.

[20] Foerster R., Munscher K. Libanios // RW. 12. P. 2520.

[21] Ibid., 2522. О Хорикиисм. Baldwin, Barry; Cutler, Anthony. Chorikios of Gaza // ODB. 1. P. 430–431; Penella R.J. From the muses to Eros: Choricius' Epithalamia for Student Briderooms // Saliou C. (ed.). Gaza dans l' antiquité tardive. Archéologie, rhétorique et histoire. Salerno, 2005. P. 135-148; Litsas F. K. Choricios of Gaza. An approach to his work, introduction, translation, commentary. Chicago, 1981; Declercq, Flor.De Redenaar onthuld. Choricius Gazaeus Rhetor: eenvertaling en onderzoeknaar de fictionalite it binnenzijn discours. Gent, 2008; Abel F.M. Gaza au Vie sciècle d"après le rhéteur Chorikios // ReBi. 40. 1931. P. 5-31; Webb R. Rhetorical and Theatrical Fictions in Chorikios of Gaza // Johnson S.F. (ed.). Greek Literature in Late antiquity. Dynamism, Didacticism, Classicism. Aldershot 2006. P. 109-123 etc.

[22] Foerster R., Munscher K. Libanios // RW. 12. P. 2522. О Газской школе см. Kennedy G. Greek Rhetoric under Christian Emperors. Princeton, 1983. P. 169–177; Bolgova A., Bolgov N. The Crossroads of Epochs and Cultures:

Таким образом, можно сказать, что Либаниева коллекция progymnasmata включает в себя образцы риторических упражнений, составленные в IV, V и VI веках самим Либанием, студентамиЛибания (Север Александрийский), подражателями Либания (Псевдо-Николай) и другими неизвестными авторами.

Что касается частых намеков на греческую мифологию у Либания, в некоторых случаях очевидно, что он имеет в виду известный литературный источник, в то время, как в других случаях источник остается неясным. По этой причине можно привести параллели из Гомера, Гомеровых гимнов, Гесиода, греческой трагедии (Эсхила, Софокла, Еврипида), «Метаморфоз» Овидия и Аполлодоровой библиотеки, и лишь изредка из других источников. Ссылки на Овидия и Аполлодора не подразумевают, что Либаний прямо использовал этих авторов.

Остается добавить, что полный сборник хрий ранневизантийского круга сохранился в армянской редакции[23] (в X книгах), и хотя он претерпел определенные изменения, в частности, в сторону христианизации сюжетов, его основа по преимуществу наследует позднеантичной традиции.

В целом прогимнасмы можно считать самой первой, начальной формой обучения риторическому искусству, носящей наиболее дидактический (и догматический, стереотипный) характер. Лишь в полной мере овладев этим искусством, будущему ритору можно было переходить к более высокому уровню мастерства – составлению декламаций и речей.

LATE ANCIENT PROGYMNASMATA (PRELIMINARY RHETORICAL EXERCISES) AND LIBANIUS

A.M. BOLGOVA

Belgorod National Research University

e-mail: bolgova@bsu.edu.ru

This article is discusses the genesis and development of the genre progymnasmata - preliminary (initial) retorical exercises that have developed in the first century AD and became the basis of the initial training course rhetoric that flourished in the IV-VI centuries. in different schools early Byzantine East. The paper presents a typology of genres progymnasmata and their comparison is preserved in different buildings. Among other preserved a corpus of progymnasmataof Libanius, which are distributed by genre. Following K. Gibson, is established which of these exercises are genuine and which are not. Knowledge progymnasmata to better understand the Lateancient rhetoric its higher types - declamations and speeches.

Keywords: rhetoric, Late Antiquity, progymnasmata, exercise, Libanius, school.

Choricius of Gaza as a mirror of continuity // L'Ecole de Gaza: espace litteraire et identite culturelle dans l'Antiquite Tardive. Paris, 2013. P. 2-3; Ashkenazi, Yakov. Sophists and Priests in Late Antique Gaza according to Choricius the Rhetor // Christian Gaza in Late Antiquity / Ed. by Bitton-Ashkelony, Brouria and Kofsky, Aryeh / Jerusalem Studies in Religion and Culture 3. Leiden; Boston, 2004. P. 195-208 etc.

[23] Русский перевод: Книга хрий / Пер. с древнеарм. Гоар Мурадян. Ереван, 2000. 300 с.

УДК 94(495).01

ИКОНОГРАФИЯ ЧЕЛОВЕКА В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ: ПРИНЦИПЫ ВНЕШНИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

Я.Ю. ИВАНИЦКАЯ

МБОУ «Гимназия № 5» г. Белгород

e-mail: Emortal07@mail.ru

В работе рассматриваются основы формирования и основные теоретические принципы, на которых строился процесс формирования иконографии человека в Ранней Византии. Внешние репрезентации образа человека претерпели достаточно сильную эволюцию по отношению к классической античности. На смену античному типу объемного «полнокровного» изображения пришел фронтальный, плоскостной тип, с восточно-средиземноморской расовой спецификой. Утверждается сдержанная цветовая гамма. Исчезает глубина. Нарастает спиритуализация изображения, делаются попытки передачи сакральности через цвет и канонизированное со временем положение лица и тела.

Ключевые слова: иконография, образ, поздняя античность, Ранняя Византия, репрезентации.

В центре античной цивилизации всецело находился человек. Христианство также подчеркивало антропологический аспект, считая человека созданным по образу и подобию Бога. Поэтому в новой системе христианских внешних репрезентаций важнейшее значение имело формирование принципов изображения человека, начиная с лица, и заканчивая всем телом.

Желая подчеркнуть значение изображаемых персонажей, ранневизантийские мастера создают симметричные композиции. Помимо симметрии, появляются фронтальность постановки торса, портрета, плоскостность фигуры и даже нимб[1] – символ святости, атрибут всех христианских персонажей. Это основные новые черты, отличающие христианские репрезентации от античных.

Можно сказать, что в период IV-V вв. появились первые признаки византийского стиля с его линейной манерой рисования, символикой и канонизацией сюжетов, композиций, типов фигур, лиц, атрибутов святых. Утвердившиеся в это время антропоморфные образы и классические основы стиля укореняются в византийском искусстве на долгие века[2].

Что касается общих характерных черт, предъявляемых к лицу человека ранневизантийского периода, то в соответствии с религиозным каноном лицо в Византии выглядит следующим образом: удлинённый овал лица, большие продолговатые глаза, высокий лоб, тонкий нос и маленький рот, восточно-средиземноморский расовый тип. Стоит отметить, что голова становится центром духовной выразительности облика, как женщины, так и мужчины[3].

Имеется ряд памятников византийского искусства, которые наиболее полно отражают характер и стиль изображения фигуры человека, но в особенности его лица[4]. Фреска из Никеи, известная как «Никейские ангелы», дает образ ангела — полубога-получеловека. У ангелов тяжелые парчовые одежды императорских телохранителей. Фигуры застывшие, мало выразительные, но лица исполнены удивительного обаяния[5]. По оценке искусствоведов, эти мозаики наряду с мозаиками храма Софии в Константинополе — самые возвышенные из всех известных созданий ранневизантийской живописи. Своей жизненностью «Никейские ангелы» не уступают лучшим античным портретам: нежный овал лица, открытый лоб, свободно откинутые волосы, большие глаза, удлиненный нос и маленькие губы. Все это являлось образцом духовной красоты, которую византийские художники и иконописцы проповедовали в своих произведениях искусства.

---

[1] Грыжанкова М.Ю. Ранний византинизм как феномен средневековой культуры. Саранск, 2002. С. 46.

[2] Бычков В.В. Малая история византийской эстетики. Киев, 1991. С. 506.

[3] См.: Jensen M. Face to Face: The Portrait of the Divine in Early Christianity. Fortress, 2005. 260 p.

[4] Blockley R.C. The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire.Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. II. Text, Translation and Historiographical Notes. Liverpool, 1983. P. 214.

[5] Поляковская М.А., Чекалова А.А. Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989. С. 244.

С VI в. всё большую роль в интерьере храмов начинают играть иконы. Именно в этом виде искусства эстетические идеи христианской культуры были воплощены в наиболее полной мере. Мы мало знаем об иконописи раннего периода. Большая часть ранних икон погибла во время иконоборчества (VIII — первая половина IX вв.). Полагают, что в основе этого вида искусства лежал заупокойный египетский портрет (так называемый фаюмский портрет), который проник в раннехристианскую среду[6]. О том, что иконы существовали уже во II в., мы знаем из работ первых богословов.

Все ранние иконы, как и фаюмские портреты, созданы в технике восковой живописи – энкаустики, наиболее виртуозной и ценимой в античности. Восковые краски придавали изображению удивительную объемность и «живоподобность». Благодаря необыкновенной пластичности и податливости мягкого воска образ возникал подобно лепной статуе. Второе важное свойство энкаустики – особый колорит, обладающий стереоскопическим эффектом и к тому же не подвластный разрушительным атмосферным явлениям, равно как и времени.

Многие из дошедших до нас икон V-VI вв. принадлежат к так называемому «портретному» типу, тесно связанному со старинной позднеэллинистической традицией. Ярчайшим образцом этого стиля является образ апостола Петра из монастыря св. Екатерины на Синае. Фигуру апостола, его лик отличает поразительная жизненная достоверность. Ничего схематичного или условного нет в этом на редкость индивидуальном и конкретном образе. Образ Петра отвечает особому религиозному типу и званию раннего христианства — «свидетель веры». Апостол выступает как живой свидетель, «самовидец» достоверности бытия Богородицы и Спасителя[7], образы которых вписаны в медальоны с полуфигурным «Деисусом», венчающие икону. «Деисус» (Спаситель, Богородица, Иоанн Богослов), в отличие от Петра, написан схематично и куда более условно. Огромная дистанция отделяет синайскую икону от катакомбных фресок. Пронзительное духовное горение, характерное для образов первых веков христианства, сменилось ясным и открытым, праздничным исповеданием веры. Именно поэтому икону апостола Петра отличает такая нескрываемая нарядность и художественная эффектность. Яркий, сочный и очень крупно положенный мазок энергично высекает форму — подобно резцу скульптора.

К VII в. относятся мозаики церкви св. Димитрия в Солуни[8]. По сравнению с описанными выше никейскими и равеннскими мозаиками они уже представляют другой художественный мир. Хотя лица сохраняют портретные черты, вся композиция как бы застыла: неподвижны все фигуры, не связаны друг с другом, симметричны — это и юный святой с огромными, расширенными глазами, и оба дарителя, и представители светской и духовной власти — епископ, префект. Персонажи лишены лирического подъема, они почти идолы, предметы суеверного поклонения. Их фигуры напоминают каменные столбы — византийское искусство как бы возвращается к самой первоначальной стадии. Выражение лица упомянутых фигур – более статичное, чем в предшествующий период.

Среди самых ранних энкаустических икон — образ Спасителя из монастыря св. Екатерины на Синае, обнаруженный в XIX в. Икона была прислана в монастырь из Константинополя при обустройстве его Юстинианом в середине VI в. В лике Христа черты индивидуальной портретности соединяются с идеальной возвышенностью и гармоничностью образа. Иллюзия трехмерного пространства, заполненного архитектурными формами, подчеркивает естественность позы Христа и полноценную округлость Его фигуры, реальность Его пребывания в пространстве, а не «приставленность» к фону. Взгляд Спасителя выражает особый оттенок спокойного размышления, не утонченной рефлексии — скорее глубокой мудрости. Образ не отличается особой миловидностью, но и суровости в нем тоже нет. Ни малейшего намека на стилизацию или упрощение — Он действительно норма всех норм, путь, истина и жизнь.

Наиболее важными сохранившимися иконами ранневизантийского времени являются: св. Петр – ц. св. Екатерины, Синай, VI в.; Три отрока в пещи огненной – ц. св. Екатерины, Синай, VI в.; Христос и св. Мина – Лувр, VI в.; Богоматерь на троне со свв. Георгием и Димитрием, VI в.; Христос-Спаситель – ц. св. Екатерины, Синай, VI в.; Сергий и Вакх – Киев, Музей Западного и Восточного искусства, VI в.; Богоматерь – Киев, Музей Западного и Восточного искусства, V-VII в. (?); Иоанн Предтеча – Киев, Музей Западного и Восточного искусства, V-VII в. (?).

---

[6] Bagnall R.S. Egypt in Late Antiquity. Princeton, 1993. P. 165.

[7] Гукова С.Н. Богоматерь с символами евангелистов // ВВ. № 64 (89). 2005. С. 262.

[8] Демус О. Мозаики византийских храмов. Принципы монументального искусства Византии. М., 2001. С. 76.

Изображения человека часто можно найти в книжной миниатюре. Традиции византийской книжной миниатюры восходят к миниатюре античной и раннехристианской. Если свитки, как правило, делали из папируса, то основным материалом для рукописных книг стал пергамен — особым образом обработанная телячья кожа. В отличие от западноевропейского пергамена, белого и бархатистого по фактуре, византийский пергамен имеет более гладкую поверхность и часто желтоватый оттенок[9].

Текст писали темными чернилами, в самых роскошных рукописях — золотом, изредка серебром, иногда по окрашенному пурпуром пергамену; инициалы и заголовки — часто киноварью. Для создания миниатюр использовали минеральные краски и золото, твореное или листовое. Сначала делали подготовительный рисунок, затем в несколько слоев наносили краски, прописывали изображение белилами и прорисовывали мелкие детали[10]. От раннехристианского периода до нас дошли иллюстрированные рукописи на греческом, латинском и сирийском языках.

Миниатюры рукописей светского содержания, таких как Ватиканский и Римский Вергилий, миланская Илиада и венский Диоскорид, очевидно, восходят к античным традициям иллюстрирования этих текстов. В венском Диоскориде находится самая ранняя из дошедших до нас посвятительных миниатюр, изображающая знатную византийскую даму Аникию Юлиану в сопровождении аллегорий Великодушия и Мудрости; в посвятительной надписи воздается хвала Аникии Юлиане за основание ею в 512-513 гг. церкви в Константинополе (в районе Гонората)[11]. Изображения лиц двух действующих фигур – Диоскорида и Юлианы – достаточно плоскостные, их взгляды направлены не друг к другу, а устремлены во внешнее пространство. По свидетельству академика В.Н. Лазарева, данная миниатюра отражает утонченные вкусы византийской аристократии[12]. По мнению искусствоведа Г.С. Колпаковой, лица написаны очень живо и материально, сочность и живое ощущение плоти подчёркнуты нежной переливчатостью колорита»[13].

Еще одним не менее важным источником является самая древняя библейская рукопись, дошедшая до нас в виде 5 листов, – это так называемая Кведлинбургская Итала. На основании сходства стиля миниатюр с мозаиками нефа римской базилики Санта-Мария Маджоре эта рукопись датируется 2-й четвертью V в. Сохранившиеся листы содержат фрагменты Книг Царств в доиеронимовском переводе. Иллюстрации перемежались с текстом, занимая целые страницы, разделенные на прямоугольные компартименты, отведенные для отдельных сцен.

Изображения предваряли фрагменты текста. Миниатюры представлены на шестидесяти страницах. Фризообразные композиции, пейзажи в духе античного иллюзионизма, трактовка поз и одежд персонажей, а также почти квадратный формат листов, особенности написания текста, устройство заголовков и простые красные обрамления миниатюр сближают эту рукопись с ватиканским Вергилием. Лица людей, изображенных на страницах рукописи, отличаются некоторой напряженностью, но при этом они находятся в движении. Одни из них выражают в своем образе идею мученичества, другие – религиозного поиска; при этом все изображения были выполнены в соответствии с религиозным каноном: лица немного вытянуты, с узкими вытянутыми носами, узкими губами, прически их единообразны[14].

Одним из наиболее богато иллюстрированных раннехристианских кодексов был Коттоновский Генезис. Он сильно пострадал от пожара, случившегося в 1731 г. Считается, что данный источник содержал первоначально около 220 листов, на которых было помещено 339 миниатюр[15]. До сегодняшнего дня рукопись сохранилась частично, многие иллюстрации были уничтожены, часть из изображений, дошедших до нас, повреждена.

---

[9] Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. Л., 1991. С. 174.

[10] Курбатов Г.Л. Ранняя Византия IV–VII вв. – позднеантичное общество? // Вестник СПбГУ. Сер. 2, вып. 2. СПб., 2001. С. 146.

[11] Кривушин И.В. Ранневизантийская церковная историография. СПб., 1998. С. 258.

[12] Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1986. С. 508.

[13] Колпакова Г.С. Искусство Византии. Ранний и средний периоды. М., 2010. С. 218.

[14] Лидов А.М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009. С. 230.

[15] Оргиш В.П. Истоки христианства: культурно-исторический генезис / под ред. Е.М. Бабосова. Мн., 1991. С. 362.

Тем не менее, на одной из миниатюр можно отчетливо рассмотреть лица людей[16]. На миниатюре изображены библейская сцена – Лот и жители Содома. Выражение лица Лота можно описать как напряженное, в глазах можно увидеть некоторую растерянность; лица же неистовствующей толпы, требующей от Лота отдать ему ангелов, несут на себе окраску жестокости, выражение глаз озлобленное.

В VI в. были созданы три рукописи, написанные серебром или золотом на пурпурном пергамене: Венский Генезис, Россанский кодекс и Синопское евангелие. Они отличаются друг от друга по стилю и расположению миниатюр[17]. В Венском генезисе (из примерно 96 листов сохранилось 24 с 48 композициями) миниатюры занимают нижнюю часть страницы. Иллюстрации Россанского кодекса, включающего тексты Евангелий от Матфея и Марка, вставлены в начало рукописи; это лист с погрудными изображениями евангелистов, предварявший таблицы канонов, и полностраничные миниатюры со сценами из Евангелий. Евангельские сцены занимают третью часть страницы наверху, а нижняя часть отведена для изображений четырех ветхозаветных пророков с развернутыми свитками в руках. Венский генезис – одна из наиболее красивых раннехристианских рукописей, ряд ученых относят время ее создания к VI веку[18]. В целом все изображения миниатюры Венского генезиса близки друг другу по художественному оформлению, в их основе лежат традиции, демонстрирующие синтез античного и раннехристианского искусства: объемные, весомые фигуры правильных или немного укороченных пропорций показаны в свободном движении; складки драпировок, как правило, немногочисленные, лежат естественно и подчеркивают форму тела; глубина пространства передана посредством расположения стоящих друг за другом фигур или развивающихся вглубь архитектурных сооружений[19]; колорит, гармоничный и нарядный, строится на сочетаниях ярких и чистых минеральных красок. Манера письма беглая; лица написаны объемно и импрессионистично. Одежды, представленные здесь, на некоторых фигурах исполнены тонким, полупрозрачным слоем краски, в других обильно прописаны белилами, благодаря использованию этих приемов они выглядят легкими и воздушными.

В Синопском евангелии пять из дошедших до нас 43 листов, содержащих текст Евангелия от Матфея, украшены миниатюрами, располагающимися в нижней части страницы[20]. Здесь также евангельские сцены фланкируют изображения двух пророков, держащих развернутые свитки со словами их пророчеств[21].

Среди этих рукописей миниатюры Венского Генезиса отличает стиль, наиболее близкий к античной живописи: с присущим античному искусству иллюзионизмом переданы движения и пропорции фигур, постройки и элементы пейзажа.

В иллюстрациях Россанского кодекса и Синопского Евангелия, создание которых многие ученые связывают с Востоком, художественные средства немного проще, а выразительность образов достигается утрированием некоторых приемов.

Одна из миниатюр, происходящая из Синопского Евангелия, иллюстрирует библейский сюжет об исцелении Господом двух слепцов из Иерихона. Лица людей, представленных здесь, достаточно каноничны: овал лица имеет слегка вытянутую форму, глаза широко раскрыты, глядя на Спасителя, совершающего чудо исцеления. Изображение фигур плоскостное и соответствует изобразительному стилю VI в. Лица исцеленных слепцов показаны в профиль, мы не можем полностью увидеть выражения их глаз; тем не менее, отчетливо видны их вытянутые овалы лица, длинные носы, на лице – смирение, кротость. – те христианские идеалы, которые проповедовались в Византии в данный период времени. Что же касается фигуры Христа, то здесь Он показан с решительным выражением лица, в его движении рукой показан волевой жест – показать людям силу веры, силу христианства исцелять не только тела, но и души верующих. В его образе видно следование первохристианской традиции – изображения Спасителя с бородой. Пожалуй, это одно из самых динамичных и напряженных изображений данного периода.

---

[16] Dalton O.M. Byzantine Art and Archaeology. – N.Y., 1961. P. 445-446, fig. 263-264.

[17] Османкина Г.Ю. Мирвоззренческие основы формирования раннехристианской культуры Византии в IV – VI вв. Автореф. канд. дисс. Нижневартовск, 2000. С. 16.

[18] Lowden J. The Beginnings of Biblical Illustration // Imaging the Early Medieval Bible / Ed. J. Williams. Univ. Park (Pa.), 1999. P. 49.

[19] Там же.

[20] Удальцова З.В. Византийская культура. М., 1988. С. 98.

[21] Евсеева Л.М. Традиции Константинополя и Рима в иконографии ветхозаветного цикла мозаик Сицилии // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. М., 2005. С. 287.

Весьма интересной представляется книжная миниатюра, представленная в Россанском кодексе VI в. Одно из изображений иллюстрирует библейский сюжет – притчу о разумных и неразумных девах. Изображение выполнено в темных тонах – на общем бордовом фоне представлены фигуры девиц, одетых в белые, синие и красные одежды. Иисус изображен в золотом одеянии, черты Его лица прорисованы более четко, чем черты лица девиц. Лица дев лишь отчасти показаны в движении, но выражение их лица как будто замерло. Практически на всех фигурах можно наблюдать выражение одинаковых чувств, что делает саму картину целостной, но отчасти единообразной.

Единственная из раннехристианских рукописей, которая имеет колофон (сделанную писцом запись о времени и месте создания), — сирийское Евангелие Раввулы[22]. Это четвероевангелие было написано в монастыре св. Иоанна в Бет-Загба, неподалеку от Апамеи, в Сирии. Главным его писцом был Раввула, завершивший эту работу в 586г.[23] Все миниатюры и таблицы канонов вставлены в начало рукописи[24]. Манускрипт открывают три полностраничные композиции: Избрание ап. Матфия (Деян 1. 21-26), Богоматерь с Младенцем, Аммоний Александрийский и Евсевий. Здесь также имеются четыре полностраничные миниатюры, раскрывающие следующие библейские сюжеты: Распятие, Вознесение, Христос с предстоящими и Пятидесятница[25].

На миниатюре, которая изображает Христа с предстоящими перед Ним святыми, сюжет показан в ярких, контрастных красках. Центральная фигура Христа выполнена в соответствии с каноном VI в. – Спаситель изображен с бородой и сияющим нимбом над головой. Лица четырех старцев также отвечают каноническому образу – вытянутый овал лица, глаза прорисованы нечетко, но в их выражении можно понять, что святые сосредоточенно, в некоторой мере даже строго смотрят то на Христа, то в открытое пространство.

Миниатюры этой рукописи выполнены в соответствии с античными художественными принципами: изображения представлены в беглой живописной манере, лики с повосточному выразительными чертами написаны отдельными мазками, фигуры объемны и подвижны, хотя за одеждами реже угадываются очертания тела[26]. Одна из миниатюр написана на ветхозаветный сюжет: здесь представлен Моисей, стоящий перед египетским фараоном. Лица людей немного смазаны, они находятся в движении: глаза широко раскрыты, выражение их отлично: у одной фигуры они показывают страх, другая же смотрит сосредоточенно. Наиболее динамичной, даже экспрессивной является фигура Моисея, в лице фараона скорее узнается не египтянин, а византиец. Сцена, описанная в данной миниатюре, является единственно выбранной для иллюстрации библейской темы Исхода.

Помимо миниатюр в рукописях постепенно появляются орнаментальные инициалы и заставки, со временем приобретающие традиционный, легко узнаваемый облик. Число иллюстраций сокращается; складываются иллюстративные циклы наиболее часто копируемых текстов (четвероевангелия, лекционария, псалтири)[27].

Важное значение получают также фрески и мозаики. Первые находились преимущественно в храмах и составляли иконографическую программу росписей. Сохранились они от доиконоборческого времени крайне плохо. Вторые же применялись более широко – они украшали не только храмы, но и прочие здания, часто создавали декор. Из сохранившихся христианских мозаик из храмов наиболее важны следующие:

Рим: в храмах Св. Констанции, 2 четв. IV в.; Св. Петра, сер. IV в.; Св. Павла (Сан-Паоло фуоре ле мура), 3 четв. IV в.; Св. Пуденцианы, 401-417 гг.; Св. Сабины, 425 г.; Латеранской базилике; Св. Марии Великой (Санта-Мария Маджоре); Св. Козьмы и Дамиана, 520 г.; Св. Лаврентия (Сан-Лоренцо фуоре ле мура), 4 четв. VI в.; Св. Андрея; Св. Феодора; Св. Михаила.

Милан: Сан-Аквилино.

---

[22] Кондаков Н.П. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1876. С. 416; Пайкова А.В. Четвероевангелие Раввулы (VI в.) как источник раннехристианского искусства // ПСб. 29 (92). 1987. С. 176-179.

[23] Там же. С. 421.

[24] См.: Dalton O.M. Byzantine Art and Archaeology. N.Y., 1961. P. 449-451, fig. 266, 267.

[25] Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1986. С. 246.

[26] Банк А.В. К вопросу о роли Сирии в формировании византийского искусства // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967. С. 80.

[27] Lowden J. The Beginnings of Biblical Illustration // Imaging the Early Medieval Bible / Ed. J. Williams. Univ. Park (Pa.), 1999. P. 49-56.

Солунь: Осиос Давид, V в.; Ротонда св. Георгия; Св. Димитрия.
Константинополь: Св. Софии.
Синай: Св. Екатерины, 547 г. (Преображение, Моисей, Спаситель и др.).
Кипр: Панагии Канакарии, Литрингоми, VI в. (Богоматерь с младенцем, апп. Матфей и Фаддей).
Равенна[28]: Баптистерий православных (Крещение, ап. Павел); Баптистерий ариан (Крещение, апостолы); Архиепископская капелла (мученики, апостолы); Св. Аполлинария Нового (мученики, мученицы, апостолы, пророки, чудеса и страсти Христовы); Св. Аполлинария ин Классис, 549 г. (Преображение); Св. Виталия (сцены из Ветхого Завета; император Юстиниан с придворными; императрица Феодора с придворными).

В истории искусства неоднократно рассматривались памятники светской ранневизантийской мозаики, не связанной с храмами. Это такие памятники, как Мозаики Большого Константинопольского дворца; Звери и птицы, ц. св. Мины, Солунь, V-VI вв.; Мозаичная карта из Мадабы; Мозаики Герасы в Иордании; Мозаичный пол из Антиохии, Лувр; Мозаика «Лев» из Антиохии; «Сборы на охоту», Аргос, IV-V вв.; Лутрон Таллара, Астипалея, VI в.; «Цапля и змея», церковь на р. Илисс, Афины, V в.; Мозаики базилик «А» и «В» в Никополисе, VI в.; Звери и птицы, Панорм, Крит, V в.; Светские мозаики Равенны; Декоративные мозаики Херсонеса Таврического; «Птица Феникс», 500 г.

Таким образом, как в сакральных изображениях (иконы, мозаика), так и в светских (книжная миниатюра, мозаика) постепенно оформились новые принципы иконографии человека, среди главных черт которой выделяются: фронтальность, иератичность позы, бледность кожи, восточно-средиземноморский расовый тип, закрытость тела. Складывается символика цвета. В рассматриваемый период устанавливается и догматизируется канон священных изображений евангельского и основанного на нем годичного праздничного цикла.

HUMAN ICONOGRAPHY IN EARLY BYZANTIUM: PRINCIPLES OF FOREIGN REPRESENTATIONS

Ya.Yu. IVANITSKAYA

MBOU «Gymnasium № 5, Belgorod

e-mail: Emortal07@mail.ru

The paper deals with the basics of formation and basic theoretical principles on which the process of the formation of human iconography in Early Byzantium. External representation of the image of man has undergone quite a strong evolution in relation to classical antiquity. In place ofthe ancient type surround "full-blooded" image came front, plane type, with the Eastern Mediterranean racial characteristics. Allegedly restrained colors. Disappears depth. Growing spiritualization image transmission at tempts sacred ness through color andeventual ly canonized position of the face andbody.

Key words: iconography, image, Late Antiquity, Early Byzantium representation.

[28] Подробнее см.: Редин Е.К. Мозаики равеннских церквей. М., 1896.

УДК 94 (450).07

РИМСКАЯ КУРИЯ НАЧАЛА 60-Х ГОДОВ XVI В.: ОКРУЖЕНИЕ ПАПЫ ПИЯ IV (ПО ДАННЫМ ВЕНЕЦИАНСКИХ ПОСЛОВ В РИМЕ В 1560–1565 ГГ.)

М.В. ТРЕТЬЯКОВА

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета

e-mail: marinatretyakova@mail.ru

Статья посвящена изучению дипломатических миссий Джироламо Соранцо в 1560-1653 гг. и Джакомо Соранцо в 1563-1565 гг. в Риме. В ней предпринят анализ итоговых отчетов венецианских послов, а также рассмотрена их информация венецианскому правительству о том, что представляло собой окружение папы Пия IV. Автор приходит к обоснованному выводу, что в основном опорой папы являлись его непоты, коллегия кардиналов была послушна его воле. Сведения, изложенные в отчетах венецианских послов, позволили быть Венеции в курсе текущих событий и всех основных подводных течений папской курии понтификата Пия IV.

Ключевые слова: римская курия, венецианский посол, Джироламо и Джакомо Соранцо, папа Пий IV.

Пребывание венецианских послов при римской курии считалось неотъемлемой частью системы венецианского дипломатического представительства[1]. Длительность ординарной миссии венецианских дипломатов при дворе римских пап, как правило, составляла два или три года[2]. Ко двору понтифика отправлялись представители наиболее знатных фамилий венецианского нобилитета. Так, в 1560-1563 гг. представителем Венеции в Риме был венецианский нобиль Джироламо Соранцо (ум. 1569)[3], а в 1563-1565 гг. – Джакомо Соранцо (1518-1599)[4]. К сожалению, в силу недостаточности данных не можем сказать, в каких родственных отношениях они были друг с другом, за исключением того, что, несомненно, они принадлежали к дому (casa) Соранцо, только неизвестно к каким его ветвям (rami)[5].

В своих итоговых отчетах[6] оба венецианских исполнителя дипломатических поручений привели следующие сведения: портретно-психологические характеристики римского папы Пия IV, его родственников, включая и непотов, штата римской курии, особенности быта папского двора, данные, касающиеся доходов и расходов курии, территориальный состав Папского государства, взаимоотношения римского папы с правителями других стран, и в частности с венецианским дожем.

В данной статье остановимся на том, как венецианские дипломаты оценивали окружение папы Пия IV.

В основном в своих отчетах оба дипломата приводят одинаковые сведения. Эту особенность в свое время подчеркивал еще Е. Альбери. Так, он сократил частично отчет Джакомо Соранцо, объяснив это тем, что аналогичные данные содержатся в отчете Джироламо Соранцо, который в его коллекции итоговых отчетов венецианских послов сенату предшествовал отчету Джакомо Соранцо[7]. Хотя в целом можно сказать, что отчеты есте-

---

[1] Mattingly G. Renaissance diplomacy. L., 1955; Queller D.E. The office of ambassador in the Middle Ages. Princeton, 1967.

[2] Hill D. A History of diplomacy in the international development of Europe. L., 1921–1925. P. 296.

[3] Albéri E. Cenni biografici intorno a Girolamo Soranzo // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto / Edite Eugenio Albéri. Vol. X. Serie II. T. IV. Firenze, 1857. P. 66.

[4] Albéri E. Cenni biografici intorno a Giacomo Soranzo // Le Relazioni degli Ambasciatori veneti al Senato durante il Secolo decimosesto / Ed. E. Albéri. Vol. X. Serie II. T. IV. Firenze, 1857. P. 123 etc.

[5] Brunetti M. Soranzo // Enciclopedia-Italiana. URL: // http://www.treccani.it/enciclopedia/soranzo_ (Enciclopedia-Italiana).

[6] Relazione di Roma di Girolamo Soranzo letta in Senato 14 giugno 1563 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto / Edite Eugenio Albéri. Vol. X. Serie II. T. IV. Firenze, 1857. Далее – Relazione di Roma di Girolamo Soranzo; Relazione di Roma di Giacomo Soranzo, 1565 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto / Edite Eugenio Albéri. Vol. X. Serie II. T. IV. Firenze, 1857. Далее – Relazione di Roma di Giacomo Soranzo.

[7] Alberi E. Nota 1 // Relazione di Roma di Giacomo Soranzo ... P. 129.

ственно дополняют друг друга, неся на себе отпечаток личности их составителей, обращавших свое внимание на отдельные моменты, которые оставались вне поля зрения другого респондента.

Каждый из венецианских послов весьма детально остановился на описании происхождения и семьи папы Пия IV. Оба они его величают Миланцем, в силу того, что папа, в миру Джованни Анджело Медичи (1499-1565) (понтификат с 25 декабря 1559 г. по 9 декабря 1565 г.), родился в Милане[8].

По отчетам венецианских дипломатов можно провести некую условную градацию окружения папы. С нашей точки зрения, можно выделить три круга – первый – члены семьи, второй – близкие слуги и третий – собственно курия, в которой следует сделать акцент на коллегии кардиналов, как на ресурсе рекрутирования нового папы, тем более, что здоровье Пия IV вызывало неоднократно опасения со стороны его врачей и папской курии.

Ближе всего к персоне папы стояли члены его семьи, на первом месте – его племянники – непоты, а затем шли другие его родственники, включая и родного брата. Так, Джироламо Соранцо пишет о четырех непотах папы, сыновьях его сестер: «трех сыновьях Кьяры, которая была замужем за графом Альтемпсом, и одного от Маргариты – жены синьора Гилберта Борромео»[9]. Во время его миссии представители семейства Альтемпс в Риме отсутствовали. По его словам, первый – «граф Аннибале был отправлен ко двору Католического Короля[10], второй – кардинал Альтемпс[11] – легатом на собор[12], … третий – Габрио[13] – ко двору короля Франции»[14]. По свидетельству Джироламо Соранцо, «эти трое не оправдали ожиданий папы, и поэтому не пользовались большой любовью с его стороны, в силу чего они были мало уважаемы в курии»[15]. Надо отметить, что венецианский посол не совсем прав, карьера Марка Альтемпса как церковного деятеля начнется в 1560 г., после того, как его дядя станет папой, и продолжится после смерти Пия IV. Кроме того, папа и его преемники ценили кардинала Альтемпса как искусного дипломата. Да и два других племянника папы из этого семейства также обладали рядом достоинств. Скорее всего, такое предвзятое мнение было связано с тем, что всем было известно, что любимцем папы являлся его другой племянник – кардинал Карло Борромео[16].

Джироламо Соранцо пишет, что папа его «поистине любит по-отцовски, исключительно только с ним советуется во всех делах, предоставив ему широкие полномочия»[17].

По сведениям Джироламо Соранцо, «кардинал Борромео родился в 1538 г. в Милане, в 14 лет был отправлен своим отцом в Павию изучать право, стал аббатом Ароны, и затем оказался при дворе папской курии в Риме»[18]. Оба венецианских дипломата весьма лестно отзываются о достоинствах, способностях и образе жизни этого молодого человека. Например, Джироламо Соранцо пишет, что кардинал Борромео «является образцом

---

[8] Laurence R. V. The Church and Reform // The Cambridge Modern History, planned by Lord Acton / Ed. by Adolphus W. Ward. Vol. 2. The Reformation. Cambridge: Univ. Press, 1903. URL: http://www.uni-mannheim.de/mateo/camenaref/cmh/cmh.html#cmh1. Date accessed 23.04.2015; Rurale F. Pio IV. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/pio-iv_(Enciclopedia_dei_Papi); Medici Giovanni Angelo de' (1499-1565) // The Cardinals of the Holy Roman Church. URL: // www2.fiu.edu/~mirandas/bios1549.htm#Medici; Каспари А. Всемирная история. Т. III. Новое время. СПб., 1903. С. 198.

[9] Relazione di Roma di Girolamo Soranzo… P. 89.

[10] Якоб Аннибал Хоэнемс/Гогенэмс (Jacob Hannibal von Ems (Hohenems) (1530-1587) – австрийский кондотьер и дипломат. После того как в 1560 г. Маркус Ситтикус фон Гогенэмс переехал в Италию, он перевел фамилию Гогенэмпс (Hohenemps) на итальянский язык как Альтемпс (Altemps).

[11] Маркус Ситтикус фон Гогенэмс (Mark Sittich von Hohenems) (1533-1595) // The Cardinals of the Holy Roman Church. Biographical Dictionary Pope Pius IV (1559-1565). Consistory of February 26, 1561 II). URL: http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1561.htm#Hohenems.

[12] Речь идет о Тридентском Соборе (1545-1563). Папа Пий IV инициировал работу последней сессии этого собора в 1561–1563 гг.

[13] Габриэль Альтемпс. Время его жизни и хотя бы краткие сведения о его деятельности оказались нам не доступны, к сожалению.

[14] Relazione di Roma di Girolamo Soranzo… P. 89-90.

[15] Ibidem.

[16] Джироламо Соранцо пишет, что «причина такого неравного отношения к непотам состояла в том, что папа Карло Борромео любил больше всех прочих племянников» (Relazione di Roma di Girolamo Soranzo… P. 90).

[17] Relazione di Roma di Girolamo Soranzo… P. 90.

[18] Ibidem.

жизни целомудренной, непорочной, так что, можно сказать, что у него чистое каждое пятно»[19], но и содержание получает превосходное, тратя «не меньше 50 000 скуди в год», и делает вывод: «что Вы хотите, это ведь – непот папы, которому суждено быть одним из самых богатых кардиналов в Коллегии…»[20].

Джакомо Соранцо также весьма высоко оценивает Карло Борромео. Он пишет, что «Карло, кардиналу Борромео, 27 лет, у него субтильное телосложение из-за учебы, постов, вигилий и иных воздержаний. Он – доктор права, но много занимался изучением священного писания, что является редкостью в наши времена. … Многие говорят, что только с ним можно связать успех папской курии…»[21].

Во время пребывания Джакомо Соранцо в Риме при папском дворе был и кардинал Альтемпс. Венецианец пишет, что последний «входит в совет Его Святости, но не имеет такого значения, как кардинал Борромео, хотя в его компетенции находятся те дела, которые кардинал Борромео не курирует»[22]. По словам Джакомо Соранцо, кардинал Альтемпс «по своей природе совершенно отличается от Карло Борромео, он – добродушный и веселый, … и больше по своему характеру напоминает папу»[23]. Его доходы чуть меньше, чем у Карло Борромео, и составляют чуть больше 40 000 скуди в год[24]. Кроме того, по замечанию венецианского посла, последний «склонен оказывать поддержку Франции, и посол (французский – М. Т.) предпочитает с ним иметь дело, а не с Борромео»[25].

По отношению к своему брату понтифик вел себя более сдержанно, если не сказать, более, чем прохладно. Венецианский дипломат Джироламо Соранцо пишет, что «синьор Аугусто[26], маркиз Мариньяно, брат Его Преосвященства, был всегда в опале, да и теперь не пользуется большим благоволением папы»[27]. Джироламо Соранцо отметил, что появление еще одного родственника папы вызвало беспокойство у «кардиналов, послов и всей курии» из-за того, что, как все полагали, ему будет предоставлена какая-либо должность, но оказалось, что их опасения были излишни, поскольку вскоре стало ясно, что он не попал в число папских фаворитов, хотя ему было определено содержание в 200 скуди в месяц. Джироламо Соранцо пишет, что маркиз Мариньяно каждое утро присутствует в папской приемной, стараясь попасться на глаза понтифику, причем последний может с ним в течение недели не обменяться ни одним словом[28]. Причины столь холодного отношения к своему брату со стороны папы венецианский посол объяснял тем, что между Его Святейшеством и синьором Аугусто были противоречия из-за неясного происхождения отпрыска последнего, из-за наследия маркиза Мариньяно, и из-за того, что понтифик «имел не очень лестное мнение о жене вышеуказанного маркиза, которое держалось на том, что женщина всегда выглядела не очень добропорядочной»[29].

К другим своим родственникам папа относился иначе. Речь идет о клане Сербеллони[30]: Джан Антонио, Джан Батисте, Габриэле и Фабрицио. По словам Джироламо Соранцо, Габрио Сербеллони[31] – кузен Его Святейшества, занимает пост капитана гвардии папской курии; второй его брат – кардинал св. Георгия[32], третий – епископ Кассано[33], кастелян замка св. Ангела…[34], четвертый[35] – губернатор Авиньона»[36].

---

[19] Ibid. P. 91.
[20] Relazione di Roma di Girolamo Soranzo… P. 92.
[21] Relazione di Roma di Giacomo Soranzo … P. 133-134.
[22] Ibid. P. 136.
[23] Ibidem.
[24] Ibidem.
[25] Ibidem.
[26] Аугусто Медичи, маркиз Мариньяно (1501-1570), младший брат папы Пия IV.
[27] Relazione di Roma di Girolamo Soranzo… P. 92-93.
[28] Ibidem.
[29] Ibid. P. 93-94.
[30] Мать Пия IV – Клелия Сербеллони.
[31] Габриэль Сербеллони (Gabriele Serbelloni, или же Gabrio Serbelloni) (1509-1580) – итальянский кондотьер, капитан генерал папской гвардии. Colussi P. Ascesa e declino dei Serbelloni. URL: http://www.storiadimilano.it/Personaggi/Milanesi%20illustri/serbelloni.htm.
[32] Сербеллони Джованни Антонио (Serbelloni Giovanni Antonio) (1519-1591) // The Cardinals of the Holy Roman Church. Biographical Dictionary Pope Pius IV (1559-1565). Consistory of January 31, 1560 (I). URL: http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1560.htm.; Джованни Антонио Сербеллони – кардинал и епископ Фолиньо и Новары. Colussi P. Ascesa e declino dei Serbelloni…

Джироламо Соранцо пишет, что у папы есть и родные дети. Так, по его словам, «Его Святейшество имеет родного сына в возрасте двадцати лет, и не приятно об этом говорить, но он содержит его в Перудже в суровых условиях, не давая более 400 скуди в год на его содержание, и не предоставляя какого-либо иного бенефиция, … считая, что этого вполне достаточно, чтобы жить комфортно»[37]. Известно, что у папы Пия IV было трое своих собственных детей[38].

Следующий круг окружения папы – его слуги, из которых следует выделить его секретаря – Толомео Галли. По словам Джироламо Соранцо, в своей деятельности папа к помощи оффициалов курии почти не прибегал, ограничиваясь услугами своего секретаря. Джироламо Соранцо пишет, что такое поведение папы вызывало «удивление папской курии, поскольку всегда его предшественники имели от четырех до шести секретарей, нужных для ведения переговоров, составления указов, и что теперь, когда существуют сложности с открытием Собора, папа довольствуется лишь помощью этого молодого человека 29 лет от роду»[39]. Венецианский посол Джироламо Соранцо характеризует Толомео Галли как молодого человека, не слишком грамотного, не слишком образованного, но верного папе и благодарного ему за все оказанные ему милости[40]. По словам венецианца, Толомео Галли[41] родился в Комо, имеет «низкое происхождение», свою карьеру стал делать после прибытия в Рим, когда стал секретарем нынешнего папы в период его кардиналата. За время своей службы он стал архиепископом Siponto в Неаполе, держателем аббатств, бенефициев и прочих должностей, что «дает больше, чем 7000 скуди дохода»[42]. Джироламо Соранцо отметил, что, по слухам, «полагают, что в первой промоции он станет кардиналом», и сделал вывод, что судьбу этого молодого человека можно расценить как «один из тех примеров того, что призывает мужчин идти искать свою фортуну в Риме»[43].

Как видим, по наблюдениям венецианских послов Джироламо и Джакомо Соранцо, папа Пий IV отличался тем, что практически не имел советников, принимая решения единолично, хотя и мог обратиться за консультацией к своим непотам, в частности к Карло Борромео. Но кардинал, так же, как и секретарь Толомео Галли, в силу своего молодого возраста всегда принимал решение, угодное папе.

Наверное, не слишком покривим против истины, если к окружению папы отнесем коллегию кардиналов. С одной стороны, она является частью структуры папской курии и исполняет тройную функцию, выступая как совещательный орган при папе римском, как орган, замещающий папу и осуществляющий верховную власть в церкви в период «sede vacante», и как орган, избирающий нового папу на конклаве. С другой стороны, большая часть этой коллегии стали кардиналами благодаря папе Пию IV, который за период своего понтификата возвел в кардинальский сан сорок шесть человек[44].

Венецианский посол Джироламо Соранцо определил коллегию кардиналов как сообщество «тех, кто, по общему мнению, близки к папству»[45]. Он пишет, что количество кардиналов в коллегии достигает пятидесяти восьми человек, что намного больше, чем было в прошлые времена, но достоинство этих кардиналов он оценивает невысоко, по-

---

[33] Джованни Батиста Сербеллони (Giovan Battista Serbelloni) – кастелян замка св. Ангела, епископ Кассано в Калабрии. Colussi P. Ascesa e declino dei Serbelloni…

[34] Bishop Giovan Battista Serbelloni. URL: http://www.catholic-hierarchy.org/bishop/bserbgb.html. Date accessed: 3.05.2015.

[35] Фабрицио Сербеллони – губернатор Авиньона. Colussi P. Ascesa e declino dei Serbelloni…

[36] Relazione di Roma di Girolamo Soranzo… P. 94-95.

[37] Ibid. P. 95.

[38] Medici Giovanni Angelo de' (1499-1565) // The Cardinals of the Holy Roman Church. URL: http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1549.htm#Medici.

[39] Relazione di Roma di Girolamo Soranzo… P. 96.

[40] Ibidem.

[41] Толломео Галлио (Tolomeo Gallio (Gallo / Galli) (1527-1607) // The Cardinals of the Holy Roman Church. Biographical Dictionary. Pope Pius IV (1559-1565) Consistory of March 12, 1565 (IV). URL: http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1565.htm.

[42] Relazione di Roma di Girolamo Soranzo… P. 96.

[43] Ibidem.

[44] Relazione di Roma di Giacomo Soranzo … P. 141.

[45] Relazione di Roma di Girolamo Soranzo… P. 96.

скольку полагает, что большая часть из них по происхождению вышли из бедных и неблагородных слоев, что все они зависят от воли и милости папы, и что поэтому ни в консистории, ни в конгрегации «не услышать мнения свободного, но лишь простое согласие и одобрение того, что предложил Его Преосвященство…»[46]. Джироламо и Джакомо Соранцо коллегию кардиналов делят на две части: первая – кардиналы-неитальянцы, т.н. ультрамонтаны и вторая – кардиналы-итальянцы. Во время миссии Джироламо Соранцо в коллегии кардиналов насчитывалось шестнадцать кардиналов-ультрамонтанов (шесть немцев, шесть французов, три испанца и один из Португалии) и сорок три кардинала-итальянца (четырнадцать из Рима и Папской области, пятеро неаполитанцев, четверо флорентийцев, два генуэзца, пятеро миланцев, один пьемонтец, трое феррарцев, двое мантуанцев, один из Урбино, один из Корреджо, пятеро венецианцев)[47].

В связи с тем, что папа Пий IV имел проблемы со здоровьем, в курии в 60-х гг. XVI в. периодически обсуждался вопрос, кто будет его преемником. По мнению Джироламо Соранцо, наибольшим влиянием в конклаве обладали пятеро кардиналов, тех, «кто ближе к понтификату, … и кто более могущественен: это – кардинал Фарнезе[48], о котором после смерти папы Павла III говорили, что он может стать папой; кардинал Santa Fiora[49] – глава испанской фракции и доверенное лицо герцога Флоренции; кардинал Феррары[50] – глава французской партии; кардинал Неаполя[51] – креатура папы Павла IV и кардинал Борромео – ставленник нынешнего папы»[52].

У каждого из этих пятерых есть свои кандидатуры на пост папы. По мнению Джироламо Соранцо, у Фарнезе – это кардинал Carpi[53]. Но из-за того, что Карпи родственными узами связан с кардиналом Santa Fiora – противником кардинала Фарнезе, даже притом, что они братья, и что, еще более важно, являются доверенными лицами герцога Флоренции, явного врага дома Фарнезе, кардинал Фарнезе считает, что надо поддержать кардинала Монтепульчано[54]. Кардинал Неаполя имеет планы на кардинала Арачели. Кардинал Santa Fiora планировал оказать поддержку Карпи и воспрепятствовать продвижению Цесиса, его противника. Кардинал Феррары имел такой же план и хотел помешать стать папой кардиналу Карпи, с которым он в давней вражде. Кардинал Борромео хотел бы, чтобы папой стал кардинал Мантуи[55], но после того, как тот скончался, пока открыто не поддержал никого, но в его проектах – сделать своей креатурой кардинала Наваджеро[56]. По мнению же большинства в курии, наиболее вероятной кандидатурой на папский престол может быть кардинал Цесис, потому что его поддерживает французская фракция, против него не возражает испанская группа курии, он в хороших отношениях с кардиналами Мороне, Перуджи (Fulvio della Cornia), Фарнезе, Феррары, Неаполя и Борромео. В его пользу можно добавить еще два обстоятельства – его возраст и опыт, по-

[46] Ibid. P. 96-97.

[47] Ibid. P. 97-98. Папа Пий IV во время миссии Джироламо Соранцо сделал три промоции кардиналов: в первую в феврале 1560 г. сан было возведено 3 человека, во вторую в феврале 1561 г. – 18 человек, в третью 6 января 1563 г. – 2 человека. Четвертая промоция была им произведена 12 марта 1565 г., кардиналами стали 23 человека (Relazione di Roma di Girolamo Soranzo… P. 98).

[48] Алессандро Фарнезе (Alessandro Farnese) (1520-1589) – кардиналом стал в декабре 1534 // The Cardinals of the Holy Roman Church. URL:http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1534.htm.

[49] Гвидо Асканио Сфорца, кардинал Санта-Фьоре (Guido Ascanio Sforza di Santa Fiora) (1518-1564) // The Cardinals of the Holy Roman Church. URL:http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1534.htm.

[50] Луиджи д'Эсте (Luigi d'Este), епископ Феррары (1538-1586?). Luigi Cardinal d'Este. URL: http://www.catholic-hierarchy.org/bishop/bdestel.html.

[51] Альфонсо Карафа (Alfonso Carafa) (1540-1565), епископ Неаполя // The Cardinals of the Holy Roman Church. URL:http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1557.htm#Carafa.

[52] Relazione di Roma di Girolamo Soranzo… P. 102-103.

[53] Родольфо Пио Карпи (Rodolfo Pio da Carpi) (1500–1564), кардинал, гуманист, покровитель искусства. Pio Rodolfo // The Cardinals of the Holy Roman Church. URL: http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1536.htm#Pio.

[54] Джованни Риччи (Giovanni Ricci) (1498-1574) – епископ и кардинал Монтепульчано. Ricci Giovanni // The Cardinals of the Holy Roman Church. URL:http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1551-ii.htm#Ricci. Giovanni Ricci. URL: http://www.catholic-hierarchy.org/bishop/briccigi.html.

[55] Эрколе Гонзага (Ercole Gonzaga) (1505-1563) (Benigni U. Ercole Gonzaga // Catholic Encyclopedia (1913). Volume 6. URL: http://en.wikisource.org/wiki/Catholic_Encyclopedia_(1913)/Ercole_Gonzaga.

[56] Navagero Bernardo (1507–1565) // The Cardinals of the Holy Roman Church. URL: http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1561.

скольку кардиналом он стал давно[57]. Таким образом, по мнению Джироламо Соранцо, есть четыре возможных кандидатуры на папство: первый – кардинал Карпи, которого поддерживают испанский король, кардиналы Santa Fiora, Фарнезе и герцог Флоренции, он же занимает пост декана коллегии; второй – кардинал Цесис, ему покровительствуют французская фракция, некоторые оффициалы курии; третий – кардинал Монтепульчано, его протежируют кардинал Фарнезе и герцог Флоренции, он же является доверенным лицом короля Испании; четвертый – кардинал Арачели, за ним стоят кардиналы Неаполя и Фарнезе[58].

Как видим, венецианский дипломат Джироламо Соранцо показал своему правительству расстановку сил в коллегии кардиналов, которая может сложиться в будущем конклаве. Но в большей степени интересно его резюме: «Но кто знает, что может сделать рука божья? Юлий III был выбран папой при содействии кардинала Лотарингии и французской фракции, … Павел IV – был всем ненавистен, и его боялись как кардинала Священной Коллегии,.... тем не менее, все против своей воли сделали его папой. Нынешний папа сказал мне, рассуждая доверительно, что когда он совсем потерял надежду стать понтификом, то все кардиналы договорились и способствовали ему в продвижении к этому высшему сану…»[59].

Во время резидентства Джакомо Соранцо количество кардиналов в коллегии выросло до семидесяти пяти («из которых шестнадцать являются ультрамонтанами (четверо немцев, один поляк, один фламандец, семеро французов, два испанца, один португалец) и пятьдесят девять – итальянцами (двенадцать римлян, один из Перуджи, двое из Болоньи, семеро неаполитанцев, шестеро флорентийцев, четверо генуэзцев, двенадцать миланцев, четверо из Пьемонта, двое из Феррары, один из Мантуи, один из Урбино и семеро венецианцев»)[60].

В свою очередь, Джакомо Соранцо, делая прогноз, кто может стать новым римским папой, пишет, «что касается избрания будущего папы, ходят разные слухи, … но из-за того, что несмотря на свои недомогания, папа пока пребывает в здравии, и из-за последней промоции им двадцати трех кардиналов существует немало трудностей в рассуждениях об этом»[61]. Тем не менее и Джакомо Соранцо называет те же фамилии, что и его предшественник. Это – кардиналы Борромео, Альтемпс, (которые рассматриваются им как наиболее вероятные кандидаты на папский престол), Пизани, Мороне, Монтепульчано, Арачели, Фарнезе, Феррары, Феррерио. Причем, по мнению Джакомо Соранцо, у каждого кандидата есть свои плюсы и минусы в достижении папства. У кардинала Мороне[62], с точки зрения Джакомо Соранцо, – достоинства – возраст (56 лет), опыт (проявил себя во время работы Тридентского Собора), и недостатки – происхождение (он – миланец, в последней же промоции кардиналов было достаточно миланцев, правлением последнего папы – миланца не очень довольна коллегия[63]), его поведение во время Тридентского собора (был заподозрен в симпатии к протестантам и в стремлении занять компромиссную позицию на Тридентском Соборе, задачей которого он считал не осудить, а пойти на некоторые уступки протестантам[64]) и то, что он находится под влиянием императора
(в большей степени), королей Франции (в меньшей) и Испании (в еще меньшей).

По свидетельству Джакомо Соранцо, кардинал Монтепульчано обладает следующими достоинствами – подданный герцога Флоренции, возраст – 74 года, не имеет большой зависимости от правителей и даже у него нет покровительства со стороны герцога Флоренции, у него много друзей среди кардиналов; и недостатками – он не слишком образован, не опытен, у него есть собственные дети (непоты), что расценивается не в его пользу, и больше его считают хорошим купцом, нежели прелатом[65].

---

[57] Relazione di Roma di Girolamo Soranzo… P. 102.

[58] Ibid. P. 103. Е. Альбери, комментируя этот пассаж, пишет, что среди указанных лиц Соранцо не было преемника Пия IV.

[59] Relazione di Roma di Girolamo Soranzo… P. 103; Гергей Ё. История папства. М., 1996. С. 242.

[60] Relazione di Roma di Giacomo Soranzo … P. 138.

[61] Ibid. P. 140–141.

[62] Джироламо Джованни Мороне (1509-1580). Morone Giovanni Girolamo // The Cardinals of the Holy Roman Church. URL: http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1542.htm#Morone.

[63] Relazione di Roma di Giacomo Soranzo… P. 143.

[64] Ibid. P. 142.

[65] Ibidem.

Возможности кардинала Арачели[66] достичь понтификата Джакомо Соранцо оценил таким образом: кардинал – францисканский монах, обсервант, ему 60 лет, болен подагрой, и ценим кардиналами за то, что ни разу не обидел никого, и за услуги, оказанные им. Живет уединено, занимается науками. Этот кардинал считается доверенным лицом императора, поскольку является вице-протектором (viceprotettore) империи; лояльно настроенным по отношению к Франции, облеченным доверием и короля Испании. Кардинал Борромео его почитает как отца, поскольку тот был его наставником[67]. Снижают его шансы, по мысли Джакомо Соранцо, два обстоятельства, первое – то, что он – монах, а монахов не слишком жалуют в курии, и второе – то, что он – подагрик и, следовательно, не слишком здоров[68]. Е. Альбери, комментируя эти размышления Джакомо Соранцо, отмечает, что преемником папы Пия IV будет избран именно монах, и то, что кардинал Арачели проживет еще 2 года, умерев 13 января 1568 г.[69].

Претендентами на папский престол также являются кардиналы Фарнезе и Феррары, «которые стремятся к папству всеми возможными способами»[70], пишет Джакомо Соранцо. По свидетельству венецианского дипломата, кардиналу Фарнезе оказывает покровительство король Испании, но кардинал во многом зависит от кардиналов коллегии, он молод, ему не более 45 лет, в силу чего не может учесть интересы каждого; и еще одним препятствием к папству для него является то, что в свое время папа Павел III отдал в наследственное владение своему сыну Пьеру Луиджи Фарнезе (1503-1547)[71] Парму и Пьяченцу[72].

По данным Джакомо Соранцо, кардинал Феррары имеет поддержку французской фракции и «оценивается как более мудрый и более опытный изо всех кардиналов, стараясь заставить всех поверить, что между ним и герцогом, его непотом, нет единства, и что в душе его не будет другой мысли, как только о благе церкви, и о том, как ее реформировать в разумной степени, способствуя ее совершенствованию, и что он не будет способствовать возвышению своего дома»[73].

Кроме того, Джакомо Соранцо возможными и наиболее предпочтительными кандидатурами на папство считал кардиналов («не знаю никого, кто так далеко всех опередил»[74]) Ferrerio и Борромео. Но, к сожалению, кардинал Феррерио[75] – доктор канонического права умер 12 ноября 1566 г. и не смог принять участие в выборах нового папы[76]. О кардинале Карло Борромео Джакомо Соранцо пишет, что «хотя ему не более 27 лет, но его образ жизни являет собой все, что нужно, чтобы достичь понтификата»[77]. На прямой, судя по контексту отчета Джакомо Соранцо, вопрос венецианского дипломата, как кардинал Борромео смотрит на то, чтобы стать папой, последний венецианскому послу ответил, что «думать о таких вещах, это слишком большая дерзость и оскорбление Бога, и, что об этом он не думал никогда»[78].

Во всяком случае, в своем отчете венецианский дипломат Джакомо Соранцо, рассмотрев возможные кандидатуры на папский престол, заметил то, что «смерть кардинала, могущего стать папой, и очередное возведение в сан кардиналов ломает все схемы, и поэтому необходимо рассмотреть новую расстановку сил», и то, что персона кардинала Борромео является «наиболее предпочтительной»[79]. Е. Альбери, отмечая ошибочность

---

[66] Клементе Долера (Де Олера), ставленник папы Павла IV. Olera Clemente (1501-1568) // The Cardinals of the Holy Roman Church. URL: http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1557.htm.; Giraldi A.M. Dolera Clemente // Dizionario Biografico degli Italiani. Volume 40 (1991). URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/clemente-dolera_(Dizionario-Biografico).

[67] Relazione di Roma di Giacomo Soranzo… P. 142.

[68] Ibidem.

[69] Ibidem.

[70] Ibid. P. 143.

[71] Пьер Луиджи Фарнезе – отец кардинала Алессандро Фарнезе.

[72] Relazione di Roma di Giacomo Soranzo… P. 143.

[73] Ibidem.

[74] Ibidem.

[75] Пьер Франческо Ферреро (Pier Francesco de Ferreri di Biella) (1510–1566), аббат, епископ, кардинал. Pier Francesco Ferrero // The Cardinals of the Holy Roman Church. URL: http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1561.htm#Ferrero.

[76] Relazione di Roma di Giacomo Soranzo… P. 144.

[77] Ibidem.

[78] Ibidem.

[79] Ibidem.

суждений Джакомо Соранцо, указывает, что преемником Пия IV будет доминиканец Микеле Гислиери[80], ставший 7 января 1566 г. римским папой Пием V[81].

Как видим, с одной стороны, венецианские дипломаты ошиблись в своих прогнозах насчет того, кто займет папский престол, но, с другой стороны, они верно определили ключевые фигуры папского конклава: кардинала Фарнезе и кардинала Карло Борромео, ибо известно, что М. Гислиери папой был выбран в результате договоренности между двумя этими кардиналами[82].

Таким образом, венецианские дипломаты Джироламо и Джакомо Соранцо смогли за время своего резидентства в папской курии периода понтификата Пия IV в своих отчетах дать характеристику специфики окружения папы, выделив то, что ближе всего к папе стояли его непоты и секретарь, которые во многом являлись простыми статистами и исполнителями его решений. Они отметили, что большая часть кардиналов Апостолического престола во всем послушны воле папы в силу того, что зависели от него материально. Венецианские послы показали возможных кандидатур на папский престол, хотя и не назвали имени истинного преемника папы Пия IV, ошибившись в своих расчетах. Как видим, сведения, изложенные в отчетах венецианских послов, позволили быть Венеции в курсе текущих событий и подводных течений папской курии понтификата Пия IV, не самого худшего папы в истории католической церкви.

THE ROMAN CURIA THE EARLY 60-s OF THE XVI CENTURY: THE CIRCLE OF POPE PIUS IV (ACCORDING TO THE VENETIAN AMBASSADORS IN ROME IN 1560–1565)

M.V. TRETYAKOVA

The State University of Nizhny Novgorod, the Arzamas branch

e-mail: marinatretyakova@mail.ru

The paper deals with to study of the legation of Girolamo Soranzo in 1560-1563 and Giacomo Soranzo in 1563-1565 to Rome. The author analyses the Relazioni of the venetian ambassadors and examines their information to the venetian government about the encirclement of Pope Pius IV. The author comes to conclusion that in general the support of the pope was his nephew, the board of cardinals was obedient to his will. The information contained in the reports of the Venetian ambassadors, Venice allowed to be up to date with current events and underwater currents Curia pontificate of Pius IV.

Key words: Roman curia, Venetian ambassador, Girolamo and Giakomo Soranzo, Pope Pius IV.

[80] Микеле Гислиери (Ghislieri Michele) (1504–1572). Ghislieri O.P., Michele // The Cardinals of the Holy Roman Church. URL: http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1557.htm#Ghislieri.

[81] Relazione di Roma di Giacomo Soranzo ... P. 144.

[82] Гергей Ё. История папства... С. 244.

УДК 930(477) «18»: 94(44) «04/16»

ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ В ТРУДАХ УЧЁНЫХ ИМПЕРАТОРСКОГО ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (XIX – НАЧАЛО XX вв.)

С.И. ЛИМАН

Харьковская государственная академия культуры

e-mail: limans@ukr.net

В статье рассматривается процесс изучения историками-медиевистами императорского Харьковского университета (1805-1917 гг.) различных проблем средневековой истории Франции. Отмечается, что выбор тематики их исследований (политические, идеологические, правовые, фискальные аспекты феодальной монархии) объясняется их взглядами на прогрессивную роль французской королевской власти в средние века, а изучение исторической науки Франции в целом и оценки творчества отдельных её представителей – высоким уровнем медиевистики этой страны. Делается вывод о важности медиевистических исследований в данном университете.

Ключевые слова: медиевистика, Франция, история, историография, Средние века, Харьковский університет.

В течение XIX – начале XX вв. судьбы Франции и России были довольно тесно связаны друг с другом. Их взаимовлияние на разных этапах априори носило разный характер: от ожесточённых общеевропейских войн и формирования образа врага до прочного, как адрианoвский шлем военно-политического союза, от синих наполеоновских мундиров, изорванных «о русские штыки», до возведения величественного Александровского моста – русской жемчужины Парижа. Французская мода, литература, язык, которым легко владело российское образованное общество, существенно дополняли интерес к историческому прошлому Франции и непосредственно влияли на круг научных интересов отечественных учёных, многие из которых становились приверженцами французских политических доктрин. В истории Франции, в том числе в её феодальном прошлом, российские учёные искали аналогии с политическими процессами, происходящими в самой России.

Одним из центров общероссийской дореволюционной медиевистики стал Харьковский университет. Открытый, согласно университетскому Уставу 1804 г.[1], он выдвинул из своей среды немало учёных, чьё творчество в той или иной степени было посвящено истории средневековой Франции. Однако проблема изучения в императорском Харьковском университете данной тематики ещё не стала предметом специального научного исследования. В историографии затрагивались лишь некоторые аспекты указанной тематики в контексте изучения всеобщей истории в Российской империи[2], средневековой истории Франции учёными украинских земель Российской империи[3], анализа творчества отдельных харьковских медиевистов[4], медиевистики на Украине в целом[5]. Отдельные обращения в рамках данной темы осуществлялись также в связи с научным анализом творчества А.С. Вязигина, автора монографии «Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого», оценки которой в советской и постсоветской науке существенно отличаются друг от друга[6]. Современная историография пополнилась в последние годы диссертационными исследованиями М.К. Кеды и Н.В. Остапова, посвящёнными изучению творчества харьковского профессора М.Н. Петрова, часть научного наследия которого была по-

[1] Университетский устав 5 ноября 1804 г. // Соловьёв И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. СПб., б.г. Вып. 1. С. 23-36.

[2] Бузескул В.П. Всеобщая история и её представители в России в XIX – начале XX вв. Л., 1931. Ч. 2. С. 94.

[3] Лиман С.І. Французька середньовічна історія та історіографія в працях медієвістів України в 1805 – 60-ті рр. XIX ст. // ВХДАК. 2004. Вип.15. С. 50-56, 57-59; Лиман С.І. Історія середньовічної Франції в працях медієвістів українських земель Російської імперії в 70-80-ті рр. XIX ст. // ВХДАК. 2005. Вип. 16. С. 23-27.

[4] См. напр.: Лиман С. І. Історія середньовічної Західної Європи та Візантії у творчості й навчальних курсах приват-доцента імператорського Харківського університету Євгена Олександровича Черноусова (1869 – ?) // ВХДАК. 2014. Вип. 42. С. 26.

[5] Лиман С.І. Медієвістика в Україні в кінці XIX – на початку XX ст. (1880–1917). Дис...канд. іст. наук. Х., 1993. С. 177-178; Лиман С.И. Идеи в латах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 – первая половина 1880-х гг.). Х., 2009. С. 221-223, 228, 250-254, 261-263.

[6] Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 443–444; Лиман С.И. А. С. Вязигин как историк-медиевист // Вестник Харьковского университета. 1992. № 362. С. 127.

священа средневековой французской тематике[7]. Степень изученности указанной проблемы в историографии ставит перед нами задачу – на основе всех имеющихся опубликованных и рукописных источников представить анализ исследований медиевистами императорского Харьковского университета в 1805-1917 гг. различных проблем средневековой истории Франции.

В первой трети XIX в. харьковские учёные обращались к данной тематике контекстно, как правило, в небольших по объёму актовых речах. Это в полной мере относится к творчеству профессора права И.Ф. Тимковского – ближайшего соратника В.Н. Каразина в деле открытия Харьковского университета[8]. Так в актовой речи «О поместьях» (1811) он рассматривал процесс передела земельной собственности в германских королевствах, прежде всего в королевстве франков[9]. Он не только показал рост влияния знати и юридический статус покорённого населения, но и особенности зарождения феодальных отношений. Учёный черпал доказательства в содержании «Салической правды», «Рипуарской правды», капитуляриях Карла Великого. В то же время, он оставил без развёрнутого объяснения своё утверждение о том, что французский король Карл VII, «учредив первое в Европе известное, пехотное войско, приготовил важную перемену в делах и политике народов»[10]. Карл VII действительно победил в Столетней войне, однако его военная реформ не исчерпывалась созданием постоянной армии лишь из легионов пехоты. В этой новой армии важнейшую роль играли конные эскадроны жандармов[11]. Однако, несмотря на некоторые уязвимые для критики утверждения И.Ф. Тимковского, его речь стала первой по времени опубликованной в Харьковском университете работой, в которой рассматривались не только политические, но и социально-экономические отношения во Франкском государстве.

Среди первых учёных Харьковского университета преобладали иностранцы. Одним из них был французский учёный А.А. Дегуров (Де Гур), ставший впоследствии ректором Петербургского университета. Ещё во Франции он опубликовал труды по национальной истории («Публичная и тайная история французского короля Генриха IV», «Обозрение истории Франции» и др.). В актовой речи харьковского периода «Критика истории и её защищение» (1808) А.А. Дегуров дал оценку представителям французской исторической науки. Наиболее авторитетными он ситал деятелей Просвещения, известных своим, главным образом, негативним отношением к Средневековью: Вольтера, Э.Б. Кондильяка, Ш. Монтескье, Ж.Б. Боссюэ и др. Однако, указав на огромную научную продуктивность своих соплеменников, француз А.А. Дегуров подчеркнул, что историография Англии отличается большей объективностью и «рассудительностью», чем французская[12].

В другой актовой речи «О возрождении наук и перевесе, который они дали Европе перед прочими частями света» (1812) А.А. Дегуров частично коснулся одной из сторон деятельности Карла Великого. В изображении харьковского учёного Средневековье было неразрывно связано со зрелищами «опустошения и ужаса, от коих тогда стенала Европа»[13], а виной всему он ситал недостаток науки и просвещения. Говоря о причинах неудачи, постигшей Карла Великого при попытке восстановить «вкус к наукам», А.А. Дегуров отмечал, что «век его не мог соответствовать его духу»[14], хотя источники

---

[7] Кеда М.К. Михайло Назарович Петров (1826-1887) та його внесок в історичну науку: автореф. …канд. іст. наук. К., 2006. С. 15; Ср.: Остапов Н.В. Становление преподавания всемирной истории в університетах России: научно-педагогические взгляды и деятельность М.Н. Петрова: 1850-1880 гг. Дисс… канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006.

[8] [Письмо В.Н. Каразина] И.Ф. Тимковскому (24 марта 1803 г.) // Сочинения, письма и бумаги В.Н. Каразина, собранные и редактированные проф. Д. И. Багалеем. Х., 1910. С. 638-639; Письмо И.Ф. Тимковского Слободско-Украинскому губернатору И.И. Бахтину // ГАХО.Ф. 3. Оп. 10. Ед. хр. 112. Л. 208.

[9] Тимковский И.Ф. О поместьях // Речи, говоренные в торжественном собрании императорского Харьковского университета, бывшем 30 августа 1810 г. Х., 1811. С. 14.

[10] Там же. С. 55.

[11] Ср.: Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII-XV вв. М., 1989. С. 158, 165.

[12] Дегуров А.А. Критика истории и её защищение // Речи, произнесённые в торжественном собрании императорского Харьковского университета 30 августа 1808 г. Х., 1808. С. 38.

[13] Дегуров А.А. О возрождении наук и перевесе, который они дали Европе перед прочими частями света // Речи, произнесённые в торжественном собрании императорского Харьковского университета 17 января 1812 г. Х., 1812. С. 40.

[14] Там же. С. 41.

содержат сведения о грандиозных успехах Карла в политической, законодательной, религиозной сферах[15].

Схожие оценки деятельности Карла Великого содержатся в актовой речи профессора кафедры классической филологии Харьковского университета, немецкого учёного Х.В. Роммеля «О преимуществе и силе истинного и совершенного просвещения» (1811). Находясь под влиянием историографии Просвещения, учёный противопоставлял образование и науку «варварским» Средним векам. Первые попытки борьбы с этим невежеством Х.В. Роммель относил к эпохе «каролингского возрождения», когда Карл Великий «возжелал просветить народ свой»[16].

Преобладание каролингской тематики в первых обращениях харьковских учёных к истории средневековой Франции не было случайностью[17]. Большинство из них в той или иной степени находились под влиянием представителей европейского Просвещения. Уже само название известнейшего труда Вольтера «Опыт о нравах и духе народов и о главных событиях истории от Карла Великого до Людовика XIII»[18], ставшего, пожалуй, первой всемирной историей, свидетельствовал о том, какое большое значение в западной историографии уделялось результатам правления основателя Каролингской империи.

Первым монографическим исследованием, в котором содержится ряд обращений к французской средневековой истории и историографии, стала магистерская диссертация адъюнкта кафедры всеобщей истории В. Ф. Цыха «О способе преподавания истории» (1833). Следуя традиции, он прямо указывал на то, что «век Карла Великого» является одним из главных «элементов» истории Средневековья[19]. Пытаясь осмыслить состояние французской историографии, харьковский учёный сделал ряд критических замечаний. Так в числе недостатков современной ему медиевистики он отмечал неумение правильно показать «постепенное смешение, соединение различных элементов… в брожении в начале средней истории; открыть всякого происшествия смысл и значение». С той задачей, по мнению В.Ф. Цыха, успешно справлялись лишь некоторые, притом французские историки, – Ф. Гизо, О. Тьерри, П. Барант[20].

Специальных работ, целиком посвящённых средневековой истории Франции, в Харьковском университете в 1-й половине XIX в. опубликовано не было. Их отсутствие не восполнялось дошедшими до нас рукописными курсами лекций, как, например, лекциями профессора кафедры всеобщей истории М.М. Лунина. В этих лекциях ключевая роль среди западноевропейских стран отводилась именно Франции. Находясь под очевидным влиянием научных доктрин Ф. Гизо, М.М. Лунин фактически разделял его идею о том, что «Франция была центром, фокусом цивилизации Европы»[21]. В связи с этим особенно важны лекции М.М. Лунина по истории зарождения и развития феодальных отношений во Франкском и Французском государствах, реконструкция им социальной структуры общества, отмеченные особенности феодальной иерархии, рано возникший «ленный институт», как «важное основание для воинского управления Франкской монархии»[22]. Именно эта ленная система, подчеркивал ученый, и привела к тому, что «Франция… раздробилась на большое количество больших и малых ленов»[23].

---

[15] Видукинд Корвейский. Деяния саксов / Вступ. ст., пер. и коммент. Г.Э. Санчука. М., 1975. I. 15. С. 136; Эйнгард. Жизнь Карла Великого / Пер. А. П. Левандовского // Левандовский А.П. Карл Великий. Через Империю к Европе. М., 1995. Приложения. VII. С. 185.

[16] Роммель Х.В. О преимуществе и силе истинного и совершенного просвещения // Речи, произнесённые в торжественном собрании императорского Харьковского университета 30 августа 1811 г. Х., 1811. С. 49.

[17] О большом значении законодательной деятельности Карла Великого упоминали и другие учёные Харьковского университета. Среди них – профессор кафедры римского права К.П. Паулович и ад'юнкт кафедры российского публичного права и судопроизводства Г.С. Гордеенков. (См.: Паулович К.П. Конспект, или краткое обозрение дипломатики вообще. Х., 1829. С. 48, 90; Гордеенков Г. О законодательном достоинстве Свода Законов Российской империи // Речь, произнесённая в торжественном собрании императорского Харьковского университета 30 августа 1835 г.Х., 1835. С. 2).

[18] См.: Вольтер. Опыт о нравах и духе народов и о главных событиях истории от Карла Великого до Людовика XIII. СПб., 1829.

[19] Цых В.Ф. [О способе преподавания истории]. Решение вопроса: По причине безперестанного умноженя массы исторических сведений и распространения объёма истории, не оказывается ли нужным изменить обыкновенный способ преподавания сей науки и какой он должен бать именно, как вообще, так и особенно в университетах? Х., 1833. С. 111.

[20] Там же. С. 35.

[21] Гизо Ф. История цивилизации в Европе. 2-е изд. / Пер. с фр. К. Арсеньева. СПб., 1864. С. 3.

[22] Лунин М.М. История средних веков: [Лекции проф. М.М. Лунина, записанные студентом Д. Чириковым] // ОРЦНБХНУ. Д. 545/с. Тетрадь 34. Л. 8.

[23] Там же. Тетрадь 38. Л. 6.

Первой опубликованной в Харьковском университете работой, целиком посвященной средневековой истории Франции, стала магистерская диссертация М.Н. Петрова «О характере государственной деятельности Людовика XI» (1850)[24]. Главным источником для нее послужили «Мемуары» Филиппа де Коммина. Свои авторские задачи М.Н. Петров видел в том, чтобы сначала разобраться «в характере XV века и его значении в истории человеческой цивилизации», а затем показать, «каким образом на почве его развился характер Людовика XI»[25].

Время царствования Людовика XI М.Н. Петров, в полном соответствии с тогдашней исторической хронологией, считал стыком двух эпох – средних веков и нового времени. «Двойственность эта, – по мнению ученого, – отразилась и в характере представителей XV в., в ряду которых Людовик XI, бесспорно, занимает первое место»[26]. М.Н. Петров дал свою оценку каждому из трех периодов царствования короля. Это позволило историку прийти к выводу о том, что «государственная деятельность Людовика XI такова, какой можно ожидать от его характера и от его века. По духу и стремлениям она составляет достояние нового времени; по форме, по образу действования принадлежит еще средневековой эпохе; отсюда ее двойственный характер и замечаемые в ней противоречия»[27].

Главную цель Людовика XI М.Н. Петров усматривал в усилении королевской власти и укреплении страны. Этому, по мнению ученого, способствовали войны с англичанами, национальное самосознание и упадок феодального рыцарства, противившегося всякой власти над собой[28]. Однако перечень указанных причин не может считаться полным.

Учитель Петрова А.П. Рославский-Петровский в рецензии на диссертацию назвал изображенного им Людовика XI «рабом эпохи» и упрекнул ученика в том, что тот намеренно слагал с короля «нравственную ответственность за его преступления»[29]. Возражением учителю мог бы служить вывод М.Н. Петрова о том, что методы и средства борьбы Людовика XI были «не хуже и не лучше тех, какими пользуются его противники», а сам король отличался «обдуманностью и сознательностью в своей политике»[30]. Отметим, что и Филипп де Коммин считал Людовика XI менее порочным и более мудрым, чем другие его венценосные современники[31]. Однако оправдание макиавеллизма Людовика XI вовсе не являлось главной задачей М.Н. Петрова. Ему удалось всесторонне охарактеризовать третье сословие, которое он, подобно Т.Н. Грановскому, считал главным союзником короля[32].

Данный сюжет привлекал М.Н. Петрова и в дальнейшем. Впоследствии содержание магистерской диссертации учёного под названием «Людовик XI» войдёт в его известные «Очерки из всеобщей истории». Второе издание очерка о Людовике XI (1868)[33] отличалось от первоначального текста более личностной характеристикой Людовика XI, более подробным изложением причин его новой политики, отказом от разделения его правления на три основных периода, выяснением результатов государственной деятельности ряда его предшественников.

Во французской истории М.Н. Петрова привлекала не только личность Людовика XI. Другим его обращением к средневековому прошлому Франции стал очерк «Жанна д'Арк. Историко-психологический опыт» (1867). В нём, в отличие, например, от Ж. Мишле, для которого Жанна д'Арк – посланница неба, дитя Церкви, служанка Бога[34], М.Н. Петров представил её деятельность как одно из проявлений самосознания народа, а не воли провидения. «Странно, по крайней мере, не исторически, – писал ученый, – было бы говорить о непосредственном заступничестве неба за Францию», – считал харьковский учёный[35]. Если в книге Ж. Мишле политическая ситуация во Франции XV в. была охарактеризована недостаточно подробно, то М.Н. Петрову удалось показать, что ни «ленивый и развратный» дофин Карл, ни его приверженцы, заботившиеся только о личных интересах, не были способны переломить характер военных действий в свою пользу. Роль

---

[24] В общероссийской медиевистике первым крупным научным трудом по истории средневековой Франции стала вышедшая всего за год до этого докторская диссертация Т.Н. Грановского «Аббат Сугерий» (1849).

[25] Петров М.Н. О характере государственной деятельности Людовика XI. Х., 1850. С. 10.

[26] Там же. С. 13.

[27] Там же. С. 38.

[28] Там же. С. 46.

[29] Рославский-Петровский А.П. [Рец.] // ЖМНП. 1851. №7. С.206 (Петров М.Н. О характере государственной деятельности Людовика XI.Х., 1850).

[30] Там же. С. 54-55.

[31] Коммин Ф. де. Мемуары / Пер., ст. и примеч. Ю. П. Малинина. М., 1986. VI. 8-9. С. 248, 251.

[32] Ср.: Грановский Т.Н. Лекции по истории средних веков. М., 1987. С. 17.

[33] См.:Петров М.Н. Людовик XI. Общеисторическая характеристика // Петров М.Н. Очерки из всеобщей истории. Х., 1868. С. 336-392.

[34] Мишле Ж. Жанна д'Арк / Пер. с фр. Т. Быковой. Пг., 1920. С. 33, 36, 41, 43.

[35] Петров М.Н. Жанна д'Арк (Историко-психологический опыт) // ЖМНП. 1867. Ч. 135. С. 94.

спасателя Франции историк отвел простому народу и Жанне д'Арк как его представительнице. Социальными мотивами проникнуты рассуждения историка о том, что если ее появление было встречено высшим классом и самим двором недоверчиво, то «народ увидел в ней идеальное воплощение своих собственных качеств и духа – здравый ум и прямое, бескорыстное, честное и доброе сердце»[36].

М.Н. Петров разграничил объективные и субъективные причины перелома в Столетней войне. «Великий народ с живыми и юными силами и тысячелетней историей не мог, конечно, быть поглощен пришельцами, – отмечал ученый. – Народный дух, подавленный временным стечением несчастий, рано или поздно восстал бы против насилия, и, так или иначе, Франция освободилась бы от англичан»[37]. Роль в этом Жанны д'Арк он определял как «благородную инициативу», подчеркивая, что «только сочувствию масс обязана была Жанна своим успехом»[38]. Такая высокая оценка роли простого народа в историческом процессе была в целом характерна для отечественной либеральной медиевистики первых пореформенных лет.

Помимо конкретно-исторических очерков по истории средневековой Франции, М.Н. Петров также опубликовал две работы, в которых значительное место уделено состоянию французской медиевистики: «Отчет о занятиях в Германии, Франции, Италии, Бельгии и Англии» (1861) и монография «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции» (1861). Эта монография была защищена им в качестве докторской диссертации.

И в «Отчете», и в докторской диссертации М.Н. Петров широко и удачно применял сравнительный метод. В отличие от немецкой историографии с ее широким географическим охватом, французские историки, как отмечал харьковский ученый, уделяли основное внимание исследованию национальной истории, обнаруживая при этом слабое знакомство с зарубежной наукой[39]. Среди других недостатков французской медиевистики он отмечал дилетантизм многих ученых, их «односторонний национальный взгляд» на исторические явления. «В исторической литературе французов, – указывал М.Н. Петров, – та же анархия, что и в области социальных идей»[40]. Вместе с тем, сильными сторонами французской исторической науки харьковский ученый считал внешнюю привлекательность, «логическую организацию материала», умение популяризировать историю и делать ее «прикладной наукой»[41]. Мнение М.Н. Петрова о том, что новая национальная историческая школа была связана с именами П. Баранта и К.Фориэля[42] не противоречило аналогичным выводам его предшественника В.Ф. Цыха[43].

Из числа современных ему французских медиевистов М.Н. Петров заслуженно выделял Ф. Гизо, О. Тьерри и Ж. Мишле. Ф. Гизо, как полагал харьковский ученый, отличался, прежде всего, критическим направлением своих исследований, но слабую сторону его творчества составлял «догматизм»[44]. Основную заслугу О. Тьерри М.Н. Петров усматривал в преодолении слабых сторон французского прагматизма, создании собственного «живописного» метода, а также в важнейшей разработке вопросов по истории третьего сословия[45]. Наконец, Ж. Мишле с некоторыми оговорками М.Н. Петров отнес к представителям «гуманитарной школы»[46]. Отмеченные автором особенности творчества лучших представителей французской медиевистики более рельефно подчёркивали и его научные предпочтения: интерес к народному началу, гуманизм, историко-художественную манеру изложения, историческую объективность.

Через год после смерти М. Н. Петрова были опубликованы его трёхтомные «Лекции по всемирной истории» (1888), которым суждено было стать первым в Российской империи отечественным учебным пособием данного формата. Второй том этих лекций был посвящён истории средних веков, а одно из ключевых мест в нём отводилось именно истории Франции. Особенностью её развития М. Н. Петров считал то, что «государствен-

[36] Там же. С. 113.
[37] Там же. С. 116.
[38] Там же.
[39] [Петров М.Н.] Отчет о занятиях адъюнкта имп. Харьковского университета М.Н. Петрова в Германии, Франции, Италии, Бельгии и Англии в 1858-1860 гг. Х., 1861. С. 9, 35.
[40] Петров М.Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции. Х., 1861. С. 193.
[41] Там же. С. 188.
[42] Там же. С. 243
[43] Цых В. Ф. О способе преподавания истории… С. 35.
[44] Петров М.Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции… С. 258-259.
[45] Там же. С. 269.
[46] Там же. С. 299.

ный порядок» этой страны, в отличие, например, от Германии, создавался не только королевской властью, но и самим французским обществом. Франция, по его мнению, представляла в средние века образец государственной централизации[47]. Это мнение распространено и в современной медиевистике.

Различные аспекты истории Франции рассматривал в своём творчестве и харьковский историк права А.Н. Стоянов. Он опровергал высказанное Н.Д. Фюстелем де Куланжем мнение о том, что система французской администрации "была безусловно-римская и механически удержана германскими завоевателями»[48]. «Французские учреждения, – подчёркивал А.Н. Стоянов, – представляют своеобразное целое, где более или менее удачно совместились начала германские и римские»[49]. На этой же точке зрения стоял и коллега А.Н. Стоянова, профессор всеобщей истории Харьковского университета В.К. Надлер. В.К. Надлер, хотя и отмечал большое влияние римского элемента во Франкском государстве, всё же указывал, что франкское владычество в основе своей было явлением новым, варварским, а не римским[50].

А. Н. Стоянов критиковал ошибочное мнение Луазо и Буленвилье о том, что занятие франками Галлии «повлекло за собой для обитателей страны полное лишение прав имущественных в пользу завоевателей»[51]. Однако ошибался и сам А.Н. Стоянов. Например, он вполне допускал, что «Салическая правда» была издана до Хлодвига[52].

А.Н. Стоянов был ярким представителем историко-правового направления, которое всё яснее обозначалось в исследованиях по истории западноевропейских стран, наряду с политическим и социально-экономическим. Большую научную ценность для изучения истории средневековой Франции представляла его магистерская диссертация «Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII ст.» (1862). «Задача настоящего труда чисто историческая», – подчеркивал во введении юрист А.Н. Стоянов[53]. Эта мысль подтверждается как мнением о его творчестве Н.Ф. Сумцова, который называл А.Н. Стоянова «приверженцем сравнительного и исторического методов изучения правовых институтов»[54], так и содержанием самой магистерской диссертации.

Материал диссертации, охватывающий эпоху средневековья, посвящён, в основном, Франции и её школе юристов. Францию, наряду с Голландией, А.Н. Стоянов считал той страной, куда «приливают с исключительной силой все живые соки юриспруденции в конце XVI и в XVII вв.»[55] Ученый убедительно показал связь между римским правом и политической жизнью Франции. Именно во Франции, где усиливалась королевская власть, была создана Куяцием, Донеллом, Дуареном новая юридическая школа цивилистов, которая на полтора столетия стала ведущей в Европе. Политическим идеалом этих юристов А.Н. Стоянов считал «самодержавный принцип», обусловленный их происхождением: «Будучи тесно связанными с городскими общинами юристы, можно сказать, вышли на политический свет с готовой враждой к олигархическому дворянскому началу, с зародышем идей о единстве государственном»[56].

Однако в рассуждениях А.Н. Стоянова о роли юристов в борьбе королевской власти с феодальной аристократией и в общественном движении в целом содержатся и спорные выводы. Ученый преувеличивал и идеализировал роль юристов в изменении поземельных отношений, где они старались «доставить наиболее выгод крестьянину» и необоснованно признавал юристов XVI–XVII вв. не только единственными создателями этой формы монархии, но и творцами гражданской свободы, а также защитниками экономических интересов страны. Огромность этого вклада, по сути, ставит под вопрос вывод самого А.Н. Стоянова о том, что упадок французской юриспруденции с XVII в. был связан с усилением французского абсолютизма и его наступлением на права подданных[57].

---

[47] Петров М. Н. Лекции по всемирной истории. Х., 1888. Т. 2. История средних веков. С. 192.
[48] Стоянов А.Н. История важнейших западных законодательств. Курс лекций 1883/84 уч. г. Х., 1884. С. 158.
[49] Там же. С. 161.
[50] Надлер В.К. Лекции по истории средних веков. [Литография]. Х., 1887. С. 216.
[51] Стоянов А.Н. История важнейших западных законодательств… С. 86.
[52] Там же. С. 95.
[53] Стоянов А.Н. Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII ст. Х., 1862. С. IV.
[54] Сумцов Н.Ф. Стоянов Андрей Николаевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1901. Т. 31. П/т. 62. С. 717.
[55] Стоянов А.Н. Методы разработки положительного права и общественное значение юристов… С. 27.
[56] Там же. С. 34.
[57] Там же. С. 81.

Исследование А.Н. Стояновым французских средневековых юридических институтов предполагало его обращение не только к анализу римского, но и обычного права. Этому аспекту проблемы учёный посвятил специальный очерк «Обычное право в истории важнейших европейских государств Западной Европы и особенно во Франции» (1883). «Нигде, даже в Англии, – подчёркивал автор, – обычное право не получило такого раннего, обширного и прочного значения, как во Франции»[58]. А.Н. Стоянов связывал этот процесс с феодальной раздробленностью, в результате чего «писаные источники – римское право, Legesbarbarorum и капитулярии – потеряли своё прежнее формальное значение». Зато, – указывал учёный, – «самым полным и влиятельным источником положительного права сделались обычаи»[59]. А.Н. Стоянов показал и особенности географического аспекта этого явления. С XI в. районами действия преимущественно обычного права учёный ситал большую часть Франции (северо-запад, север, центр, восток, отчасти юго-восток). Но и в южной части Франции, где действовало римское право, оно, по мнению автора, нередко само переходило в обычное и не всегда исключало его параллельное существование. Однако вопрос о содержании и происхождении обычного права А.Н. Стоянов не стал решать самостоятельно. Он лишь повторил мысль известного французского учёного Ж.-М. Пардессю о том, что в вопросе о происхождении обычного права во Франции нельзя свести всё к какому-либо одному источнику (кельтскому или римскому, германскому или феодальному)[60]. Тем самым А.Н. Стоянов продемонстрировал свою приверженность теории синтеза средневековых институтов.

Одним из таких важнейших институтов была финансовая администрация. А.Н. Стоянов посвятил этой теме отдельный очерк «Финансовая администрация во Франции от средних веков до 1789 г.» (1877). Очерк представлял несомненную научную ценность[61]. Источниками для его написания стали протоколы собраний провинциальных штатов и так называемые «жалобные тетради». Несмотря на фрагментарность очерка и излишнюю эмоциональность автора, ему удалось выяснить такие важне вопросы, как время возникновения во Франции особой финансовой администрации, главные источники доходов королевской казны, классовая направленность налоговой политики, сущность тальи, которая была «одновременно и личной, и поземельной податью» и в течение сотен лет сохраняла неопределённость и противоречивость, взаимосвязь между деятельностью фискальной системы и всё возрастающей социальной борьбой в стране[62]. Многие из выводов, к которым пришёл А.Н. Стоянов, получили полное подтверждение и в современной медиевистике. Так, его оценка характера тальи не противоречит аналогичным оценкам А.Д. Люблинской[63], а вывод о том, что «не ранее Людовика Святого начала выделяться особая финансовая администрация из целой системы государственных учреждений»[64], повторила в своей монографии Н.А. Хачатурян[65].

Самым крупным исследованием, посвящённым истории средневековой Франции, стала монография профессора кафедры всеобщей истории А.С. Вязигина «Идеалы "Божьего царства" и монархия Карла Великого» (1912). Известный специалист в области истории борьбы за инвеституру, автор магистерской диссертации «Очерки из истории папства в XI в.», А. С. Вязигин готовил обширное исследование «Идейная и экономическая подготовка церковно-общественных преобразований XI в.». Однако бурная политическая и редакторская деятельность (он был издателем монархического журнала «Мирный труд»[66] и одним из руководителей фракции правых в III Государственной думе[67]) не позволили осуществить этот замысел в полном объёме. А. С. Вязигину удалось опубликовать лишь несколько вводных очерков, объединённых впоследствии в монографию «Идеалы "Божьего царства" и монархия Карла Великого».

---

[58] Стоянов А.Н. Обычное право в истории важнейших государств Западной Европы и особенно во Франции. Х., 1883. С. 3.

[59] Там же. С. 4.

[60] Там же. С.11.

[61] А.Н. Стоянов опубликовал его почти одновременно с появлением известной монографии М.М. Ковалевского “Опыты по истории юрисдикции налогов во Франции с XIV века до смерти Людовика XIV” (1876).

[62] Стоянов А.Н. Финансовая администрация во Франции от средних веков до 1789 г. Б.м., 1877. С. 3-4, 15, 27.

[63] Люблинская А.Д. Франция при Ришелье. Л., 1982. С. 41-42, 45.

[64] Стоянов А.Н. Финансовая администрация во Франции… С. 1.

[65] Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. С. 99.

[66] Вязигин А. С. Программа «Мирного Труда» // Мирный Труд. 1902. № 1. С. 7.

[67] См.: Вязигин А. С. Думские выступления. Х., 1913.

В своей работе автор пытался исследовать как сами идеи «Божьего царства», так и теократические идеалы франкского императора. Высказав мысль о том, что Карл Великий воспринял основные положения «Божьего царства» у Блаженного Августина («Святая правда, единство, вечный мир»)[68], автор стремился далее выяснить слабые стороны идеи императора и показать несоответствие между теократическими идеалами Карла и современной ему действительностью. «Высокая цель, – указывал А. С. Вязигин, – должна достигаться чистыми, нравственными средствами, медленным путём постепенного перевоспитания общества, а не окольной тропой грубого насилия и жестокого принуждения»[69]. Несмотря на то, что идея Божьего царства нашла в Карле Великом убеждённого сторонника, она, – по мнению учёного, – «понималась превратно самим императором и его сподвижниками, но и не могла быть воплощена в столь грубое варварское время»[70].

А.С. Вязигин поставил возможность воплощения этой идеи в прямую зависимость от экономических условий века. В противном случае, – отмечал историк, – «идейное здание висит в воздухе»[71]. Потому главная причина неудачи Карла Великого зависела, по его мнению, «не от непригодности великих заветов единства, мира и правды, а от несоответствия этих высоких требований экономическому уровню той эпохи и слабости идейной подготовки современных ему поколений, которые не знали даже азбуки крупной общественной жизни»[72]. Несмотря на такой вполне научный подход к сущности исследуемого явления, труд А.С. Вязигина вызвал неодобрительный отзыв критики. Так, по мнению известного специалиста в этой области Л.П. Карсавина, «книга не даёт нового и оригинального построения и освещения эпохи»[73]. Как отмечал рецензент, многие вопросы, рассматриваемые автором, уже обстоятельно изучили В.И. Герье, а также Е.Н. Трубецкой, автор обширного труда «Миросозерцание Блаженного Августина». В то же время, многие выводы А.С. Вязигина созвучны с основными положениями известной монографии А.П. Левандовского. Так, по мнению А.П. Левандовского, творение Августина «О граде Божьем» было не только любимой книгой Карла Великого, «но и прямым жизненным руководством». «Это была навязчивая идея Карла, та сверхзадача, которую он себе поставил», но которую так и не осуществил[74].

В 1909-1918 гг. на кафедре всеобщей истории Харьковского университета преподавал приват-доцент Е.А. Черноусов. Поскольку чтение общего курса истории средних веков в эти годы осуществлял профессор А.С. Вязигин, Е.А. Черноусов подготовил несколько спецкурсов в рамках этого предмета. Значительная часть из них была посвящена истории средневековой Франции: «Меровингское общество и государство» (1912/1913 уч.г.), «История Франции X-XI вв.» (1914/1915 уч. г.), «Феодализм во Франции» (1916/1917 уч.г.)[75]. Первый из этих спецкурсов Е. А. Черноусов читал два, а последующие – по четыре часа в неделю. Столько же (четыре часа в неделю) выделялось учебными планами и на общий курс А. С. Вязигина по истории средних веков. Таким образом, значительный объём преподавания вполне позволял Е. А. Черноусову излагать ключевые проблемы избранных им разделов средневековой Франции.

Помимо спецкурсов Е. А. Черноусов вёл практические занятия. Так, например, в «Обозрениях преподавания» за 1912/1913 уч. г.» значится «Чтение Григория Турского»[76]. На практические занятия учебными планами выделялось два часа в неделю.

Е. А. Черноусов был опытный источниковед. Он не только знал девять новых и древних языков, но и в самое тяжёлое время Первой мировой войны опубликовал для проведения практических занятий сборник «Избранные места из «Historia Francorum» Григория Турского (1916). Этот обширный, в сто страниц, сборник включал в себя 63 отрывка из «Истории франков» на латинском языке. Во введении Е. А. Черноусов отмечал: «В интересах всех участвующих в практических занятиях желательно, чтобы каж-

---

[68] Вязигин А.С. Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого. СПб., 1912. С. 71.

[69] Там же. С. 156-157.

[70] Там же. С. 158.

[71] Там же. С. 199.

[72] Там же. С. 200.

[73] Карсавин Л. П. [Рец.] // Научный исторический журнал. 1913. № 1. С. 73 (Вязигин А.С. Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого. СПб., 1912).

[74] Левандовский А. П. Карл Великий. Через империю к Европе… С. 124, 145.

[75] Обозрения преподавания предметови распределения лекций и практических занятий по историко-филологическому факультету императорского Харьковского университета на 1912-1913 ак. год. Х., 1912. С. 11; Обозрения преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий по историко-филологическому факультету императорского Харьковского университета на 1916-1917 ак. год. Х., 1916. С. 17.

[76] Обозрения преподавания предметов… на 1912-1913 ак. год… С. 11.

дый из них имел перед глазами текст читаемого памятника»[77]. В то же время, в пособии отсутствовали комментарии, которые по ходу занятия должен был делать сам руководитель[78]. При публикации текстов харьковский учёный использовал ганноверское издание В. Арндта 1884 г. из «Monumenta Germaniae historica».

Материал данной статьи позволяет утверждать, что научный интерес к средневековой истории Франции сохранялся у учёных императорского Харьковского университета в течение всего рассматриваемого периода (1805-1917 гг.). Этот интерес проявлялся в работах разного формата – актовых речах, курсах лекций, статьях, очерках, монографиях. Для данных исследований, как правило, были характерны очевидные этатистские предпочтения. Харьковские учёные обращались к анализу самых различных сторон деятельности государства, его выдающихся государственных деятелей и борьбы с феодальным сепаратизмом (М.Н. Петров), его политических, правовых, фискальных структур (А.Н. Стоянов), идеалам «Божьего царства» и монархии Карла Великого (А. С. Вязигин). Эти этатистские предпочтения харьковских медиевистов объяснимы их воззрениями на прогрессивную роль французской королевской власти. Другим важным направлением исследований стал анализ состояния французской медиевистики от первых фрагментарных контекстных обращений (А. А. Дегуров, В. Ф. Цых) до создания первой в Российской империи докторской диссертации М.Н. Петрова, посвящённой анализу западноевропейской, в частности французской историографии. Эта осведомлённость в достижениях медиевистики Франции – закономерное отражение высокого авторитета её учёных, несмотря на ряд недостатков в их творчестве, заслуженно и профессионально отмеченные харьковскими исследователями.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВХДАК – Вісник Харківської державної академії культури
ГАХО – Государственный архив Харьковской области
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ОРЦНБХНУ – Отдел рукописей Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина.

HISTORY OF MEDIEVAL FRANCE IN WORKS OF SCHOLARS OF KHARKOV EMPEROR'S UNIVERSITY (19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

S.I. LIMAN

Kharkov State Academy of Culture

e-mail: limans@ukr.net

The article discusses the study by scholars of Kharkov Emperor's University (1805-1917) of various problems of medieval France history. It is noted that the selection of research items (political, ideological, legal, fiscal aspects of feudal monarchy) is explained by their view on progressive role of French royal rule in Middle Ages, whereas the study of historical science of France as a whole and evaluation of its particular representatives is due to the high level of French medieval history science.The conclusion-about the importance of medieval research in the university.

Key words: France, history, historiography, MiddleAges, Kharkov University.

[77] [Черноусов Е. А.] Избранные места из «Historia Francorum» Григория Турского / Текст напечатан прив.-доц. Е. А. Черноусовым. Х., 1916. С. III.
[78] Там же. С. IV.

УДК 930.1.(09)

ПОЛИТИКА «ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ» И ЕЁ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ОФИЦИАЛЬНОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ США И КИТАЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА В. ВИЛЬСОНА

А.С. ПУШКАРЁВ

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: A_Pushkarev@bsu.edu.ru

Статья посвящена американской политике администрации президента В. Вильсона по отношению к Китаю в 1913 г. и особенностям её научной интерпретации американскими историками официального направления. В результате проделанного исследования автор выделяет направления, существующие в историографии, выявляет причины доминирования того или иного направления, а также предлагает объяснения того, почему та или иная проблема рассмотрена лучше и полнее, а другие изучены хуже. В целом возникает достаточно объемная картина развития официальной американской историографии по рассматриваемому вопросу в связи с политикой США.

Ключевые слова: доктрина «открытых дверей», международный банковский консорциум, признание Китайской Республики, концессии, социальная ответственность историка, релятивизм, субъективизм, эклектика.

Основоположник американской геополитической мысли Альфред Мэхэн на рубеже XIX-XX вв. утверждал, что «наиболее серьёзной проблемой ближайшего будущего является проблема Китая», и что «Соединённые Штаты, если не в силу заранее сформулированной политики, то под давлением обстоятельств будут вынуждены занять ведущее место в борьбе за китайский рынок»[1].

Роль Китая идеологам грядущей американской экспансии виделась аналогичной той, которую играла Индия для Великобритании – ему предстояло сделаться мощным колониальным анклавом США в Азии. Однако ввиду недостаточного военного потенциала Соединённые Штаты не могли ещё добиваться успехов в колониальной политике, действуя традиционными методами, и потому сделали ставку на свои растущие финансовые и экономические возможности. Для прогнозируемого американскими политиками последовательного вытеснения из Китая европейских конкурентов была разработана и в 1899 г. обнародована доктрина «открытых дверей» и «равных возможностей», энергично претворяемая в жизнь вплоть до начала 50-х гг. XX в. Сверхзадачей США на Дальнем Востоке было создание в Китае проамериканского режима, способного обеспечивать эффективный контроль над страной и противодействие антифеодальному и антиимпериалистическому движению, ради чего допустимым виделось, при определённых обстоятельствах, даже и поощрение милитаристских и местнических тенденций.

Опыт осуществления политики «открытых дверей» имеет универсальное значение, всё ещё не утратившее актуальности, поскольку в условиях однополярного мира, возникшего после разрушения СССР, может использоваться применительно к любому региону земного шара.

Вильсон, как отмечал в 1987 г. профессор университете штата Северная Каролина Майкл Хант, преклонялся перед британскими геополитическими традициями и в глубине души отнюдь не считал населяющие нашу планету народы равноценными, но благосклонно относился лишь к тем из них, которые были податливы на воздействие со стороны англосаксонского мира. «По отношению к тем народам, которые занимали промежуточные ступени расовой лестницы, – писал Хант, – позиция Вильсона варьировалась в зависимости от их способностей добиваться ценностей и институтов свободы или путём безоговорочного примирения с иностранным покровительством, или путём тщательного копирования иностранных моделей»[2].

[1] British documents on the Origins of the War. 1898-1914. L., 1927. Vol. 1. P. 231.
[2] Hunt M. Ideology and U.S. Foreign Policy. New Haven and London, 1987. P. 130.

Ныне всем известную способность искусно манипулировать судьбами других народов американским политикам первых десятилетий XX в. ещё только предстояло прочувствовать и подвергнуть многократной проверке на практике.

Вильсон, в недавнем прошлом профессор (и ректор) Принстонского университета, высоко ценил дипломатическое искусство как таковое и намеревался эффективно применять его в своей президентской практике. Как признаётся в американской историографии, Вильсон «хорошо знал, чем была американская традиция во внешней политике, но был также осведомлён и о том, что изменяющаяся природа технологии и мировой политики требовала привести эту традицию и эти новые обстоятельства в состояние гармонии»[3].

Вильсон, правда, при вступлении в должность заявлял: «Будет иронией судьбы, если моей администрации придётся иметь дело главным образом с внешней политикой». В ходе избирательной кампании он неоднократно изъявлял намерение сосредоточиться, в первую очередь, на проблемах внутренней жизни, что главным образом и способствовало его успеху[4]. Но уже в марте 1913 г. ему пришлось рассматривать вопрос об участии американской банковской группы в международном консорциуме в Китае. В мае – реагировать на неожиданное появление в Китае правительства Юань Шикая, а также на вспышку американо-японского расового конфликта в Калифорнии.

Консорциум имеет следующую историю: в 1910 г. американский банковский синдикат подключился к англо-франко-германскому финансовому объединению, а весной 1911 г. четыре эти банковские группы заключили соглашение с Китаем о предоставлении ему многомиллионного займа, в чём банкиров Уолл-стрита активно поддерживал президент У.Г. Тафт. Но вскоре в консорциум вошли, руководствуясь своими региональными геополитическими интересами, Япония и Россия, что не к пользе американцев изменило сложившееся соотношение сил. Вильсону уже на второй день президентства стало ясно, что в данной ситуации политика «открытых дверей» не обеспечивает США желанного для них доминирования. Президент решил, что американские банки не должны более участвовать в финансировании Китая на паритетной основе и объявил, что его администрация отказывает в правительственной поддержке американской группе международного консорциума. Согласно официальной версии В. Вильсона, подлинные интересы США в Китае состояли, якобы, не в поиске преимуществ, но лишь в поддержании политики «открытых дверей», которую он называл политикой «дружбы и взаимных выгод»[5].

Решение президента Вильсона было воспринято бизнесменами, политиками, а впоследствии и историками неоднозначно, но с течением времени сделалось очевидным, что оно вполне соответствовало стратегической установке на то, чтобы США в отдалённой перспективе в одиночку овладели обширным экономическим пространством Китая. Цель была более чем заманчивая. Известный японский дипломат Исии Кикудзиро говорил об этом в своих воспоминаниях: «В экономическом и финансовом отношении Китай с его четырёхсотмиллионным населением предоставлял беспредельные возможности для американских капиталовложений и торговли; американские банкиры и промышленники начинали это понимать»[6].

Вильсону, помимо этого, ради придания необходимой устойчивости американо-китайским отношениям нужно было выработать оптимальный подход к проблеме Синьхайской революции – 2 мая 1913 г. США официально признают в лице правительства Юань Шикая сотрясаемый революционными событиями новый Китай.

Соединённым Штатам это было безусловно выгодно, поскольку диктаторские устремления президента Юань Шикая объективно способствовали сохранению единства страны – именно в этом американцы, в отличие от японцев и европейцев, были глубочайшим образом заинтересованы.

Таким образом, Вильсон с самых первых шагов в своей новой должности проявил не всеми понимаемые, но абсолютно соответствующие президентскому статусу качества, а именно: твёрдость, решительность, компетентность.

По-видимому, прав был известный американский историк Дэниэл Бурстин, когда отмечал, что появление профессора политических наук в кресле президента Соединённых Штатов стало симптомом новых тенденций в американской действительности. «Сам феномен президента В. Вильсона – человека, заинтересованного в изучении демократии и вообще форм правления, был чем-то новым, – полагал он[7].

---

[3] The historian and the diplomat. The role of history and historians in American foreign policy. N.Y., 1967. P. 31.
[4] Link A. Woodrow Wilson and the Progressive Era. 1910-1917. N.Y., 1954. P. 81.
[5] Гершов З.М. Вудро Вильсон. М., 1983. С. 92.
[6] Исии Кикудзиро. Дипломатические комментарии. М., 1942. С. 89.
[7] Boorstin D. The Genius of American Politics. Chicago, 1953. P. 165.

Не слишком погрешил против истины и Эдвард Бьюриг, когда в связи со 100-летием со дня рождения Вильсона заявил, что Вильсону и событиям вильсоновского периода «предопределено быть неиссякаемым источником для развития американской исторической науки»[8].

Исследователи истории и историографии дальневосточной политики президента Вильсона могут считать отправным пунктом своего библиографического поиска редакционную статью «Соединённые Штаты признают Китай», помещённую в журнале «Аутлук» 10 мая 1913 г. Статья посвящена вопросу об отношениях великих держав и Китая после Синьхайской революции и образования Китайской Республики. США опередили другие страны в признании правительства Юань Шикая, чтобы укрепить позиции Юаня накануне предстоящих выборов в парламент и, впоследствии, упрочить при его содействии американское влияние в Пекине. США признали режим Юань Шикая 2 мая 1913 г. – никто кроме правительств Бразилии, Мексики, Перу и Кубы не последовал их примеру. Дипломатическое это признание подавалось в редакционной статье чуть ли не как подвиг человеколюбия: «...когда Англия, или Россия, или Япония эгоистически воздерживаются от признания – это ещё не причина, чтобы мы следовали их примеру». Далее говорилось: «Как бы ни многое ещё можно было пожелать, чтобы определённые условия в Китае улучшились, и правительство стабилизировалось, надо признать, что Китай достаточно показал свою способность к тому, чтобы установить конституционное правление. Оно, при монархическом строе, было бы замечательно. Но ещё замечательней оно было бы при строе республиканском»[9].

Статья в «Аутлук» имела, по-видимому, программный характер: весьма заманчиво было в американской публицистике того времени показать США «бескорыстным другом» Китая, хотя реальные первоочередные последствия поддержки Юань Шикая состояли в том, что «Стандард ойл компани» получила в 1914 г. от его правительства выгодную концессию на разведку нефтяных месторождений в Северном Китае и монополию на добычу нефти в Яньчане и Чэндэ. 10 февраля 1914 г. был заключён также договор между представителями компании и китайским правительством о создании акционерного общества с уставным капиталом в 100 миллионов долларов для предпринимательской деятельности в провинциях Шэньси, Чжили и Жэхэ. Одновременно «Стандард ойл» получала право на финансирование работ по очистке русла реки Хуайхэ.

Вильсон, тем не менее, на словах намеревался проводить в Восточной Азии такую политику, которая могла бы «восстановить традиционную роль США как покровителя целостности и независимости Китая и духовного руководителя этой страны»[10].

Эта пропагандистская версия долгое время воспринималась официальными историками в качестве аксиомы и многократно воспроизводилась почти без изменений, но в 1952 г. американец китайского происхождения Ли Тьенъюй всё-таки счёл необходимым произвести её дополнительную разработку. В книге Ли Тьенъюя (издание 1969 г.) говорится дословно следующее: «Ради Китая Вудро Вильсон поддерживал президента Юань Шикая против воздействия более демократических импульсов со стороны противостоявшего ему гоминьдана. Он делал это, чтобы упрочить внутреннее единство Китая и порядок, без которого подлинная демократия не могла бы впоследствии укорениться. Вопреки личной антипатии к империалистическим и диктаторским наклонностям Юаня, он никогда не отказывал Юаню в дипломатической и моральной поддержке. Его признание пекинского правительства и благожелательное отношение к монархическим побуждениям удостоверяло его пылкую надежду на создание единого Китая под руководством Юаня – позднее появилась бы и демократия». Он пишет далее: «К разочарованию Вильсона, Юань проявил, в конце концов, полную неспособность возглавить новую республику на пути к единству и солидарности»[11].

Работа Ли Тьенъюя, на наш взгляд, способствовала уяснению того обстоятельства, что Вильсон «разочаровался» в Юане лишь в качестве неудачно подобранной кандидатуры для исполнения роли американской марионетки. Юань Шикай не обладал ни достаточным политическим капиталом, ни даже необходимым для успешной американизации Китая физическим долголетием – он скончался 6 июня 1916 г., успев перед этим опорочить своё имя гонениями на демократию и принятием в 1915 г. японского ультиматума, известного под названием «21 требование».

[8] Wilson's Foreign Policy in Perspective / Ed. by E. Buehrig. Gloucester, Mass., 1970. P. 5.
[9] Outlook. 1913, vol. 104. P. 41.
[10] Neu Ch. The Troubled Encounter: The United States and Japan. N.Y., 1975. P. 79.
[11] Li Tien-yi. Woodrow Wilson's China Policy 1913-1917. N.Y., 1969. P. 6.

Вернёмся, однако, к прижизненным оценкам политики Вильсона по отношению к Китаю. Газета «Нью Йорк Таймс» вполне объективно писала 21 марта 1913 г., что политика Вильсона в Китае ничем не отличается от предшествовавшей ей «дипломатии доллара», и что в результате президентского решения о прекращении поддержки американской банковской группы США «приобретут в Китае больше преимуществ, чем участвуя в консорциуме»[12].

Текст собственно президентского заявления был впервые опубликован в этой же газете 19 марта и, вместе с комментарием от 21 марта, сделался доступным для американской общественности, деловых кругов, политиков и учёных. Удивительно при этом, что в 1916 г. Стэнли Хорнбек, один из тех правительственных чиновников, которых трудно было бы заподозрить в недостаточной осведомлённости, в своей историко-публицистической книге о дальневосточной политике ограничился лишь отдельными, риторическими по своему характеру фрагментами президентского выступления. Хорнбек заявлял: «Президент Вильсон считал, что те условия, которые группа пыталась навязать Китаю, не совпадали с традицией американской политики. Из этого следовал вывод, что американскому правительству, в интересах США и Китая, лучше всего было бы отмежеваться от действий этой группы». Ведь, по версии Хорнбека, «алчные нации Европы», обладательницы сфер влияния в Китае, и Япония были неподходящими партнёрами для США, так как имели неблаговидные цели покушения на «суверенитет и административную целостность Китая»[13].

Пол Рейнш, американский посланник в Пекине (и человек, не менее сведущий, чем Хорнбек), также ограничился полуправдой, говоря о проблеме консорциума. Рейнш, в частности, заявлял: «То, что американцам не удалось сыграть выдающуюся роль в освоении китайских ресурсов, было для китайцев обескураживающим. Для американцев была чуждой идея достижения превосходства, но из самой природы их чисто экономического интереса они должны были сопротивляться любой попытке со стороны других добиваться исключительных прав или господствующей позиции, которая могла бы быть использована для того, чтобы ограничить или полностью ликвидировать американские благоприятные возможности».

Рейнш уверенно говорил о китайцах: «Они считали, что Америка должна принять активное участие в китайских финансовых делах, для того, чтобы китайское правительство не было оставлено полностью на милость консорциума пяти держав или, скорее, Японии, которая была в то время единственным активным членом этой группы»[14]. Рейнш явно отождествлял членов китайского правительства и представителей компрадорской буржуазии со всем китайским народом, а также писал об интересах крупного американского капитала как о совокупных интересах «американцев», что едва ли соответствовало действительности, но весьма активно пропагандировалось публицистами и историками.

Традиция своеобразного «размывания» и затушёвывания интересов финансовой олигархии за счёт упоминания о них в общенациональном и международном контексте оказалась весьма живучей. Историк К. Ремер в 1926 г. высказывал следующее, сохранившееся и в издании 1968 г., суждение: «Этот выход был расценен многими *китайцами* как дружественный жест, но некоторой частью *американцев* (курсив мой – А.П.) он воспринимался с чрезмерной тревогой»[15]. Между тем, переизданию работы Ремера предшествовала публикация записок одного из высокопоставленных чиновников администрации Вильсона, Дж. Дэниэлса, которые (хотя бы из соображений научной этики) не должны были бы игнорироваться.

Так, Дэниэлс в заметках от 12 марта 1913 г. с документальной точностью сообщал, что группа американских банкиров «заявила государственному секретарю, что если бы их *попросила* (курсив мой – А.П.) администрация, то они могли бы взять на себя ту часть займа, которая была предназначена их стране»[16]. Это свидетельство Дэниэлса наводит нас, по меньшей мере, на размышления о некотором скепсисе самих американских бан-

[12] Цит. по: Гершов З.М. Вудро Вильсон. С. 93-94.
[13] Hornbeck S. Contemporary Politics in the Far East. N.Y.-London, 1916. P. 394-395.
[14] Reinsch P. An American Diplomat in China. London, 1922. P. 65, 216.
[15] Remer C. Foreign Investments in China. N.Y., 1968. P. 129.
[16] The Cabinet Diares of Josephus Daniels 1913-1921. Lincoln, 1963. P. 8.

киров относительно консорциума, а также о бесконфликтном характере взаимоотношений американского государства и представителей финансовой олигархии.

Тем не менее, многообещающие порой свидетельства современников подолгу оставались вне научного оборота. Поиску истины, производимому официальным направлением американской историографии, явно не хватало надёжной методологической основы, что обрекало исследователей на недостаточную последовательность и неизбежный субъективизм.

Так, профессор Колумбийского университета, историк и философ Джон Дьюи в 1921 г. с очевидным неодобрением отмечал, что заем «должен был дать Юань Шикаю и его милитаристской клике средства для упрочения их позиции». По его справедливому, на наш взгляд, мнению, стабилизация политической жизни, которой, тем самым, достигал Юань, означала бы незавершённость революции и, соответственно, замедление поступательного движения Китая по пути исторического прогресса.

С данным прогнозом Дьюи здравомыслящему человеку уже и в 20-х гг. XX в. трудно было бы не согласиться. Однако нам видится отнюдь не бесспорной его попытка уверить читателей в том, что способствование этому китайскому прогрессу всегда было, якобы, основной целью США[17].

Томас Бейли в работе, написанной к 100-летию со дня рождения В. Вильсона, также вопреки общеизвестным фактам заявлял, что Вильсон, якобы, главным образом, «использовал президентскую трибуну для того, чтобы произносить вдохновенные политические проповеди» и при этом пренебрегал материальными интересами большого бизнеса[18].

Бейли, не анализируя должным образом обстоятельства выхода американской банковской группы из консорциума, в работах разных лет издания ограничивался механистическим воспроизведением президентской риторики о том, что «условия займа ставят под сомнение суверенитет Китая и могут повлечь за собой прямое вмешательство Соединённых Штатов – американские финансисты не должны, поэтому надеяться на поддержку его администрации». Этим заявлением президент Вильсон, по мнению Бейли, в марте 1913 г. «нанёс дипломатии доллара более чем решительный удар», в процессе подготовки которого он будто бы «даже не проконсультировался с экспертами государственного департамента». В результате «его вспышка идеализма не получила общего одобрения, особенно среди дипломатов и членов его правительства»[19].

Между тем, внимательное прочтение полного текста заявления Вильсона от 18 марта 1913 г. даёт результаты, исключающие возможность противопоставления действий администрации устремлениям американских финансовых кругов. В заявлении самым недвусмысленным образом было сказано: «Настоящая администрация будет побуждать и поддерживать законодательные меры, необходимые для того, чтобы предоставить американским коммерсантам, промышленникам, подрядчикам и инженерам банковские и иные благоприятные финансовые возможности, в которых они сейчас испытывают недостаток и без которых они находятся в серьёзном проигрыше как конкурирующая сторона, участвующая в промышленно-торговом соперничестве. Это – её обязанность. Это – главный материальный интерес её граждан в развитии Китая»[20].

Бейли, имея возможность беспрепятственной работы с неоднократно опубликованным первоисточником, так и не проявил по отношению к нему должного внимания. Возможно, что это было обусловлено и его приверженностью к «идеалистической» интерпретации истории американской внешней политики и дипломатии, ведущей своё происхождение непосредственно от президента Вильсона.

Американские авторы официального направления, как мы могли удостовериться при изучении историографических источников, очень долго занимались прямолинейным идеологическим обслуживанием своей политической системы и, как следствие, постоянно проявляли субъективизм, эклектизм и релятивизм в научных исследованиях. Многие из них фактически разделяли известное убеждение Джона Дьюи в том, что «вся

---

[17] Dewey J. China, Japan and USA. Precent-day Conditions in the Far East and Their Bearing on the Washington Conference. N.Y., 1921. P. 59-61.

[18] Bailey Th. The American Pageant. A History of the Republic. Boston, 1956. P. 687.

[19] Bailey Th. A Diplomatic History of the American People. N.Y., 1946. P. 595.

[20] United States Policy toward China. Diplomatic and Public Documents 1839-1939. Selected and arranged by Clude P. Durham, North Carolina, 1940. P. 247-248.

история неизбежно пишется с точки зрения современности», и что суждение о возможности достоверного восстановления исторических событий является «невероятно наивным»[21].

Свойственный официальной историографии конформизм создавал несомненные предпосылки и к появлению в 1950 г. (в разгар «холодной войны») программной по характеру речи-статьи президента Американской исторической ассоциации Конъерса Рида «Социальная ответственность историка». В ней как об общепринятой норме говорилось, что историк «находит в прошлом то, что он ищет», поскольку «отбирает, систематизирует и выделяет фактические данные в соответствии с собственными представлениями и с социально желательными концепциями – он следует за эволюцией общества в постоянной зависимости от них»[22].

Добровольная, верноподданническая зависимость от господствующей идеологии существенно снижала исследовательский потенциал историков официального направления. Несмотря на своевременную публикацию ряда внешнеполитических документов в открытой печати, обращение к ним имело, в основном, избирательный характер. К сожалению, интерес и к источникам, и к результатам их изучения, был тесно связан, как это уже давно признаётся в американских академических кругах, «с заботами групп, которые сами по себе не имели отношения к научным исследованиям»[23].

OPEN DOOR POLICY AND ITS INTERPRETATION IN AMERICAN HISTORIOGRAPHY: US-CHINA RELATIONS AT THE INITIAL STAGE OF W. WILSON'S PRESIDENCY

A.S. PUSHKAREV

Belgorod National Research University

e-mail: A_Pushkarev@bsu.edu.ru

The article deals with W. Wilson's administration policy towards China in 1913 and peculiarity of its scientific interpretation by official American historians. The results of this study, the author identifies trends that exist in historiography reveals the reasons for the dominance of one or another direction, and offers an explanation as to why this or that problem is considered better and better, while others studied worse. In general, there is enough volume pattern ofofficial US historiography on the issue in connection with the policy of the United States.

Key words: Open door doctrine, international banking consortium, recognition of Chinese Republic, concessions, historian's social responsibility, relativism, subjectivism, eclecticism.

[21] Dewey J. Logic: The Theory of Inquiry. N.Y., 1938. P. 230, 236.
[22] American Historical Review. 1950, January. Vol. LV, № 2. P. 285.
[23] The Study of international relations in the United States. Survey for 1934. N.Y., 1934. P. 228.

УДК 94(481).082

ВОСПРИЯТИЕ МАРСЕЛЬСКОГО УБИЙСТВА (1934 Г.) АМЕРИКАНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «THE NEW YORK TIMES»)

К.Ю. МОГАРИЧЕВ

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Email: snowstalker@bigmir.net

Статья посвящена реакции американской общественности на Марсельское убийство 1934 г. короля Югославии Александра. В результате анализа опубликованных на страницах «Нью-Йорк Таймс» материалов – информационных и аналитических статей, интервью различных политических деятелей, обзоров газет ряда стран, выясняется, что этот террористический акт спровоцировал колебания курсов ведущих мировых валют, нестабильность биржевых рынков и вызвал широкий резонанс в американском обществе. Журналистами газеты была предпринята попытка разобраться в глубинных причинах и возможных последствиях произошедшего события.

Ключевые слова: Нью-Йорк Таймс, Марсельское убийство, терроризм.

Современными исследователями установлено, что популяризации терроризма во многом, часто невольно, способствуют средства массовой информации. Именно через СМИ террористы пытаются запугивать как политические элиты, так и мирное население. Поэтому изучение освещения террористических актов в мировой прессе крайне важно для создания действенной системы предотвращения этой «чумы современности».

Настоящая работа посвящена изучению реакции на так называемое Марсельское убийство[1] одного из ведущих и популярных американских изданий – газеты «The New York Times». Она была основана в 1851 г. и в настоящее время является старейшей газетой США, самым популярным ежедневным изданием среди либеральной интеллигенции[2].

Тема освещения Марсельского убийства в СМИ недостаточно разработана. Болгарский публицист Митре Стаменов рассмотрел, что по этому поводу сообщали такие известные газеты как «New York post» и «Le Matin»[3]. Также он проанализировал позицию официальных изданий организаций «Усташа»[4] и «ВМРО»[5]. Мы изучили реакцию на Марсельское убийство ряда украинских газет, издававшихся за пределами СССР[6]. Кроме того, мы рассмотрели вопрос о влиянии данного события на состояние финансовых рынков Европы и США[7].

---

[1] «Марсельское убийство» – покушение на короля Югославии Александра Карагеоргиевича и министра иностранных дел Франции Луи Барту, совершенное в Марселе 9 октября 1934 г. членами македонских и хорватских террористических организаций.

[2] The New York Times // Encyclopaedia Britannica. Режим доступа: http://www.britannica.com/EBchecked/topic/412546/The-New-York-Times.

[3] Стаменов М. Атентът в Марсилия: живот отдаден на Македония. Режим доступа: http://www.promacedonia.org/ms/ms_index.html.

[4] Усташа (основана в 1929 г.) – хорватская террористическая организация, боровшаяся против власти Югославии на территории Хорватии. После оккупации Югославии странами «Оси», усташи провозгласили союзное Германии Независимое Государство Хорватия, которое прекратило существование после освобождения страны Советской Армией и югославскими партизанами в 1945 г.

[5] ВМРО (Внутренняя Македонская Революционная Организация) – террористическая организация, созданная в 1893 г. для борьбы с турецким, югославским и греческим владычеством в Македонии. Сначала члены ВМРО добивались присоединения к Болгарии на правах автономии. После Первой мировой войны организация перешла на позиции независимости Македонии.

[6] Могаричев К. Украинская диаспора США о Марсельскомубийстве: по материаламгазеты «Свобода» // Каразінські читання (історичні науки): тези доповідей 67 міжнародної наукової конференції. Харків, 2013. С. 120-121; Могаричёв К.Ю. Марсельское убийство (1934 г.) в восприятии украинской общественности Польши и США: по материалам газет «Діло» и «Свобода» // Проблемы истории, филологии и культуры. М. – Магнитогорск – Новосибирск, 2014. № 2 (44). С. 197-202.

[7] Могаричев К.Ю. Реакция финансовых рынков Европы и США на Марсельское убийство: по материалам “TheNewYorkTimes” // Черноморские чтения: Материалы I Всеукраинской исторической научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.А. Секиринского и О.И. Домбровского, г. Симферополь, 14-15 марта 2014 г. Симферополь, 2014. С. 160-162.

Целью настоящей работы является анализ реакции общественности США на Марсельское убийство, нашедшей отражение на страницах газеты «The New York Times».

Уже на следующий день после рассматриваемого террористического акта, 10 октября, его освещению было отдано не менее половины объема очередного номера «The New York Times». В первую очередь, газета публикует финансовый обзор и реакцию рынков. Выясняется, что мгновенным следствием покушения на югославского короля и министра иностранных дел Франции стал резкий рост курс фунта стерлингов и такое же падение курса франка. На рынках Европы и США уменьшился объем внешних торгов, в то время, как внутренние торги остались неизменными[8].

Газета информирует также о реакции немецкой прессы. Газеты Германии, в целом, выражали сожаление о трагедии в Марселе, хотя до этого среди них наблюдались значительные разногласия о политической деятельности Луи Барту, целью которого было создание системы сдерживания Германии[9]. В том же номере представлено интервью непосредственных свидетелей теракта – полковника Пиолетта – начальника охраны кортежа и шофера кортежа. Они заявили, что некий толстый человек вынырнул из толпы, запрыгнул на подножку кабриолета и выстрелил в Л. Барту и короля Александра, после пытался застрелиться, но был убит полицией. У убийцы был найден паспорт Чехословацкой республики на имя Петра Калемана[10]. Газета, ссылаясь на источники в Белграде, заявляет, что на венгерско-югославской границе усиливается концентрация войск. В стране запрещены и все развлекательные мероприятия. В этой же статье рассказывается о предыстории межнационального конфликта в Югославии. Анонимный автор утверждает: во внешней политике государство имело определенный успех, тогда как во внутренней, из-за чрезмерной централизации, очевидны провалы.

В том же номере помещен и обзор французской прессы, которая потрясена событием. Кроме того, там представлена статья под названием «Франция поражена убийством короля», где значится, что убиенный был самым популярным монархом во Франции и его убийство должно показать Франции, что система безопасности в Европе не идеальна[11].

П. Филип в авторской статье описывает сценарий убийства – некий человек, у которого нашли паспорт Калемана, выбежал из толпы и начал стрелять в короля. Автор заявляет, что убийство явно готовили несколько человек. По мнению журналиста, в деле присутствуют явные странности: среди хорватов, самых вероятных организаторов теракта, такая фамилия не встречается, а факт пересечения границы Франции этой особой, как заявили официальные власти, более чем сомнителен[12]. Газета также сообщает о завещании короля, предусматривавшего созыв регентского совета из 3-х человек – его брата принца Павла, бывшего министр образования Станковича и губернатора Загреба Бантеровича[13].

Заслуживает внимание статья военного атташе США в Югославии, капитана Гордона Смита, который рассказывает окороле Александре как государственнике с большой буквы. Централизаторскую политику автор называет вынужденной. Он хвалит армию, считая её самой боеспособной в Европе, продолжающей славные традиции сербских воинов[14].

Журналист Гербер Метьюс публикует комментарий министра внутренних дел Франции Альбера Саро, который заявляет, чтозаранее был составлен список возможных террористов, которых надлежало не пускать в страну или держать под стражей. Однако, трагедии избежать не удалось, при этом убийца, скорее всего, был выходцем из Югославии[15].

В новостях за 11 октября журналисты «The New York Times» сообщают, что вдова короля спешно прибыла в Марсель, после чего тело монарха было погружено на эсминец

---

[8] Financial markets: tragedy in Marseilles halts slow advance on stock exchange and upsets foreign exchanges // The New York Times. 1934. 10 October.

[9] German sympathy for France shown // The New York Times. 1934. 10 October.

[10] Assassin too quick for guard; forced horse aside, then fired; mounted escort, telling his story, says he whirled to protect king, but was too late // The New York Times. 1934. 10 October.

[11] The Assassinations // The New York Times. 1934. 10 October.

[12] Philip P.J. Gunman fires into car; shoots general as well as Alexander and the French minister Is killed after attack // The New York Times. 1934. 10 October.

[13] Alexander named three as regents // The New York Times. 1934. 10 October.

[14] Smith Gordon. King is extolled as a statesman // The New York Times. 1934. 10 October.

[15] Herbert L. Matthews. Police are upheld in royal tragedy // The New York Times. 1934. 10 October.

«Дубровник». Прах Л. Барту отправили на поезде в столицу Франции[16]. Еще одна заметка касалась анализа мировых фондовых бирж – немецкие предприятия, кроме легкой промышленности, потеряли несколько позиций, как и большинство промышленных предприятий в мире. С другой стороны, машиностроение, а именно акции«Ford» и «Rolls-Royse», наоборот, поднялись в цене, как и авиационного предприятия «Hawker». Также прибавили акции Суэцкого канала[17]. Другой автор рассматривая финансовые рынки США заявляет: они полностью восстановились после убийства, как и европейские, а британский фунт, опять взял динамику на спад[18]. Анализ французских рынков показывает, что они стабильны, а югославские имеют наибольшие потери за всю историю[19].

Обращает на себя внимание статья Уоррена Лансинга, где тот приводит известную ему информацию об убийце: пока неизвестно, кто он такой и мотивы его действий. Но у него был найден паспорт гражданина ЧСР, при этом на руке имелась татуировка «ВМРО». По мнению журналиста, татуировка предназначена для создания «ложного следа»[20].

Македонский журналист Ламбо Кисселинчев пишет, что убийца был членом «ВМРО». Сам автор не скрывает своей симпатиик этой террористической организации. Он считает, что терроризм усташей и «ВМРО» может быть оправдан тем, что с молчаливого согласия Александра умирали тысячи людей. Автор заявляет, что Югославия в нынешних границах и с таким административным устройством существовать просто не может.

Журналист Г. Гедье сопоставляет убийство Дольфуса[21] и убийство в Марселе. Также он пишет, что все югославы молятся за покой души короля, а крестьяне отказываются верить в произошедшее. Вся страна объединена горем. Кроме того, регентский совет будет избран из жителей «новых» территорий страны – Хорватии, Боснии, Герцоговины и других, которые вошли в состав государства Карагеоргиевичей после Первой мировой войны[22].

В том же номере представлен и некролог памяти Луи Барту. Его автор считает, что «для мировой политики потеря Барту тяжелее, чем потеря Александра». Он выражает надежду, что усилия Барту не будут проигнорированы новым министром иностранных дел[23].

Журналист Чарлз Селден в статье «Лондон видит опасность войны в Адриатике» описывает реакцию на убийство официального Лондона. В частности, указывает он, там побаиваются, что югославское королевство вскоре может распасться по этническому признаку, а государства-соседи могут вмешаться в процесс дезинтеграции страны. Хорошим знаком в Лондоне считают включение этнических хорватов в состав регентского совета. Британские дипломаты также полагают, что шок после убийства предоставит Гитлеру пространство для манёвра в европейской политике[24].

Американский дипломат Норман Дэвис в интервью журналистам газеты заявляет, что, несмотря на масштабность события, войны в Европе все же не будет. Отсутствуют выраженные антагонистические союзы, которые существовали в 1914 г. В том же номере газеты предоставлен отчет югославской полиции, где сказано, что личность и заказчики убийства не установлены по сей день. Болгария же отрицает причастность «ВМРО» и намекает на участие усташей[25].

Фердинанд Кун повествует о премьерном показе в Лондоне видео-хроники Марсельского убийства. Он пишет, что, судя по кадрам, ничего не предвещало беды, но внезапно выбежал человек из толпы, вспрыгнул на подножку и выстрелил в кортеж. Лица убийцы увидеть не удалось[26].

---

[16] Warship carrying king's body home // The New York Times. 1934. 11 October.

[17] Berlin prices move lower // The New York Times. 1934. 11 October.

[18] Financial markets; Stocks and Commodities Move Higher // The New York Times. 1934. 11 October.

[19] Paris Bourse Closes Calm // The New York Times. 1934. 11 October.

[20] Lansing Warren. Aides of king's murderer sought through Europe; sad boy ruler starts home; assassin not identified // The New York Times. 1934. 11 October.

[21] Австрийский канцлер Энгельберт Дольфус был убит во время неудавшегося пронацистского путча в стране 25 июля 1934 г.

[21] Австрийский канцлер Энгельберт Дольфус был убит во время неудавшегося пронацистского путча в стране 25 июля 1934 г.

[22] Gedye G.E.R. King's death halts Yugoslavs' strife // The New York Times. 1934. 11 October.

[23] Foreign Minister Barthou // The New York Times. 1934. 11 October.

[24] Selden Charles A. London sees peril of war in Adriatic // The New York Times. 1934. 11 October.

[25] Davis sees no danger to peace in slaying // The New York Times. 1934. 11 October.

[26] Kuhn F. Police sparse in Marseilles, film shows; shots and crowd's cries ring in newsreel // The New York Times. 1934. 12 October.

П. Джей Филип сообщает о пертурбациях в правительстве Франции, как следствии смерти Л. Барту. В частности, премьер-министр А. Саро и некоторые другие министры подали в отставку. Автор считает нынешнее французское правительство недееспособным[27].

В обзоре немецкой прессы за 12 октября, утверждалось, что пропагандисты рейха ответственность за произошедшее возлагают на III-й интернационал[28].

В номере за 13 октября обращает на себя внимание информация французской полиции об аресте Августа Нойни, который оказался членом террористической группы хорватов, и настоящее имя которого – Звонимир Поспишиль. Также французская полиция заявила, что задержала на границе со Швейцарией двух террористов. По сведениям официальных правоохранительных структур этой страны, им стало известно о подготовке «запасного» теракта в Париже, в случае неудачи марсельского. В другом материале того же номера сообщается: некий террорист Владислав Бенеш (Эвор Райчин) на допросе признался, что проходил подготовку в военных лагерях на территории Венгрии[29].

В номере за 14 октября обозреватель Кларенс Стрейт представляет геополитический обзор причин убийства. Автор считает, что король Югославии стал просто пешкой в чужой игре, а почти все соседи страны заинтересованы в ее дезинтеграции. Журналист пишет, что король Александр пытался лавировать между «Срединной Европой» и Антантой. Автор надеется, что югославы не будут использовать силу против хорватов и пойдут на создание федеративного государства[30]. В этом же номере публикуется реакция Великобритании, представитель которой в Лиге Наций заявил, что поддержка хорватов официальным Будапештом зашла слишком далеко. Уже упоминавшийся П. Джей Филип иронизирует, говоря о том, что в «гостеприимной Франции, король дружественного государства был убит после 50 минут пребывания в стране». Журналист считает, что возможны ещё худшие последствия, чем у Сараевского убийства, а продолжение политики Л. Барту не предвидится. Также автор полагает, что Франция срочно должна стать на путь реформ.

Ш. Стоун в статье «Балканская драма опять бьёт по Европе» пишет о Югославии и причинах хорвато-сербского конфликта. В частности, он упоминает, что хорваты никогда не примут централизма Белграда, ведь даже при Габсбургах они всегда пользовались некой автономией. Истоки убийства Александраему видятся в убийстве хорватского автономиста Степана Радича в 1929 г., после чего в Югославии настал кризис власти, и установилась диктатура короля. Он также анализирует политику различных стран в отношении Югославии. Ее окружают враждебные государства, в частности, Италия и Венгрия, претендующие на ряд земель и желающие разделения страны по этническому признаку. Для Франции наличие сильной Югославии – политическая необходимость, иначе Малая и Балканская Антанта теряют смысл своего существования. Автор заключает: «скорее Югославия согласится на аншлюс Австрии Германией, чем позволит Габсбургам вернуться на трон»[31].

15 октября в «The New York Times» помещен ряд заслуживающих внимание материалов по рассматриваемой проблеме. В частности, журналистами анализируется данные общественного мнения в различных государствах и его динамики по поводу возможной страны – заказчика теракта. Если во Франции виновниками поочерёдно считали Германию, Венгрию и Италию, то югославы однозначно указывают на венгерский след. Показательна позиция, сторонники которой полагают, что статьи про подобные явления необходимо подвергать цензуре, что, однако, очень сложно сделать в демократических обществах[32].

Журналист Кларенс Стрейт, рассматривая возможность международного конфликта, считает, что от решения вопроса убийства и венгерско-югославского конфликта Лига Наций фактически самоустранилась. Автор говорит, что эта международная организация сама по себе довольно слаба. Но она, созданная для защиты слабого от сильного, должна защищать Венгрию, так как армия Югославии гораздо сильнее[33].

---

[27] Philip P.J. Inadequate guard for king stirs new crisis in France; Yugoslavs attack Italians; Sarraut offers to quit // The New York Times. 1934. 12 October.

[28] Reich press angry at 'foreign lies' // The New York Times. 1934. 12 October.

[29] American Is Cleared // The New York Times. 1934. 13 October.

[30] Streit C. K. Yugoslavia seen as Europe's pawn //The New York Times. 1934. 14 October.

[31] Stone S. Again Balkan drama stirs Europe//The New York Times. 1934. 14 October.

[32] Paris aids Benes in key peace role // The New York Times. 1934. 15 October.

[33] Streit C. K. Yugoslav action shunned in Geneva // The New York Times. 1934. 15 October.

Интересна также статья Люиса Неттлтона, посвященная анализу экономических последствий Марсельского убийства. В частности, он пишет, что после шока от убийства возрос курс фунта-стерлингов, однако, как только дельцы поняли, что далеко идущих политических последствий убийство не будет иметь, курс фунта стерлингов возвратился на исходный уровень. По мнению автора, события должны стать тревожным звонком для европейской экономической безопасности и что нужно больше времени и средств уделять безопасности рынков[34].

Парижские корреспонденты газеты передают, что прошедшие муниципальные выборы во Франции продемонстрировали: Марсельское убийство не привело к радикализации масс, наоборот – поддержка умеренных партий возросла. Автор считает, что французская биржа относительно стабильна, и сильных потрясений не было и не предвидится[35].

16 октября, в статье Г. Меттьюса мы можем прочитать, что один из организаторов террористического акта – Сильвестр Малный – был задержан после 5 дней преследования. Его опознала хозяйка кафе в одном из городов. Арестованный признал свою вину.

В другом материале сообщается о встрече после похорон югославского короля министров иностранных дел Малой Антанты. По мнению главы внешнеполитического ведомства Турции убийство сплотило Балканы[36].

П. Джей Филип 17 октября пишет о попытках международного сдерживания ситуации. По его мнению, активнее всего действуют министры иностранных дел Чехословакии и Румынии – Э. Бенеш и Н. Титулеску. Он приводит слова Э. Бенеша о том, что новый министр иностранных дел Франции П. Лаваль имеет такие же взгляды на политику в Европе, что и его предшественник, а основная задача – не потерять достижения Л. Барту. В другой статье сообщается, что ещё один террорист – Звонимир Поспишиль признал свою вину. Кроме того, там впервые указано настоящее имя убийцы – Владо Георгиев, македонский террорист[37].

В номере за 18 октября рассказывается о помпезной церемонии похорон короля Александра. Он был отпет в главном национальном храме страны, на похороны приехали румынский и болгарский короли, а меры безопасности были предприняты беспрецедентные – 6 500 потенциальных нарушителей порядка превентивно арестовали[38].

В газете помещен и комментарий врачебной ассоциации Франции, в котором утверждается, что если бы на месте события были медики и успели сразу оказать первую помощь, то трагедии удалось бы избежать. При этом в другой заметке утверждается: король в тот день отказался надевать бронежилет, так как «он плохо сочетался с адмиральской формой»[39].

19 октября «The New York Times» сообщает об аресте в Турине глав «усташей» – Эвгена Кватерника и Антона (так в тексте, на самом деле – Анте - Авт.) Павелича. Франция же сразу попросила об их экстрадиции[40]. На Бродвее, в Нью-Йорке показали кинохронику убийства, где, по мнению журналиста, видно, что охрана была шокирована происходящим и ничего не смогла сделать[41].

20 октября газета публикует интервью министра иностранных дел Великобритании Дж. Саймона, который назвал теракт «итальянской авантюрой», а Югославию – великой страной и гарантом стабильности и мира в Европе. Также, министр уверил, что событие не станет причиной новой войны, так как у великих Держав Европы нет ни сил, ни желания начинать боевые действия[42].

В том же номере журналист Г. Гедье пишет о конференции Малой Антанты, на которое, прибыл и второе лицо III Рейха Г. Геринг, выразивший своё сочувствие представителям Югославии. Общие выводы конференции таковы: Югославия будет продолжать курс А. Карагеоргиевича, убийство инспирировано извне, однако каких либо серьёзных санкций против Италии и Венгрии не будет[43].

---

[34] Nettleton L. I. Pound fluctuates sharply in London // The New York Times. 1934. 15 October.
[35] Sentiment better on Paris Bourse // The New York Times. 1934. 15 October.
[36] Matthews H.L. Man, seized, tells of aid to assassin // The New York Times. 1934. 16 October.
[37] Philip P.J. Paris backs Benes to pacify Europe // The New York Times. 1934. 17 October.
[38] Funeral of king held in Belgrade // The New York Times. 1934. 18 October.
[39] Paris physicians demand doctor at big gatherings // The New York Times. 1934. 18 October.
[40] France to ask extradition // The New York Times. 1934. 19 October.
[41] Assassination films reach screens here // The New York Times. 1934. 19 October.
[42] Simon flouts fear of a new Sarajevo // The New York Times. 1934. 20 October.
[43] Gedye G.E.R. Ententes demand curb on assassins // The New York Times. 1934. 20 October.

21 октября журналист Гарольд Дени помещает обзор советских газет. В целом, их реакция заключается в обвиненииверхушки III Рейха и лично Г. Геринга в подготовке и исполнении теракта[44]. В том же номере опубликована авторская статья уже упоминаемого американского журналиста К. Стрейта, где он пытается разъяснить читателю, что Сараевское убийство было не причиной, а поводом к мировой войне. Он также объясняет, что ситуация в международной политике 1934 г. намного стабильнее, чем в 1914 г., так как существует Лига Наций, созданная именно для решения подобных вопросов. Автор также указывает на отсутствие законов, позволяющих эффективно бороться с международным терроризмом[45]. Кроме того, в этом же номере помещена заметка Эмиля Лэндела, посвящённая национальным вопросам стран Восточной и Южной Европы, например, проблеме украинцев, немцев и евреев в Польше, проблеме македонцев и хорватов в Югославии. Именно игнорирование прав национальных меньшинств автор называет одной из главных причин Марсельского убийства[46].

В последующих номерах материалов посвящённых убийству становится гораздо меньше. Обращает на себя внимание статья об официальном окончании расследования в Югославии. По данным правоохранительных органов этой страны, убийство было совершено хорватскими террористами при поддержке «ВМРО» и «офицерства Габсбургской империи». Также указывается, что данное преступление имеет интернациональный характер и не могло быть осуществлено без помощи извне[47].

В номере за 26 ноября французский журналист Луи Нодо пишет, что в основе союза усташей и венгерских ревизионистов – планы династии Габсбургов по восстановлению Австро-Венгерской империи.

В номере за 2 декабря журналист Г. Гедье публикует материал о проблемах терроризма, где описывает тактику террористов, направленную на создание паники. Если предвоенный, до Первой мировой войны, терроризм он связывал с ростом национализма (сюда автор включает прежде всего Сараевское убийство), то послевоенный – отголосок Мировой войны. Современные же ему террористы пользуются поддержкой проигравших стран. Кроме того, автор рассказывает об «ВМРО», влиянии этой организации в болгарскойчасти Македонии (Вардарской Македонии), и что их лидер – Иван Михайлов – де-факто некоронованный король Македонии[48].

Несколько материалов в различных номерах посвящены конференции Лиги Наций по проблеме взаимоотношений между Югославией и Венгрией: издание описывает депортацию 3000 венгров из Югославии, дипломатические манёвры сторон. Журналист Кларенс Стрейт делает вывод, что благодаря Лиге Наций и наличию «дебатного пространства», удалось избежать войны[49]. И уже 24 декабря журналист Фредерик Бирчал сообщает, что конфликт в Южной Европе фактически погашен[50].

В преддверии нового, 1935 г., главный редактор авторитетного журнала «Foreign affairs» Гамильтон Армстронг, рассуждая об итогах уходящего года, приходит к выводу, что главные события его – убийства Йона Дуку и Марсельское убийство, являющиеся частью плана Гитлера по дестабилизации Европы[51].

Таким образом, газета «The New York Times» достаточно подробно анализировала и описывала события, связанные с трагической гибелью 9 октября 1934 г. в Марселе югославского короля Александра и министра иностранных дел Франции Луи Барту. В частности, авторами публикаций была предпринята попытка разобраться в причинах и возможных последствиях произошедшего. Был проанализирован ход расследования, экономические и политические последствия убийства, корни конфликта, взяты несколько интервью у политиков, военных и экспертов ведущих держав мира, освещена реакция иностранной прессы. В период между 10 и 20 октября эта тема практически не сходила с пер-

[44] Harold D. Soviet hints Reich inspired murders // The New York Times. 1934. 21 October.
[45] Streit C.K. Law on terrorists seen as essential // The New York Times. 1934. 21 October.
[46] Lengyel E. Europe's minorities a source of unrest // The New York Times. 1934. 21 October.
[47] Belgrade to appeal to League on killing // The New York Times. 1934. 9 November.
[48] Gedye G.E.R. Terrorism thrives amid dictatorships // The New York Times. 1934. 2 December.
[49] Streit C.K. League formula ends Balkan row // The New York Times. 1934. 10 December.
[50] Birchall F. T. Excitement wanes at Hungarian line // The New York Times. 1934. 24 December.
[51] Armstrong G.F. Hitler nominated for Nobel Prize // The New York Times. 1934. 30 December.

вых полос газеты. На страницах газеты представители американскойобщественностиуже в 1934 г. поставили вопрос о важности и необходимости принятия Лигой Наций решений по борьбе с международным терроризмом и экспансионизмом Гитлера. Кроме того, было обращено внимание на проблему будущего Югославиии её переформатирования в федерацию, а также на судьбу национальных меньшинств Европы. К сожалению, вскоре тема противодействия терроризму и экспансионизму в Европе стала в США менее актуальной.

MARSEILLAISES ASSASINATION (1934) IN PERCEPTIONOF AMERICAN PUBLIC (ON MATERIALS OF «THE NEW YORK TIMES»)

K.Yu. MOHARYCHEV

Crimean Federal
V.I. Vernadsky University

email: snowstalker@bigmir.net

Thi sarticle is devoted to reaction of public on Marseilles assassination 1934 where died a King of Yugoslavia Alexander. Having analyzed «The New York Times» analytical and information papers, interviews, reviews of world press we can sum up this terrorist attack provoked exchange fluctuations, Stock markets instability and broad resonance in American society. Author tried to understand the abyssal reasons of this attack and to prognostic ate possible consciences.

Key words: «The New York Times», Marseilles assassination, terrorism.

УДК 93/94

ПРОПАГАНДИСТСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В СВЯЗИ С ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНОЙ В ИСПАНИИ НА СТРАНИЦАХ «THE TIMES» (1936 – 1937 ГГ.)

О.А. ТИМОШКОВА

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Email: timoshkova@bsu.edu.ru

В статье исследуется организация на страницах ведущего британского официоза «The Times» («Таймс») информационных кампаний в поддержку выбранного английским правительством курса невмешательства в гражданскую войну в Испании (1936 -1939 гг.). Кабинет министров стремился защитить стратегические интересы Великобритании и оправдать свои действия в этом направлении. Для этого была поставлена пропагандистская задача – убеждение британской и международной общественности в оптимальности политики невмешательства в испанский конфликт как эффективного механизма сохранения стабильности в регионе. К концу 1937 г. внешнеполитические приоритеты Великобритании сместились в Центральную Европу, поэтому актуальность информационно-пропагандистской поддержки невмешательству исчезла.

Ключевые слова: гражданская война в Испании (1936-1939), внешняя политика Великобритании, международные отношения, “The Times”, пропаганда.

События испанской гражданской войны (1936-1939 гг.) и стремительная интернационализация конфликта оказали значительное влияние на общественно-политическую атмосферу в Великобритании. Темы, связанные с испанскими событиями, международными отношениями вокруг них и британской политикой в т.н. «испанском вопросе» занимали ключевое место в газетных публикациях в первые годы конфликта. Очевидная для британской общественности идеологическая подоплека противостояния («фашисты»-мятежники против «красного» правительства испанского Народного фронта) усиливала остроту восприятия событий на Пиренейском полуострове. В оценках внутренних и внешних сил испанского конфликта среди приверженцев различных политических взглядов назревали серьезные, порой – принципиальные разногласия.

Для большинства представителей консервативных взглядов испанские националисты (сторонники Ф. Франко) были носителями традиционных политических, экономических, культурных и религиозных ценностей, близких британским традициям конституционного монархизма[1]. Оппозиция же считала мадридское правительство, возглавившее страну в результате общенациональных выборов, единственно легитимным органом власти в Испании, мятеж против него воспринимался как посягательство на свободу и демократические ценности. Сыграла свою роль и некоторая идейная близость лейбористской партии и политических сил, входивших в состав испанского Народного фронта. Лидер британских лейбористов К. Эттли уже 20 июля 1936 г. призвал свою партию поддержать испанских республиканцев, защищавших свободу, а 27 июля Национальный совет лейбористской партии организовал фонд помощи испанским рабочим[2].

В условиях неоднозначного отношения британской общественности к воюющим сторонам испанского конфликта правительственный «нейтралитет» нуждался в информационном обосновании. Рассмотрим пропагандистское обеспечение влиятельной британской газетой «Таймс» поддержки официальному курсу Британии в связи с испанскими событиями по материалам 1936-1937 гг.[3]

---

[1] См.: Shepherd R. A Class Divided: Appeasement and the Road to Munich, 1938. L., 1988. P. 86-87; Blinkhorn M. Democracy and Civil War in Spain. L., 1992. P. 47; Preston P. Spanish Civil War, 1936-1939. L., 1986. P. 74; Watters W. An International Affair: Non-Intervention in the Spanish Civil War, 1936-1939 N.Y., 1971.. P. 181. Parker R.A.S. Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War. L., 1993. P. 80, etc.

[2] Watkins K.W. Britain Divided. The Effect of the Spanish Civil War on British Political Opinion. N. Y., 1963. P. 2-3.

[3] В последующие годы гражданской войны, вплоть до победы Ф. Франко в апреле 1939 г., английский курс уже не нуждался в столь явном информационном обеспечении в связи со смещением внешнеполитиче-

Умеренно-консервативная политическая направленность «Таймс» обусловила значительное совпадение позиции этого издания с правительственной. 25 июля 1936 г. в газете в качестве приоритетных внешнеполитических задач называлась нормализация отношений с фашистскими государствами, в первую очередь, с Италией, которые были «порядком испорчены» после абиссинской авантюры Муссолини. Антиправительственный мятеж в Испании не упоминался[4]. Два дня спустя «Таймс» сообщила о решении правительства Франции воздержаться от продажи оружия испанской Республике. В издании не давались прямые оценки событиям в Испании, но акцентировался момент, что против поддержки Мадриду возражала французская оппозиция[5].

Первоначальная растерянность английского правительства, обусловившая его выжидательную позицию в испанском вопросе, в августе 1936 г. сменилась решительностью локализовать конфликт. «Таймс» с благожелательными комментариями сообщала об инициативе премьер-министра Франции Л. Блюма по созданию системы невмешательства. Спустя две недели после начала гражданской войны на страницах газеты был сформулирован основополагающий принцип «испанской» политики правительства С. Болдуина: «Вмешательство третьих сил в конфликт чревато международными осложнениями вследствие возможности установления в Испании либо «фашистской», либо «коммунистической» диктатуры»[6].

Сообщения в «Таймс» о ходе подготовки и заключении Соглашения о невмешательстве сопровождались информацией, убеждавшей английскую общественность в том, что нейтралитет – единственно верный курс: отмечался факт усиления политической нестабильности во Франции в связи с испанской проблемой, сообщалось о сложной обстановке в самой Испании и необходимости эвакуации из страны английских подданных[7]. В середине августа 1936 г. в меморандумах О. Сарджента (помощник заместителя министра иностранных дел) и Э. Идена (глава Форин Офис) были сформулированы мотивы участия Великобритании в системе невмешательства: недопущение разделения Европы на два противоборствующих идеологических лагеря и минимизация угрозы роста итальянского влияния в Средиземном море[8]. Эти соображения сотрудников британского МИД нашли отражение в статье «Таймс» от 20 августа, констатировавшей присоединение Англии к Соглашению[9].

В сентябре 1936 г. позиция официоза по испанской проблеме была наблюдающей. Без оценочных комментариев освещались начало работы 9 сентября Комитета по невмешательству в дела Испании (КПН), сессия Лиги наций в Женеве, имевшая на повестке гражданскую войну; публиковались подробные сводки военных действий на Пиренейском полуострове[10].

Как известно, в октябре 1936 г. советские представители заявили о возможности выйти из Соглашения в связи с нарушениями его фашистскими государствами и Португалией. В «Таймс» анализировалось развитие событий вокруг политики невмешательства после выступления в КПН представителя СССР С. Кагана 7 октября: обвинения, подобные советским, нуждаются в подробной доказательной базе и не должны являться основой для демаршей, способных осложнить международную ситуацию. Авторы статьи задавались вопросом: не продиктовано ли выступление советского представителя пропагандистскими мотивами: во-первых, оказать влияние на английских лейбористов и профсоюзных деятелей, съезд которых в Эдинбурге планировался в ближайшие дни; во-вторых, стремлением опередить Португалию, которая, по некоторым данным, намеревалась выступить с аналогичными обвинениями в адрес Советского Союза. В материале сообщалось о реакции на советские высказывания других участников Соглашения о невмеша-

ских акцентов в Центральную Европу и отсутствием острых дискуссий в общественности по вопросу дальнейшей реализации политики невмешательства в Испании.

[4] The Times. 1936. 25 Jul.

[5] Ibid. 1936. 27 Jul. Французские оппозиционные силы после прихода к власти победившего на выборах во Франции в 1936 г. Народного фронта придерживались взглядов, идейно близких консерваторам в британском правительстве.

[6] Ibid.1936. 3 Aug. Аналогичная мысль об одинаково отрицательной перспективе для британских интересов в случае победы в Испании «коммунизма или фашизма» была высказана в газете 5 августа – The Times. 1936. 5 Aug.

[7] Ibid. 1936. 10 Aug.

[8] Documents on British Foreign Policy (далее – DBFP). 2nd ser. L., 1979. Vol. 17. Doc. 84. P. 90-91; Doc. 115. P. 135-137.

[9] The Times. 1936. 20 Aug.

[10] Ibid. 1936. 10, 18, 19, 24 Sept., etc.

тельстве: французское правительство, несмотря на некоторую симпатию к испанской Республике, выразило осуждение советского демарша и подтвердило свою готовность к укреплению системы невмешательства. Представители Германии и Италии заявили, что СССР стремится разрушить Соглашение, чтобы получить свободу действий для оказания широкомасштабной помощи республиканцам[11].

В середине октября информационные атаки Великобритании на Советский Союз как «виновника дестабилизации международной обстановки» продолжились. В публикациях «Таймс» и появился оттенок шантажа и даже скрытая угроза в адрес официальной Москвы: советская позиция не только ставит под удар хрупкое равновесие сил в Европе, но противоречит стратегическим интересам СССР, который может оказаться в дипломатической изоляции. Это угрожает и интересам испанской Республики, которая в случае краха системы невмешательства будет способна получать значительно меньше военной помощи, чем мятежники. Политика невмешательства называлась единственной возможностью локализации конфликта на Пиренейском полуострове, и ее стоило развивать даже в случае выхода Советского Союза из КПН[12].

В двадцатых числах октября тон проправительственной английской прессы изменился: главным тезисом продолжала оставаться идея сохранения невмешательства, но резкая критика в адрес СССР сменилась попытками привести доводы, которые могли бы убедить советское руководство в необходимости продолжать участие в работе лондонского Комитета. Причинами такой корректировки точки зрения официозной печати были активизация деятельности британской оппозиции (Эдинбургская конференция лейбористов, октябрь 1936 г.), высказывавшейся в поддержку испанской Республики и советской позиции, а также обнародование доказательств нарушения Италией и Германией Соглашения о невмешательстве[13]. «Таймс» выражала надежду, что СССР не покинет лондонский Комитет, ибо это «развязало бы руки другим государствам»[14]. В номере за 23 октября 1936 г. указывалось, что, по мнению правительства Британии, все спорные вопросы невмешательства, в том числе, жалобы на нарушение Соглашения, должны были рассматриваться в рамках лондонского Комитета. «Таймс» свидетельствовала, что факты нарушения Соглашения фашистскими государствами и СССР бесспорны, в то время как в отношении Португалии доказательств недостаточно. Выход СССР из Соглашения, по мнению издания, был чреват резким обострением международной обстановки. Однако, в условиях, когда достоянием общественности стали факты советской военной помощи Мадриду, Москва вряд ли решится на выход из Комитета по невмешательству, так как уже не сможет закрепить за собой репутацию государства, которое соблюдает Соглашение[15].

Советское полпредство в Лондоне отмечало общественный резонанс на растиражированные в британской прессе выступления авторитетных политических деятелей в поддержку невмешательства. Консерватор, первый лорд Адмиралтейства С. Хор безоговорочно защищал правительственный курс в этом вопросе, а лидер либералов А. Синклер, хоть и считал Германию и Италию главными нарушителями Соглашения, подчеркивал, что курс правительства Болдуина на сохранение невмешательства единственно верный и «нельзя идти на поводу у Москвы»[16].

Официальный Лондон распространял намеки о приверженности линии невмешательства даже в ущерб своим национальным интересам, что, по-видимому, должно было стимулировать к выгодным для Великобритании компромиссам в испанской политике и другие страны. Размещенное в «Таймс» правительственное заявление от 30 октября гласило, что интересы Британской империи требуют присутствия дипломатических представителей Англии при правительстве Франко, контролировавшем большую часть территории Испании, однако ради соблюдения принципов невмешательства Форин Офис откладывает решение данного вопроса[17].

Частью британской пропагандистской кампании были публикации в «Таймс», в которых фактически уравнивались формы и масштаб вмешательства в испанский кон-

[11] Ibid.1936. 9 Oct.
[12] Ibid. 1936. 11, 13, 14, 16 Oct.
[13] Архив внешней политики МИД РФ (далее – АВП РФ). Ф. 010 (Секретариат Н.Н. Крестинского). Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 95; Ф. 069 (Секретная референтура по Великобритании). Оп. 20. П. 60. Д. 9. Л. 87.
[14] The Times. 1936. 20 Oct.
[15] Ibid.1936. 23 Oct.
[16] АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 95.
[17] Там же. Ф. 56 (Отдел печати НКИД). Оп. 16. П. 150 а. Д. 1. Л. 32. The Times. 1936. 30 Oct.; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 344. App. 1. P. 487.

фликт Германии и Италии, с одной стороны, и Советского Союза, с другой[18]. Это усиливало формирование в английском и европейском обществе неприязни к СССР, как посылавшему на помощь республиканцам регулярные воинские соединения, и способствовавшему, соответственно, росту фашистских поставок Франко.

Вторая половина ноября – декабрь 1936 г. характеризовались всё более явным осознанием английскими правящими кругами сложности ситуации вокруг Испании и наличия угрозы стабильности в Европе не только со стороны Советского Союза, но и держав «оси». Данную тенденцию полпред СССР в Англии И.М. Майский считал показателем движения консервативного правительства Британии в сторону «действительного нейтралитета» в испанском вопросе[19]. Эту мысль акцентировал и У. Черчилль, чьё мнение 26 ноября изложила «Таймс»: «Столкновение конкурирующих форм диктатуры», которое наблюдалось в тот момент в Испании, могло быть лишь «миниатюрной моделью» тех катаклизмов, которые грозили миру в случае отсутствия единой системы безопасности и предупреждения агрессии[20].

Информация о ходе интернационализации Гражданской войны в Испании побуждала правительство активизировать действия по укреплению системы невмешательства. В декабре 1936 г. представители британского руководства неоднократно заявляли через прессу о необходимости продолжения и развития курса невмешательства, в частности, выдвигая инициативу об эвакуации иностранных волонтёров из зоны конфликта[21]. Как показали дальнейшие события, активность официального Лондона имела формальное следствие только в конце января 1937 г., с введением в ведущих европейских странах запрета на вербовку добровольцев в Испанию, что принципиально на интенсивность их прибытия на Пиренейский полуостров не повлияло[22].

Важное место в британской печати среди международных проблем, связанных с испанской гражданской войной, занимали взаимоотношения Англии с фашистскими державами. Несмотря на готовность к дипломатическим контактам, руководство Великобритании было встревожено внешнеполитическими устремлениями Германии, озвученными руководством НСДАП на партийном съезде в Нюрнберге (сентябрь 1936 г.): требованиями вернуть германские колонии, изменить систему международных отношений, ущемлявшую Рейх[23]. Британская пресса единодушно заявляла о деструктивной роли Германии в международной жизни[24]. Беседы советских дипломатов с английскими политиками и общественными деятелями в течение осени 1936 г. свидетельствовали о том, что опасения перед растущей мощью фашистского Рейха усиливали в Англии антигерманские настроения[25].

В конце 1936 г. процесс нормализации германо-британских отношений был законсервирован в силу значительного расхождения позиций по ведущим европейским проблемам, в том числе, и в испанском вопросе. Британская дипломатия переключилась на поиски оснований для двустороннего диалога с Италией.

После известной миланской речи Б. Муссолини 1 ноября 1936 г. (содержавшей намек на возможность разрешения с Британией противоречий в Западном Средиземноморье) «Таймс» опубликовала выступление итальянского диктатора, обращая особое внимание на миролюбивый характер его заявлений и большое стратегическое значение поднятого вопроса для страны[26].

Освещая 6 ноября 1936 г. содержание парламентских дебатов, «Таймс» особо выделила мысль Э. Идена, что Англия заинтересована в нормализации отношений и с Германией, однако сближение с ней не должно быть направленным против какой-либо третьей страны. Как бы отвечая на миланскую речь Муссолини, глава Форин Офис заявлял, что Средиземноморье – сфера жизненных интересов Британии, но это не означает наличия у английского руководства антиитальянских планов. Также газета цитировала мысль

[18] The Times. 1936. 23 Oct., 10 Dec., etc.
[19] АВП РФ. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 67-68.
[20] The Times. 1936. 26 Nov.
[21] Ibid. 1936. 2, 15 Dec.
[22] АВП РФ. Ф. 05 (Секретариат М.М. Литвинова). Оп. 17. П. 131. Д. 53. Л. 5, 32-34; Documents Diplomatiques Français (Далее – DDF). 1932-1939. 2e sér. Paris, 1968. T. V. Doc. 348. P. 601-602; ДВП СССР. М., 1976. Т. 20. С. 51-52.
[23] ДВП СССР. Т. 19. С. 422-426.
[24] АВП РФ. Ф. 69. Оп. 24. П. 77. Д. 5. Л. 124.
[25] Там же. Л. 39, 102-103.
[26] The Times. 1936. 2 Nov.

У. Черчилля: «Англия не должна быть пособницей ни Германии в борьбе против СССР, ни Советского Союза в противостоянии с фашистскими державами»[27]. Представители консервативной партии давали понять, что, несмотря на большое значение для британских интересов испанской проблемы, Англия не намерена отступать от традиционного нейтрального европейского курса.

В течение ноября – декабря 1936 г. консервативные круги Великобритании через прессу и публичные выступления представителей правительства (например, речь Э. Идена в Брадфорде 15 декабря) высказывали, с одной стороны, опасения перед растущей военной мощью нацизма, с другой, подчёркивали необходимость закрепления существующего статус-кво в Средиземноморском бассейне через достижение договорённости с Италией[28]. Как отмечалось выше, к концу декабря 1936 г. руководство британской дипломатии скептически оценивало перспективы сближения с Германией вследствие агрессивных внешнеполитических планов Рейха и сделало ставку на укрепление позиций Великобритании в Средиземноморье, принимая во внимание, в том числе, реальность угрозы итальянской оккупации Балеарских островов[29]. Выбранная Англией тактика воплотилась в подготовке и заключении знаменитого «джентльменского соглашения» с Италией 2 января 1937 г. о сохранении существовавшей на тот период расстановки сил в Средиземноморье для улучшения взаимоотношений всех стран региона и в интересах общеевропейской безопасности[30].

Как известно, Б. Муссолини, вскоре после подписания англо-итальянской договоренности, направил испанским мятежникам новые воинские подкрепления. Не случайно именно с 1937 г. отношение английских консерваторов к действиям Германии и Италии в Испании стало более внимательным и настороженным. Одним из следствий этого стало ожесточённое англо-итальянское информационное противостояние весны-лета 1937 г.[31]. Стоит отметить, что практически все издания Англии, вне зависимости от их политической принадлежности, занимали общую позицию. Основными темами статей консервативной, либеральной, лейбористской печати были ответы на обвинения итальянской прессы в стремлении Великобритании реализовать программу перевооружения и нарушить статус-кво в Средиземноморье; постоянные нарушения Германией и Италией Соглашения о невмешательстве в испанские события; попытки Муссолини ослабить позиции Британии на Ближнем Востоке и совершённая дуче с этой целью поездка по данному региону[32].

Поражение итальянского военного контингента в Испании в середине марта 1937 г. (под Гуадалахарой), вызвавшее очередное усиление военного присутствия Италии на Пиренейском полуострове, дало британской печати дополнительный повод для саркастического освещения внешнеполитических амбиций дуче и обусловило новый виток напряженности в итало-британских отношениях. Негативную роль сыграл и факт приглашения бывшего императора Абиссинии, которую Рим официально считал частью своей Империи, на коронацию Георга VI в Лондон[33].

Информационно-пропагандистское противостояние достигло такой степени, что к лету 1937 г. итальянское руководство отозвало из Англии корреспондентов всех своих изданий и прекратило ввоз в страну подавляющего большинства британских газет[34]. Тем не менее, сохранялась взаимная заинтересованность Лондона и Рима в налаживании диалога – в августе 1937 г. работа итальянских журналистов в Великобритании была возобновлена, как и доступ английской прессы на Апеннинский полуостров.

Однако внешнеполитические установки официального Лондона в испанском вопросе продолжали базироваться на формальном сохранении принципов невмешательства, которые позволяли Англии в перспективе упрочить свое положение в Европе. Дан-

[27] Ibid. 1936. 6 Nov.; АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 24.
[28] The Times. 1936. 20, 23 Nov.; АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 25-28.
[29] DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 471. P. 677-683; Doc. 521. P. 743-744.
[30] АВП РФ. Ф. 69. Оп. 25. П. 81. Д. 11. Л. 35-36; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 530. P. 753-754.
[31] См. подробнее: Малай В.В. Гражданская война в Испании 1936-1939 гг. и англо-итальянская пропагандистская борьба // Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья: материалы международной научно-теоретической конференции, Витебск, 19-20 апреля 2007 г. Витебск, 2007. Ч. 2. С. 323-325.
[32] АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 55; Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 56. Л. 129-132; Ф. 69 (Референтура по Великобритании). Оп. 25. П. 81. Д. 11. Л. 36-37; DBFP. 2nd ser. Vol. 18. Doc. 295. P. 433.
[33] АВП. РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 131. Д. 56. Л. 91-95, 105-107.
[34] DDF. 2e ser. T. V. Doc. 141. P. 222-224; Watters W. Op. cit. P. 181.

ные прогнозы руководителей внешнеполитического ведомства дополнялись выводами корреспондента «Таймс» в Берлине Н. Эббата, который 5 апреля 1937 г. писал, что немецкое участие в испанских событиях осложнено внутриэкономическими трудностями и разочарованием германского руководства в Италии как военном союзнике после поражения под Гуадалахарой[35].

Противоречащей курсу официального Лондона на сохранение возможностей для конструктивных контактов с фашистскими странами можно назвать эмоциональную реакцию в «Таймс» на бомбардировку Герники (26 апреля 1937 г.)[36]. В отличие от европейского (и британского!) общественного мнения, осуждавшего Германию за причастность к разрушению гражданского населённого пункта, британские официальные представители воздерживались от резких заявлений. Э. Иден в беседе с советским полпредом И.М. Майским 30 апреля 1937 г. пояснил, что Англия заняла такую осторожную позицию, потому что для неё чрезвычайно важно сохранить роль нейтральной державы, в том числе и в глазах мятежников, так как это поспособствует в дальнейшем прекращению Гражданской войны в Испании[37].

В июне 1937 г. проправительственная пресса активно выступала в поддержку инициатив английского руководства по урегулированию последствий инцидента с немецким судном «Дойчланд» (30 мая) и возобновлению участия фашистских государств в работе КПН[38]. На заседании Палаты общин 25 июня 1937 г. обсуждался вопрос о мерах британского правительства для поддержания политики невмешательства. Игнорируя критику оппозицией правительственного курса на сотрудничество с фашистскими державами, новый глава британского кабинета министров Н. Чемберлен позитивно оценил «сдержанность» Германии в инцидентах с подвергшимися нападениям вблизи испанского побережья немецкими кораблями. Приоритетными для Лондона задачами были названы «заполнение пробелов в морском контроле, образовавшихся после выхода из него Германии и Италии» и решение проблемы эвакуации из Испании иностранных добровольцев[39]. В конце июня 1937 г. «Таймс» высказывала пространное суждение, что Британия и Франция прилагают все усилия по приданию невмешательству практической эффективности[40].

Как известно, в конце июля – середине августа 1937 г. проблема невмешательства в испанские события ушла на время на второй план в общественно-политической жизни Великобритании. Правительство Н. Чемберлена сосредоточилось на поиске возможностей возобновления англо-итальянского диалога и решении тех проблем, которые не были сняты после подписания «джентльменского соглашения», не принесшего конструктивных результатов. Это подтвердила парламентская речь военного министра А. Дафф-Купера 24 июля, в которой он заявлял, что, несмотря на наличие между Италией и Англией существенных разногласий в Средиземноморье, британское руководство заинтересовано в нормализации отношений[41].

Новая волна пропагандистской кампании зародилась в августе 1937 г., когда на первый план в европейской политике Британии встали проблемы участившихся «пиратских» нападений в Средиземном море на торговые и военные корабли различных государств. Английское общественное мнение обвиняло в атаках на нейтральные суда итальянский подводный флот. 12 августа 1937 г. заместитель главы Форин Офис Р. Ванситтарт на встрече с послом Италии Д. Гранди заявил, что британское руководство не поддерживает кампанию в английской печати. Однако представитель МИД Англии давал понять, что в случае продолжения инцидентов в Средиземноморье его коллеги и правительство не смогут воспрепятствовать формированию у британской и европейской общественности убежденности в том, что за действиями «пиратов» действительно стоит офи-

[35] DBFP. 2nd ser. Vol. 18. Doc. 376. Note 4. P. 569-571; Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943: в 2 кн. М., 2006. Кн. 1. С. 159-161.

[36] Военный корреспондент Д.Л. Стир, чью статью опубликовала «Таймс», был первым журналистом европейской печати, предпринявшим попытку анализа происшедшего с городком в Стране Басков. По его мнению, это был «первый в истории террористический налёт с бомбардировкой по площадям с целью уничтожения населения», спланированный немецким правительством, чтобы проучить и оказать на республиканцев деморализирующее воздействие. The Times. 1937. 28 Apr. См.: Rankin N. Telegram from Guernica. The Extraordinary Life of George Steer, War Correspondent. L., 2004.

[37] АВП РФ. Ф. 069. Оп. 21. П. 62. Д. 4. Л. 63.

[38] ДВП СССР. Т. 20. С. 305-306; 329-332.

[39] Parliamentary Debates. Official Report. 5th ser. L., 1936-1939. Vol. 325. Col. 1549.

[40] The Times. 1937. 28 Jun.

[41] Parliamentary Debates. Vol. 326. Cols. 2576-2577; The Times. 1937. 26 July.

циальный Рим[42]. Английская сторона не стеснялась в тактике воздействия на итальянскую дипломатию использовать приемы шантажа, угрожая инспирированием разоблачительных статей в ведущих британских национальных изданиях, со ссылкой на «проверенные источники».

С октября 1937 г. средиземноморский аспект Гражданской войны в Испании несколько отошел в политике и, соответственно, в официозной прессе Англии на второй план по сравнению с другими проблемами невмешательства. Это было связано с некоторым ослаблением позиций Италии, которая в условиях задействования значительных материальных и людских ресурсов в испанском конфликте, увеличивавшейся политической зависимости от Германии и экономических трудностей всё в меньшей степени могла претендовать на реализацию своих геополитических амбиций.

В целом, испанский вопрос, являвшийся предметом оживлённых дискуссий и информационных кампаний в 1936 – конце 1937 гг., затем постепенно начал терять свой актуальный характер и уже не представлялся столь острым для английских политических кругов и СМИ.

На протяжении Гражданской войны в Испании консервативное руководство Великобритании последовательно организовывало информационную поддержку своей стратегии невмешательства в испанское противостояние. Стремясь защитить собственные интересы и избежать перерастания локального конфликта в войну общеевропейского масштаба, кабинет министров под руководством С. Болдуина, а затем Н. Чемберлена главной пропагандистской задачей видел убеждение британской и международной общественности в том, что невмешательство – оптимальный механизм сохранения стабильности в регионе. Члены правительства и отражавшая их взгляды «Таймс» неизменно поддерживали и оправдывали невмешательство при всех его очевидных изъянах и даже в условиях кризисов данной политики. Пожалуй, единственное заметное расхождение позиций официальных лиц Лондона и газеты отмечено в связи с реакцией на разрушение Герники. Материалы официоза «Таймс» по испанскому вопросу стали не только фактором формирования лояльного восприятия курса «невмешательства» внутри Британии, но и информационным механизмом воздействия на политику других государств (антиитальянская кампания в печати весной-летом 1937 г.).

По мере расширения международного значения испанского конфликта британское правительство в своей риторике всё заметнее делало акцент на приоритетах защиты интересов Англии. В результате успешного пропагандистского обеспечения официального курса Лондона собственно испанские события оказались в определенной мере в тени общенациональных стратегических задач. Это обстоятельство облегчило действия британских правящих кругов и дипломатии в вопросе сохранения видимости невмешательства, но стало одним из факторов поражения Испанской Республики.

PROPAGANDA SUPPORT IN «THE TIMES» FOR THE POLITICAL COURSE IN THE GREAT BRITAIN IN THE CASE OF THE CIVIL WAR IN SPAIN (1936 – 1937)

O.A. TIMOSHKOVA

Belgorod National Research University

email: timoshkova@bsu.edu.ru

The article deals with the analysis of information campaigns of leading British publication “The Times” in support of the British non-intervention course in the Spanish conflict. The British Cabinet was aimed to protect the strategic interests of Great Britain and to justify their actions in this direction. In this regard, the main propaganda task was the formation of the belief of the British and international community in the optimality of the policy of non-intervention as an effective mechanism of maintaining stability in the region. By the end of 1937 foreign policy priorities of the Great Britain has shifted to Central Europe, therefore, the relevance of advocacy and support non-intervention disappeared.

Key words: Spainish Civil War (1936-1939), Foreign Policy of Great Britain, International Affairs, “The Times”, Propaganda.

[42] DBFP. 2nd ser. Vol. 19. Doc. 99. P. 186 – 189.

УДК 323.22/28

ПРОЦЕСС КОНВЕРГЕНЦИИ ЭЛИТ В РЕГИОНЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ: НА ПРИМЕРЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ БИРМЫ

Д. А. БРОДЯК

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина

e-mail: info@karazin.ua

В XX столетии в ходе адаптации традиционных обществ стран Азии и Африки к реалиям глобальной цивилизации имело место формирование в этих странах слоя правящих элит, происходившее под влиянием и при активном участии людей и идей западного мира. В работе на примере новейшей истории Бирмы/Мьянмы рассмотрены существенные аспекты процесса конвергенции элитных групп в новых независимых государствах Юго-Восточной Азии и их деятельность по модернизации регионального восточного социума. Особое внимание в работе уделено элитам военного происхождения, преимущественно правившим в период независимости страны.

Ключевые слова: элиты, конвергенция, капитализм, социализм, Бирма, реформы в аграрном секторе, Не Вин, бирманские модернисты.

Как известно, результатом деколонизации стало появление на политической карте мира свыше полусотни новых самостоятельных государств и обретение подлинной политической независимости еще несколькими десятками из них. Внешним знаком и символом суверенитета этих стран стало их членство в ООН. Заслуживает внимания то обстоятельство, что во многих бывших колониях и в зависимых странах, таких как Египет, Турция, Иран, Китай, государства вообще не возникали заново. Однако и они, как правило, изменяли свой характер, и, в частности, форму правления. Среди этих форм в XX в. на Востоке стали господствовать республиканские, до того там вовсе неизвестные. В рядах же политических лидеров новых независимых государств абсолютно преобладали люди, воспитанные в духе европейской политической культуры, получившие образование в какой-либо из стран Европы или в учебном заведении европейского типа. Это был закономерный результат вполне определенной и целенаправленной политики. Если вести речь о колониях, то проводниками такой политики были колониальные державы в лице их администрации в этих колониях. В зависимых странах тоже складывалась влиятельная элита из ориентировавшихся на европейские ценности людей, в основном из среды высокопоставленных слоев общества. Там тоже создавались учебные заведения европейского типа, готовившие кадры будущих управленцев, технической и иной интеллигенции. К моменту деколонизации проблема кадров, способных возглавить новые самостоятельные государства и повести их по пути современного развития, в основном уже не стояла. Возникал лишь вопрос о выработке политики, об организации управления, характере власти, формах социально-политического устройства, в общем – о выборе пути развития[1].

Сложности и противоречия постколониального этапа истории развивающихся стран, как в зеркале, отразились в нелегкой судьбе Бирмы (Мьянмы) – одной из крупнейших стран Юго-Восточной Азии. Прежде, чем в 1885 г. после трех войн англичане сделали ее своей колонией, на мьянманской земле в разные века сменили друг друга три империи, в состав которых входили и части территории современных Таиланда, Китая и Индии. Имперское прошлое и колониальное господство англичан оставили Мьянме наследие, которое во многом предопределило полувековое правление в стране военных режимов.

Первой и наиболее острой проблемой, стоявшей перед страной, была проблема ее единства. Мьянма – многонациональное государство. Около 70% ее населения составляют собственно бирманцы (самоназвание «бама»), а более четверти – другие коренные этнические группы, причем регионы, где сосредоточены небирманские этносы, по площади превышают половину территории страны.

Вторая проблема состояла в том, что к моменту получения Бирмой независимости в этой стране, в отличие, например, от Индии, по сути, отсутствовала национальная

[1] Васильев Л.С. История Востока: В 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 414-419.

гражданская политическая элита, способная взять в свои руки управление государством. С одной стороны, колониальные власти максимально ограничивали прием этнических бирманцев на службу во властные структуры, отдавая младшие должности в госаппарате, армии и полиции представителям национальных меньшинств или индийцам. С другой – этнических бирманцев не было и среди мало-мальски влиятельных предпринимателей колониальной Бирмы, поскольку крупный бизнес находился в руках англичан, средний и мелкий – индийцев и китайцев[2].

Вместе с тем, за годы Второй мировой войны, в период японской оккупации, в Бирме сформировались мощные Вооруженные силы, во главе которых встали патриотически настроенные и европейски образованные молодые люди. Аун Сан, Не Вин, У Ну, У Тан и их соратники из довоенной патриотической организации «Добама Асиайон» («Наша Бирма»), которые образовали ядро бирманской постколониальной элиты, еще в 20-е – 30-е годы познакомились с английским языком и элементами европейской культуры в средних англо-бирманских школах, а затем обучались в Рангунском университете, специализируясь в основном в области литературы, истории, права[3].

Все они неплохо ориентировались в европейском культурном дискурсе, пытаясь приложить к развитию родной Бирмы самые современные западные теории: от марксизма-ленинизма до фашизма. Так, еще до войны в организации «Добама Асиайон» существовали две ведущие фракции. Члены одной из них группировались вокруг писателя и публициста Такина Кодо Хмайна. В эту фракцию входили будущий лидер бирманского национально-освободительного движения генерал Аун Сан, будущий премьер-министр страны У Ну. Группировка Такина Кодо Хмайна ориентировалась на левые идеи, опыт Советского Союза. Еще один видный деятель будущей независимой Бирмы – Такин Шу Маун (впоследствии принявший имя Не Вин и наряду с Аун Саном ставший отцом-основателем бирманской армии) принадлежал к фракции Ба Сейна – Тун Оука, склонявшейся к правому социализму и национализму. Лидеры этой группировки внимательно присматривались к методам захвата власти Муссолини и Гитлером [4].

Будущие лидеры независимой Бирмы полагали, что правящая элита современного бирманского государства должна формироваться с учетом европейского опыта. Как подчеркивал Аун Сан еще до войны, задолго до провозглашения независимости страны, «…Им должен быть дан правильный тип образования, такой, чтобы они смогли вырасти дисциплинированными и сплоченными в своей непоколебимости, для осуществления работы по строительству нации. Это – тот путь, по которому идет Россия, это также часть программы, которую герр Гитлер и синьор Муссолини провозглашают в Германии и Италии, и это именно тот метод, который настойчиво проповедовали Платон и Аристотель более двух тысяч лет назад»[5].

В практической плоскости формирование будущей элиты страны протекало вполне успешно, поскольку с подачи генерала Аун Сана отношения между бирманскими и британскими военными после победы над Японией отличало тесное и плодотворное сотрудничество. Начало этому положила встреча Аун Сана с британским коллегой Уильямом Слимом в Канди на Цейлоне в сентябре 1945 г., во время которой стороны договорились не обсуждать политические вопросы, не выяснять, кто хозяин и кто кого угнетает, а прагматично сотрудничать в военной сфере. Поэтому, когда бирманцы в начале 1947 г. добились от англичан сроков признания независимости, они попросили оставить в стране сроком на три года значительную британскую военную миссию. Главной целью этой миссии было создание профессиональной бирманской армии (то есть, имеющей ядро из этнических бирманцев) из разнообразных добровольческих формирований, возникших в период японской оккупации.

После того, как эта миссия в 1951 г. покинула Бирму, многие английские офицеры остались служить в бирманской армии в индивидуальном порядке. Число тех, кого никто

[2] Ивашенцов Г. А. Мьянма – смена вех // Международная жизнь. 2014. № 2. С. 57-63.

[3] Листопадов Н.А. Генерал Аун Сан // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. 2005. № 5. С. 66–77; Листопадов Н.А. У Ну // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. 1996. № 1. С. 115-123; Листопадов Н. А. У Тан // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 87-103.

[4] Листопадов Н.А. У Не Вин // Вопросы истории. 1997. № 11. С. 58-59.

[5] Taylor R.H. The State in the Myanmar. National University of Singapore, 2009. P. 137-139.

не ждал на родине, или у кого здесь были бирманские жена и дети, было немалым. Конечно, уже их дети стали бирманцами, получили чисто бирманские имена (в Мьянме нет фамилий, поэтому такой признак национальности как фамилия здесь «не работает») и постепенно растворились среди бирманцев. Однако даже в 1962 г. в официальном списке 17 членов Революционного Совета, пришедшего к власти в результате военного переворота генерала Не Вина, невольно бросается в глаза совсем не бирманское имя – главком ВВС бригадный генерал Томас (Томми) Клифт (бывший британский боевой летчик, сын англичанина и шанки). Также в правление Не Вина должность Генерального директора Департамента поставок армии долгие годы занимал католик по вероисповеданию, бригадный генерал Давид Абель (выпускник британской военной академии Сандхерст, сын индийца-христианина и английской еврейки). После военного переворота 1988 г. именно генерал Абель предложил курс на построение рыночно-ориентированной экономики и получил прозвище «экономического царя Бирмы», занимая в 90-е годы ключевые посты министров торговли, финансов и министра национального планирования и экономического развития [6]. Даже сам генерал Не Вин, по мнению многих бирманистов, в частности, П.Н. Козьмы, по происхождению является не бирманцем, а этническим китайцем, которые издавна селились в районах Бирмы с наиболее развитыми рыночными отношениями.

В свете вышесказанного не вызывает удивления, что изучение английского языка в бирманских Вооруженных силах всегда стояло на высоком уровне; поэтому, несмотря на закрытость страны, бирманские генералы обычно говорили по-английски гораздо лучше своих тайских, малайских или индонезийских коллег.

Не чуралась нарождающаяся бирманская элита также и англо-американской политической мысли, в частности, популярной в 40-60-е годы теории конвергенции («сближения», «слияния») антагонистических социальных систем. Во второй половине XX в. конвергенция доктринально разрабатывалась такими мыслителями, как Питирим Сорокин, Джордж Гэлбрейт и т.д. (В СССР за сближение социализма и капитализма выступит академик Андрей Сахаров). В самом общем виде сущность теории конвергенции заключалась в том, что благодаря успехам в науке и технике послевоенный мир "вырвался" из прокрустова ложа индустриальной эпохи и вступил в пору постиндустриального развития. На противоположных полюсах этого мира оказались СССР и США – самые сильные державы, какие только знала история. Чтобы противоречия между этими супердержавами не разразились новой глобальной катастрофой, необходимо было решить вопрос об их сближении, а в перспективе – слиянии в одно смешанное общество, членами которого станут впоследствии все страны мира, управляемые, как это мечталось академику Сахарову, одним всемирным правительством. Политика, лишённая морали, приводит к различным противоречиям, злоупотреблениям и конфликтам. Политика, опирающаяся на мораль, – утверждали теоретики конвергенции, – напротив, подразумевает поиск компромиссных решений, как в масштабах страны, так и мира в целом[7]. Положения теории конвергенции, так или иначе, отразились в идеологической и политической практике большинства постколониальных элит Востока, знакомых с европейской политической культурой.

Не стала исключением и послевоенная Бирма. Аун Сан еще в 1947 г., излагая программу социально-экономических мероприятий после завоевания независимости, определял проектируемое им общественное устройство как «что-то среднее между капитализмом и социализмом»[8]. Он был принципиальным противником капитализма, неоднократно заявлял, что народы Бирмы выступают не только против иностранного гнета, но и против эксплуатации со стороны национальных капиталистов, однако считал возможным существование в Бирме капиталистического сектора, которое «не вредило бы массам». Аун Сан также высоко оценивал потенциал буржуазной демократии, в частности, полагал, что английские лейбористы в состоянии построить в Англии социализм[9].

[6] Taylor R.H. The State in the Myanmar. National University of Singapore, 2009. P. 172-178.
[7] Васильев Л.С. История Востока: В 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 436-439.
[8] Аун Сан. Бирма бросает вызов. Статьи и речи. М., 1965. С. 87, 144, 193-194.
[9] Кауфман А. С. Идейный путь Аун Сана // Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. 1973. № 3. С. 75-78.

Тем не менее, последовавшая после обретения страной независимости в январе 1948 г. попытка лидеров Бирмы вписать национальную экономику в капиталистическую мирохозяйственную систему привела бирманское общество к глубокому кризису. С марта 1948 г. в стране разгорелась широкомасштабная гражданская война между проправительственными силами и Коммунистической партией Бирмы, которая попыталась аккумулировать весь заряд крестьянского недовольства существовавшей системой неоколониальной эксплуатации.

Стоит отметить, что кризисные явления после обретения независимости испытывали общества всех освободившихся от прямого колониального господства стран Востока. При этом о возвращении к доколониальному прошлому для выхода из кризиса не помышляла ни одна из восточных элит. Для лидеров стран третьего мира вопрос состоял лишь в том, как поступить с колониальной аграрной системой. Либо, уничтожая зависимость от бывших колониальных центров, постепенно совершенствовать эту систему, сохраняя неизменным механизм, запущенный колонизаторами; либо очистить содержавшуюся в этой системе буржуазную тенденцию от колониальной «шелухи» и решительно ее поощрять; либо создать совершенно новую систему.

Бирма, несомненно, входила в третью группу, попробовав на практике воплотить упомянутую выше теорию конвергенции двух систем наиболее четко и последовательно во всем Восточном мире. Имея целью переломить ход гражданской войны в Бирме в свою пользу и выйти из кризиса, генерал Не Вин на протяжении 1963-1965 гг. осуществил в стране радикальную аграрную реформу; она в корне изменила колониальные порядки, сложившиеся в деревне в предшествующий период.

Пытаясь ликвидировать диспропорции колониальной аграрной системы, бирманское национальное государство повело решительную борьбу против посреднического механизма изъятия крестьянской продукции. В большинстве стран это означало ограничение крупной земельной собственности и аренды в ее колониальном варианте. Бирма в этом плане пережила одно из самых глубоких преобразований: полное, „физическое" исчезновение слоя крупнейших ростовщиков-индийцев, ликвидацию их „долговых" владений, полную отмену аренды — был осуществлен один из наиболее радикальных на Востоке арендных законов[10].

Первым итогом всех более или менее успешных реформ в аграрном секторе, общим для всех стран, было „высвобождение" мелкотоварной ориентации массы крестьянских хозяйств. В Бирме, как и везде, крестьянская масса „подвинулась" к рынку; рано или поздно бирманская деревня, превратившись сначала в ровную массу мелкотоварных хозяйств, могла бы развиваться в сторону капитализма по пути, продемонстрированному Японией или Южной Кореей. Но судьба бирманской деревни сложилась иначе: после 1962 г. местный военный режим отверг капиталистический путь. В отличие от индийских деклараций о социализме при явной объективной пробуржуазности аграрных преобразований или стремления режима Сухарто в Индонезии к „классовому миру" и „единой семье" — в Бирме, при внешней схожести некоторых официальных установок, аграрная политика оставалась действительно не – капиталистической. Смысл призывов к усреднению здесь был иной: в середняке государство не видело будущего преуспевающего на рынке фермера; кооперативы здесь настойчиво очищались от капиталистических принципов организации; рынок как таковой сильно ограничивался. В то же время, это и не был социализм советского образца: курс бирманских модернистов не предусматривал обобществления главного средства производства – земли, а также создания в деревне массовых систем образования, здравоохранения, социального обеспечения.

Иными словами, убежденность Аун Сана и его преемников, что после завоевания независимости вследствие экономической отсталости страны необходимо создание предварительных предпосылок социалистических преобразований, и что эти перемены должны происходить преимущественно эволюционным путем, привела в правление Не Вина к попытке утвердить в Бирме режим, основанный на реальной конвергенции черт капитализма и социализма. Ключевой пункт, повторим, — место и роль государства. Этот пункт резко выделял бирманскую деревню эпохи Не Вина среди прочих. Режим бирман-

[10] The tenancy Low, 1963. Rangoon, 1963.

ских модернистов регулированием аграрных отношений „издалека" не мог удовлетвориться. Со временем бирманское руководство пришло к выводу, что самый действенный способ контроля — почти полная государственная монополия на закупки риса при резком ограничении свободного рынка. Эта политика достигла масштабов, неведомых большинству стран Востока и, главное, отличалось по средствам осуществления. То, что для Индонезии 1973 г. было короткой и неудачной попыткой, стало для Бирмы более или менее строгим правилом на четверть века. И сразу же отметим характерное и, видимо, неизбежное следствие — мощное развитие нелегального, „черного рынка". Кроме этой яркой особенности, Бирму выделяет с колониальных времен сравнительно благоприятная демографическая ситуация: аграрное перенаселение, резко обострившееся в ряде стран Южной и Юго-Восточной Азии, бирманскую деревню в целом обошло стороной, и это помогло Бирме скоро оправиться от продовольственного кризиса начала 70-х годов, вызванного радикальностью реформ, снижением товарности сельского хозяйства. Во многих странах реформы сначала укрепили средние слои, "усреднили" деревню, а затем вызвали новый виток расслоения. В бирманской деревне "усреднение" произошло, а новый этап расслоения не состоялся: вмешалось государство, заморозившее эту тенденцию. Социальные напряжения в бирманской деревне после реформ Не Вина оказались в значительной мере сняты; они существовали, но уступали по своему накалу тем конфликтам, которые знакомы деревне других стран, особенно быстро модернизирующихся в буржуазном направлении.

Сравнительно невелика была и политическая активность крестьянства — политически деревня контролировалась государством даже больше, чем экономически[11]. Этому способствовало то, что, проводя серьезные преобразования в глубоко религиозном буддийском обществе, Не Вин так или иначе учитывал в своей деятельности огромное влияние на массы традиционного религиозного мировоззрения.

С одной стороны, после переворота 1962 г. Ревсовет отменил принятый при У Ну закон, провозгласивший буддизм официальной религией, и взял курс на неиспользование религии в политических целях. Тем не менее, официальная философия Партии Бирманской Социалистической Программы «Система взаимоотношений человека и окружающей его среды» оказалась пронизанной буддийскими понятиями и представлениями. Сам Не Вин постоянно подчеркивал свою приверженность буддизму[12]. Никаких гонений на религию при его правлении не было. Другое дело, что правительство Не Вина стремилось взять под полный контроль весьма влиятельную и многочисленную монашескую общину – сангху. Всем ее членам вменялось в обязанность пройти регистрацию и получить удостоверение личности.

В мае 1980 г. в Рангуне в торжественной обстановке состоялся первый Всебирманский буддийский собор. Он принял решения о создании единой организационной структуры сангхи под эгидой государства, об обязательной регистрации ее членов. В ознаменование успешного завершения Собора начинается строительство величественного буддийского храма Маха Визайя – Великая победа. В образе действий Не Вина все отчетливее стали проявляться черты традиционного буддийского правителя, главная задача которого состоит в покровительстве религии, ее укреплении и распространении[13].

В результате комплекса мероприятий, предпринятых модернистской элитой Бирмы в середине 60–х гг., обстановка в стране начала стабилизироваться, в частности, прекратилось прогрессирующее разорение бирманского крестьянства – основной части населения страны. Крестьянство Верхней Бирмы – основной базы бирманских коммунистов – стало переходить на сторону правительства, и, в частности, начало пополнять ряды бирманской правительственной армии. Это позволило Не Вину добиться и военного перелома в гражданской войне, который наступил в 1968-1970 гг. после краха «всеобщего наступления» бирманских коммунистов, гибели харизматичного лидера КПБ (Белого Флага) Такин Тан Туна и капитуляции главы КПБ (Красного Флага) Такина Со. Левацкая террористическая контрэлита отныне уже не имела шансов на приход к власти в масштабах всей страны и к концу 80-х гг. окончательно сошла с политической арены.

[11] Агаджанян А. С. Бирма: крестьянский мир и государство. М., 1989. С. 112-121.
[12] Не Вин. Бирма на новом пути. М., 1965. С.165-169.
[13] Листопадов Н.А. У Не Вин // Вопросы истории. 1997. № 11. С. 66–67.

Сложным комплексом внутри и внешнеполитических мероприятий, на протяжении почти четверти века, стабильность в Мьянме в правление генерала Не Вина эффективно обеспечивалась, однако цена ее оказалась достаточно велика. Огосударствленная экономика, управлявшаяся командными методами, стагнировала. По классификации ООН, в 1987 г. Мьянма была включена в список наименее развитых стран мира с годовым доходом на душу населения около 200 долл. Финансовая система обескровливалась оттоком средств в разросшийся черный рынок и контрабандную торговлю.

В условиях углублявшегося кризиса правительство вынуждено было пойти на либерализацию экономической жизни, начав с ведущей отрасли – сельского хозяйства, в котором занято 65% самодеятельного населения. В октябре того же года принимается поправка к закону о правах частных предприятий, в соответствии с которой право заниматься частным бизнесом предоставлялось всем желающим без каких бы то ни было ограничений. На чрезвычайном съезде ПБСП в июле 1988 г. была выдвинута программа преобразований в экономике, предусматривавшая значительную децентрализацию экономической жизни, активное подключение частных предпринимателей, создание предприятий с участием иностранного капитала. Председатель партии Не Вин и президент страны Сан Ю ушли в отставку. Не Вин даже высказал предложение провести общенациональный референдум, чтобы выяснить мнение народа о целесообразности сохранения однопартийной системы.

Одновременно с шагами в сторону рыночных преобразований правительство прибегло к явно волюнтаристским мерам, объясняемым необходимостью обуздать черный рынок, – изъятию из обращения банкнот крупного достоинства безо всякой компенсации их владельцам. Эта акция послужила детонатором студенческих волнений, летом 1988 г. переросших в мощное стихийное движение под лозунгами демократизации. Упомянутая широкая программа политических и экономических преобразований, к сожалению, была предложена слишком поздно, в условиях, когда ПБСП полностью потеряла доверие горожан, а крестьянские массы, хоть и сохраняли лояльность режиму, также уже испытывали потребность в переменах.

Против Не Вина, своего бывшего товарища по оружию, выступили даже члены легендарной группы «30 товарищей», которая в далеком 1941 г. во главе с Аун Саном проходила подготовку в Японии для участия в свержении британского колониального господства. 6 сентября 1988 г. 9 из 11-ти оставшихся на тот момент в живых ветеранов заявили об осуждении Не Вина и его режима, призвали вооруженные силы присоединиться к демократическому движению. 10-й «товарищ», бывший генерал Чжо Зо, находился в тот момент в штаб-квартире КПБ на границе с Китаем, а 11-м являлся сам Не Вин[14].

Результаты деятельности Не Вина и его соратников по-разному оцениваются в историографии, причем водоразделом являются события 1988 г. Так, в американских публикациях мероприятиям Не Вина в различные периоды дается в целом положительная оценка. Например, в труде известного бирманиста Р. Тейлора, изданном Гавайским университетом в 1987 г. и переизданном в 2009-м, автор, говоря об отставании Бирмы в экономическом развитии, одновременно отмечает несомненные, по его мнению, плюсы режима Не Вина: стабильность, предсказуемость, гарантирование населению минимального уровня выживания, сохранение традиций, отсутствие преступности. Главная же заслуга Не Вина и в целом первого поколения бирманских модернистов, по мнению Р. Тейлора, состоит в том, что они сформировали в Бирме систему современных государственных институтов, положили начало адаптации традиционного общества к реалиям современности [15].

Аналогично оценивается правление Не Вина в исследованиях современных российских бирманистов, в частности, Н.А. Листопадова и А.С. Агаджаняна[16].

---

[14] Листопадов Н.А. У Не Вин // Вопросы истории. 1997. № 11. С. 73-74.

[15] Taylor R. H. The State in the Myanmar. National University of Singapore, 2009. P. 172-178; Taylor R.H. Policy. A Study in Neutralism. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. 1963. P. 132, 156, 270; In Search of South East Asia. P. 403-404; Lintner B. Burma in Revolt: Opiom and Insurgency since 1948. Bangkok, 1994. P. 174, 281, 302; Maung Maung. Burma and General Ne Win. Bombay, 1969. 332 p.

[16] Листопадов Н.А. У Не Вин // Вопросы истории. 1997. № 11. С.58-59; Агаджанян А.С. Бирма: крестьянский мир и государство. М., 1989. С. 112-121.

Оценки большинства зарубежных исследователей кардинально изменились после массовых выступлений 1988 г. и выхода на политическую арену Аун Сан Су Чжи – лидера второго поколения модернистского крыла бирманской элиты. Предшествующая деятельность Не Вина стала рассматриваться в негативном ключе, а сам он характеризуется исключительно как узурпатор и диктатор, виновный во всех бедах страны[17].

Несмотря на разнобой мнений исследователей, представляется достаточно обоснованным вывод, что выработанная первым поколением бирманской постколониальной элиты смешанная, конвергенционная модель модернизации страны оказалась достаточно эффективной. Даже при наличии серьезных издержек, она позволила Бирме избежать скатывания в пучину кровавых потрясений, сотрясавших многие страны Азии и Африки в 60-80-е годы. Неутихающая в мире борьба с террором и террористическими идеологиями сохраняет актуальность политического опыта бирманских военных, сумевших еще в 60-70-е годы завоевать доверие народных масс и выбить почву из-под ног политических экстремистов.

THE CONVERGENCE PROCESS OF ELITES IN THE REGION OF SOUTH – EAST ASIA IN RECENT TIMES : THE CASE OF THE FORMATION OF BURMA'S POST-COLONIAL ELITE

D.A. BRODYACK

Kharkiv National University name V. Karazin

e-mail: info@karazin.ua

In the 20th century, during the adaptation of traditional societies of Asia and Africa to the realities of a global civilization has taken place in these countries forming layer of the ruling elites, is influenced by and with the active participation of the people and ideas of the Western world. On the example of the recent history of Burma / Myanmar are considered essential aspects of the process of convergence of elite groups in the newly independent states of Southeast Asia and their activities on the modernization of the regional Eastern society.

Key words: elite, convergence, capitalism and socialism, Burma, the reforms in the agricultural sector, Ne Win, the Burmese modernists.

[17] Lintner B. Outrage: Burma's Struggle for Democracy. L., 1990. P.179-213; Fink C. Living Silence: Burma under Military Rule. London, 2001. 156 p.

УДК 327.8

РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТА МАХМУДА АХМАДИНЕЖАДА

А.А. КОРНИЛОВ
Ф. РУМИ

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

e-mail: kotva64@mail.ru

Российско-иранские отношения в период нахождения у власти М. Ахмадинежада в значительной степени строились под влиянием ядерной программы Ирана. Имея антизападный характер внешней политики, правительство М. Ахмадинежада стремилось установить близкие отношения с восточными странами – Россией и Китаем – и получить их поддержку в мире и в регионе. Однако отношения Ирана с США значительно влияют на развитие отношений между Москвой и Тегераном. Россия, основываясь на своих национальных интересах, выполняла посредническую функцию в спорах между Ираном и западными державами. Такой поход усиливает влияние российского правительства на управление международными кризисами, помогает России достичь статуса мировой державы.

Ключевые слова: ядерный кризис, США, Каспийское море, экономическое сотрудничество, санкция.

Введение. Иран в эпоху холодной войны принадлежал к лагерю капиталистического Запада, но геополитическое положение Ирана всегда оставалось основой широкомасштабных экономических и политических двусторонних отношений между Тегераном и Москвой. С распадом СССР и формированием Российской Федерации эти отношения вышли на новый этап – партнерское сотрудничество[1]. Однако и в последнее десятилетие они остаются нестабильными.

Внешняя политика Исламской Республики Иран (ИРИ) при правительстве Ахмадинежада была направлена на диверсификацию внешних связей Ирана. Ориентация иранского правительства на Восток означала необходимость развития отношений с Россией, Китаем, Индией, а также стремление уменьшить давление со стороны стран Запада на Иран. Кроме того, направлениями политики МИД ИРИ были укрепление сотрудничества со странами-участницами Организации Исламская Конференция (ныне – Организация Исламского Сотрудничества), а также развитие отношений со странами Латинской Америки[2]. Внешняя политика России с приходом к власти В.В. Путина в 2000 г. стала носить более выраженный национально ориентированный характер. Это стало своеобразным вызовом либеральной внешней политике, которую до этого проводил Б.Н. Ельцин[3].

Ядерное сотрудничество Ирана и России. Россия играет ключевую роль в ядерной политике Ирана. Она единственная из всех мировых ядерных держав, в том числе и из членов Совета управляющих МАГАТЭ, взяла на себя обязательства по строительству первой атомной электростанции в Иране. Однако ядерная деятельность Ирана все же оказывает негативное влияние на развитие двусторонних отношений. В 2003 г. вопрос о ядерной программе Ирана был выдвинут в Совете управляющих МАГАТЭ, и Россия постаралась решить возникшие проблемы дипломатическим путем. В 2005 г., основываясь на своих интересах, согласуясь с позицией Ирана, а также под давлением со стороны США, Россия согласилась на передачу иранского ядерного досье из Совета управляющих в Совет Безопасности ООН, который по всем резолюциям в итоге проголосовал против Ирана.

Влияние США на отношение России к ядерной программе Ирана. Соединенные Штаты всегда были обеспокоены направлением взаимодействия между Россией и Ираном в области атомной энергетики и военно-технического сотрудничества; в России же

[1] Koolaee E. Iran-Russia Relations under Khatami Discourse. 2009. No. 4. P. 65-88.

[2] Дунаева Е.В. Иран и Россия в современной геополитике // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2012. No. 4. С. 71-81.

[3] Dehghani, Seyed J. Justice-based Discourse in Ahmadinejad's foreign policy // Journal of Political Science (in Persian). 1386. No. 5. P. 89-90.

эффективно действовало прозападное лобби для сокращения совместных программ Тегерана и Москвы[4]. Уже в 2002 и 2003 гг., после предания огласке ядерных программ и объектов Ирана, кризис в отношениях Ирана и США вступил в новую фазу и создал проблемы для внешней политики России[5].

Основываясь на Концепции внешней политики РФ, Москва стремилась установить стратегическое партнерство между Россией и США, преодолеть препятствия времен «холодной войны» и преодолевать новые угрозы. Однако в указанной Концепции РФ отношения с Ираном занимали далеко не главное место: приоритетом называлось развитие отношений, прежде всего, со странами СНГ, ЕС и США, а также с новыми державами – Китаем и Индией и соседними Турцией и Японией; за Ираном следовалитолько африканские страны[6].

В 2000 г., после прихода к власти В. Путина, двусторонние отношения вступили в новую фазу развития. Президент в октябре 2000 г. отменил Соглашение Гора – Черномырдина, и Россия объявила, что продала Ирану необходимое вооружение и выполняет прежние обязательства по строительству АЭС в Бушере[7].

Вновь налаженные связи резко ухудшились после террористических актов 11 сентября 2001 г. в США. Россия в этих событиях увидела новую возможность создания более тесного взаимодействия с США и уменьшения стороннего давления на методы и способы борьбы с сепаратистами на Северном Кавказе[8]. Сотрудничество России и Запада по вопросам борьбы с угрозами международного терроризма, а также разрешение НАТО российской стороной использовать российские военные объекты в Центральной Азии для ведения войны в Афганистане несколько улучшили позиции России на мировой политической арене[9]. Такой поворот российско-американских отношений обеспокоил иранское правительство, поскольку увеличилось американское военное присутствие у границ ИРИ.

В 2004 г. Эстония, Латвия и Литва, поддерживаемые США, вступили в НАТО. Это еще больше приблизило реализацию программ ПРОк границам РФ. Кроме того, в соседних с Россией Украине и Грузии к власти пришли прозападные правительства[10]. В такой ситуации для России наиболее приемлемым способом борьбы с международной экспансией США стало укрепление сотрудничества с Китаем, Индией и Ираном[11].

В 2005 г. на встрече с В. Путиным госсекретарь США призвал Россию присоединиться к позиции США и содействовать передаче ядерного досье Ирана из Совета управляющих МАГАТЭ в СБ ООН. Но Москва настаивала на отсутствии необходимости таких крайних мер и предложила обогащать уран для Ирана. Российская инициатива потерпела неудачу, и уже в январе 2006 г. члены Совета управляющих МАГАТЭ, в том числе и Россия, согласились на передачу ядерного досье Ирана в СБ ООН. Россия проголосовала и за все резолюции СБ против Ирана (1696, 1737, 1747, 1803, 1835, 1929), что стало правовой основой для давления на Иран[12].

Дальнейшее сближение позиций России и США по иранской ядерной проблеме произошло в 2008 г. когда в США к власти пришел президент Б. Обама. В 2009 г. вновь выдвигается предложение доставлять низко обогащенный уран из Ирана в Россию[13]. Иран вновь отклоняет это предложение. Иранские СМИ в качестве причин очередного

---

[4] Omelicheva, Mariya Y. Russia's Foreign Policy toward Iran: A Critical Geopolitics Perspective // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2012. Vol. 14. Issue 3. P. 342.

[5] Дунаева Е.В. Иран и Россия в Современной Геополитике // Восток. Афро-азиатскиеобщества: историясовременность. 2012. No. 4. С. 72.

[6] Asisian N. Russia & Iran: Strategic Alliance or Marriage of Convenience // Small War Journal, November. 2013. URL: http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/russia-iran-strategic-alliance-or-marriage-of-convenience

[7] Disarmament Diplomacy Gore-Chernomyrdin Arms-to-Iran Agreements Continue in Spotlight", November // The Acronym Institute for Disarmament. 2000. No. 52. URL: http://www.acronym.org.uk/dd/dd52/52iran.htm

[8] Katz, Mark N. Russiaand Iran. Middle East Policy. Vol. XIX, No. 3. 2012. P. 56.

[9] Freedman, Robert O. Russia, Iran and the Nuclear Question: The Putin Record // The Strategic Studies Institute (SSI) of the U.S. Army War College. 2006. P. 1-54.

[10] Kozhanov N. Russia's Relations with Iran Dialogue without Commitments // Policy Focus. 120. June 2012. P. 6.

[11] Tsygankov, Andrei P. Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity. Rowman& Littlefield, United Kingdom. 2013. P. 380.

[12] Kozhanov N. Op. cit.P. 7.

[13] Omelicheva, Mariya Y. Op. cit. P. 340.

отказа указали задержки с российской стороны в исполнении обязательств по строительству АЭС в Бушере, а также отказ от поставки систем противовоздушной обороны С-300[14].

В ноябре 2009 г. были раскрыты объекты по обогащению урана около г. Кум, и Совет управляющих МАГАТЭ при поддержке России и Китая принял резолюцию, согласно которой Иран должен сотрудничать с Группой 5+1 («Шестеркой») по иранской ядерной программе[15]. После этого РФ объявила о приостановке работ по строительству АЭС в Бушере до следующего года[16]. В конце концов, эта АЭС в сентябре 2011 г. была введена в тестовый режим эксплуатации.

В период 2009-2010 гг. укрепляется сотрудничество между Москвой и Вашингтоном в области иранской ядерной программы: правительство Барака Обамы отменило проект Джорджа Буша об установке системы ПРО в Польше и Чехии; был подписан новый договор о контроле ядерных вооружений, который предполагал сокращение ядерных арсеналов; возобновлено и сотрудничество с Москвой в ядерной сфере. Позиция России по ядерной программе Ирана стала более твердой[17]. В феврале 2010 г. секретарь Совета безопасности РФ Н. Патрушев заявил, что Россия выступает против наличия у Ирана ядерного оружия[18]. 9 июня 2010 г. СБ ООН принял резолюцию № 1929, которая ужесточила санкции в отношении Ирана, запретила продажу Ирану любого оружия и товаров, которые могли бы быть использованы в реализации ядерной программы[19].

В сентябре 2010 г. президент Д.А. Медведев, ссылаясь на резолюции ООН, заявил, что ЗРКС-300 в Иран поставляться не будут. Иранская сторона, однако, в этом шаге увидела давление на Москву не только со стороны США, но и Израиля[20].

В 2011 г. Президент России заявил, что нет никаких доказательств военного характера ядерной программы Ирана, и российский МИД выразил протест на ужесточение санкций против Ирана. На изменение позиций России повлияло два фактора: несогласие Сената США с Договором о сокращении стратегических вооружений 2010 г. и события Арабской весны, кризис в Сирии, которая являлась союзником Москвы и Тегерана[21].

Таким образом, внешняя политика России в ядерном вопросе Ирана являлась весьма сложной. России было не выгодно терять Иран как торгового партнера; с другой стороны, Россия стремилась обеспечить национальную безопасность, не предоставляя южному соседу возможности ядерного производства[22].

Сотрудничество на Каспийском море и на Кавказе. Международная деятельность Ирана в период президентства Ахмадинежада в этих регионах была обусловлена необходимостью обрести российскую поддержку. В конфликте 2008 г. между Россией и Грузией иранское правительство попыталось занять нейтральную позицию.

Следующей проблемой российско-иранских отношений можно назвать вопрос правового регулирования раздела вод Каспийского моря. Некоторое время назад Россия, Азербайджан и Казахстан подписали соглашение, в котором определили свои морские границы. Согласно этому документу, на долю Ирана приходится всего 13% каспийских водных ресурсов, тогда как Иран настаивает на равном разделе вод Каспийского моря, когда Ирану отходит 20 % территории[23]. Такие двусторонние переговоры России с бывшими советскими республиками, как утверждает иранское правительство, проводились без учетов интересов ИРИ, следовательно, ставят Иран в трудное положение.

---

[14] Katz, Mark N. Russian-Iranian Relations in the Obama Era // Middle East Policy. Vol. XVII. 2010. No. 2. Summer. P. 66.

[15] Ibid. P. 67.

[16] Abedi A. Russia's approach to the Iranian nuclear issue, after the Geneva talks // Strategic Research Institute.1388. URL: http://www.isrjournals.ir/fa/essay/585-essay-farsi-old-191.html (in Persian)

[17] Harvey C., Sabatini R. Russia's lukewarm support for international sanctions against Iran: history and motivations // Building aSafer World(NTI). 2010). URL: http://www.nti.org/analysis/articles/russias-support-sanctions-against-iran

[18] Omelicheva, Mariya Y.Op. cit.

[19] Katz, Mark N. Op. cit. P. 60.

[20] Kozhanov N. Op. cit.P. 7.

[21] Karami J. The relations between Iran and Russia in the years 1368 to 1388: capacities, factors and limitations // Central Eurasia Studies. Third Year. 1389. No. 6. Spring-Summer.P. 123 (in Persian).

[22] Newspaper E'temad Melli. The Summit Shanghai. No. 727, 1387. P. 3 (inPersian).

[23] Корнилов А.А., Матвеев А.С. Динамика закавказской политики иранского президента М. Ахмадинежада // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. 2011. № 4. С. 23-29.

Иран считается вторым государством в мире по величине запасов природного газа, занимает выгодное географическое положение, поэтому может с уверенностью рассматриваться в качестве серьезного конкурента на рынке энергоресурсов, в том числе и для Москвы. Однако Иран и Россия не могут прийти к окончательным решениям по каспийским вопросам, что снижает влияние ИРИ в мире. Развитие Россией интенсивных торговых отношений с другими прикаспийскими государствами не оставляет Ирану выбора, кроме как сосредоточиться на независимой реализации своих интересов[24].

Таким образом, стратегическая цель России в области экспорта природных ресурсов из региона связана с получением большего контроля над потребительскими рынками. Однако если напряженность между Ираном и Западом уменьшится, то расстановка сил в прикаспийском регионе изменится[25]. Поэтому Россия воспринимает Иран как прямого конкурента в регионе, а не союзника, и пытается обеспечить свои интересы за счет прямых двусторонних соглашений с прикаспийскими государствами.

Военно-экономическое сотрудничество. Иран исторически выступает деловым партнером России. Для России торгово-экономические связи имеют не только чисто экономическую выгоду, но и связаны с внешнеполитическими стремлениями государства. Уже в 2007 г., после визита В. Путина в Тегеран, были созданы благоприятные условия для развития двустороннего экономического сотрудничества[26].

В военной сфере можно выделить две причины, по которым Ирану выгодно и необходимо сотрудничество с Россией: 1) военная техника Ирана нуждается в модернизации; 2) западные страны отказались от военного сотрудничества с Ираном[27]. В области невоенного экономического сотрудничества российские компании требуют активного участия в нефтегазовой и нефтехимической промышленности Ирана. Соглашение 2007 г., подписанное президентами двух стран в Тегеране, определяет, что Газпром участвует в разработке газового месторождения Южный Парс в Иране, а также сотрудничает в строительстве нефтепровода Нека – Джаски нефтеперерабатывающего завода в провинции Голестан[28]. Другой программой сотрудничества в области энергетики стало создание организациистран-экспортеров газа. Первый саммит стран-экспортеров газа был проведен в Катаре в 2007 г. Организация получила название газовый ОПЕК, на территории ее стран-участниц сосредоточено 73% мировых запасов газа и 41% газовой промышленности[29]. Второй саммит прошел летом 2013 г. в Москве при участии иранского президента.

В 2010 г. Иран занимал 26 и 61 места соответственно среди стран, импортирующих товары из России и экспортирующих свои товары в Россию. Общий объем торговли между странами в том же году составил 3,65 млрд. долл. Для сравнения – объем торговли между Россией и Турцией за этот период варьируется от 25 до 26 млрд. долл., причем и объем российских инвестиций в Турцию в 10 раз больше, чем в Иран: 27,3 млрд. долл. и 323 млн. долл. соответственно. В 2011 г. среди торговых партнеров России Иран занимал 29-е место, объем торговли продолжал снижаться: 2,33 млрд. в 2012 г., что примерно на 38% ниже, чем в 2011 г.[30]Н аблюдался регресс в развитии российско-иранских торговых отношений.

Одной из причин спада торговой активности являлись международные санкции в отношении Ирана, что заставляло российские компании проявлять осторожность в отношениях с иранскими предприятиями. С другой стороны, экономика России направлена на модернизацию промышленности, на сотрудничество с промышленно развитыми странами. Таким образом, вопреки распространенному мнению, экономические выгоды

---

[24] Kozhanov N. Op.cit. P. 11.

[25] Koolaee E., Moradi A.H. Russian Energy Policy in Central Asia // Journal of Rahbord. No. 61. 1390. P. 50-54 (in Persian).

[26] Kozhanov N. Op. cit.P. 22.

[27] Nemets, Alexander V., Kurtz, Robert W. The Iranian Space Program and Russian Assistance // Journal of Slavic Military Studies. 2009. P. 95-96.

[28] Kozhanov N. Op.cit. P. 21.

[29] Nicoll A. OPEC for gas? // The International Institute for Strategic Studies. 2007. URL: Availableat: www.iiss.org/stardom

[30] Министерство экономического развития Российской Федерации. "Торговые отношения России и Ирана" // Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией с Исламской Республикой Иран. 2013. Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/ir/ir_ru_relations/ir_ru_trade/

при построении отношений России с Ираном не являются определяющими: финансовые потери РФ при возможной утрате иранского рынка не будут в значительной степени влиять на экономику государства.

Выводы. Внешняя политика России по вопросам ядерной программы Ирана базируется как на соображениях сохранения национальной безопасности, так и на преследовании экономических выгод. С одной стороны, Россия, не стремится к введению жестких санкций в отношении Ирана, опасаясь роста напряженности вблизи южных границ. С другой стороны, Россия частично поддерживала западные страны в санкциях против Ирана, поскольку использовала иранскую ядерную программу и как фактор воздействия на США. Именно это дает основания иранской стороне считать, что Россия не заинтересована в решении ядерной проблемы Ирана, потому что с разрешением споров и установлением дипломатических отношений между Ираном и США Москва больше не сможет использовать Иран во внешнеполитическом споре с Западом[31]. Особенно это представляется значимым после начала украинского кризиса и введения западных санкций против РФ.

Напряженность в отношениях между Тегераном и Вашингтоном также не способствует налаживанию сотрудничества России с Ираном. Для иранской стороны США являются идеологическим противником, в то время как для Москвы Вашингтон – крупный международный актор, позиция которого часто не совпадает с позицией России. Прагматически Россия все же не готова идти на полный разрыв с Западом. Таким образом, лучший сценарий развития отношений между Россией и Ираном видится в сотрудничестве двух стран по определенным направлениям в регионе с учетом международных потребностей.

RUSSIAN-IRANIAN RELATIONS UNDER PRESIDENT MAHMUD AHMADINEJAD

A.A. KORNILOV
F. ROOMI

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

e-mail: kotva64@mail.ru

Russian-Iranian Relations in the Ahmadinejad Era was very much in the shadow of Iran's nuclear program. Ahmadinejad's government with the offensive policy against the West and policy direction to the East tried to establish close relationships with Russia and China and to obtain their support in the international arena. On the other hand, the geopolitical interests of Russia in the world and the region and its relations with the US have a great impact on relations between Moscow and Tehran. Russia for the last 8 years on the basis of their national interests was trying to play a controlling role in disputes between Iran and Western powers. This approach increased the influence of Russia in the management of international crises and helps Moscow to achieve the status of a world power.

Key words: Nuclear Crisis, US, the Caspian Sea, Economic Cooperation, Sanction.

[31] Shlapentokh D. Putin's Moscow approach to Iran: between pragmatism andfear // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2011. Vol. 13. No. 2, June. P. 213.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94 (47)

ЦЕНА ХЛЕБА И ХЛЕБНЫЕ ЦЕНЫ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVI В.

Л.Г СТЕПАНОВА

Академия маркетинга и социально-информационных технологий-ИМСИТ, г. Краснодар

e-mail: liliya_stepanova@list.ru

В статье анализируется динамика хлебных цен в XVI в., причины их повышения, зависимость от региональных особенностей и соотношение с ценами на другие продукты питания. Приводятся данные о хлебных ценах, извлеченные из русских летописей, писцовых книг и сведений иностранцев. В летописях рост цен на хлеб в основном фиксировался в голодные годы. Однако они не всегда содержат конкретные данные, часто отмечают только дороговизну хлеба. Летописные сведения показывают значимость хлеба для всей Руси и ее отдельных земель. Сведения писцовых книг позволяют сделать вывод о том, что повышение цен на хлеб в XVI в. шло в разрез с общей динамикой цен на другие продукты питания.

При складывании цен на хлеб большую роль играли региональные различия, которые приводили к локальным повышениям хлебных цен. Но не всегда повышение цен на хлеб было напрямую связано с неурожаями. Доказывается связь роста цен на хлеб не только с неурожаями и неблагоприятными природными явлениями, но и с отсутствием их государственного регулирования. Делается вывод о значительных колебаниях хлебных цен, зависящих от конъюнктурного спроса в различных регионах страны.

Ключевые слова: хлебные цены, продукты питания, урожай, неурожайные годы, государственное регулирование.

Хлеб испокон веков считался главным продуктом питания русского крестьянина. Его наличие на крестьянском столе свидетельствовало о благополучии семьи. В масштабах отдельных земель проблема с обеспечением хлебом на протяжении веков особенно остро стояла в северных и северо-западных регионах страны. В целом недостаток хлеба, возникавший вследствие неурожаев, природных катаклизмов, эпидемий, военных действий, нередко становился причиной голода, как в отдельных регионах, так и во всей стране.

По подсчетам А.Г. Манькова, за в XVI в. цены на хлеб в России выросли в 4-4,5 раза. Причем их рост наблюдался постоянно, но со значительными индивидуальными отклонениями в отдельные годы. Эти отклонения имеют свои объяснения в исторических источниках. Так, подъем хлебных цен в 1548-1549 гг. он связывал с большим бедствием – недородом хлебов, растянувшимся на несколько лет[1]. Неуклонное снижение хлебных цен по стране А.Г. Маньков отмечал с начала 1560-х гг. Причем, по его данным, этот процесс снижения цен продолжался и в 1570-х гг., достигая в середине десятилетия рекордно-

[1] Маньков А.Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951. С. 30-31.

низкого уровня за всю вторую половину XVI в. Резкое поднятие хлебных цен в 1570-1571 гг. исследователь связывал с мором и межениной (засухой), отмечая также влияние на состояние хлебного рынка последствий нападения Девлет Гирея в 1571 г.[2]

Авторы фундаментального труда «Аграрная история Северо-Запада России», рассматривая цены на продукты питания, входившие в состав оброка и переводившиеся на деньги, сделали вывод о том, что и рожь, и овес, и пшеница при старом писцовом описании, проводившемся в Новгородской земле в конце 1470-х и начале 1480-х гг., стоили дешевле. По данным нового писцового описания 1495-1505 гг., рожь подорожала на 43%, пшеница – на 40%, овес – на 25-43 %[3]. Таким образом, цены на хлеб к концу XV в. значительно выросли. Причем, как предположили ленинградские исследователи, подорожание цен на хлеб произошло все же в первом десятилетии после присоединения Новгорода к Москве.

Оценивая динамику хлебных цен в XVI в. на Северо-Западе России, ленинградские ученые отмечали несколько другие явления. По их данным, в первой четверти XVI в., а также в 1530-1540-х гг. цены на хлеб в Новгородской земле не менялись. Замечалось лишь их колебание в зависимости от неурожаев или, наоборот, урожайных лет. Так, в урожайном 1526 г. в Новгороде цена на ячмень была на уровне начала века, в урожайном 1535 г. цена на рожь была даже ниже, чем в начале века[4].

Заметное увеличение цен на хлеб в два раза по сравнению с началом века зафиксировано к 1550 г.[5]. Однако в 1560 гг. цены на хлеб по сравнению с этим периодом снижаются, превышая, тем не менее, уровень цен начала века на 60 %. Резкое поднятие хлебных цен в связи с голодом и мором отмечается в 1570-1571 гг., но вскоре они снова опускаются до уровня 1560-х гг. И новый их скачок зафиксирован после значительного хозяйственного разорения территории начиная с 1580-х гг.[6]

Сведения о хлебных ценах в исторических источниках представлены не достаточно хорошо. Как справедливо отмечал В.О. Ключевский, большею частью в них были отмечены «больные цены, или голодные, или, если можно так выразиться, слишком сытые, дешевые»[7], т.е. отличавшиеся от нормальных цен своего времени в ту или иную сторону. Точка зрения В.О. Ключевского о хлебных ценах XVI в. выработалась на основании изучения меновой стоимости русского рубля и стоит особняком от остальных. Он полагал, что хлебные цены в XVI в. часто колебались, но медленно изменялись. Причем основной причиной определенной устойчивости нормальных хлебных цен, по его мнению, были туго изменяющиеся условия развития сельского хозяйства. В целом же В.О. Ключевский подчеркивал пугливость древнерусского рынка, цены на котором могли подниматься при любых затруднениях, в том числе и связанных с подвозом продуктов. Особенно они возрастали при неурожаях.[8]

В летописях испокон веков рост цен на хлеб фиксировался в голодные годы, которые, в свою очередь, были обусловлены неурожаями, вызванными неблагоприятными природными явлениями, эпидемиями и эпизоотиями. Мы можем проследить связь роста цен на хлеб с этими явлениями. Так в 1471 г. в Новгородской и Псковской землях в летописях была зафиксирована снежная зима[9]. Сильные морозы, продолжавшиеся в конце апреля и в мае, привели к гибели посевов, дороговизне хлеба и голоду. В 1501 г. в Русской земле был неурожай ржи и яри, ставший последствием сильных дождей, шедших летом и осенью. Многие в этот год не собрали зерна и на семена[10]. В 1510 г. голод в Московской земле настал из-за сильного наводнения, на следующий год всю Русскую землю охватила эпидемия, а в 1512 г. настала дороговизна хлеба, которого всем не хватало и «многие люди с голоду поумирали»[11].

---

[2] Там же. С. 32.
[3] Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. (АИСЗР. Т. 1). Л., 1971. С. 34.
[4] Аграрная история Северо-Запада России. Новгородские пятины (АИСЗР. Т. 2). Л., 1974. С. 22-23.
[5] АИСЗР. Т. 2. С. 289.
[6] АИСЗР. Т. 2. С. 23.
[7] Ключевский В.О. Русский рубль XVI-XVIII вв. в его отношении к нынешнему. Опыт определения меновой стоимости старинного рубля по хлебным ценам (материалы для истории цен) // В. О. Ключевский. Сочинения. Том VIII. Статьи. М., 1990. С.71.
[8] Там же. С. 72.
[9] Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 180.
[10] ПСРЛ. Т.24. С. 215.
[11] ПСРЛ. Т.24. С .217.

В 1516 г. урожай зерновых погиб из-за дождливого лета. Наступил голодный год, когда в Москве невозможно было купить рожь[12]. В 1518 г. в летописях отмечается дождливое лето, наблюдавшееся во всей Русской земле[13]. Реки выходили из берегов, и «много жита и обилиа истопша»[14]. В 1521 г. зафиксирована эпидемия в Пскове и Москве, в 1522 г. эпидемия в Пскове была настолько большой, что вымерли целые дворы[15]. 1523 г. в Новгороде был голодным, поскольку в мае выпал снег, который пролежал четыре дня. От болезней погибло много домашнего скота и птицы[16]. В 1524 г. из-за дождливого лета голод охватил всю Русскую землю, погибла значительная часть урожая[17]. В 1525 г. к неурожаю всех зерновых культур и голоду в Московской земле привела сильнейшая засуха, которая стояла все лето[18].

В 1526 г. в Москве и во многих других городах была зафиксирована дороговизна хлеба. В Москве четверть продавалась по шесть алтын, в Вологде – по двадцать алтын, в Тотьме – по рублю. Год отмечен для многих земель голодом и высокой смертностью населения[19]. В 1527 г. в летописях, наоборот, отмечается великое изобилие в Новгороде, когда коробью жита можно было купить по семь новгородок[20]. 1529 г. снова стал голодным для Москвы. Лето в этот год было очень дождливым, часто случались грозы и бури[21]. 1533 г. стал для всего Русского государства голодным из-за летнего «великого бездождия». В этот год горели леса и мхи, от жажды погибло много скота[22]. В 1534 г. Московская земля пережила раннюю весну, когда раньше времени вскрылись ото льда реки, началось таяние снега. Пахоту земли и сев зерновых прервало резкое похолодание, от которого пострадали озимые[23].

1541 г. стал в Русской земле голодным из-за нашествия саранчи, которая поела не только зерновые, но и траву и коренья[24]. Хлеб был дорог в этот год во многих городах. В Пскове четверть ржи стояла 25 денег, четверть ячменя – 20 денег, четверть овса – 10 денег[25]. 1543 г. снова стал очень неблагоприятным для Псковской земли. Зима оказалась многоснежной, весна – холодной и многоводной, лето – дождливым. Погибли озимые посевы, яровые сгнили в поле или в гумнах[26]. В 1544 г. были отмечены дороговизна хлеба и голод в Новгороде вследствие высокого половодья и затопления пашни по берегам озера Ильменя, Волхова и других рек. В это время четвертка ржи продавалась по гривне московской[27]. 1547 г. стал голодным для Москвы из-за засухи, наступившей еще весной[28]. В 1549 г. сильный голод, дороговизна и высокая смертность населения зафиксированы на Двине. В Холмогорах четверть хлеба стоила восемь гривен[29].

В 1552 г. сильная дороговизна и голод зафиксирована в Великом Устюге[30]. В 1554 г. Новгородская земля страдала от маловодья, ставшего причиной голода. Весной не было «прибыльной воды» и «...ничего на полях»[31]. В 1556 г. не уродился хлеб на Двине. Осенью четверть хлеба стоила в Холмогорах двадцать два алтына[32]. Следующий 1557 г. стал голодным для всей Русской земли. Сильные дожди не позволили собрать весь урожай, в Заволжье хлеб побил ранний мороз[33]. В Великом Устюге сильный голод свирепствовал в 1557-1558 гг.[34]

---

[12] ПСРЛ. Т. 6. С. 280.
[13] ПСРЛ. Т. 8. С. 263. Т. 34. С. 13.
[14] ПСРЛ. Т. 8. С.263. Т. 28. С. 355. Т. 34. С. 13.
[15] ПСРЛ. Т. 6. С. 29, 281.
[16] ПСРЛ. Т. 30. С. 202.
[17] ПСРЛ. Т. 24. С. 222.
[18] ПСРЛ. Т. 26. С. 20, 205. Т. 34.С. 15.
[19] ПСРЛ. Т. 26. С. 313. Т. 28. С. 181.
[20] ПСРЛ. Т. 4. С. 161.
[21] ПСРЛ. Т. 6. С. 282.
[22] ПСРЛ. Т. 6. С. 267.
[23] ПСРЛ. Т. 28. С. 162.
[24] ПСРЛ. Т. 32. С. 108
[25] Псковские летописи. М., 1941. Вып. 1. С. 111. Вып. 2. С. 230.
[26] Псковские летописи. Вып. 1. С. 109.
[27] ПСРЛ. Т. 4. С.163. Т.30. С. 148.
[28] ПСРЛ. Т. 34. С. 182-183.
[29] ПСРЛ. Т. 30. С. 148.
[30] Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / под ред. и с предисл. К.Н. Сербиной. М.; Л., 1950. С. 109.
[31] ПСРЛ. Т. 30. С. 182.
[32] ПСРЛ. Т. 33. С. 150.
[33] ПСРЛ. Т. 29. С. 253-254.
[34] Устюжский летописный свод. С. 109.

В 1560 г. из-за засухи не уродился яровой хлеб в Новгородской и Псковской землях. Сразу же настала его дороговизна, год оказался голодным[35]. Добрый урожай ярового хлеба в этих землях был зафиксирован в 1562 г. Однако весь урожай не удалось убрать из-за дождей. Год снова стал голодным[36]. В следующем 1563 г. в Новгородской земле весь хлеб погиб на полях, поскольку в сентябре выпал большой снег[37]. В 1564 г. голод зафиксирован в Новгородской и Псковской землях. Причиной его стали большие перепады погоды: сначала была дождливая осень, во время которой трижды случались паводки. Выпавший впоследствии большой снег пролежал всего шесть дней, затем наступило резкое потепление, и начались дожди, шедшие до Рождества. Хлеб в это время продавался по 11 алтын[38]. В 1565 г. голод в Новгородской земле стал следствием сильного града, побившего посевы, и разразившейся эпидемии[39]. В 1569 г. из-за дождливого и холодного лета сильный голод был зафиксирован во всей Русской земле. «…Недород был великий хлебного плоду: рожь обратилась травою метелицею и бысть глад великий по всей вселенной»[40].

В 1570 г. холода возвратились в начале лета. Хлеб был побит морозом во время цветения. К голоду добавилась эпидемия, охватившая всю Русскую землю[41]. В 1571 г. мороз снова побил летом яровые и озимые хлеба. Летописец отмечает, что в это время «во всей Руси земле мор силен был, якоже многие грады и села запустели»[42]. В 1586-1588 гг. в Новгородской земле летописи зафиксировали сильный неурожай[43]. В 1589 г. из-за возвратов холодов в мае померзли посевы ярового хлеба, пшеницы, овса. Голод разразился в Псковской и Новгородской землях. В Новгороде четвертка ржи стоила 20 алтын[44].

В 1591 г. в Московской земле привела к голоду сильная засуха, в 1592 г. голод настал в Пскове[45]. Сильнейший голод, ставший следствием сильных морозов, побивших рожь и ярь, разразился в 1601 г. Как отмечает летописец: «… и с тово году стало на крестьянский род великий глад». Четвертка ржи в 1601 г. стоила по 2 рубля, такая же цена была у ячменя. Овес продавался по рублю и десять алтын. На следующий 1602 г. рожь подорожала до трех рублей, ячмень – до 2,5 рубля, цены на овес не изменились. От голода в эти годы по селам и городам «померло несказанно». Потом цена хлеба стала снижаться[46].

Как мы видим, летописи не всегда содержат конкретные данные о ценах на хлеб, нередко просто упоминается его дороговизна. В то же время летописные сведения показывают значимость хлеба для всей Руси и ее отдельных земель, связывая недороды с голодными годами и высокой смертностью населения. Перекрыть недостаток хлеба другими продуктами питания было очень сложно. Поэтому ценность наличия хлеба в голодные годы и просто неурожайные годы сразу возрастала, а вместе с ней взлетали и сами хлебные цены. Но их движение обнаруживает непростую динамику. Дополнительные данные о хлебных ценах можно почерпнуть из писцовых книг. Так, в отрывке писцовой книги Водской пятины 1504-1505 г., содержащем в себе опись части дворцовых земель, имеются сведения о хлебных ценах в мелком доходе при старом и новом писцовом описании. При старом письме, которое проводилось почти сразу после передачи новым владельцам конфискованных у новгородских землевладельцев вотчин, оговаривались условия: «а в котором году не взяти хлеба хлебом, и за хлеб давали денгами: за коробью ржи 7 денег, за коробью овса 4 денги, за коробью ячменя – 7 денег, за коробью пшеницы – 10 денег»[47]. По новому письму за коробью ржи брали уже 10 денег, за коробью овса – 5 денег, за коробью ячменя – 7 денег, за коробью пшеницы – гривну[48].

Надо отметить, что процесс повышения цен на хлеб в это время шел в разрез с общей динамикой цен на другие продукты питания. В частности за те же 20 лет,

[35] ПСРЛ. Т.30. С. 160. Псковские летописи. Вып. 2. С. 238-240.
[36] ПСРЛ. Т.30. С. 152. Псковские летописи. Вып. 2. С. 243.
[37] ПСРЛ. Т. 4. С. 174. Т. 30. С. 152.
[38] Псковские летописи. Вып. 2. С. 246.
[39] ПСРЛ. Т. 4. С. 174. Т. 30. С. 152.
[40] ПСРЛ. Т. 30. С. 222.
[41] ПСРЛ, Т. 4. С.177, 179.
[42] ПСРЛ. Т. 30. С. 196.
[43] ПСРЛ. Т. 32. С. 196.
[44] Псковские летописи. Вып. 2. С. 265.
[45] Временник Ивана Тимофеева. М.-Л., 1951. С. 199; Псковская летопись. Ч. 2. С. 264
[46] Псковские летописи. Вып. 2. С. 265.
[47] Гневушев А.М. Отрывок писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504-1505 г., содержащий в себе опись дворцовых земель этой пятины. Киев, 1910. С. 19.
[48] Там же. С. 4.

прошедшие от начала старого письма к началу нового, в Новгородской земле не изменились цены на остальные продукты питания: яловица стоила 3 гривны, боров – 1 ½, баран – 4 денги, гусь – 2 денги, куря – денга, сыр – денга, пуд масла – 1 ½ гривны[49]. В данном случае объяснить рост цен на хлеб, с одной стороны, и, с другой стороны, относительную стабильность цен на другие продукты питания, наблюдавшиеся в одно и то же время, можно, скорее всего, хлебными недородами и складывающейся конъюнктурой хлебных цен после присоединении территории Новгородской земли к Москве. В писцовой книге дворцовых волостей Шелонской пятины за 1524 г. цены продуктов питания остаются на прежнем уровне: «А которого году князь великий не велит имать со своих волостей хлеба и мелкого доходу, а велит имать за хлеб и за мелкий доход денгами, ино имать за коробью пшеницы гривна Новгородская, за коробью семени конопляного гривна, за коробью гороху гривна, за коробью хмелю гривна, за коробью ржи 10 денег Новгородская, за коробью ячменю 7 денег, за коробью гречи 7 денег, за коробью овса 5 денег, за пяток льну по 3 денги. А за мелкий доход имать денгами: за яловицу 3 гривны Новгородские, за боров полторы гривны, за баран 4 денги, за лебедь гривна, за гусь 2 денги, за куря денга, за сыр денга, за сто яиц 3 денги, за пуд масла полторы гривны»[50].

Однако на протяжении XVI существовали определенные региональные различия в складывании цены на хлеб. Эти региональные отличительные особенности приводили к локальным повышениям хлебных цен. На большой диапазон хлебных цен в XVI в. обратил внимание и Сигизмунд Герберштейн, побывавший в Москве и Вологде в 1517 г.: «В тот год, когда мы были в Москве, там была такая дороговизна хлеба, что одна мера (modius), которая у них в употреблении, продавалась за четырнадцать денег, а обычно ее можно купить в Московии за четыре, пять или шесть денег»[51]. С. Герберштейн вспоминал и 1525 год, когда в стране наблюдался необычайная жара, благодаря которой были выжжены почти все посевы. Наступившая засуха привела к такой дороговизне хлеба, «что то, что раньше покупалось за три деньги, потом покупалось за двадцать-тридцать»[52].

Цены на хлеб в различных регионах России зависели от многих условий, сложившихся в них к данному моменту. В частности, из-за особенностей климата и качества почв цены на зерно в северных регионах были выше, чем в южных. Особенно значительными колебания хлебных цен были в неурожайные годы. Одна и та же мера хлеба в разных концах Руси в неурожайные годы могла стоить по-разному. Так, в голодный 1601 г. в Сольвычегодске цена на хлеб выросла с 2,5-3,75 коп. до рубля за четверть ржи, поднявшись в 30-40 раз. По сравнению с центральными районами России она была в 6 раз выше[53].

Но не всегда повышение цен на хлеб было напрямую связано с неурожаями. Как отмечал Дж. Флетчер, описывавший дороговизну хлеба в 1588 г., она в меньшей степени зависела от неурожая и в большей степени – от дворянства, слишком завышавшим цены на хлеб[54]. По свидетельству Конрада Буссова московские барышники во время голода 1601-1603 гг. незаметно по низкой цене через бедняков скупали хлеб у царя, князей, бояр и монастырей и перепродавали намного дороже[55].В купеческих закромах, хозяйствах светских феодалов, в монастырских житницах в это время имелись запасы зерна. Скупщики спекулировали хлебом, старались затруднить свободный его доступ на столичные рынки. Придерживали в своих закромах хлеб и бояре, и монастыри[56].

В XVI в. оптовые торговцы, крупные перекупщики и посредники, в роли которых выступали монастыри, светские феодалы и купцы, нередко скупали для перепродажи хлеб у крестьян в дешевую пору. Вплоть до XVII в. государство не регулировало цены на хлебном рынке. Только в 1601 г. Борис Годунов попытался установить твердые цены на хлеб. Чтобы прекратить спекуляцию хлеба он запретил продавать в одни руки более 2-4 четвертей, издал указы о жестких наказаниях купцов, не придерживавшихся твердых цен

[49] Там же. С. 9-10.
[50] Книги Шелонской пятины // Новгородские писцовые книги, изданные императорской Археографической комиссией (далее – НПК). Т.V. СПб., 1905. Стб. 387.
[51] Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. С. 155.
[52] Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. С.130.
[53] Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М., 1997. С. 20.
[54] Флетчер Дж. О государстве русском / Пер. М.А. Оболенского. М., 2002. С. 23.
[55] Конрад Буссов. Московская хроника. 1584-1613. М-Л., 1961.С. 99.
[56] Владимир Перхавко. Голодомор // Родина. 2005. № 11. С. 11-14.

(при первом нарушении – бить кнутом нещадно, при втором – метать в тюрьму на время, при третьем – арестовывать и штрафовать на крупную сумму). Таким купцам было запрещено скупать хлеб у крестьян, имевшиеся у них излишки хлеба отбирались для розничной продажи[57]. По мнению Р.Г. Скрынникова, купцы лишились благодаря Годунову огромных прибылей, поскольку хлебные цены в эти голодные годы выросли в десять и более раз[58]. Лишь после Смуты и сильнейших неурожаев, приведших к голоду, охватившему всю территорию России, государством была признана необходимость введения твердых расценок на хлеб[59].

Таким образом, рост цен на хлеб и их резкие колебания в XVI в. были вызваны природными катаклизмами и отсутствием регулирования хлебных цен в масштабе государства. В конце столетия ситуация на хлебном рынке была усугублена политическим и экономическим состоянием страны. И это вполне закономерно, ведь, как известно, во все времена политическая нестабильность, войны, хозяйственные кризисы отрицательно отражались на уровне цен главных источников питания. Рост цен на хлеб в России в XVI в. не был стремительным и неуклонным вверх. На протяжении XVI в. отмечались целые десятилетия, когда они оставались без изменений. В то же время на протяжении столетия отмечаются значительные колебания хлебных цен, их откат назад, рывки вперед, что свидетельствует в целом о большой их конъюнктуре в зависимости от урожаев и неурожаев в определенных регионах страны.

THE VALUE OF BREAD AND BREAD PRICES IN THE RUSSIAN STATE OF THE XVI CENTURY

L.G. STEPANOVA[1]

Academy of Marketing and Social -Information Technologies –IMSIT, Krasnodar

e-mail: liliya_stepanova@list.ru

The article analyzes the dynamics of grain prices in the XVI century, the reasons for their rising, dependence on regional characteristics and correlation of grain prices with the prices for other foods. The data on grain prices taken from Russian chronicles, scribe books and information of foreigners as well are given in this article. According to the annals the rise in prices for bread was mostly fixed in the lean years. However, they do not always contain specific data but often mark only high prices of bread. Chronicles data show the importance of bread for the whole Russian land and some of its areas. Information from scribe books suggest that rise in price of bread in the XVI century was contrary to the overall dynamics of the prices of other foods.

When forming bread prices, regional differences which led to a local rise in prices for bread were of great importance. But rise in bread prices was not always directly related to crop failures. The connection between the rise in bread prices not only with crop failure and bad natural phenomena, but also with the lack of government regulation is proved in this article. The conclusion about the significant fluctuations in grain prices, depending on market demand in different regions of the country is made.

Key words: grain prices, food, harvest, lean years, government regulation.

[57] Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI-первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 61.

[58] Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVIII в. Л., 1985. С. 39, 42-43.

[59] Владимир Перхавко. Был ли хлеб всегда в достатке на Руси? // История. 2004. №20. Режим доступа: http://his.1september.ru/2004/20/12.htm

УДК 930

СОЗДАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БЕЛГОРОДСКОГО РАЗРЯДА КАК ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЕДИНИЦЫ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

В.Н. ФУРСОВ[1]
О.В. ДУДИНА[2]

[1] ***Воронежский государственный педагогический университет***

[2] ***Воронежский государственный университет***

[1] ***e-mail: vspihist@rambler.ru***
[2] ***e-mail: polhist@hist.vsu.ru***

В 1658 г. на юго-западе России возник Белгородский полк и соответствующий ему военный округ – Белгородский разряд. В статье рассматривается история формирования Белгородского разряда, его территория, компетенция белгородских воевод. Автор приходит к выводу о том, что создание Белгородского полка и Белгородского разряда как административно-территориальной единицы на юге России способствовало укреплению военного потенциала Российского государства, решению стоящих перед страной внешнеполитических проблем.

Ключевые слова: юг России, XVII в., Белгородский полк, Белгородский разряд, воеводы.

Изучение эволюции центрального и местного управления в России на всем протяжении ее истории, в том числе изменений административно-территориального деления страны в разные эпохи является важной задачей исторической науки. На современном этапе развития Российской Федерации происходит совершенствование структуры и функционирования управления и самоуправления, в связи с чем исторический опыт и традиции особенно востребованы.

Прообразом созданных Петром I губерний в предшествующий период выступали разряды – территориально-административные единицы, объединявшие несколько городов и уездов. Один из них – Белгородский разряд был создан на юго-западе России в 1658 г. для решения важнейших внешнеполитических задач.

История Белгородского разряда рассматривалась в трудах А.А. Новосельского, В.П. Загоровского. Ученые проследили процесс складывания административно-территориальной единицы, структуру Белгородского полка. В то же время вопросы административного устройства разряда, компетенции должностных лиц, социальной структуры заслуживают дальнейшего изучения.

Цель данной статьи охарактеризовать предпосылки складывания Белгородского разряда, изменение территории Белгородского разряда на протяжении второй половины XVII в., функции основных должностных лиц, практику управления разрядом.

В работе использовались опубликованные и архивные документы из фондов Разрядного приказа и Воронежской приказной избы. Один из важнейших видов делопроизводственных материалов для заявленной темы – наказы воеводам Белгородского полка, представляющие собой правительственные инструкции воеводам, составленные по определенному формуляру. Тексты наказов не только повторяют друг друга, но и содержат новые положения, внесенные с учетом политической ситуации. При написании работы привлечены наказы 1656, 1659 и 1664 гг., а также другие разновидности служебной переписки – грамоты, отписки, памяти, составленные в центральных учреждениях и на местах.

Возникновение Белгородского разряда осуществлялось в контексте решения важнейших внешнеполитических задач Российского государства и обуславливалось складывавшейся обстановкой на южных и юго-западных рубежах страны. Заселение и освоение южных окраин России в XVII в. происходило в условиях непрекращающейся внешней опасности. Набеги крымских и ногайских татар на российские земли наносили огромный ущерб. Защита от татарских набегов российских городов и уездов являлась важнейшей общенациональной задачей.

С 1648 г. на украинских землях, входивших в состав Речи Посполитой, началась Освободительная война. Основной движущей силой стало казачество во главе с гетманом Богданом Хмельницким. Российское правительство оказывало поддержку восставшим. Принятие Земским собором в 1653 г. гетманства под власть российского царя и принесение казаками присяги в Переяславле 8 января 1654 г. вызвало русско-польскую войну.

Для укрепления обороны от вражеских нападений с 1635 г. на юге России сооружалась непрерывная оборонительная линия, впоследствии названная Белгородской чертой. В 1646 г. полки русской армии были впервые выдвинуты в район строящейся Белгородской черты. В Большой полк в Белгород был назначен боярин Н.И. Одоевский. В случае татарского нашествия городские воеводы с ратными людьми – из Орла, Тулы, Новосили, Мценска, Ливен, Ельца, Оскола, Яблонова, Валуек, Корочи, Вольного, Хотмышска, Чугуева, Усерда – перемещались в Белгород и поступали под командование боярина Н.И. Одоевского. Такой же порядок сохранялся и в последующие годы, при этом воевода Большого полка мог находиться в Белгороде или Яблонове[1]. Назначенные во главе южной армии бояре, окольничьи или стольники обладали не только военной, но и гражданской, административной и судебной властью в отношении населения и должностных лиц южных городов и уездов.

В 1653 г. назначенный в Яблонов воевода боярин В.Б. Шереметев произвел важные военные преобразования на юге России. В результате разбора дворянской конницы были отобраны «лучшие» 4650 дворян и детей боярских[2]. В том же году из числа родственников служилых людей городов Белгородской черты были сформированы новые пехотные солдатские полки, которыми командовали приглашаемые иностранцы. Солдаты вооружались огнестрельным оружием – мушкетами и холодным оружием – шпагами. Осенью 1653 г. проходило обучение новых солдат, и уже в октябре солдаты были готовы к бою[3].

В конце 1654 г. служилые люди под командованием В.Б. Шереметева с Белгородской черты были направлены на Украину. В.Б. Шереметев со сформированными на Белгородской черте полками присоединился к Б. Хмельницкому. В январе 1655 г. они разбили польско-крымское войско под Ахматовым[4]. В сентябре 1655 г. российские и украинские полки одержали победу над польскими войсками под Львовом, среди русских воевод, руководивших боевыми действиями, находился кн. Г.Г. Ромодановский.

В 1656 г. правительство царя Алексея Михайловича, не закончив войны с Речью Посполитой, вступило в войну со Швецией. Неудачная осада российской армией шведской Риги привела к приостановке русско-шведской войны в 1658 г. В том же году возобновились военные действия русско-польской войны. В 1657 г. умер Богдан Хмельницкий. Новый украинский гетман И. Выговский изменил России и в сентябре 1658 г. заключил Гадячский договор о переходе гетманства в подданство польского короля.

В этой сложнейшей внешнеполитической обстановке русское правительство осуществляло энергичные меры по укреплению армии. На роль ведущего российского военачальника на юго-западном направлении постепенно выдвигался кн. Г.Г. Ромодановский. 29 апреля 1656 г. ему был пожалован чин окольничего, затем он получил назначение воеводой в Белгород.

По городам «в черте» (Белев, Болхов, Мценск, Новосиль, Лебедянь, Чернь, Обоянь, Курск, Елец, Старый Оскол, Ефремов, Орел, Ливны, Епифань, Чернавск, Талецкий) рассылались грамоты о высылке дворян и детей боярских в Белгород к 20 мая 1656 г. В Белгород созывались также служилые черкасы (усердские, болховские, острогожские, урывские, курские, ливенские, талецкие), донские и яицкие казаки, 450 тульских драгунов под командованием полковника Р.Корсака и 1000 севских драгунов во главе с полковником В. Эглиным. На жалование ратным людям из Москвы в Белгород направлялось 15000 руб.[5]

По «вестям» о татарах с кн. Г.Г. Ромодановским следовало сходиться воеводам из городов Белгородской черты: Карпова, Верхососенска, Ахтырки, Яблонова, Корочи, Хотмышска, Чугуева, Вольного, Олешни, Коротояка, Нового Оскола, Усерда, Ольшанска,

[1] Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 371-372.

[2] Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2. С. 337.

[3] Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 145-147.

[4] Малов А.В. Русско-польская война 1654-1667 гг. М., 2006. С. 18.

[5] Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 394. Л. 8-15.

Острогожска. В случае крупного нападения неприятеля в Белгород предстояло прибыть воеводам Воронежа с воронежскими, костенскими и орловскими служилыми людьми, Козлова, Доброго, Сокольска[6]. В наказе от 15 мая 1656 г. Г.Г. Ромодановскому предписывалось сообщить о своем приезде городовым воеводам, чтобы они были готовы по его отписке идти к нему «в сход», оставив в крепостях «осадных людей»[7]. Таким образом, формировался механизм функционирования будущего Белгородского полка, складывалась система подчинения белгородскому воеводе воевод городов по Белгородской черте и городов, защищенных чертой.

Белгородский воевода выступал как прямой начальник для других южнорусских воевод. Кн. Г.Г. Ромодановский направлял прямые предписания городовым воеводам. В 1656-1657 гг. Г.Г. Ромодановский требовал от воронежских воевод В.Я. Непейцына и И.Я. Кушелева выдачи жалования воронежским служилым людям, наделения землей в Воронежском уезде солдат Белгородского полка, сбора с воронежцев лошадей и полковых запасов (лен, гречневая крупа, сухари), присылки детей боярских “на вести”, сыска беглых солдат, высылки в Белгород из Воронежа кузнецов[8].

В 1657 г. один из руководителей Разрядного приказа думный дьяк С.И. Заборовский совершил поездку по Белгородской черте, в ходе которой служилых людей и их родственников записывали в рейтарскую, драгунскую и солдатскую службы. В марте 1658 г. С. И. Заборовский вновь отправился на черту. Осмотрев предварительно западные города Белгородской черты, 10 апреля 1658 г. С. Заборовский прибыл в Белгород. На 20 мая 1658 г. в Белгороде назначался сбор всех служилых людей, записанных в разборные списки.

Военно-административная реформа на юге России 1658 г. предполагала создание и постоянное существование крупного военного соединения – Белгородского полка. В подчинении белгородского воеводы оказывались подвижная армия, составленная в основном из полков нового строя – рейтарских, драгунских, солдатских, а также служилые люди городовой службы, составлявшие гарнизоны городов и охранявшие черту. Административная власть белгородского воеводы распространялась на «города Белгородского полка», то есть на ту территорию, где в 1657-1658 гг. перед формированием Белгородского полка проходил набор в рейтары, драгуны и солдаты.

Формирование Белгородского полка в 1658 г. повлекло за собой образование крупного военно-административного округа – Белгородского разряда. Попытки организации такого округа на юге России с центром в Белгороде или в Яблонове предпринимались с 1646 г. Как отметил В.П. Загоровский, до образования Белгородского полка объединение военной и гражданской власти на юге России в одном центре имело обычно временный характер, да и территория, на которую распространялась власть старшего воеводы, определялась не очень чётко. После 1658 г. власть белгородского воеводы, имевшего обычно чин боярина или окольничего, уже не оспаривается воеводами других городов, что нередко бывало раньше. В Белгороде создаётся окружная канцелярия – Белгородская разрядная приказная изба[9].

В связи с осложнением военной обстановки Белгородский полк, которым командовал окольничий кн. Г.Г. Ромодановский, осенью 1658 г. воевал на Украине[10]. Военно-административный центр разряда – Белгород находился в ближайшем тылу российской армии. О правительственных инструкциях свидетельствует наказ белгородскому воеводе кн. А.Ю. Звенигородскому, составленный в Разрядном приказе в мае 1659 г.

Кн. А.Ю. Звенигородский был послан в Белгород «для бережения от приходу воинских людей»[11], т.е. для охраны южной границы на время военного похода воеводы кн. Г.Г. Ромодановского. Важным изменением в структуре Белгородского полка явилось включение в него черкасских полков, сформированных из украинских переселенцев.

---

[6] Там же. Л. 32-35а.

[7] Там же. Л. 49-50.

[8] Государственный архив Воронежской области (Далее ГАВО). Ф. И—182. Оп. 3. Д. 16.

[9] Загоровский В.П. Белгородская черта. С. 152-153, 157.

[10] Бабулин И.Б. Поход Белгородского полка на Украину осенью 1658 г. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2009. С. 254-289.

[11] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стлб. Белгородск. ст. Д. 581. Л. 1.

К выезжим черкассам воеводе было приказано относиться бережно и ласково, «чтоб им от каких людей продаж и налог и убытков не было… чтоб черкасс жесточью в сумненье не привесть»[12].

Административная власть белгородского воеводы распространялась на все «города Белгородского полка». В наказе А.Ю. Звенигородскому перечислены города, подведомственные белгородскому воеводе, т.е. входящие в Белгородский разряд. Они делились на три группы. Города «по черте»: Болховой, Карпов, Хотмышск, Вольный, Алешня, Ахтырка, Короча, Яблонов, Новый Оскол, Верхососенск, Острогожск (Рыбный), Коротояк, Урыв, Костенск, Воронеж – 15 городов. Города «за чертой»: Чугуев, Валуйки, Змеев, Харьков, Городной, Колонтаев, Сумы, Валки – 8 городов. Города «в черте»: Белев, Болхов, Мценск, Орел, Кромы, Чернь, Новосииль, Курск, Обоянь, Елец, Ливны, Ефремов, Чернавск, Старый Оскол, Талецк – 15 городов[13], всего 38 городов с уездами. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что восточная часть Белгородской черты – Орлов, Усмань, Белоколодск, Добрый, Сокольск, Козлов с пригородами в 1659 г. не включена в наказ А.Ю. Звенигородскому. Служилые люди восточной части Белгородской черты во главе с козловским воеводой подчинялись воеводе Белгородского полку в случае серьезной военной опасности.

Впоследствии восточная часть Белгородской черты от Усмани до Козлова с пригородами включалась в состав «городов Белгородского полка». Другая часть городов вошла во вновь образованный Севский разряд, состоявший из двух частей: украинные – Белев, Болхов, Карачев, Орел, Кромы; северские – Брянск, Севск, Рыльск, Путивль, Каменное, Недрыгайлов.

К 1678 г. число городов Белгородского полка увеличилось до 61[14]. Города «по черте» в 1678 г. включали: Болховой, Карпов, Хотмышск, Вольный, Алешня, Ахтырка, Белгород, Короча, Яблонов, Новой Оскол, Верхососенской, Усерд, Олшанской, Острогожской, Коротояк, Урыв, Воронеж, Костенской, Белоколодск, Орлов, Сокольский, Усмань, Добрый, Козлов, Бельский, Чернавский – 26 городов. Города «в черте»: Мценск, Елец, Ливны, Курск, Новосиль, Епифань, Чернь, Данков, Лебедянь, Талецкий, Чернавский, Ефремов, Оскол, Землянск, Обоянь, Суджа, Сумы – 17 городов. Города «за чертой»: Волуйка, Мояцкой, Чугуев, Змеев, Салтов, Нежегольской, Харьков, Валки, Краснокуцкой, Мурафа, Богодухов, Боровля, Колонтаев, Городной, Лебедин, Булыклея, Краснополье, Мирополье – 18 городов[15].

К концу XVII в. территория Белгородского разряда вновь уменьшилась. В 1697 г. в Белгородский разряд входило 47 городов. Были исключены города восточной части разряда Белоколодск, Добрый, Сокольск, Козлов с пригородами. В 1697 г. к городам Белгородского полка относились следующие города «по черте»: Воронеж, Короча, Олешня, Костенск, Орлов, Демшинск, Урыв, Яблонов, Болховой, Хотмышск, Новый Оскол, Ольшанск, Острогожск, Коротояк, Верхососенск, Усмань, Вольный, Белгород – 18 городов. Города «в черте»: Лебедянь, Епифань, Чернавск, Обоянь, Талецкий, Курск, Елец, Землянск, Мценск, Ефремов, Донков, Новосиль, Старый Оскол, Чернь, Ливны – 15 городов. «За чертой»: Салтов, Харьков, Змиев, село Пена, Золочев, Мояцкой, Соленой, Царев Борисов, Чугуев, Мирополье, Полатов, Валуйка, Краснополье, Суджа – 14 городов[16].

После формирования Белгородского разряда между московскими приказами и городовыми воеводами возникла промежуточная инстанция – воевода Белгородского полка. Ряд вопросов, которые ранее решались непосредственно в Москве, передавались в ведение воеводы Белгородского разряда. Он имел в своем подчинении учреждение местного управления – разрядную приказную избу и соответствующий аппарат.

Новая административно-территориальная единица создавалась для противодействия внешней угрозе. Закономерно, что основными задачами для воевод Белгородского

[12] Там же. Л. 32.

[13] Там же. Л. 4.

[14] О.В. Новохатко привела данные за 1676/1677 г., где содержится 64 населенных пункта, относящихся к «городам Белгородского полка». См.: Новохатко О.В. Разряд в 185 году. М., 2007. С. 75-76.

[15] Опись городов, ведомых в Разряде. 1678 г. // Дополнения к актам историческим. СПб., 1875. Т. 9. С. 219-220.

[16] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 905.

полка являлись военные. Первоочередная из них – укрепление Белгородского полка. Проблемы Белгородского полка касались личного состава, оружия, боеприпасов. Кн. Г.Г. Ромодановский по данным вопросам подготовил докладную записку в Приказ Тайных дел, откуда ее предали на рассмотрение царя Алексея Михайловича. Царь сделал распоряжения по всем заданным окольничим вопросам. 28 апреля 1660 г. выписка из Приказа Тайных дел поступила в Разрядный приказ, где была составлена копия и отправлена кн. Г.Г. Ромодановскому в Белгород[17].

В ходе военных действий на Украине Белгородский полк понес большие людские потери. Остро стояла задача пополнения личного состава полка, определения статуса входящих в него чинов. Формирование Белгородского полка сталкивалось с трудностями, вызванными недостаточностью пригодных к службе людей[18]. Согласно царским распоряжениям рейтарские и солдатские полки были дополнены вновь обученными людьми, усилено их вооружение и боеприпасы[19].

Важнейшая задача, стоявшая перед белгородским воеводой – защита от нападений крымских татар. Один из многочисленных примеров этой деятельности относится к маю 1660 г., когда воевода Белгородского полка кн. Г.Г. Ромодановский направил против татар, появившихся в Валковском уезде, 4074 человека под командованием стряпчего Г. Косагова, в том числе 250 дворян и детей боярских, а также казаков, солдат и черкас. Неприятельское нападение было отражено.

Воеводы Белгородского разряда обязывались по службе предостерегать воевод подведомственных городов от притеснений и насилий по отношению к населению. В мае 1664 г. воеводой Белгородского полка вместо окольничего кн. Г.Г. Ромодановского был назначен стольник кн. П.И. Хованский. В его наказе отмечалось, что в случае подачи в Белгороде коллективных челобитных населения на злоупотребления местных администраторов П.И. Хованский назначал сыск и по его результатам выносил решение. Царский указ о запрещении воеводам притеснять население объявлялся в Белгороде и во всех городах, для чего на места рассылались специально посланные люди.

На практике воеводы Белгородского полка стали играть активную роль в разрешении конфликтов населения и городовых воевод. В Белгород поступали коллективные челобитные с обличениями злоупотреблений местных администраторов. Белгородские воеводы назначали сыщиков, которые в городах осуществляли розыск о воеводских притеснениях[20]. Тем не менее, окончательное решение по спорным делам между воеводами и населением, как правило, выносилось в Москве.

В наказе П.И. Хованскому подробно расписывались мероприятия по борьбе с пожарами, охране заповедных лесов, борьбе с кормчеством, предупреждению эпидемий. П.И. Хованскому давались указания по организации в Белгородском разряде сбора таможенных пошлин, доходов с кружечных дворов и иных денежных поступлений в казну. Правительство устанавливало жесткие меры против злоупотреблений сборщиков податей – десятикратный штраф и иные наказания. Из собранных средств выплачивалось жалование служилым людям[21].

После создания Белгородского разряда в 1658 г. его руководители – бояре, окольничьи или стольники наделялись правом суда по гражданским и уголовным делам на территории административно-территориальной единицы. 16 марта 1660 г. воевода Белгородского полка кн. Г.Г. Ромодановский получил предписание о том, что в его ведении в Белгороде находится судебные дела южнорусских служилых людей. Необходимость решать судебные дела в разрядном центре привела к возникновению особого учреждения – Белгородской судной избы, где ведущую роль играли судьи, назначаемые из числа служилых людей Белгородского разряда[22].

---

[17] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. Ст. Д. 414. Л. 143.

[18] Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII в. М., 2010. С. 189-191.

[19] Дудина О.В. Мероприятия по укреплению Белгородского полка в период русско-польской войны 1654-1667 гг. // Вестник ВГУ. Серия история, политология, социология. 2012. № 1. С. 93-95.

[20] Глазьев В.Н. Особенности социальной структуры населения и административного устройства южной окраины России XVI-XVII вв. // Вестник ВГУ. Серия история, политология, социология. 2013. № 1. С. 28.

[21] РГАДА. Ф. 2010. Стб. Белгородск. ст., Д. 581. Л. 46, 292, 48, 50-52, 73-74, 106-107, 76, 108, 128, 129, 62-64.

[22] Дудина О.В. Судьи в Белгородском разряде во второй половине XVII в. // Вестник ВГУ. Серия история, политология, социология. 2010. № 2. С. 85-87.

Создание судебного учреждения в центре Белгородского разряда свидетельствует о некоторой децентрализации управления и суда в России второй половины XVII в. Правительство царя Алексея Михайловича в определенной степени учитывало потребности служилого населения юга России, приблизив к ним суд и удешевив судебные издержки.

Создание Белгородского полка и Белгородского разряда как административно-территориальной единицы на юге России способствовало укреплению военного потенциала государства, решению стоящих перед страной внешнеполитических проблем. Белгородский разряд стоял в ряду других возникших в XVII в. военно-административных округов – Тобольского разряда, Новгородского разряда и др. Между московскими приказами и городами возникло промежуточное управленческое звено, ставшее прообразом будущих петровских губерний.

CREATING AND FUNCTIONING OF BELGOROD ZONE AS A MILITARY AND TERRITORIAL UNIT OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 17TH CENTURY

V.N. FURSOV[1]
O.V. DUDINA[2]

[1] Voronezh State Pedagogical Universiti
[2] Voronezh State Universiti

[1] e-mail: vspihist@rambler.ru
[2] e-mail: polhist@hist.vsu.ru

In 1658 in the South-West of Russia Belgorod regiment and the relevant military zone – Belgorod zone – appeared. The article concerns the history of Belgorod zone formation, its territory, Belgorod military governors' competence. The author comes to the conclusion that creating Belgorod regiment and Belgorod zone formation as an administrative unit worked towards strengthening Russian state military potential and solving the problems in foreign policy that the country faced.

Key words: South of Russia, the 17th century, Belgorod regiment, Belgorod zone, military governors.

УДК 94[47]. 081

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДВОРОВЫХ С ПРОВИНЦИАЛЬНЫМИ ПОМЕЩИКАМИ В XIX В.

И.Г. ОНОПРИЕНКО

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: onoprienko@bsu.edu.eu

В статье рассматриваются взаимоотношения между помещиками и дворовыми в черноземной деревне на протяжении XIX в. Проводится анализ межсословных отношений в провинциальных уездах в сложный период развития российского общества, вызванных реформированием страны. В исследовании анализируются различные воспоминания, как представителей высшего сословия Российской империи, так и крестьянства.

Даны основные характеристики положения дворни и их места в помещичьей усадьбе. В большей степени рассматривается отношение помещиков к своим няням-кормилицам, а также и к другим представителям помещичьих крестьян, в обязанности которых входило обслуживание провинциальной дворянской усадьбы.

Ключевые слова: дворовые, няня-кормилица, помещики, дворянская усадьба, повседневность, воспоминания, мемуары.

Традиционно в отечественной историографии, под понятием «культура» понимается одна из важнейших областей общественной жизни. В современном обществоведении существуют подчас разноречивых ее толкований. Но как бы мы ни определили понятие «культура» оно всегда включает в себя образование – умственное и нравственное. Трудно найти такую сферу общественной жизни, которая не имела бы культурно-исторического аспекта[1]. Анализ источников свидетельствует о том, что бытовую культуру дворянства невозможно представить без сферы социального общения. С усадьбой всегда соседствовала крепостная деревня, связанная с ней нерасторжимыми экономическими узами, вполне реальными и весьма разнообразными личностными отношениями членов семьи помещика с крестьянами.

В последнее время активно появляются публикации, авторы которых рассматривают различные аспекты взаимоотношений крестьян с представителями дворянского сословия, что раскрывало как высокие моральные качества обитателей господского дома – сострадательность, благотворительность, стремление к просветительству, так и самые низкие[2].

Как известно, представители крестьянского сословия Российской империи составляли три основные категории: помещичьи, государственные и удельные. В свою очередь помещичьи крестьяне подразделялись на тех кто, непосредственно занимался работами на земле, принадлежавших поместному дворянству, и дворовых, в обязанности которых входило обслуживание барского дома и двора. В отличие от крестьян, дворовые вели совершенно иной образ жизни, имели более тесную эмоциональную связь с помещиком, потому что наиболее близко находились к господам. По этим причинам у дворо-

[1] Зезина М.Р., Кошман Л.В., Шульгин В.С. История русской культуры. М., 1990. С. 3.

[2] См.: Шаповалов В.А., Шаповалова С.П. «Черт дери эту бумагу! Два года – как бы не так, стану я повиноваться!»: Манифест 19 февраля 1861 г. в восприятии поместного дворянства и бывшего крепостного крестьянства (социально-психологический аспект) // Научные ведомости Белгородского государственного университете. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 15 (158). Выпуск 27. С. 100-107.; Шаповалов В.А. «На Руси дворянин, кто за многих один»: позитивное отношение к помещику в русском народном фольклоре (на примере пословиц и поговорок) // Научные ведомости Белгородского государственного университете. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 22 (165). Выпуск 28. С. 87-91.; Шеенко И.А. Традиции и новации в крестьянских представлениях о помещичьих добродетелях в 60-60-е гг XIX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университете. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2013 № 8 (151). Выпуск 26. С. 100-107.; Шеенко И.А. Дворовые: воззрения на характер помещичьей власти в Европейской России в дореформенный период // Научные ведомости Белгородского государственного университете. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 1 (172). Выпуск 29. С. 94-101.

вых сложились свое мировоззрение, представления о помещичьей власти, сформировался социально-психологический образ помещика[3].

В мемуарных источниках, особенно в воспоминаниях о детских годах владельца усадьбы, тепло отзываются о кормилицах-нянях и других дворовых – кучерах, поварих и т.д., которые любили детей, заботились о них, от них дворянские дети приобретали житейские навыки[4].

Типичной чертой дворянского быта являлась – няня, прожившая в семье, в среднем, около лет шестьдесяти и вырастившая несколько поколений хозяев. Так в воспоминаниях Б. Глинского, тамбовского дворянина «...няня прелестнейшая старушка. На ее глазах прошла жизнь всех прежних обитателей. И выросли нынешние представители Сергеевки; по части родословной и семейного архива она была ходячим справочным пособием... В ее комнате обыкновенно собирались на советы вся семья, ей доверялись все секреты, как бы родной...»[5].

В своих воспоминаниях многие представители дворянского сословия с теплотой и любовью рассказывали о своей няне. Например, курский помещик Анатоли Марков отмечал: «Марья Григорьевна, в руки которой я попал, будучи отнятым от материнской груди, жила у нас в семье несколько десятков лет и до меня вынянчила мою матушку. Она была из крепостных крестьян моего деда, чем очень гордилась и ставила на вид всей остальной прислуге, что она не «чужая», «своя спокон веков». У нас в семье она была окружена всеобщим уважением. Никому в голову не приходило ее называть «няней», уже не говоря «нянькой», а только ласково-почтительно «нянюшкой»[6]. Очень лестно отзывалась о своей няне Е.В. Новосильцева, которая писала: «Рассказы няни сделались, наконец, для меня одной из самых приятных сторон нашей деревенской жизни... Целые десятки лет протекли с тех пор над моей головой, а мне кажется, в иные минуты, что старушка сидит еще, как живая, передо мною...»[7]. Одна из дворянок вспоминала, как она очень любила свою няню и попросила своего деда дать ей вольную, помещик исполнил желание внучки. Но, дворовая женщина не воспользовалась данной возможностью и осталась в барском доме[8].

Что касается дворовой прислуги, так она любила говорить с детьми, не стесняясь и сообщая им всю подноготную. Объясняется это, вероятно, тем, что в крестьянских семьях все происходит явно, и от детей ничего не скрывали, да и скрыть нельзя при тесноте жилья. Могла быть и еще причина той общительности крепостных слуг с дворянскими детьми: слуги, особенно старые, всегда почти пользовались сочувствием детей, которые росли на их руках. Практически все исследователи, занимавшиеся вопросами участия прислуги в воспитании дворянских детей, отмечали, что «нет существа более ласкового, нежного и любящего, как русская крестьянка, особенно старая». То же можно сказать и о крестьянах стариках, старых дядьках из отставных солдат и т.п. Таким образом и выходило, что не находя возможности высказать свои горести и обиды самим господам, которые именно и были источниками этих обид, – крепостные слуги находили единственное облегчение, делясь печалями своими с «маленькими дворянами».

«К своей прислуге она относилась очень душевно, входила в их семейные дела, советовала, помогала, защищала обиженных. От нас требовала, чтоб мы всегда были учтивы и предупредительны с служащими нам и не обременяли их ненужными требованиями. Мы были воспитаны в большой простоте, сами одевались и причесывались и не тревожили наших горничных; хотя они были крепостными, но от нас требовалось ласковое и учтивое с ними обхождение. Я еще помню, как была наказана за какое-то грубое слово, сказанное горничной»[9], такие воспоминания встречаются в мемуарах дворянства.

Но, в тоже время можно встретить информацию и о злоупотреблениях помещичьей властью, что были следствием самой сущности крепостного права, неопределенно-

---

[3] Шеенко И.А. Дворовые: воззрения на характер помещичьей власти в Европейской России в дореформенный период... С. 94.

[4] Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв.: Исторические очерки / Л.В. Иванова, Я.В. Водарский, Э.Г. Истомина и др. М., 2001. С. 492.

[5] Глинский Б. Из летописи усадьбы Сергеевки // Исторический вестник. 1894. Т. 58. № 10. С.69–70.

[6] Марков А. Родные гнезда. Сан Франциско, 1962. С.67.

[7] Толычова Т. Семейные записки. М., 2015. С. 99.

[8] Жить прожить не полей перейти (записки неизвестной) // Русский вестник. 1881. Т. 155. С. 121.

[9] С.Б. Из недавнего прошлого // Русская старина. 1910. №7. С. 247,258.

сти и неточности регулировавших его законов. Сказывалось и господствующее насилие, и произвол, низкий уровень образования дворянства, и как следствие невысокая степень нравственного развития. Несомненно, то, что злоупотребления помещиков были значительны и составляли обыденное явление. Например, по всей Курской губернии ходила молва о помещице О.К. Брискорн, которая жестоко обращалась с крепостными, в результате чего их погибли сотни от непосильного труда. В воспоминаниях самих крестьян упоминалось «…принимаемся за работу вместе с рассветом… летом до самых потемок, а весной и зимой часов до десяти почти без всякого отдыха»[10].

Довольно часто в различных воспоминаниях даются разнообразные характеристики помещикам. Так, например, об одном из помещиков Тамбовской губернии говорили «нелюдим… сверх всего этого, скуп до невозможности. Крестьяне у Королинского никогда не сидели на одном месте: стоило только им устроиться на каком-нибудь отведенном им участке, и отводились им нарочно, одни болота и пустыри; стоило им ценою непосильных трудов создать из этих болот и пустырей что-нибудь похожее на сколько-нибудь сносную почву для произрастания каких-либо растений, как их немедленно переводили на новые болота и пустыри, где приходилось начинать все сызнова. Особенно тяжела была, по словам крестьян, работа на барщине. Тогда являлся управляющий с кнутом в руках, а следом за ним, верхом на лошади и тоже с кнутом в руках, сам Королинский»[11].

Анализ источников свидетельствует, что было и совсем иное отношение к крепостным, так в одной из усадеб Тамбовской губернии «…эксплуатации крепостных людей не было, бывали случаи, хотя очень редкие, телесного наказания, к середине пятидесятых годов совсем, однако прекратившиеся. Крестьяне были по своему состоятельны, дворня жила совершенно обособленно от села…»[12].

Реформирование российского общества в середине XIX в. не могло не отразиться на социально-политической атмосфере в столицах, что в свою очередь, не могло не сказаться и на отношении владельцев усадеб к своим дворовым. В связи с этим в провинциальных усадьбах были помещики, которые с уважением и пониманием относились к своим крепостным. Об этом свидетельствует ряд воспоминаний представителей дворянского сословия. Так, Е.М. Новоселова отмечала, что «… Балует он народ, говорили окрестные помещики… после окончания полевых работ устраивался у нас обед на белом дворе. Расставлялись столы на досках; щи, пироги, каши, селедки и прочие деревенские кушанья обильно расставлялись на них, домашнее пиво, иной раз и мед. Все его любили и шли к нему без малейшего страха перед барином, кто за советом, кто с жалобой»[13]. Аналогичная информация присутствует в других воспоминаниях: «… он защищал крестьян, которых помещики напоследок старались ободрать»[14]; «Они, Волконские, всегда были добры и даже гуманны со своими крепостными крестьянами. По их распоряжению крестьяне обязаны были на барщине работать не более трех дней в неделю; воскресные и праздничные работы безусловно воспрещались…»[15].

В целом, необходимо отметить что с одной стороны, помещики очень уделяли своим дворовым крестьянам, с другой, в воспоминаниях встречается так же и информация, касающаяся отношения крестьян к своим помещикам: «…человек двадцать окружили нашу карету, все были так рады. Отец мой, не выходя из кареты, ласково поздоровался со всеми и сказал, что вот он приехал к ним, и привез хозяйку и детей… Радость была не притворная, выражалась на всех лицах и слышна была в голосах»[16].

Владельцам усадеб, в силу объективных причин, приходилось уделять внимание обучению своих крепостных различным ремеслам, которые могли пригодиться и для благоустройства усадебного дома и в хозяйстве. Усложнение форм хозяйствования, уве-

[10] Государственный архив Курской области. Ф.1600. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

[11] Мышецкий В.С. Воспоминания // Исторический вестник. 1896. № 11. С.879.

[12] Давыдов Н. Из помещичьей жизни прошлого столетия // Голос минувшего. 1916. № 2. С. 193-194.

[13] Новоселова Е.М. Воспоминания 50-х годов // Русская старина. 1911. Т.148. № 10. С. 105-106.

[14] Ржевская Н.П. Личные воспоминания и всё услышанное. Тула, 2010. С. 75.

[15] Кабештов И.М. Моя жизнь и воспоминания, бывшего до шести лет дворянином, потом двадцать лет крепостным // Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века / вступ. статья, сост. В.А. Кошелева. М., 2006. С. 453

[16] Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука. М., 1982. С. 35-36.

личение управленческого аппарата в усадьбах требовали значительное количество грамотных людей (приказчиков, писарей, старост, рабочих знакомыми с элементарными основами техники и др.). В мемуарах часто встречается информация об обучении грамотности крестьян «… П. Гусев, будучи крепостным мальчиком, ходил в специальную школу, заведенную помещиком Хлюстиным, чтобы своим детям «доставить образовательных услуг»[17]».

Так, например, владелец усадьбы Марьино Курской губернии И.И.Барятинский писал своему управляющему: «Рамошники и золотарь будут весьма мне нужны для дому и церкви… Прикажите, как скоро выйдут мальчики из Петербургского училища, отдать их в помощники Федору Резникову, дабы они могли ко всему ходу экономических дел привыкнуть. Мне кажется, что можно бы выбрать двух умных мальчиков из Ивановской школы и отдать в то же училище; сим способом контора моя преобразуется…»[18]. Многие крепостные И.И. Барятинского прошли обучение различным ремеслам в столице и учась друг у друга на месте. Марьино превратилось в своеобразный ремесленный центр губернии, где можно было заказать и экипаж, и прочую мебель, и найти мастеров, способных украсить барский дом.

Анализ литературы свидетельствует о том, что основная масса владельцев крупных и средних усадеб многим своим дворовым стремились дать, в том числе, и музыкальное образование. Помещики стремились чтобы их дворовые овладевали различными инструментами, знали музыкальную грамоту, игру по нотам, развивали вокальные данные. В последующее, музыкальное образование превратилось в обычное занятие в сотнях усадеб, – это стало показателем общественной значимости, просвещенности и статусности помещика[19].

Стремление помещиков обучить своих крестьян, с одной стороны, рассматривалось как проявление заботы о них. С другой стороны, определенная «доброта» ряда помещиков была сопряжена с хозяйственными интересами последнего, когда рост профессионализма его крепостных был залогом процветания усадьбы.

Таким образом, анализ источниковой базы и литературы свидетельствуют о том, что взаимоотношение помещиков и дворовых в указанный период было разнообразным. В воспоминаниях представителей дворянского сословия встречается информация как о доброжелательном отношении, так и злоупотреблением властью помещиков.

THE FEATURES OF INTERRELATIONS BETWEEN THE DOMESTICS AND PROVINCIAL LANDOWNERS IN THE 19-TH CENTURY

I.G. ONOPRIENKO

Belgorod National Research University

e-mail: onoprienko@bsu.edu.ru

The article deals the relationship between the landowners and domestics in the provincial estates during the 19-th century. The author analysis the relations between two social categories of the provincial uyezd (district) during unfavourable period of Russian history due to the reformation of the state. The study is based on the various memories both, the representatives of the upper class of the Russian Empire and the peasantry.

The author gives the basic characteristics of the position of servants and their place in the manor estate. The paper is pointed up the attitude of landlords towards their nannies, as well as to other representatives of the house peasantry whose served the landed gentry estate.

Key words: domestics, nannies, landowners, landed gentry estate, daily life, memoirs

[17] Соловьев К.А. «Во вкусе умной старины…»: Усадебный быт российского дворянства II половины XVIII – I половины XIX веков. По воспоминаниям, письмам и дневникам. Очерки. СПб., 1998. С. 23.

[18] Лотарева Д.Д. Марьино: усадьба аристократа // Мир русской усадьбы. Очерки. М., 1995. С.165.

[19] Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XXвв. … С.357.

УДК 94(47).081

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ СТАРИКОВ В РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ДЕРЕВНЕ XIX В.

Н.И. КОБЗАРЕВА
В.П. КАСАТКИН

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: kobzareva.natalya@mail.ru

В статье уточняется роль старшего поколения в жизнедеятельности крестьянского общества. Раскрывается содержание хозяйственной, управленческой, представительской, обрядовой функций стариков и старух в рамках крестьянской общины. Выясняется степень изменения этих функций стариков в крестьянской деревне пореформенного периода по сравнению с первой половиной XIX века.

С привлечением архивных источников, этнографических материалов, мемуаров, публицистики, художественной литературы рассматриваемого периода прослеживается эволюция статуса стариков в крестьянском мире: постепенное снижение их значения на сельском сходе при сохранении авторитета в решении хозяйственных вопросов общины.

Ключевые слова: крестьянство, Российская империя, сельское общество, старость.

Показывая роль стариков в жизнедеятельности крестьянского мира XIX в., исследователи основное внимание уделяли семейным функциям[1] (хозяйственной, воспитательной), участию старшего поколения в обрядовой жизни[2]. Был изучен как особый институт «суд стариков»[3]. Сочинения писателей-современников и мемуары, дополняя архивные источники, позволяют представить, насколько важным было место старика в крестьянском обществе.

Вот старики выступают от имени всего замкнутого крестьянского мирка как представители в его взаимодействии с внешним миром. Эта представительская функция стариков была многоликой. В.А. Слепцов[4] описывает случай, как крестьяне собирались встречать следовавшего через их селение графа: были отобраны «пять человек стариков повиднее», велено им «расчесать бороды и одеться получше». «Двое должны были поднести хлеб-соль, а остальные трое – местное произведение, дугу». Воздавая должное представителю знати, графа встречают самые уважаемые в крестьянской среде – старики.

Крестьяне, герои рассказа С. Каронина[5], запутавшись в содержании царского «Манифеста о воле», решили на сходе навести справки в ближайшем городе. Они отправляют туда «самого древнего старика во всей деревне» как самого мудрого. В крестьянской крепостной деревне середины XIX в. старость почитается как долгие годы «учения лозьём и плетями». В течение его длинного века выбранного старика секли не раз, поэтому он считается самым опытным.

Именно старика как самого опытного посылают крестьяне посмотреть новую землю, разузнать о возможности переселения туда. К концу XIX в. крестьянские наделы истощились, мучило малоземелье. И крестьянское «обчество» снарядило «ходока». Это был «высокий сгорбленный старик с огромной лысой головой, с бородою вплоть до пояса»[6].

---

[1] Милоголова И.Н. Распределение хозяйственных функций в пореформенной крестьянской семье // Советская этнография. 1991. № 2. С. 93 – 102; Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.): в 2 тт. СПб., 2000. 548 с.; Русские: семейный и общественный быт / ред. Громыко М.М., Листова Т.А. М., 1989. 334 с.; Лещенко В.Ю. Семья и русское православие (XI – XIX века). СПб., 1999. 395 с.

[2] Любимова Г.В. Способы борьбы с засухой в традиционной обрядности русских крестьян Западной Сибири. Режим доступа: http://www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/Data/?html=gn9; Тульцева Л.А. Религиозные верования и обряды русских крестьян на рубеже XIX и XX веков // Советская этнография. 1978. № 3. С. 31-46.

[3] Громыко М.М. Мир русской деревни. М., Молодая гвардия. 1991. 448 с.; Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.-Тамбов, 2004. 304 с.

[4] Слепцов В.А. Свиньи // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века. М.,1986. С. 63.

[5] Каронин С. Светлый праздник // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века. М., 1986. С. 317-318.

[6] Эртель А.И. Записки Степняка. М., 1989. С. 53.

О представительской функции старика пишет в очерках Г. Иванов[7]. Он рассказывает, как уже в пореформенной России барин пожелал переселить крестьян, а угодья присвоить себе. Крестьяне, чтобы этого избежать, решили послать в город верного человека – восьмидесятилетнего старца: «Дедушка Пармен! Постой за мир! Расправь кости, обхлопочи!» Старец отнекивается, но мир непреклонен: «Кто, окромя тебя, имеет в себе ум? Мы – народ чёрный, путём света не видали. А ты изжил век, стало, всё как по писаному видишь… не дай в обиду». «И вот, старый дед с котомкой за плечами, с длинной палкой в сухой руке, неровной поступью худых тонких ног, обутых на мирской счёт в новые лапти – пошёл воевать за своё дело».

В XIX в. старики занимали выборные должности. Вот в конце XVIII – начале XIX вв. в крепостной деревне Ярославской губернии пятидесятилетний старик был избран миром в бурмистры[8], то есть должен был ведать раскладкой платежей, обеспечивать их сбор. В конце XIX в. крестьянское общество доверило старику быть «лесничим сторожем». Это была выборная должность (на 1 год), для человека не моложе 35 лет. В книге на записку приговоров сельского схода Безыменского крестьянского общества Грайворонского уезда Курской губернии от 10 февраля 1898 г. читаем: «Необходимо нужно избрать на сей 1898 год лесничего сторожа в наш общественный лес… назначить крестьянина нашего общества Кирила Тимофеевича Зуенко – как человека хорошего, под судом и следствием не бывшего и ныне не состоящего, вообще благонадёжного»[9]. Интересно, что к концу XIX в. при обосновании выбора уже не апеллируют к возрасту человека, только указывают положительные социальные характеристики. Весной того же года сельское общество приговорило: «Избранный нами в лесные сторожа крестьянин… оказался стар которому уже около 70 лет и просит уволить его от должности лесничего сторожа». Старик, герой рассказа Н.В. Успенского[10], размышляет, что было бы хорошо взяться караулить лес. В рассказе Г.И. Успенского[11] упоминается о старике, слепом стороже деревенской сборни. Герой И.С. Тургенева, очень дряхлый старик, сидел в шалаше возле поля, перекатывал беззубым ртом сухую горошину. «– Что ты делаешь тут? – А сторожем сижу. – Да что ты стережёшь? – А горох»[12]. Ходят в пастухах[13] ещё крепкий старик, герой П.И. Замойского и «дряхлый старикашка», герой А.И. Эртеля.

Вероятно, избрание старика на общественную должность объяснялось не только наличием у него житейского опыта. Известно, что исполнение различных общественных должностей – это трата времени и сил, может прийти в запустение собственное хозяйство. Старик из патриархальной многопоколенной семьи, где существовало разделение труда, работа спорилась, мог потрудиться и на благо обществу.

Оставшиеся одинокими старики также старались принести пользу крестьянскому миру. Героиня А.А. Потехина – старуха за семьдесят лет, «одинокая, безродная бабушка Офросинья, единственный человек в деревне, не пугавшийся холеры и принявший на себя мирскую службу: справлять и обряжать покойников»[14]. В крестьянской среде бытовало и до сих пор устойчивое в селе поверье, что прежде, чем помереть самому, нужно справить троих покойников. Старухи непременно присутствуют на похоронах.

Горькую мирскую службу справляет одинокая старуха, героиня очерков Г. Иванова[15]: тайно везёт железной дорогой мешок с тремя детскими трупами. Не хоронят без записки от доктора, а каждой кормилице накладно самой ехать, вот старуху и снарядили.

---

[7] Иванов Г. Люди и нравы. Очерки. Книжка чеков. Неплательщики // Отечественные записки. 1876. № 3. С. 628.

[8] Пурлевский С.Д. Воспоминания // Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. М., 2006. С. 101-104.

[9] ГАБО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 3. Л. 13 – 17.

[10] Успенский Н.В. Егорка-пастух. Режим доступа: http://az.lib.ru/u/uspenskij_n_w/

[11] Успенский Г.И. В деревне. Режим доступа: http://az.lib.ru/u/uspenskij_g_i/

[12] Тургенев И.С. Контора // Тургенев И.С. Собрание сочинений. В 12-ти тт. Т. 1. Записки охотника (1847-1874). М., 1975. С. 136.

[13] Замойский П.И. Подпасок. М., 1956. С. 195; Эртель А.И. Идиллия // Записки Степняка. М.,1989. С. 331.

[14] Потехин А.А. Крестьянские дети // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века. М., 1986. С. 232.

[15] Иванов Г. Люди и нравы. Очерки // Отечественные записки. 1877. № 10. С. 286.

Недостаток физической силы стариков компенсировался их жизненным опытом и приписыванием им «тайных» знаний. К мнению стариков прислушивались при определении сроков сельскохозяйственных работ. Так, например, герой Л.Н. Толстого, молодой помещик Левин, советуется со стариком-крестьянином: «Ну, что скажешь, Фомич, – косить или подождать?... А погода, как думаешь?»[16] Герой А.Н. Энгельгардта «хороший хозяин, знает все приметы, и его мнение всегда уважают на совете «стариков», который решает, когда сеять коноплю, овёс, рожь и лён... как решат старики, так и делается»[17].

На протяжении XIX в. в русской крестьянской деревне существовал «суд стариков». В компетенции такого суда были наделение землёй, семейные разделы, драки, потравы, оскорбления, нарушение запрета работать в праздничные дни, определение меры воздействия. Именно стариков крестьяне считали самыми беспристрастными судьями: они не станут перед близкой смертью брать греха на душу, а если будут бранить, то выслушать выговор от старшего необидно.

Анализируя записи, присланные в Географическое общество в первой половине XIX в., М.М. Громыко[18] приходит к выводу о широких компетенциях и важном значении «общественного суда» стариков.

Непредусмотренные природные явления, грозящие урожаю, степенно обсуждал совет стариков. В начале 60-х гг. XIX в. приговор стариков всё ещё был беспрекословным для общинников. Так, например, в очерке Г.И. Успенского перепуганные нашествием саранчи крестьяне южнорусской губернии спрашивают у стариков, как быть, а затем послушно собирают личинки саранчи. Но здесь же автор проговаривается, как бесцеремонно «поволок» мир стариков в поле, разглядывать загадочную крупу.

Участие стариков в обсуждении сходом общественных дел в конце XIX в. отмечали корреспонденты этнографического бюро В.Н. Тенишева. Так, во Владимирском уезде Владимирской губернии «всеми уважаемый старик»[19] своим словом унимает бестолково шумящих на сходе общинников и советует не судиться с соседними крестьянами, а порубленный ими общественный лес отдать на отопление церкви. Слово стариков на сходах имело решающее значение.

Впрочем, к концу XIX в. общинники начинают критиковать обычай стариков принимать решение, не вникая в дело, соблюдая лишь положенный ритуал. Вот герой А.И. Эртеля[20] жалуется, что один крестьянин продал соседней общине документы на луг, а за вырученные деньги открыл кабак. И старики ему разрешили, «дали приговор»: «Старикам поднёс восемь вёдер, ну и дали». Вот, «старички поштенные» встречают нового старшину и по дороге в кабак уверяют его в своей преданности. Так заведено, что в обращении к «чину», пусть даже он известный вор, звучит не угроза, а мягкие, подобострастные нотки.

К концу XIX века относится описанная Н. Златовратским ситуация участия стариков в семейном разделе[21]. Старик Онуфрий признаёт, что порядок у него в семействе поопустился, жалуется, что снохи постоянно делятся между собой, поэтому зовёт знакомых стариков для почёту, для крепости дела. В процессе дележа дед Онуфрий и его домашние по традиции справляются у стариков: «Так ли? Ну что же?» А старики лаконично отвечают: «Справедливо! Пущай!» Они привычно ориентируются на принцип равнения и справедливости. Один из стариков выступает оценщиком: он указывал достоинства каждой вещи и определял её ценность.

А вот в другом крестьянском семействе конца XIX в. после смерти хозяина старики по обычаю поделили имущество между его сыновьями и дочерями, но те остались недовольны и обратились к адвокату. Тогда произвели раздел по закону. Соседи этого семейства, все, даже дети малые, смекнули: «Ноне старики не сильны; ноне всякий может себя отстоять и подвести под закон»[22].

---

[16] Толстой Л.Н. Анна Каренина. Л., 1950. С. 240.

[17] Энгельгардт А.Н. Из деревни: 12 писем, 1872-1887. СПб., 1999. С. 81.

[18] Громыко М.М. Мир русской деревни. Режим доступа: http://bg-znanie.ru/article.php?nid=17928

[19] Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов этнографического бюро князя В.И. Тенишева. СПб., 1993. С. 46.

[20] Эртель А.И. Записки Степняка. М., 1989. С. 39.

[21] Златовратский Н.Н. Деревенский король Лир // Деревенский король Лир: повести, рассказы, очерки. М., 1988. С. 357 -387.

[22] Эртель А.И. Записки Степняка. М., 1989. С. 400.

Отчитываясь в своей деятельности перед сходом, провинившийся староста, допустивший растрату, должен был по традиции просить прощения у «мирской совести» – у стариков.

В начале XX в. в описании П.И. Замойского это выглядело так: «А он всё ещё стоял на коленях. Его ещё не простили… Сначала должен его простить старик Григорий… Кто-то тихонько уже подталкивает старика Григория, что-то говорит ему, увещевает, а он идёт как бы через силу, нехотя, упирается»[23]. Ещё немного, и этот ритуал будет восприниматься как формальность, дань традиции: не ждут, когда старик *простит* старосту, а ждут, когда старик *озвучит* «прощу».

Значимость опыта стариков, их советов на мирском сходе к концу XIX в. снижается. В новых условиях оказались востребованы хитрость, оборотистость, что предполагает знание новых реалий, а не ориентацию на старые. Молодёжь перестаёт церемониться со стариками, на сходах, как передаёт А.И. Эртель[24], могли звучать такие слова: «Аль вы ополоумели, старики, разуйте глаза-то!». «На сходку выйдешь – над стариками, вроде как над ребятами малыми, потешаются: слово вымолвишь – гогочут», – возмущается герой А.И. Эртеля. К началу XX в. на сельских сходах влияние стариков ослабело, авторитет приобрели люди грамотные, начитанные, но показания стариков продолжают использоваться для доказательства права на недвижимую собственность[25].

На протяжении XIX в. крестьянское общество доверяло старикам выполнение многих общественных функций. Опыт стариков был востребован в традиционном обществе, к их мнению прислушивались на сельском сходе. Старик мог быть избран на какую-либо общественную должность или выступать ходатаем, представителем всего крестьянского общества. К концу XIX в. отношение к старикам в крестьянской общине трансформируется. Старики не всегда встречают почтение, снижается их авторитет, их присутствие на сходах рассматривается как номинальное, дань традиции. Это связано с экономическими (измельчание земельных наделов, проникновение в деревню капиталистических отношений), социальными (гуманизация отношений, разрушение патриархальных семей), культурными (востребованность новых знаний, рост образованности) факторами.

В масштабе институтов семьи и общины это выразилось в росте числа семейных разделов. К концу XIX века они стали приметой времени. Не ощущая экономической зависимости от стариков и их постоянного присутствия, молодёжь утрачивает священный трепет перед их авторитетом. На более патриархальных позициях по отношению к старикам продолжает стоять община: здесь ещё востребован хозяйственный, житейский опыт стариков.

PUBLIC FUNCTIONS OF OLD MEN IN THE RUSSIAN COUNTRY VILLAGE OF THE XIX CENTURY

N.I. KOBZAREVA
V.P. KASATKIN

Belgorod National Research University

e-mail: kobzareva.natalya@mail.ru

The paper clarifies the role of the older generation in the life of the peasant society. Contents economic, managerial, Executive and ceremonial functions of elderly men and women within the peasant community. It turns out the rate of change of these functions in the elderly peasant village post-reform period compared to the first half of the nineteenth century.

With the involvement of archival sources and ethnographic materials, memoirs, essays and fiction of the period under consideration shows the evolution of the status of the elderly in the peasant world: a gradual decrease in their values at the village meeting, while maintaining credibility in addressing economic issues of the community.

Key words: peasantry, the Russian Empire, rural society, senility.

[23] Замойский П.И. Подпасок. М., 1956. С. 387.
[24] Эртель А.И. Записки Степняка. М., 1989. С. 200.
[25] Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов этнографического бюро князя В.И. Тенишева. СПб., 1993. С. 95.

УДК 371.631.94

СКЛАДЫВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ УЧРЕЖДЕНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Д.А. ТЕРЕЩЕНКО

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Курский филиал

e-mail: filkursk@rsute.ru

Модернизация российского общества во второй половине XIX – начале XX века, в соответствии с новыми социально-экономическими условиями потребовала перехода к подготовке специалистов в области управления, экономики и предпринимательства. В статье дана характеристика процесса становления и развития профессионального образования в провинциальной России во второй половине XIX – начале XX века в условиях рыночных преобразований.

Формирующаяся ныне образовательная модель не в полной мере учитывает опыт, накопленный в конце XIX–начале XX века. В связи с чем, в современных условиях чрезвычайно актуально изучение практических шагов государства и местного самоуправления в пореформенный период по развитию профессионального образования в провинциальных российских городах, так как процессы, протекавшие тогда и развивающиеся теперь, во многом схожи.

Ключевые слова: образование, профессиональное образование, профессиональные учебные заведения, учебные заведения, профессиональные кадры, городские центры.

Переломным рубежом в стране стала отмена в 1861 году крепостного права и последующие реформы в 60-70-х гг. XIX века. Произошли коренные изменения во всех сферах жизни: в социально-экономической, политической и культурной[1].

Социально-экономические изменения в Российской империи, вызванные реформами 60-х–70-х годов XIX века привели к существенным сдвигам в области образования. Преобразования в этой сфере неразрывно связаны с деятельностью городских и земских органов самоуправления, возникших в результате Великих реформ. С падением крепостного права возникли социально-экономические условия, в которых стал возможным процесс создания крупной промышленности, углубление общественного разделения труда, расширение общероссийского рынка и специализация районов[2].

Процесс функционирования профессионального образования как одной из областей системы просвещения и культурной жизни в целом тесно связан с модернизацией общества. Новые явления, происходившие в сфере производства, требовали определенного уровня профессиональной подготовки работников.

Введение в 1864 г. и в 1870 г. законов о земском и городском самоуправлении представило широкие возможности местным выборным органам по развитию образования, здравоохранения и решении других вопросов, не требующих вмешательства государства[3].

Самые крупные достижения местных муниципалитетов обозначились в развитии начального образования. В пореформенное время вначале земства, а затем городские общества открывают десятки школ, в том числе профессиональные. Так, если в 1864 году в Курской губернии было открыто 25 новых школ, то в 1875 году – 377, а в 1895 – уже 568[4].

---

[1]Терещенко Д.А. Практические шаги государства по реформированию системы профессионального образования в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. Курск, 2014. № 2. С. 83.

[2] Там же. С. 84.

[33]Терещенко Д.А. Деятельность органов местного самоуправления по развитию профессионального образования в российской провинции во второй половине XIX-начале XX века // Федеральный научно-практический журнал Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. Орел, 2013. № 6(35). С. 68.

[4] Исторический очерк деятельности земства Курской губернии за 35 лет с 1866-1901 гг. Курск, 1902. С. 3.

Как видим, особенностью первых пореформенных десятилетий был достаточно большой количественный рост учебных заведений, целью которых являлась подготовка специалистов для утверждающейся модели рыночной экономики России. Рассмотрим, как шел процесс становления и развития профессиональных учебных заведений в Курской губернии.

Так, по данным статистики, в 1869 году в Курской губернии было 474 учебных заведения, в том числе в городах – 46, а в 1892 году их стало 1331, в городах – 141[5]. За счет открытия начальных школ,по сравнению с 1891 годом, число учебных заведений увеличилось на 158 единиц[6]. Однако основная масса населения по-прежнему оставалась неграмотной. К примеру, по земской переписи 1884–1885 годов общая грамотность сельского населения составляла только 4,7%[7].

Учитывая, что в этот показатель входили образованные дворяне, чиновники, учителя, учащиеся и другие специалисты, то на долю крестьян приходился еще меньший процент грамотных. Кроме того, если среди мужчин грамотные встречались чаще, то женщины были в основном безграмотные. Так, из общей численности женщин Курской губернии в 1885 году лишь 3980 чел., или 0,4 %. умели читать и писать[8]. По признанию известного представителя официальной педагогики С.И.Миропольского, обучение девочек «совершенно почти не существовало» и считалось излишним[9].

Среди городского населения процент грамотных был значительно выше. Так, по данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года доля грамотных горожан обоего пола в Курской губернии составляла 39,4%, в том числе в Курске – 43,6%, в городах: Судже, Щиграх, Фатеже, Льгове, Короче, Дмитриеве, Обояни и Грайвороне – от 33,2% до 39,8 %; в Тиму, Мирополье и Хотмыжске– от 19,3% до 22,4%[10].

Это объясняется, на наш взгляд, во-первых, концентрацией в городах различных учебных заведений; во-вторых, проживанием в городских центрах большого числа образованных чиновников, дворян, купцов, мещан, служащих в разнообразных городских и земских учреждениях; в-третьих, наличием большого числа учащейся молодежи, получающей образование в гимназиях, училищах и специализированных профессиональных учебных заведениях[11].

В среднем, доля грамотных горожан мужчин в 1897 году соответствовала 49,9% у мужчин и 34,1% у женщин. Больше всего грамотных мужчин – свыше 52% – было в губернском Курске и уездных центрах: Белгороде, Новом Осколе, Путивле, Рыльске и Старом Осколе. Меньше всего таковых было в уездном Тиму и заштатных Хотмыжске и Мирополье – соответственно 30,5%, 30,3%, 32,5%. Наибольшее число грамотных горожанок – свыше 30%– проживали в уездных городах: Курске, Белгороде, Новом Осколе, Рыльске, Старом Осколе, Щиграх и заштатном Богатом. В целом около 40% жителей обоего пола городских центров Курска, Белгорода, Нового Оскола, Путивля, Рыльска, Старого Оскола, Щигров и заштатного Богатого владели грамотой[12].

При этом следует отметить, что относительно высокий показатель грамотности горожан Белгорода, на наш взгляд, можно объяснить наличием в этом городе учитель-

---

[5] Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1281. Оп. 7. Д. 88. Л. 3 и об; Обзор Курской губернии за 1893 год. Ведомость о числе учебных заведений. Курск, 1894.

[6] Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Курск, 1892. С. 58; см. также: Обзор Курской губернии за 1893 год. Ведомость о числе учебных заведений. Курск, 1894.

[7] Иванченкова О.В. Реформа образования в России во второй половине XIX века и развитие грамотности в Курской губернии // Культура в истории России: прошлое и современность: Материалы Республиканской научно-практической конференции, посвященной 80-летию профессора, доктора исторических наук, заслуженного работника науки РСФСР П. И. Кабанова (1920-1991). Курск, 2001. С. 69.

[8] Курская губерния. Итоги статистического исследования. Курск, 1887. С. 196.

[9]Косетченкова Е.А. Становление системы женского образования в России //Вестник Поморского университета. Архангельск, 2008. С. 18.

[10] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. XX. Курская губерния. СПб., 1904. С. 12-33.

[11]Терещенко Д.А. Становление и развитие профессионального образования в провинциальных городах России во второй половине XIX–начале XX века (на материалах Курской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005. С. 23.

[12] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897.–XX. Курская губерния... С. 12-33.

ского института[13] и целого ряда других учебных заведений. Высокий процент грамотности населения Рыльска можно объяснить большой занятостью горожан торговлей вообще, в том числе заграничной. Не случайно,рыльские купцы на свои средства открыли торговую школу[14]. Наличие среди группы городов с большим процентом грамотности их жителей заштатного Богатого объяснимо его происхождением в прошлом как уездного центра Курской губернии, населенного служилыми людьми.

Воспользовавшись представленным правом самостоятельной деятельности, городские общественные управления создавали новые учебные заведения. Так, спустя 3 года после введения Городского Положения от 16 июня 1870 года, в 1873 году в Курске было открыто реальное училище и земская учительская семинария, начата работа по созданию классической гимназии в Белгороде[15]. Несмотря на недостаток материальных средств, по инициативе городских обществ в Белгороде в 1871 году открыли учительскую семинарию на 65 чел., женские прогимназии в Обояни и СтаромОскоде. В городских центрах губернии организовали временные педагогические курсы для сельских учителей народных школ[16].

В целом, в учебных заведениях губернского Курска в 1893 году обучалось 2 826 чел. м.п. и 1659 чел. ж.п., тогда как во всех уездных городах – 4 548 м.п. и 2 582 ж.п.[17] Для сравнения укажем, что в 1861 году в Курске было всего 12 учебных заведений с 755 учащихся обоего пола, а в уездных городах – 32 учреждения с контингентом в 1 848 человек[18]. Здесь отметим, что с 1861 года по 1897 год в городах Курской губернии число учащихся только ремесленных учебных заведений увеличилось с 2346 чел. до 12757 чел.

Такое резкое увеличение числа учащихся профессиональных учреждений образования стало возможным благодаря тому, что данный тип учебных заведений был наиболее широко распространен как весьма простейший в организации и не требующий значительных государственных финансовых вложений[19]. Таким образом, именно в 60-90-е годы XIX векапроизошел существенный рост числа профессиональных учебных заведений и обучающихся в них учащихся обоего пола[20].

Из профессиональных учебных заведений в 1890 году в курских городах в большей мере были представлены низшие образовательные учреждения. Так, в губернском Курске при Александровском двуклассном образцовом училище действовало переплетное ремесленное отделение. Столярные и сапожные ремесленные отделения в трехклассных городских училищах функционировали в Старом Осколе и Фатеже. Города губернии тратили на нужды народного образования в 1890 году 63 891 руб. 86 коп. Для сравнения укажем, что в 1873 году городскими обществами на эти же цели было израсходовано 20 855 руб. 93 коп.; наиболее значительные средства из этой суммы приходятся на Белгород – 8 060 руб. 18 к., Курск – 6 745 руб. и Грайворон – 1 555 руб. 75 коп. Таким образом, на долю 3-х из 18-ти городских центров Курской губернии приходилось 16 360 руб. 93 коп., тогда как остальные 15 городских центров тратили всего 4 495 руб., то есть почти в 4 раза меньше[21]. Здесь же отметим, что в это время в уездных городских центрах действовали 66 учебных заведений, а в 1893 г. – 141[22].

---

[13]Терещенко Д.А. Становление и развитие профессионального образования в провинциальных городах России во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Курской губернии)... С. 21.

[14] Терещенко Д.А. Коммерческие профессиональные учебные заведения России в системе подготовки специалистов для промышленности и торговли во второй половине XIX – начале XX века в условиях складывающейся рыночной экономики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Т. 29. Белгород, 2014. № 1 (172). С. 111.

[15] РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 144. Л. 5.

[16] Там же. Оп. 67. Д. 184. Л. 49-51.

[17] Подсчитано по: Обзор Курской губернии за 1893 год. Ведомость о числе учебных заведений. Курск, 1894.

[18] РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 49. Л. 29 об – 31.

[19]Терещенко Д.А. Характеристика типичных профессиональных учебных заведений России во второй половине XIX – начале XX века // Федеральный научно-практический журнал «Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. Орел,, 2014. № 4 (39). С. 73.

[20]Косетченкова Е.А. Государственная политика в области женского профессионального образования в России в конце XIX – начале XX века. Курск, 2010. С. 198-202.

[21] РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 144. Л. 42.

[22] Там же. Л. 41 об.

Как видим, наиболее значительные изменения в состоянии городского образования были сделаны в 70 – начале 90-х годов XIX века. Так, были открыты: реальная гимназия в городе Курске, женская прогимназия в городе Дмитриеве, Белгородская классическая гимназия, Курская Мариинская женская гимназия, преобразованная из женского училища первого разряда. Упраздненная Белгородская учительская семинария была соединена с Курской земской учительской школой и стала называться Курской учительской семинарией и т.д[23]. Таким образом, городские общества и земства уделяли большое внимание развитию общего образования, тогда как профессиональная подготовка в этот период сводилась к открытию лишь единичных учебных заведений.

По существовавшим в конце XIX – начале XX века нормам, большинство учреждений образования городских центров Курской губернии, дающих профессиональную подготовку, относились к низшим. Например, Рыльская и Суджанская торговые школы, Щигровская земская школа женского труда, Суджанская школа ткачества, учебные художественно-промышленные и ремесленные мастерские в городе Курске и т.п.

К средним учебным заведениям (согласно современному подходу) следует причислить Курское землемерное училище, земскую фельдшерскую школу в городе Курске.

Из высших учебных заведений неполного типа (по классификации XX века – учительский институт – *Д.Т.*), осуществляющих профессиональную подготовку учителей губернии, функционировал только Белгородский учительский институт.

Рассмотрим, что собой представляли наиболее известные низшие профессиональные учебные заведения Курской губернии во второй половине XIX – начале XX века.

Например, открывшееся в 1886 году четырехклассное Путивльское ремесленное училище им. Маклаковых содержалось в основном на проценты с капитала в 140 тыс. рублей, а также за счет дополнительных средств. Так, за 1890 год проценты с капитала составили 7010 рублей, средств от платы за обучение поступило в сумме 182 руб. 50 коп., доходов от продажи изделий на 982 руб. 91 коп., разных поступлений – 128 руб. 37 коп., а остаток с прошлого года составил 689 руб. 85 коп.

В данное учебное заведение принимались лица всех сословий и вероисповеданий, за исключением иудеев. Так, на 1 января 1891 года из 72 учащихся 70 были православные, 1 – римско-католического исповедания и 1 – прочих исповеданий. Из них 6 человек относились к дворянам и чиновникам (8,3 %); 7 чел.– лица духовного звания (9,7 %); 22 чел. – были представителями городских сословий (30,6 %) и 37 учащихся принадлежали к сельскому сословию (51,4 %). Следовательно, училище было в равной мере доступно не только выходцам из высшего сословий (их доля составляла всего 18,0%), но, прежде всего, низшим сословиям, которых было 82,0%[24].

Учебная программа училища подразделялась на общеобразовательную и ремесленную, причем ремесленные занятия в подготовке учащихся имели преимущественное значение. Общеобразовательные предметы преподавались в соответствии с курсом двуклассных сельских училищ Министерства народного просвещения. Профессиональные курсы – согласно программам ремесленных училищ, утвержденных тем же Министерством. В перечень профессиональных предметов входили: счетоводство, сведения из физики, механики, химии дерева и металлов, а также техническое черчение[25].

Учебный год в училище заканчивался 19 июня. Летние каникулы продолжались с 20 июня по 16 августа. После самостоятельной двухлетней практики и по достижении 21 года выпускники училища имели право просить «цеховую управу» о проведении испытательного экзамена, позволяющего при положительной оценке производить их в мастера[26].

Вслед за Путивльским ремесленным училищем в 1895 году Курское благотворительное общество при доме трудолюбия и работных домах открыло учебные художественно-промышленные и ремесленные мастерские, относящиеся к низшим учебным заведениям. Необходимость их была обусловлена потребностью растущего городского

[23] Там же. Д. 125. Л. 50 об; см. также: Златоверховников Н.И. Краткий исторический очерк Курского края. Курск, 1912. С. 20.

[24] Там же. Л. 8.

[25] Сборник сведений об условиях приема в низшие профессиональные училища Курской и соседних губерний. Курск, 1901. С. 10.

[26] Там же.

хозяйства в специалистах по типографскому, переплетному и столярному ремеслу. Расположенные в здании благотворительного общества мастерские содержались на его средства, а также на средства Курского городского общественного управления. Если столярные и переплетные мастерские не требовали больших финансовых затрат (1950 руб.), то на оборудование типографии для обучения ремеслу израсходовали 10000 рублей. Это вполне объяснимо, так как новое технологическое оборудование стоило больших денег.

Курс обучения был четырехлетним. В типографию принимались лица мужского пола в возрасте от 11 до 16 лет, в переплетную мастерскую – 13-14-летние, в столярную – 14-18-летние. В 1909 году во всех трех мастерских обучалось 20 человек. За 14 лет работы мастерские окончили до 100 человек[27].

Подобная Путивльской, низшая ремесленная школа, открытая в 1903 году в городе Тиму, обучала столярно-токарному и слесарно-кузнечному ремеслу. В отличие от первой, она содержалась на средства государства (3285 руб. в год) и земства (1585 руб. в год), а так же, как и Путивльское, частично, на деньги, получаемые от продажи изделий училища (на 700 руб. в год). Школа имела собственное здание с двумя оборудованными мастерскими стоимостью 4200 руб. 27 коп[28]. Учащиеся, окончившие полный курс школы, получали звание подмастерья, а после трехлетней практики – звание мастера. В остальном училище практически не отличалось от Путивльского. Отметим лишь, что и количество выпускников иконтингент учащихся Тимского училища былименьшими, чем в ремесленном училище им. Маклаковых. Так, на 1 января 1910 года в школе обучалось всего 49 учеников, а со времени ее открытия, то есть за 7 лет, выпускниками школы стали 19 человек, в среднем 2-3 ученика в год[29].

В начале XX века, в частности в 1903 году, в Курской губернии были открыты и другие школы. К примеру, в городе Судже на средства губернского и Суджанского земств начала функционировать школа ткачества[30]. Дело в том, что Суджанский уезд славился ковровыми изделиями и кушаками (поясами – *Д.Т.*) не только на Курскую губернию, но и на остальной территории Европейской России[31]. С целью развития и усовершенствования знаний в данном производстве земства и организовали школу. Главное управление землеустройства и земледелия субсидировало 360 рублей, губернское земство выделило 375 рублей, Суджанское – 450 рублей, а 129 рублей 95 копеек поступили от других источников. Курс обучения в школе продолжался 2 года. К 1 января 1910 году насчитывалось 11 учениц, а со времени открытия школы-мастерской ее окончили 22 выпускницы[32].

Открытая в том же 1903 году в городе Щигры земская школа женского труда находилась в ведении Министерства внутренних дел. Средства на ее содержаниевыделили: Курское губернское земство – 500 рублей, Щигровское уездное земство – 600 рублей, а так же Министерство торговли и промышленности – 500 рублей, Кроме того, в доход школы от реализации изделий в 1909 году поступило 407 рублей 86 копеек. В 1909 году расходная часть бюджета школы составила 2375 рублей 59 копеек. В Щиграх, как и в Судже, довольно успешно развивалось ковровое ткачество, поэтому при школе были 2 мастерских – ковровая и кроечная. И перед школой, и перед мастерской стояла одна цель: «развитие местных ковровых и кружевных кустарных производств с тем, чтобы выпускать опытных мастериц по этим производствам, а также приготовлять опытных закройщиц по шитью белья и платьев»[33].

Так же, как и в Суджанской школе ткачества, курс обучения в Щигровской школе женского труда составлял 2 года. На 1 января 1910 года в школе обучалась 51 ученица, а со времени ее открытия (с 1903 года) школу закончил 21 человек. В отличие от Суджанской школы при мастерских Щигровской школы также обучались девочки. Число их было незначительным. Так, в ковровой мастерской была 1 ученица 12-ти лет, в кроечной– 2 ученицы в возрасте 14 лет.

---

[27] Златоверховников Н.И. Учебные заведения Курской губернии. Курск, 1911. С. 3.
[28] Там же. С. 10.
[29] Там же. С. 11.
[30] Там же. С. 8.
[31] Кулигаев И. Краткое описание Курской губернии с приложением упрощенной карты. Харьков, 1903. С. 17.
[32] Златоверховников Н.И. Указ. соч. С. 8.
[33] Там же. С. 11.

Суджанская и Щигровская школы способствовали и содействовали совершенствованию мастерства традиционных местных промыслов.

Учитывая опыт работы Суджанской и Щигровской школ и мастерских, в 1907 году в Курске городским обществом была открыта ремесленная учебная мастерская, подчинявшаяся Министерству торговли и промышленности. Она готовила сельскохозяйственных рабочих для ухода за земледельческими машинами и орудиями, а также для ремонта и изготовления этих и других механизмов сельскохозяйственного производства[34].

Отличались от ремесленных учебных мастерских и других низших учебных заведений коммерческие торговые школы, открытые городскими и земскими общественными управлениями и предпринимателями Суджи и Рыльска в 1901 году, получившие наибольшее развитие в условиях перехода России к рыночной экономике. Данные школы готовили приказчиков, бухгалтеров и других специалистов в коммерческой области[35]. Вполне естественной была принадлежность этих школ к Министерству торговли и промышленности, да и средств на их содержание, в частности от казны, выделялось значительно больше, чем на другие низшие школы. К примеру, Рыльская городская торговая школа получала на свое содержание от государства 4890 руб. в год. Кроме того, по решению городского самоуправления и с разрешения центральной власти школе отчислялось 15% сбора с торговых документов. Так, за 1909 год эта сумма составила 2643 руб. 75 коп. Обучение было платным, в школу принимались дети предпринимателей, имеющих средства. В результате за 1910 год на нужды школы было израсходовано 10959 руб. 93 коп. Для сравнения напомним, что Щигровская земская школа женского труда израсходовала в 1909 году всего 2375 руб. 59 коп., а Суджанская школа ткачества в том же 1909 году потратила 1323 рублей. Таким образом, богатеющее купечество не жалело денег на профессиональное образование.

Однако не все профессиональные учебные заведения благополучно развивались. Интересна в этом плане судьба Суджанской торговой школы. Так, по мысли князя П.А. Долгорукова – лидера Суджанского уездного земства и А.Е. Евреинова, являвшихся инициаторами ее создания, школа должна была не только готовить учащихся к службе в торгово-промышленных учреждениях, но и давать широкое общее образование. Поэтому школу открыли в составе не трех классов, а четырех – трех основных и одного «приготовительного». В дальнейшем школу предполагалось преобразовать в среднее учебное заведение[36].

Школу, открытую 12 апреля 1901 года, после утверждения устава Министром Финансов С.Ю. Витте в местных общественных кругах встретили неоднозначно. Одни считали ее «новой и особенной», восторгались фактом открытия, другие – относились к ней с подозрительностью, как к «новой затее либералов»[37].

Группу профессиональных средних учебных заведений городских центров Курской губернии представляли: Курская земская фельдшерская школа[38], Курское землемерное училище[39] и частное женское учебное заведение для приготовления учительниц начальных школ (1900 год).

Из проведенного исследования видно, что наибольшее развитие в городских центрах Курской губернии получили низшие профессиональные учебные заведения, занимающиеся подготовкой специалистов. Среднее профессиональное образование было

---

[34]Там же.

[35] Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 47. Оп. 1. Д. 1. Л. 52 и об; Маслов Ю.Н. Особенности коммерческого образования в Курской губернии в конце XIX–начале XX вв. // История и культура: прошлое и современность. Курск, 2000. С. 61.

[36] Терещенко Д.А. Коммерческие профессиональные учебные заведения России в системе подготовки специалистов для промышленности и торговли во второй половине XIX-начале XX века в условиях складывающейся рыночной экономики… С. 111.

[37] Маслов Ю.Н. Из истории Суджанской торговой школы им. М.С. Щепкина и Л.С. Скворцовой // Культура в истории России: прошлое и современность. Курск, 2001. С. 135.

[38]Терещенко Д.А. Профессиональное медицинское образование в городских поселениях России в конце XIX–начале XX века // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. №1(29). С. 44–50.

[39]Терещенко Д.А. Типичные сельскохозяйственные учебные заведения в провинциальных городах России во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. Курск, 2014. №1. С. 136.

представлено специальными учебными заведениями, готовившими специалистов для системы Министерств просвещения, здравоохранения, юстиции и т.п. Самыми востребованными за пределами Курской губернии были выпускники Курского землемерного училища[40]. Неполные высшие профессиональные учебные заведения представлял Белгородский учительский институт (в соответствии с типологией профессионального образования советского периода давал «неполное высшее образование». В дореволюционной России он относился к средним учебным заведениям – *Д.Т.*), готовивший педагогов для системы народного просвещения Черноземного края[41].

В качестве выводов, отметим, что:

– одной из важнейших социокультурных функций властных структур и самоуправления Курской губернии во второй половине XIX – начале XX века, определивших тенденцию преобразований в крае стала образовательная;

– переход доминирующих позиций в экономике страны в экономическую плоскость, важнейшую роль среди которыхстали играть торгово-промышленные функции, усиленные железнодорожным строительством, привели к возрастанию спроса на многочисленных специалистов разнообразных отраслей складывающейся рыночной экономики России. И как следствие этого спроса, начиная с 70 годов XIX века, в Курской губернии открываются различные профессиональные учебные заведения, доступные для лиц,как из высших, так и из низших сословий. Важнейшими из них на первом этапе были низшие профессиональные училища, школы, мастерские;

– в провинциальной Курской губернии специалистов среднего звена готовило небольшое количество учебных заведений, что в целом согласовывалось с теми тенденциями, которые были характерны для всей России;

– отсутствие крупной промышленности в крае не позволяло развивать высшее профессиональное образование.

– в целом, в начале XX века в Курской губернии сложилась определенная самодостаточная система профессиональной подготовки населения.

FUNCTIONING OF VOCATIONAL EDUCATION AS ONE OF THE AREAS OF EDUCATION AND CULTURAL LIFE IN RUSSIA IN SECOND HALF XIX-EARLY XX CENTURIES (ON MATERIALS OF KURSK PROVINCE)

D.A. TERESHCHENKO

Russian University Economics, Kursk branch

e-mail: filkursk@rsute.ru

The modernization of the Russian society during the second half of XIX-early XX century, according to the new socio-economic conditions required the transition to the training of specialists in the field of management, economics and entrepreneurship. The article gives the characteristics of the process of formation and development of vocational education in provincial Russia in the second half of XIX-early XX century in the conditions of market transformations.

Now emerging educational model does not fully take into account the experience gained in the late XIX-early XX century. In this connection, in modern conditions it is extremely important to study the practical steps of the state and local governments in the post-reform period for the development of vocational education in the provincial Russian cities as well as the processes that take place when and developing now are very similar.

Key words: education, vocational education, vocational schools, colleges, professional staff, urban centers.

[40] Там же.

[41] Терещенко Д.А. Профессиональная школа в городах российской провинции во второй половине XIX – начале XX века // Клио. СПб, 2014. № 6(90). С. 92.

УДК 93/99:281.9:37.01

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ НА АКСИОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ. (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ, КУРСКОЙ И СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

О.В. ПИГОРЕВА

Курская государственная сельскохозяйственная академия имени профессора И.И. Иванова

e-mail: ovlebedeva117@yandex.ru

В статье на примере Белгородской, Курской и Смоленской областей рассматривается процесс формирования региональной системы духовно-нравственного воспитания в конце XX – начале XXI века. Показано произошедшее в постсоветском образовательном пространстве изменение государственной политики в сфере образования от упразднения воспитательной функции школы до выработки Стратегии развития воспитания в Российской Федерации до 2025 года. Исследована деятельность провинций центра России по поиску методологических основ построения образовательного пространства в период кризиса преподавания общественных наук и идеологического плюрализма. На основе анализа многочисленных исторических источников показаны факторы обращения «на местах» к нравственным ценностям православия, как традиционной и самой массовой религии жителей исследуемых территорий, в качестве аксиологических ориентиров. Выявлены общие и отличительные черты в деятельности изучаемых территорий по формированию региональной системы духовно-нравственного воспитания. Обоснована необходимость определения роли и места аксиологической значимости традиционных религий в системе духовно-нравственного воспитания с учетом накопленного в российских регионах масштабного опыта, важность выработки общероссийских подходов и закрепления их в федеральных документах.

Ключевые слова: школа, духовно-нравственное воспитание, православная культура, духовные ценности, аксиология.

Произошедшее в постсоветский период разрушение привычных ценностей и упразднение воспитания в школе, господство либеральной идеологии и развитие «свободного» рынка, формирование средствами массовой информации примитивизма жизненных потребностей негативно отразились на нравственном состоянии и уровне культуры российского общества. В первом десятилетии XXI века, после осознания пагубности произошедших изменений, государственная политика в сфере образования была направлена на воспитание подрастающего поколения, формирование патриотизма, российской идентичности, выработку у молодежи активной социальной позиции. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации до 2025 года, общественное обсуждение проекта которой проходит с 15 января 2015 года, приоритетной задачей государства определила формирование новых поколений, обладающих знаниями и умениями XXI века, разделяющих традиционные нравственные ценности, готовых к мирному созиданию и защите Родины. Большие возможности в решении обозначенных на государственном уровне задач имеет духовно-нравственное воспитание.

Значимость духовно-нравственного воспитания подчеркнута во многих федеральных документах 2000-х годов. Так, в Концепции модернизации российского образования (2002 год) формирование у школьников духовности и культуры было определено одной из важнейших задач воспитания. Ст. 14 п. 2 Закона Российской Федерации «Об образовании» (редакция – декабрь 2007 года) провозгласила формирование духовно-нравственной личности неотъемлемой частью результатов образования. Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ признает важность духовно-нравственного развития и духовно-нравственных ценностей в процессе образования. Методологическим ядром второго поколения государственных образовательных стандартов является Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. На решение задачи духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения направлено введение во всех российских общеобразовательных школах с 1 сентября 2012 года преподавания комплексного учебного курса

«Основы религиозных культур и светской этики», включенного в обязательную часть базисного учебного плана начального общего и основного общего образования новой предметной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России».

Однако отсутствие единых подходов в науке и педагогической практике к пониманию духовно-нравственного воспитания, размытость формулировок в федеральных документах, сформировавшаяся в 1990-2000-е годы в российских регионах разнообразная практика организации духовно-нравственного воспитания школьников свидетельствуют о наличии проблем в определении его методологических основ. Наибольшие споры вызывает определение места и роли аксиологических категорий традиционных религий в системе духовно-нравственного воспитания. Решению проблемы будет способствовать изучение опыта российских регионов, избравших аксиологическим центром организации духовно-нравственного воспитания школьников ценности традиционной для данных территорий религиозной культуры.

Масштабно и организованно работа по использованию нравственных категорий православной культуры в воспитании подрастающего поколения на рубеже XX-XXI веков была организована в Белгородской, Курской и Смоленской областях. В данных регионах отмечали особую роль православия в формировании национально-культурного самосознания народа, его объединении и процветании и обращались в процессе организации воспитательной работы подрастающего поколения к православным категориям[1], признавали опору на православную культуру как средство борьбы против духовного разложения и нравственной деградации общества[2].

В 1990-е годы, в условиях регионализации образования, значительной свободы школы, возможности реализации творческой инициативы учителей, разрушения привычной идеологии и кризиса преподавания обществоведческих дисциплин, религиозного плюрализма, отсутствия на федеральном уровне целевых воспитательных установок, в российской провинции – «на местах» – велись поиски аксиологических оснований учебно-воспитательного процесса. Так, в отдельных школах Белгородской области преподавание курса «Основы православной культуры» имело место еще в середине 1990-х годов, с 2002-2003 учебного года в 10–11 классах многих белгородских школ предметы с синонимичными названиями – «Основы и ценности православия», «Основы православной культуры» – изучались факультативно. Постепенно была организована работа по формированию целостной системы духовно-нравственного воспитания школьников, основными направлениями которой выступили воссоздание национально-культурного компонента и обновление содержания социально-гуманитарного образования с учетом запросов и потребностей участников образовательного процесса и родителей, интеграция традиционного содержания различных областей знания и мировосприятия личности, разработка программ взаимодействия школы, семьи и культурно-образовательных учреждений, отражающих культурно-исторические и национальные особенности региона, по созданию единого воспитательного пространства[3]. Реализация поставленных задач была возможна благодаря утверждению ряда документов, прежде всего Постановления губернатора Белгородской области от 9 декабря 2004 года № 224 «О мерах по совершенствованию духовно-нравственного воспитания детей и молодежи».

Масштабности и системности работы по духовно-нравственному воспитанию способствовала деятельность Координационного совета по духовно-нравственному воспита-

[1] Направления духовного и гражданского сотрудничества, взаимной помощи и поддержки администрации Смоленской области и Смоленской епархии Русской православной церкви (Приложение № 1 к Постановлению Главы администрации Смоленской области «О реализации "Направлений духовного и гражданского сотрудничества, взаимной помощи и поддержки администрации Смоленской области и Смоленской епархии Русской Православной Церкви", подготовке к встрече третьего тысячелетия и празднования 2000-летия христианства» от 08.12.1998 г. № 703 (в ред. от 04.11.1999). Режим доступа: http://www.cfo-info.com/okrug12e/rajonps/read7xlxgcc.htm.

[2] Козлова Н. Зовет колокол на урок // Белгородская правда. 2006. 5 апреля.

[3] Информационно-аналитический отчет по итогам социологического исследования «Состояние духовно-нравственного образования и воспитания» (3 этап) в рамках реализации проекта «Система управления духовно-нравственным воспитанием в образовательной среде» долгосрочной целевой программы «Духовно-нравственное воспитание населения Белгородской области на 2011–2013 годы». Белгород, 2013. Режим доступа: http://edu.znate.ru/docs/149/index-18034676.html.

нию, возглавляемого губернатором Белгородской области Е.С. Савченко. При аппарате губернатора Белгородской области была образована рабочая группа по духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи, разработавшая Концепцию программы «Основы духовно-нравственного воспитания населения области», в которой отмечалось произошедшее в российском обществе переосмысление роли православия в истории России, новая оценка его принципиального влияния на духовно-нравственное развитие человека. Концепция послужила основой для разработки областной программы «Основы духовно-нравственного воспитания населения Белгородской области на 2007-2010 годы», в числе стратегических целей которой были определены возрождение и формирование у населения православных ценностей; формирование бережного отношения к культурному наследию народов России, истории и традициям белгородского края и др.[4]. Значимой составляющей в реализации поставленных задач было определено изучение православной культуры в системе общего образования, что становилось важным направлением гуманитарного знания в новом образовательном пространстве провинциальных регионов центра России[5].

Ключевым документом, позволившим расширить масштабы преподавания православной культуры в школах региона, стал принятый 3 июля 2006 года в Белгородской области Закон № 57 «Об установлении регионального компонента государственных образовательных стандартов общего образования в Белгородской области». Статья 4 Закона регламентировала региональный компонент, который включал региональный базисный учебный план, требования к уровню подготовки выпускников, обязательный минимум содержания образовательных программ по предметам регионального компонента, в том числе и «Православная культура» со 2 по 11 классы в объеме 1 часа в неделю. В статье 6 отмечалось, что учебный предмет «Православная культура» имеет культурологическую направленность и предполагает знакомство обучающихся с православной христианской картиной мира на материалах краеведения Белгородской области, обеспечивает научные знания учащихся о православии как традиционной национальной культуре в историко-культурном, этнокультурном и информационном аспектах[6]. В соответствии с данным Законом с 1 сентября 2006 года началось преподавание учебной дисциплины «Православная культура» в рамках регионального компонента во всех школах области. По словам заместителя начальника Управления образования и науки Белгородской области С.Н. Калашниковой, специфика предмета заключалась в обеспечении усвоения школьниками основ социального и культурного опыта развития России, для которой православие явилось государствообразующей религией, а также оказало определяющее воздействие на формирование российской национально-культурной идентичности и определило специфику культуры России в пространстве мировой цивилизации[7].

В Курской области работа по созданию региональной системы духовно-нравственного воспитания проводилась с середины 1990-х годов. Постановлением главы администрации региона № 182 от 31 мая 1995 года были утверждены «Основные направления развития образования Курской области на 1995-2000 годы», учитывающие социально-экономические, историко-культурные особенности регионального образования и духовные потребности курян. В документе отмечалась необходимость изучения культурно-просветительских и духовно-религиозных традиций Курского края, подготовки учебных пособий и популярных изданий, разработки модели русской школы и др.[8]

---

[4] Постановление правительства Белгородской области от 07.02. 2007 г. № 24-пп «Об областной программе "Основы духовно-нравственного воспитания населения Белгородской области на 2007–2010 годы"». Режим доступа: http://www.cfo-info.com/okrug13e/rajonbs/read7fgwtn/.

[5] Пигорева О.В., Ильина З.Д. Формирование нового образовательного пространства и религиозный вопрос в период «перестройки» // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 15 (158). Вып. 27. С. 140-146.

[6] Закон Белгородской области «Об установлении регионального компонента государственных образовательных стандартов общего образования в Белгородской области» № 57 от 3 июля 2006 года. Принят Белгородской областной Думой 21 июня 2006 года // Белгородские известия. 2006. 12 июля.

[7] Калашникова С.Н. Православная культура в системе образования // Православие и духовный мир молодежи: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Белгород, 18 апреля 2007 г. Белгород, 2007. С. 7.

[8] Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. Р-3360. Оп. 18. Л. 153.

В декабре 1996 года было издано Постановление главы областной администрации «Об утверждении программы изучения православной культуры в Курской области», которое активизировало деятельность органов управления образованием по разработке мер, позволявших осуществлять изучение православной культуры в муниципальных общеобразовательных учреждениях, стимулировало научные исследования по подготовке учебной программы курса[9]. Тогда же были подписаны договоры о совместной научно-педагогической и культурно-просветительской деятельности сроком до 2000 года между Курским епархиальным управлением и администрацией Курской области, Курским государственным педагогическим университетом и др.

Распоряжение губернатора Курской области А.В. Руцкого № 227-р от 10 апреля 1997 года «Об утверждении программы изучения православной культуры в Курской области» регламентировало и скоординировало работу различных структур по реализации изучения основ православной культуры в школах региона. В целях развития православной культуры в Курской области данным распоряжением были созданы общественный совет по развитию православной культуры и лаборатория русской школы.

Преподавание факультативного курса «Основы православной культуры» началось в 300 курских школах с 1 сентября 1997 года. В соответствии с нормативными документами общеобразовательным учреждениям Курской области была предоставлена возможность выбора формы изучения православной культуры. В 1997-2000 годах курс «Основы православной культуры» преподавался чаще всего как факультатив, но в отдельных школах преподавание осуществлялось в рамках кружковой работы и спецкурсов. При всех формах преподавания соблюдался принцип добровольного посещения. Ступень обучения, количество лет изучения курса основ православной культуры не регламентировались нормативными документами, оставаясь прерогативой образовательного учреждения. С 1 сентября 2000–2001 учебного года изучение основ православной культуры было введено в Курской области в качестве учебного предмета вариативной части регионального учебного плана (при соблюдении добровольного посещения курса).

Значимость опыта Курской области по организации масштабного преподавания «Основ православной культуры» для провинциальных регионов Центральной России подтверждается многочисленными фактами. Так, в 1997 году Курская область была названа как «единственная в России, где официально введено изучение истории православной культуры»[10]. Целый ряд регионов центра России (Орловская, Тверская, Рязанская и другие области) запросил пакет нормативных документов Программы православного просвещения в Курской области (утверждена постановлением главы администрации Курской области № 675 от 15 декабря 1997 года) для внедрения[11]. Опыт Курской области по организованному включению в региональное образовательное пространство учебного курса неоднократно освещался на различных уровнях. Педагоги Орловской области отмечали, что во многих российских регионах курс разработан и введен в школьную программу во многом благодаря усилиям курских педагогов[12].

Создание региональной системы духовно-нравственного воспитания в Смоленской области имеет истоки в начале 1990-х годов. Регион первым в России, еще в 1991 году, начал преподавание в отдельных школах факультативного курса «Православная этика и культура», считая обращение к нравственным категориям православия действенным средством воспитания подрастающего поколения. Способствовало организации работы изданное в декабре 1998 года Постановление Главы администрации Смоленской области А.Д. Прохорова № 703 «О реализации "Направлений духовного и гражданского сотрудничества, взаимной помощи и поддержки администрации Смоленской области и Смоленской епархии Русской Православной Церкви", подготовке к встрече третьего тысячелетия и празднования 2000-летия христианства»[13]. Проводимые на рубеже 1990-2000-х

[9] Государственный архив Орловской области (далее ГАОО). Ф. Р-2280. Оп. 4. Д. 59. Л. 70.

[10] В общеобразовательных школах Курской области официально введено изучение истории православной культуры // Воскресная школа. 1997. № 3.

[11] ГАОО. Ф. Р-2280. Оп. 4. Д. 59. Л. 71.

[12] ГАКО. Ф. Р-4007. Оп. 1. Д. 333. Л. 7.

[13] Постановление Главы администрации Смоленской области «О реализации "Направлений духовного и гражданского сотрудничества, взаимной помощи и поддержки администрации Смоленской области и Смоленской епархии Русской Православной Церкви", подготовке к встрече третьего тысячелетия и празднова-

годов мероприятия, направленные на исполнение данного Постановления, статья 7 которого основными путями возрождения духовно-нравственного воспитания и образования на Смоленщине определяла соединение образовательного процесса с православным воспитанием учащейся молодежи, укрепление традиций русской национальной школы и православной культуры, имели большое значение для становления региональной системы духовно-нравственного воспитания[14].

Активизировало работу по созданию региональной системы духовно-нравственного воспитания подписание в соответствии с Распоряжением Администрации Смоленской области от 15 января 2003 года № 15-р/адм «О проекте договора о сотрудничестве в сфере образовательной, социальной и культурно-просветительской деятельности» Договора о сотрудничестве в сфере образовательной, социальной и культурно-просветительской деятельности между администрацией Смоленской области и Смоленской и Калининградской епархией Русской православной церкви. Предметом Договора было определено сотрудничество администрации Смоленской области и Смоленской и Калининградской епархии по духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи, формированию высоких моральных ценностей, обмену информацией, взаимодействию в учебно-методических вопросах, анализу и обобщению опыта совместной работы, по обеспечению правовых основ образовательной, социальной, благотворительной и культурно-просветительской деятельности в Смоленской области[15].

При Администрации Смоленской области в мае 2003 года был образован Координационный совет по развитию системы духовно-нравственного воспитания, в состав которого вошли руководители ряда областных департаментов, директора ведущих средних и средних специальных учебных заведений, ректоры вузов, духовенство. Координационный совет был создан для анализа, обобщения, распространения накопленного опыта в области духовно-нравственного просвещения и воспитания подрастающего поколения, организации взаимодействия по вопросам научно-методического обеспечения процесса воспитания и обучения в образовательных учреждениях.

В соответствии с Распоряжением Администрации Смоленской области «О мерах по реализации договора о сотрудничестве в сфере образовательной, социальной и культурно-просветительской деятельности между Администрацией Смоленской области и Смоленской и Калининградской епархией Русской Православной Церкви» от 26 мая 2003 года № 225-р/адм Департаментом Смоленской области по образованию, науке и молодежной политике была организована разработка базисного учебного плана общеобразовательных учреждений Смоленской области с введением в региональный компонент государственного образовательного стандарта учебных предметов «Азбука Смоленского края» и «История православной культуры земли Смоленской»[16], преподавание которых в порядке эксперимента началось в 2003–2004 учебном году в 226 школах Смоленщины[17]. Положительные результаты апробации позволили ввести с 2004-2005 учебного года данные предметы в качестве регионального компонента в общеобразовательных учебных заведениях региона[18]. Кроме того, региональная система духовно-нравственного воспитания Смоленской области включала изучение православной культуры в школах (например, курсов «Основы православной культуры и этики», «История религий») в рамках факультатива или кружковых занятий.

ния 2000-летия христианства» от 08.12.1998 № 703 (в ред. от 04.11.1999). Режим доступа: http://www.cfo-info.com/okrug12e/rajonps/read7xlxgcc.htm.

[14] Андрицова М.Ю. Возвращение к истокам – обновление смоленской школы // Смоленские епархиальные ведомости. 2001. № 1. С. 41.

[15] Распоряжение Администрации Смоленской области от 15.01.2003 № 15-р/адм «О проекте договора о сотрудничестве в сфере образовательной, социальной и культурно-просветительской деятельности. Режим доступа: http://www.cfo-info.com/okrug12e/rajonus/read7xgbezn.htm.

[16] Распоряжение Администрации Смоленской области от 26.05.2003 № 225-р/адм «О мерах по реализации договора о сотрудничестве в сфере образовательной, социальной и культурно-просветительской деятельности между администрацией Смоленской области и Смоленской и Калининградской епархией Русской православной церкви» (в ред. от 21.02.2008). Режим доступа: http://www.cfo-info.com/okrug12e/rajonus/read7xebcc.htm.

[17] Довгий Т.П. С любовью к своей культуре (О результатах эксперимента по изучению в школах Смоленщины предметов «Азбука Смоленского края» и «История православной культуры земли Смоленской») // Смоленский пригород. 2004. 22 мая.

[18] Епархиальная хроника // Смоленские епархиальные ведомости. 2004. № 1. С. 21.

Как свидетельствует анализ исторических источников, в Белгородской, Курской, Смоленской областях существенное значение в формировании в региональных систем духовно-нравственного воспитания, основанных на аксиологических категориях православной культуры, имело многолетнее конструктивное сотрудничество с Русской православной церковью, исторически накопившей значительный опыт в сфере народного образования[19]. Так, благодаря скоординированной работе органов местного самоуправления, региональных и муниципальных органов образования со Смоленско-Калининградской епархией удалось организовать систему духовно-нравственного воспитания в Смоленской области. Региональная система духовно-нравственного воспитания школьников и учащейся молодежи создавалась «под эгидой и неустанным попечительством Митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла и Губернатора Смоленской области В.Н. Маслова»[20]. Один из примеров конструктивного сотрудничества в решении социальных проблем общества между светской и церковной властью – проводимый в регионе с 2000 года Народный Собор жителей Смоленской области, на котором большое внимание уделялось вопросам воспитания молодежи, введения преподавания новых учебных предметов, направленных на изучение православной культуры.

Конструктивным было сотрудничество в создании региональной системы духовно-нравственного воспитания с Русской православной церковью с Белгородской области. Основанием для совместной работы являлось принятое 16 ноября 2004 года Постановление коллегии образования и науки Белгородской области № 12 «О совместной деятельности управления образования и науки Белгородской области и Белгородской и Старооскольской епархии по духовно-нравственному воспитанию детей и подростков.

Практика сотрудничества школ Курской области с Курским епархиальным управлением показала целесообразность использования помощи Русской православной церкви в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения и изучении православной культуры.

Таким образом, в постсоветский период провинциальные регионы центра России – Белгородская, Курская, Смоленская области – в процесса поиска идеологических ориентиров организации учебно-воспитательной работы обратились к нравственным категориям православия, как традиционной, исторически обусловленной и самой массовой религии жителей, в качестве аксиологических ориентиров построения образовательного пространства. Реализуемые в 1990-е годы на местах формы и методы работы по духовному просвещению школьников, становление практики преподавания курсов православной культуры, целенаправленная масштабная деятельность по организации воспитательной работы в школе, тесное сотрудничество региональной системы образования с Русской православной церковью стали важными факторами формирования системы духовно-нравственного воспитания в регионах.

Анализ источников позволил сделать вывод, что в исследуемых регионах решение проблемы духовно-нравственного становления детей и молодежи через обращение к ценностям православной культуры началось значительно раньше (в 1990-е годы), чем был сформулирован заказ государства на организацию духовно-нравственного воспитания (начало 2000-х годов).

Исследование показало, что развитие в регионах опыта организации духовно-нравственного воспитания школьников прежде закрепления значимости подобной деятельности в федеральных документах сформировало противоречие между государственной политикой в области образования, замалчивающейся факт важности для духовно-нравственного воспитания религиозных ценностей, и региональной практикой, опиравшейся на использование знаний по истории и культуре традиционной и самой массовой для той или иной территории религии, в качестве аксиологического ориентира организации духовно-нравственного воспитания.

В создании региональной системы духовно-нравственного воспитания подрастающего в Белгородской, Курской и Смоленской областей, как свидетельствует анализ ис-

---

[19] Житенев Т.Е. Деятельность Русской православной церкви в сфере народного образования в конце XIX – начале XX века // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология Экономика. Информатика. 2012. № 19 (138). Вып. 24. С. 109-113.

[20] Довгий Т.П. Православная традиция и современная школа (создание региональной системы духовно-нравственного воспитания школьников и учащейся молодежи Смоленщины) // Духовные просветители земли Смоленской и их роль в воспитании нравственности и патриотизма: сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (18–19 ноября 2006 г., г. Смоленск). Смоленск, 2007. С. 65.

торических источников, можно выделить общие черты: признание воспитания подрастающего поколения в числе приоритетных направлений развития регионов и использование в качестве методологической основы построения образовательного пространства нравственных ценностей православной культуры, которая выступала средством борьбы против духовных проблем общества; активное участие в решении проблемы духовно-нравственного воспитания органов местного самоуправления; масштабное преподавание курсов по истории и культуре православия в школах; конструктивное сотрудничество школы и Русской православной церкви, основанное на понимании общности задачи воспитания подрастающего поколения и др.

На наш взгляд, накопленный в 1990-2000-е годы в провинциях центра России опыт изучения православной культуры нуждается в изучении и обобщении, выявлении достоинств и недостатков, определении общих и отличительных черт с целью определения возможности его дальнейшего использования на федеральном уровне в организации культурно-образовательной государственной политики с учетом духовных и образовательных потребностей жителей регионов. Результаты исследования свидетельствую о необходимости определения роли и места аксиологических категорий традиционных религий в системе духовно-нравственного воспитания с учетом опыта российских регионов в построении образовательного пространства и отражение официальных подходов в федеральных документах.

THE FORMATION OF A REGIONAL SYSTEM OF MORAL EDUCATION ON AXIOLOGICAL CATEGORIES OF ORTHODOX CULTURE AT THE TURN OF XX–XXI CENTURIES (FOR EXAMPLE, THE BELGOROD, KURSK AND SMOLENSK REGIONS)

O.V. PIGOREVA

Kursk State Agricultural Academy named after Professor I.I. Ivanov

E-mail: ovleb-edeva117@yandex.ru

The article analyzes the development of a regional system of moral education in the late twentieth and early twenty – first centuries on the example of the Belgorod, Kursk and Smolensk regions. It also shows a change of the state policy in the field of education space occurred in the post-Soviet period from the abolition of the educational functions of the school to a strategy for the development of educational system in the Russian Federation up to 2025. The activity of the Central provinces of Russia in search of methodological foundations for the construction of educational space in the crisis period of teaching social Sciences and ideological pluralism are also investigated in the article. The factors of use "on the ground" to the moral values of Orthodoxy, both the traditional and the mass confessions residents of the studied areas, as axiological orientations are based on the analysis of numerous historical sources. Identified and common features are also analyzes in the activity of the studied areas for the formation of a regional system of moral education. The necessity of defining the role and place of axiological significance of traditional religions in the system of moral education with accumulated in the Russian regions of large-scale experience, the importance of developing Russian approaches and fixing them in Federal documents are clearly shown in the article.

Key words: school, moral education, Orthodox culture, spiritual values, axiology.

УДК 908(470.341)"19"

ТОРГОВАЯ АКТИВНОСТЬ ТАТАР ИЗ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГЛУБИНКИ (НА МАТЕРИАЛАХ ВАСИЛЬСУРСКОГО УЕЗДА НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ)

Н.В. КОСТЕНЮК

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

e-mail: nkudrash@mail.ru

В статье дана характеристика экономической деятельности татар, проживавших в деревнях Васильсурского (Васильского) уезда Нижегородской губернии в начале XX века. Анализ введенных автором в научный оборот карточек торговых предприятий позволил выявить следующие специфические черты торговли в указанном пространстве в указанный период: значительная роль торговли как элемента экономики, её мелкооптовый характер, преобладание разносной и развозной торговли в небольшом экономическом формате уезда. По сути начало столетия явилось переходным этапом в экономическом развитии татарского населения юго-востока Нижегородчины в том смысле, что в их хозяйственной структуре на смену приоритета земледелия и скотоводства стала приходить торговая деятельность. Происходил все больший отток татарского населения за пределы родных мест. Активное включение татар в развитие местной торговли в рассматриваемый период обеспечило основу для развития мелкой татарской буржуазии (а впоследствии средней и крупной) в разных регионах Российской империи.

Ключевые слова: татары, торговля, торговые предприятия, Нижегородская губерния, Васильсурский (Васильский) уезд, 1913-1914 годы.

Цель статьи – проанализировать, как выглядела торговая активность татар Васильсурского уезда Нижегородской губернии в период с 1913 по 1918 годы. Для реализации поставленной цели автор использовал карточки учета торговых предприятий, впервые введенные им в научный оборот[1].

Осмыслению такого рода процессов способствовали усилия предшествующего периода. Подданные Российской империи – интеллектуалы, прежде всего экономисты, стремились к осмыслению тех перемен, которые происходили в хозяйственной жизни страны рубежа XIX-XX веков. Неслучайно именно тогда зарождается российская экономическая наука.

До указанного времени интерес к указанной проблематике удовлетворялся за счет обращения к переводной литературе. Например, в 1833 году вышел перевод сочинения И. Детенгофа с немецкого языка на русский язык по вопросам развития торговли[2]. Затем по мере активизации отечественной экономической мысли шли все эффективнее дискуссии по экономической проблематике: приемлемости и необходимости капитализма, о «новом экономическом человеке» (П.Б. Струве), о промышленных кризисах и «гармоничном хозяйстве» (М.И. Туган-Барановский), о вмешательстве государства в экономическую жизнь общества, о налогообложении (И.И. Янжул), о предпринимателях и предпринимательстве (И.М. Кулишер, Д.И. Менделеев). Однако вопросы мелкой торговли, которой традиционно занимались российские татары, в том числе, и нижегородские, лишь косвенно затрагивались в теоретических спорах ученых того времени. Мелкая торговля развивалась, прежде всего, на основе признания принципа полезности и уходила исторически глубоко в предшествующие этапы экономического развития. Тем не менее, когда вставал вопрос о совершенствовании налогового обложения, посредническая торговля не оставалась вне поля зрения законодателей. Так целая глава «Учебника финан-

[1] Центральный архив Нижегородской области (далее ЦАНО). Ф. 61. Оп. 1. Д. 12. 535 л.

[2] Общий состав торговли или теоретически-практическое руководство к познанию торговых наук. Сочинение Ивана Детенгофа. Перевел с немецкого Б.Ю.Корф. Санкт-Перербург, у книгопродавца Л. Брифа, Комиссионера Императорских Университсетов: Харьковского и Гельсигфорского, 1833 г.

сового права», написанного С.И. Иловайским[3] была посвящена организации промыслового налога. Эта организация рассматривалась в сравнении с положением дел по тому же вопросу во Франции, Англии, Италии, Пруссии и Австрии. Кроме просветительской литературы теоретического характера, все шире распространялись в России справочные издания с указанием торговых домов, действующих на территории страны[4].

Следует отметить, на наш взгляд, усилия экономистов из татарской среды. Из нижегородских татар самой яркой фигурой такого рода был Габделгаллям Фаизханов, экономист и просветитель[5]. В своих трудах он «дал определение таким новым для татар и достаточно новым для России формам рыночной экономики, как кредит, вексель, акционерное предпринимательство, акции, облигации и банковская прибыль»[6]. Анализ труда Г. Фаизханова «Двигатель мыслей» подтверждает большой интерес самих татар к изучению тех новаций в экономике, которые становились все более заметными по мере вхождения российского общества в капитализм. Отметим, что Г. Фаизханов не только анализировал современное ему состояние хозяйственной деятельности татар в Поволжье, но и делал некоторые прогнозы по поводу дальнейших тенденций экономического развития. Например, он писал: «В конечном счете для выращивания зерна будут вспаханы все годные земли, в том числе клинья, участки, на которых имеется чернозем. Это приведет к износу земли, снижению урожайности и удорожанию производства хлеба и его цены»[7]. Продолжая эту мысль, можно сказать, что именно нехватка земли под пашню и толкала многих татар к тому, что они стремились налаживать торговлю и постепенно делать ее более масштабной, выходя за пределы освоенного ранее пространства.

Поскольку внимание заинтересованной элитой уделялось в большей степени масштабной внутренней торговле, мелкие купцы, к которым, как правило, относились представители нижегородской татарской глубинки, не становились предметом пристального изучения ни теоретиков, ни аналитиков практик экономической сферы. А, следовательно, изучение той части российского внутреннего рынка, акторами которого являлись мелкие торговцы, затруднялось (и затрудняется по сей день) слабостью источниковой базы.

Тем не менее, появление такого документа как «Положение 1898 г. о государственном промысловом налоге», несколько изменило ситуацию с накоплением интересующих нас источников. Дело в том, что необходимость совершенствования налоговой политики привело к тому, что по указанному «Положению» предприятия стационарной торговли распределялись на четыре разряда[8]. Именно благодаря созданию «Положения 1898 года» (действовало до 1918 года) стало возможным развитие системы учета личного участия подданных империи в совершенствовании местной торговли.

Как же выглядела картина состояния и развития внутреннего рынка в российской глубинке, создаваемая усилиями нижегородских татар? Для того, чтобы эту картину нарисовать, надо вспомнить, какой была численность татарского населения Васильсурского уезда. Она составляла по данным переписи 1897 года 8,6% от населения уезда в целом[9]. Тогда татары проживали компактно в трех волостях уезда: Татаро-Маклаковской (Татарское Маклаково), Андреевской (Андреевка, Ишеево, Парша, Базлово) и Ургинской (Урга)[10].

В 1898 году в этих волостях насчитывалось в общей сложности 13.936 человек, то есть в начале следующего столетия жителей было более 14 тысяч. В интересующий нас период от татар Васильсурского уезда было зарегистрировано 30 торговых предприятий.

---

[3] Иловайский С.И. Учебник финансового права. Одесса, 1904 // Allpravo.Ru-2005.

[4] Например, Всероссийский адрес-указатель мануфактурно-галантерейных торговых домов. Составлено по сведениями, собранным коммивояжерами лодзинских и московских фабрик, и издан И.Г. Советовым. М., 1896 и др.

[5] Фаизханов Г.Ф. Двигатель мыслей: исследование состояния знания, образования, ремесла и предпринимательства у татар России. Нижний Новгород, 2006. С. 6.

[6] Хабутдинов А. Фаизханов Габделгаллям //Ислам на Нижегородчине. Энциклопедический словарь. Нижний новгород, 2007. С. 178.

[7] Фаизханов Г.Ф. Указ. соч. С. 7.

[8] Китанина Т.М. Внутренняя торговля // Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 196.

[9] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. (Губернские итоги). Т. 1-89. СПб., 1903-1905. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly

[10] Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края): Монография. Нижний Новгород, 2001. С. 398.

Из них по самому крупному татарскому населенному пункту уезда – Татарское Маклаково (в селении проживало более 4,5 тысяч человек) было зафиксировано 8 торговцев, по Андреевке (боле 3 тысяч населения) – 13 торговцев, по Ургe (2114) – 4 человека. Остальные купцы – из Базлово и Парши. На основании указанных цифр прослеживается некая закономерность: чем больше жителей в селении, тем больше от них зарегистрировано торговых предприятий.

Понятие «торговое предприятие» являлось ключевым при заполнении карточек. Промысловый налог взимался не с лица, а с предприятия. По свидетельству на мелочный торг можно было иметь не более трех мест (предприятий). На другие торговые заведения – не более 10. Нижегородские татары Васильсурского уезда имели по одному торговому предприятию.

Анализ карточек показывает, что в уезде не было ни одного торгового предприятия, которое, согласно «Положению 1898 года», можно было бы отнести к первому разряду (к нему относились магазины оптовой торговли, склады по продаже товаров, фирмы по закупке сельскохозяйственной продукции с годовым оборотом свыше 300 тысяч рублей).

Торговых предприятий второго разряда в уезде было только два: одно – Ибрагимова Муртазы, занимавшегося мануфактурной и галантерейной торговлей, из Андреевки было зарегистрировано в марте 1918 году, второе – Мусеева Мяника (мануфактурная и бакалейная торговля) действовало с января 1917 года[11]. К группе торговых заведений второго разряда принадлежали магазины розничной торговли и продажи товаров мелкими партиями, фирмы по закупке сельскохозяйственной продукции с годовым оборотом от 50 до 300 тысяч рублей.

Большинство торговых заведений уезда принадлежали к третьему разряду (9 предприятий). К этому разряду относились мелкие лавки розничной продажи с одним торговым помещением и одним наемным приказчиком, мелкие заведения трактирного промысла по скупке сельскохозяйственной продукции с годовым оборотом от 10 до 50 тысяч рублей. Одним из первых зарегистрированных торговых предприятий уезда было заведение, занимавшееся бакалейной торговлей в Татарском Маклаково и его окрестным базарам. Это было заведение Махмута Хабибулловича Абызова из Татарского Маклаково, оно и располагалось в этом селении. Первое свидетельство Абызов получил в декабре 1913 года. Годовой оборот предприятия составил тогда 10.000 рублей, прибыль достигла 900 рублей. В следующем году оборот снизился до 8 тысяч, а прибыль несколько возросла и составила 960 рублей. В 1916, 1917 годах М. Абызов вновь оформлял торговое свидетельство по третьему разряду[12]. Еще раньше, в январе 1912 года в селе Спасском было выдано свидетельство Бядретдину Невретдинову на право торговли бакалеей по третьему разряду. Оборот купца составлял в 1913 году и 1914 году в среднем 2000 рублей с прибылью в 200-240 рублей[13]. По базарам уезда торговали Садек Закеров и Шакер Закеров (оба из Татарского Маклаково). Имели свидетельства третьего разряда и занимались мелочной мануфактурной торговлей[14].

Татар-купцов четвертого разряда в уезде не было. А к пятому были причислены 4 человека. Пятый разряд патентов предназначался для развозной и разносной торговли. Розничной торговлей ситцем с 1913 года занимался Шарафетдин Алеев из Татарского Маклаково[15]. Аймалетдин Жаббаров из Андреевки имел право торговли мануфактурой по всей европейской части России. Свидетельство он получил в Василе в декабре 1915 года[16]. Право разносной торговли мануфактурой и галантереей по всей России было у Бедретдина Садекова из Андреевки. Он получил его в мае 1918 года[17]. Тогда же аналогичное право было получено его однодеревенцем Мусей Махмутовым[18]. В остальных 15-и кар-

[11] ЦАНО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 12. Л.164, 318.
[12] Там же. Л. 2-3.
[13] Там же. Л. 332.
[14] Там же. Л. 151, 152.
[15] Там же. Л. 9.
[16] Там же. Л. 143.
[17] Там же. Л. 424.
[18] Там же. Л. 296.

точках, принадлежавших торговцам из татар Васильсурского уезда, не был указан разряд. Однако по характеристикам, имеющихся в свидетельствах, можно сделать вывод, что торговые заведения их обладателей принадлежали к пятому разряду.

Из татарской торговой среды Васильсурского уезда можно назвать имена женщин: от торговки бакалеей из Базлово Мягди Ишмуратовой предприятие перешло в 1912 году к Кавсяре Зариповой, жительнице той же деревни. Прибыль, получаемая заведением, исчислялась в сумме 500 рублей при обороте в 5000 рублей. Те же показатели характерны для следующего 1913 года[19]. Ежегодно с 1912 по 1914 гг. свидетельства на торговлю бакалейным товаром получала Фатеха Мусеева из Андреевки. При обороте от 2 до 4 тысяч рублей предприятие имело прибыль от 200 до 300 рублей[20]. В Урге в 1917 году занималась мелочной торговлей Мантюха Рахимова[21].

Участие в торговых делах женщин подтверждает активность нижегородских татарок не только в воспитании детей и решении семейных вопросов, но и в производственной деятельности.

Мелкие торговцы не облагались налоговым сбором, поэтому татары, традиционно занимавшиеся мелочной торговлей, не отказывались от этого занятия, приносившего им доход. Указанные цифры дают лишь картину самых значимых торговых заведений (30 числом), имевшихся в Васильсурском уезде. Остальные торговцы, не являясь обладателями свидетельств, также были создателями товарных потоков, но тех, которые весьма трудно поддаются учету. Поэтому в общих статистических данных в объемы товарооборотов не входят сведения о продаже сельскохозяйственных продуктов на базарах и о сбыте кустарных изделий самими производителями.

Товары, которые фигурирует в анализируемых автором статьи источниках – это бакалея, галантерея и мануфактура. Торговля происходила в рамках волостей и уезда. Но не только. Среди татар-отходников было много торговцев, осуществлявших движение на Нижегородскую ярмарку[22].

Сравнительный анализ карточек торговых предприятий татар Васильсурского уезда с аналогичными источниками Сергачского уезда, соседнего с Васильсурским, позволяет автору утверждать, что тенденции развития торговой деятельности были весьма схожи[23].

В заключение отметим, что источниковый материал, введенный автором статьи в научный оборот, подтверждает торговую активность нижегородских татар и их вклад в развитие российской капиталистической экономики начала XX века. Эта активность в развитии товарно-денежных отношений, особенно заметна по сравнению с хозяйственной деятельностью татар предыдущего периода. В предшествующие годы землепашество и скотоводство были основой материального существования татарского населения Нижегородчины. Однако растущий земельный голод вынуждал искать новые векторы в развитии экономики – одной из новаций и стала торговая деятельность. Анализ источников дает возможность указать на ее специфические черты: мелкооптовый характер, преобладание разносной и развозной торговли. Начальные шаги в деле развития торговой деятельности в дальнейшем позволят нижегородским татарам увеличить масштабы деятельности практически во всех российских регионах.

[19] Там же. Л. 153.
[20] Там же. Л. 319.
[21] Там же. Л. 404.
[22] Сенюткина О.Н., Загидуллин И.К. Нижегородская ярмарочная мечеть – центр общения российских и зарубежных мусульман (XIX – начало XX вв.). Нижний Новгород, 2006; Селиванов А.Ф. Васильсурск // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890-1907.
[23] ЦАНО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 21. 1499 л.

TRADE ACTIVITY OF THE TATARS FROM NIZHNY NOVGOROD PROVINCE (BASED ON THE MATERIAL OF VASILSURSKY DISTRICT, BEGINNING OF THE XX CENTURY)

N.V. KOSTENYUK

Linguistic University of Nizhny Novgorod

e-mail: nkudrash@mail.ru

In the article it`s the description of Tatar economic activity living in the villages of Vasilsursky district that is given. The analysis of the cards of mercantile enterprises introduced by the author in scientific use made it possible to reveal the next specific traits of the trade of the mentioned space and period of time: the significant role of trade as the element of economics, its small-batch nature, the predominance of street-hawking and retail delivery trade in a small size of district. Per se, the beginning of the century became a transition period in economical development of Tatar population in the southeast of Nizhy Novgorod province in the sense that in their economical structure trading activity was taking the place of agriculture and cattle breeding. The greater efflux of the Tatar population outside the native heath is observed. An active inclusion of the Tatars in the development of the local trade during the period under review provided a basis for the growth of lower middle class (and afterwards upper middle class) in different parts of the Russian Empire.

Key words: Tatars, trade, mercantile enterprises, Nizhny Novgorod Province, Vasilsursky district, 1913-1914 years.

УДК 94.87

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС В РОССИИ В 1917 ГОДУ: СЛАБОЕ МЕСТО НОВОЙ ВЛАСТИ

М.В. ОСЬКИН

Институт законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, г. Тула

e-mail: maxozv@yandex.ru

Продовольственный вопрос в России в 1917 г. явился одним из ключевых для существования революционной власти российской республики. Задача преодоления продовольственного кризиса, ставшего одной из основных причин падения монархии, для революционных властей также стала точкой невозврата. Введение хлебной монополии, снабжение армии и тыла, централизация хлебозаготовок натолкнулись на сопротивление производителя хлеба – крестьянства. В статье рассматриваются некоторые аспекты развития продовольственной ситуации в 1917 г., нерешенность которой стала важной причиной падения Временного правительства в октябре 1917 г. Транспортный кризис, падение хлебных запасов, развал фронта – все эти факторы способствовали успеху большевистского переворота.

Ключевые слова: продовольственный вопрос, хлебная монополия, Министерство продовольствия, твердые цены.

В 1917 г., в ходе Февральской революции, российская буржуазия пришла к власти в обстановке острого кризиса продовольственного снабжения, угрозы срыва мероприятий хлебозаготовок, падения государственного хлебного запаса. Созданная во время переворота Продовольственная комиссия Временного комитета Государственной Думы и Совета рабочих и солдатских депутатов 6 марта предписала провести параллельно с уже имеющимися мероприятиями по закупкам и разверстке хлеба, реквизицию хлебных продуктов у крупных земельных собственников, имеющих запашку свыше 50 десятин, торговых предприятий и банков. Для получения первичных данных, 17 марта министр земледелия А.И. Шингарев запрашивал представителей губернских продовольственных комитетов (губпродкомов) и губернских земельных управ: «как она идет в настоящее время, и какие дала до сих пор результаты». Из основной массы губерний отвечали, что получаются данные либо понемногу, либо таких хозяйств очень мало или вовсе нет[1].

Основной мерой новой власти в деле регулирования хлебозаготовительного вопроса, стал закон о монополии на хлеб от 25 марта, означавший «более высокую ступень военного регулирования и высокую ступень обобществления одной из ведущих народнохозяйственных отраслей»[2]. Исследователями отмечается, что эта необходимая и продиктованная объективными реалиями государственная мера, так и не была в основных своих положениях внедрена на практике, но лишь – проявилась тенденция к этому. Закон провозглашал принудительное отчуждение государством всех свободных запасов (а не только товарных) хлеба по твердой цене, обязывал владельца и производителя к доставке на продовольственные склады, запрещал спекуляцию хлебом. Это было следующим шагом на пути сосредоточения в руках государства всех наличных запасов продовольственных продуктов. Однако, монополия как обязательственная мера, несомненно, невыгодная держателям зерна, не была воспринята широкими массами крестьянского населения, а потому осталась исключительно на бумаге, ибо хлебная монополия не могла быть сопровождаема нормированием промышленных товаров и предметов первой необходимости. То есть данное мероприятие могло увенчаться успехом лишь при восприятии его крестьянством как необходимой меры для государства и победы, при доверии к верховной власти со стороны деревни.

Временное правительство, осознавая тяжесть продолжения международной борьбы, да еще в условиях революции, было вынуждено положить в основу своей продоволь-

[1] Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 1783. Оп. 1. Д. 168. Л. 43.

[2] Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 206; Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. Л., 1985. С. 310.

ственной политики принципы монополизации закупок, регламентации производства, нормировки потребления. Наибольшей трудностью в разрешении этой проблемы стало условие возможности изъятия хлеба у его мелких держателей. То есть центр тяжести находился не в правовой организации данного вопроса, а в мерах по его практическому применению. Крестьянство, в свою очередь, восприняло хлебную монополию как разорительную и чрезвычайно для себя убыточную, «несправедливую» со стороны государства меру. Выступавшая еще при царизме против продовольственной разверстки деревня, не желала ограничения своих прав на собственную продукцию и при новой власти.

В письмах крестьян в Петроград проводилась ярко выраженная линия мировоззрения земледельца-труженика, не пытавшегося понять логики властей в условиях тяжелейшей войны. По своей общегражданской сути такая позиция, разделявшаяся миллионами крестьян, являлась социально сепаратистской: «теперь это было бы смертельной обидой, ударом в лицо русскому крестьянству, которое несет на себе всю тяжесть кровавой повинности, отдав на фронт всех своих сынов, всех своих работников без остатка. Теперь вы хотите поступить с ним, как грубый завоеватель с чужим порабощенным народом. Неужели Вы не понимаете, что это будет… началом гражданской войны… призывом к крестьянскому восстанию против ограбления и порабощения… потому что твердые цены до нелепости низки… насильственное отобрание хлеба по низким твердым ценам будет равносильно приказу прекратить посевы и зарыть глубже в землю имеющиеся запасы… Для самой глухой деревни не секрет, что насильственные меры и низкие цены прилагаются только к деревне, что торгово-промышленный класс по-прежнему хватает и будет хватать безумные барыши, а рабочие, определив рабочий день фактически в 7 ч. 20 мин… перешли уже пределы своих мечтаний»[3]. Уже осенью приведенные выше угрозы будут воплощены в жизнь в Черноземье и Поволжье, на Украине и на Северном Кавказе: хлебные житницы страны откажут Временному правительству в продовольствии. Как справедливо отмечается исследователем: «слабеющая власть и проведение государственной хлебной монополии – вещи несовместимые»[4]. Но у верховной государственной власти, ведущей войну, фактически и не было иного выбора. Хлебная монополия, как чрезвычайная мера, была жестко детерминирована войной.

Во имя получения хлеба революционные власти пытались решать проблему регулирования распределения промышленных товаров, учредив в апреле Комиссию для выяснения вопроса по снабжению населения предметами широкого потребления. В своем сообщении от 24 апреля Временное правительство признавало, что «необходимые в обиходе изделия поступают для нужд населения лишь в крайне ограниченном количестве и по весьма высоким ценам». В числе необходимых предметов назывались металлические и кованые изделия, ткани, чай, керосин, мыло, бумага. Признавая, что все это должно поставляться по твердым ценам, власти обещали «немедленно принять меры к выяснению вопроса о том, какое именно количество этих изделий и продуктов может быть уделено для гражданского населения, и по каким ценам и каким способом представляется наиболее справедливым распределить это количество между наиболее нуждающимися[5].

Помимо собственных усилий, правительство надеялось опереться в масштабах всей страны и на общественно-политические организации. В своих майских резолюциях Всероссийский продовольственный съезд призвал к установлению твердых цен не только на хлеб, но и на топливо, железо, мануфактуру, кожу и другие продукты обрабатывающей и добывающей промышленности: «твердые цены на предметы массового потребления должны обязательно находиться в соответствии с ценами на хлеб». Помимо твердых цен государство обязывалось немедленно организовать как снабжение товарами, так и равномерное распределение их между населением. Присоединившись к требованию мира без аннексий и контрибуций, съезд заявил «о совершенной недопустимости сепаратного мира» и непременном сохранении боевой мощи армии. С другой стороны резолюция признавала, что «правильное развитие народнохозяйственной жизни станет возможным

[3] ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 314. Л. 69-70.
[4] Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917-1921 гг.: Мешочники. СПб., 2002. С. 21.
[5] ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 140. Л. 126.

лишь по окончании настоящей разрушительной, братоубийственной войны»[6]. Но лишь в условиях острого кризиса снабжения осенью 1917 г. ряд местных продовольственных комитетов провел по собственной инициативе прямой товарообмен наличного запаса товаров промышленности на хлеб, что привело к увеличению объема хлебозаготовок, позволив выполнить 33,5% от установленного задания. Эта цифра стала наивысшей для революционной власти, начиная с апреля месяца[7].

Власти пытались, в силу обстоятельств объективного характера, решить проблему продовольствования армии и населения по преимуществу административными мерами. Так, 5 мая из Министерства земледелия выделили особый аппарат – Министерство продовольствия, призванное направлять и регулировать действия соответствующих органов на местах – продовольственных комитетов, образованных одновременно с законодательством о хлебной монополии. Их деятельность на первых порах давала неплохие результаты. Однако община и контролировавшиеся ею крестьянские власти постепенно стали прибирать их к рукам. Например, Тамбовский губернский продовольственный комитет 2 апреля постановил не допускать к участию в заготовке хлеба мельников, хлеботорговцев и ссыпщиков зерна. К лету 1917 г. даже из губернских продовольственных органов лишь около половины соответствовали по своему составу закону 25 марта. На уездном и волостном уровнях дело обстояло еще хуже. А ведь от состава продовольственных органов напрямую зависела и государственная политика в области продовольствования. Летом растет количество случаев о складывании с себя полномочий продовольственными организациями в ряде губерний, увеличивается число насильственных акций в отношении их сотрудников в городах Европейской России. Такое положение вещей еще больше осложняло дело снабжения, не позволяя проводить учет и контроль продуктов[8].

Все лето Центр прилагал массу усилий по получению хлеба, согласно действующему законодательству. Приказ министра продовольствия А. В. Пешехонова продовольственным комитетам от 18 июля сообщал, что «все излишки хлеба должны быть сданы землеробами по закону 25 марта 1917 г. государству. Только таким путем можно достичь правильного распределения хлеба по всей стране и тем предотвратить надвигающийся голод». Пешехонов признавал, что население препятствует этому и предлагал комитетам принимать решительные и энергичные меры, помня, что «хлеб составляет государственную собственность и весь излишек его, за покрытием личных и хозяйственных нужд владельцев, должен возможно скорее поступить для армии и нуждающегося населения». Министр предостерегал, что не следует «никоим образом выносить постановлений и резолюций, дающих повод населению к проявлению насильственных и преступных действий против землевладельцев»[9]. Тем не менее, закон 25 марта не воспринимался крестьянством, уже приступившим к первым действиям «черного передела» в качестве «законного» и «справедливого». А потому деревня отнюдь не стремилась к его выполнению.

В условиях слабости центральной власти монополия явилась, прежде всего, дестабилизирующим фактором, разрушавшим рынок и вторгшимся в реализацию продукта непосредственно его производителем. Невозможность государства учесть излишки, изъять их, доставить по назначению и т. д., только укрепляло деревню в сознании собственной силы, придавая уверенность общине в успехе ее противоборства с властью. Власти на местах были бессильны препятствовать даже самовольному вывозу крестьянами хлеба из производящих губерний в потребляющие области. Не представлялось возможным остановить и процесс перевода зерна посредством винокурения, так как рыночная продажа самогона была гораздо выгоднее сдачи хлеба по твердым ценам. Вялые меры по рациональному распределению продуктов, имели следствием массовую тайную скупку и перепродажу хлеба. Срыв деревней проведения в жизнь закона о хлебной монополии и принципов экономической политики Временного правительства, свободная продажа крестьянами своего хлеба помимо государства, были признаны на заседании Особого Совещания по продовольственному делу 24 июня[10].

[6] ГАРФ. Ф. 3087. Оп. 1. Д. 42. Л. 10об–2.
[7] См.: Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Революция и хлеб. М., 1990. С. 112-113.
[8] ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 148. Л. 12-14; Ф. 6831. Оп. 1. Д. 319. Л. 61-63.
[9] ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 24. Л. 1-2.
[10] ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 148. Л. 12-14.

Сельскохозяйственная перепись 1917 г., преследовавшая, наряду с прочими, цель всестороннего изучения продовольственного вопроса для продолжения войны, должна была предоставить в распоряжение верховной власти исчерпывающие данные о возможностях страны к дальнейшей борьбе. Хлеб в России был, но тяготы войны особенно сильно сказались в 1917 г. Например, справка о состоянии озимых посевов от 8 августа отмечала: «избыток влаги во время уборки в центральных губерниях… понизил качество урожая». Также отрицательные последствия имела засуха в Поволжье и Западной Сибири[11]. Тогда же, в ходе сельскохозяйственной переписи, был составлен проект примерной инструкции для грядущего введения карточной системы в сельских местностях. Переписи подлежали запасы хлебных продуктов и населения. В карточки подворной переписи вносились сведения о количестве членов семьи, о местожительстве и полном имени домохозяина, о запасах продуктов. Перепись такого рода проводилась посредством кооперативов и сельской администрации под контролем уездных продовольственных комитетов. Продукты должны были выдаваться на один месяц после проверки списка потребителей, а «каждый двор получить одну карточку на срок до 1 января следующего за текущим года»[12].

Сознавая, что хлеб в стране есть, и нужно его взять, доставить до адресатов и распределить, Циркуляр Министерства продовольствия губпродкомам от 27 июля 1917 г. указывал, что необходимо приложить все усилия, чтобы создать запасы хлеба нового урожая: «В целях усиления заготовительного аппарата является необходимым и целесообразным озаботиться своевременным привлечением к делу заготовки, сверх собственных, кооперативных и общественных организаций, еще и торгово-промышленных организаций и фирм». Министерством признавалось, что в отдельных регионах продовольственные комитеты не желают привлекать к делу ссыпки частноторговый аппарат, однако это надо сделать для успеха хлебозаготовок: «Преимущественному привлечению к делу заготовки хлеба подлежат крупные объединения торгово-промышленных организаций (общества, союзы мукомольных и хлеботорговых предприятий), а затем уже отдельные, наиболее солидные и соответственно оборудованные и подготовленные предприятия»[13].

Обыкновенно, при характеристике продовольственной политики Временного правительства в 1917 г. в расчет берутся, прежде всего, хлебные продукты, что справедливо, так как хлеб являлся основным продуктом закупки и потребления. Однако, централизованным заготовкам по твердым ценам подлежали и другие продукты питания. Например, проект положения о закупках картофеля из урожая 1917 г. указывал, что заготовки овощей будут производиться в Орловской, Тульской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Московской, Владимирской, Калужской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Пензенской, Казанской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Киевской, Смоленской, Витебской, Могилевской, Минской, Псковской и Эстляндской губерниях. По примеру правил о сдаче хлеба сообщалось, что «всякий владелец картофеля обязан по требованию местного продовольственного комитета, объявить количество и место хранения имеющихся у него запасов картофеля и, по постановлению комитета, предоставить таковые запасы в распоряжение комитета, за исключением количеств, потребных на удовлетворение хозяйственных надобностей владельца по нормам, устанавливаемым Общегосударственным Продовольственным комитетом». В случае отказа владельца исполнять требования, местные губпродкомы «принудительно отчуждают эти запасы по установленным ценам». На съезде представителей губпродкомов 20-22 июня 1917 г. был выработан план вмешательства государства в дело заготовки овощей:

1) произвести разверстку потребного государству количества продуктов переработки картофеля между занимающимися этим предприятиями, установив для каждого предприятия определенный наряд;

2) установить твердые цены на все продукты переработки картофеля, как-то: муку, крахмал, патоку и сахар;

3) объявить все означенные продукты переработки поступающими в распоряжение государства и

4) запретить вывоз этих продуктов как по железным дорогам, так и водою без раз-

[11] ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 355. Л. 4.
[12] ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 1520. Л. 1–5.
[13] ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 320. Л. 70–71.

решения министерства продовольствия и вне установленного для сего плана». 2 сентября были введены предельные цены на картофель, составившие в Центральной России сумму от 1.90 (Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Тамбовская, Тульская, Калужская, Смоленская, Воронежская губернии) до 3.30 (Московская губерния) рублей за пуд[14].

Другим важнейшим продуктом, подлежавшим государственному регулированию, стало мясо. Выполнение разверстки по регионам на поставку крупного рогатого скота, овец и свиней было также возложено на местные губпродкомы. Доклад Отдела Заготовок о твердых ценах, от 24 июня 1917 г. зафиксировал, что «ранее установленные на 1917 г. основные твердые цены на скот и мясо не подлежат в настоящее время дальнейшему увеличению», хотя на сентябрь-октябрь следует «понизить основные твердые цены на 1 рубль на пуд живого веса». С 1 февраля 1918 г. до мая твердая цена будет повышена еще на 1 рубль[15]. Первые твердые цены на крупный рогатый скот, установленные 12 мая 1916 г., в Центральной России колебались от 6.25 (Курская губерния) до 7.00 (Владимирская губерния) руб. за пуд живого веса[16]. Особое Совещание по продовольственному делу в заседании 16 января 1917 г. изменило твердые цены на 15-пудовый скот – от 8.60 (Курская) до 9.00 руб. (Владимирская). Цена на овец по всем 45 губерниям и областям составила 8 руб. за пуд, «причем на овец, овчина которых пригодна для полушубка». В феврале, марте и апреле предполагалось «цены на скот повысить на 1 рубль за пуд живого веса»[17].

После революции эти цены сохранились, с тем уточнением, что следовало «установить наименьший кондиционный живой вес скота в 10 пуд, предоставив право губернским продовольственным комитетам, в случаях крайнего недостатка кондиционного скота, принимать скот и с меньшим кондиционным весом, но не ниже 8 пуд». Скот весом от 8 до 15 пуд расценивался как 15-пудовый, а в случае превышения 15 пуд цена увеличивалась по 10 копеек за каждый следующий пуд: «при этом расценку животных при излишке в фунтах до полупуда производить по низшей пудовой цене, а при излишке полупуда и выше – по высшей». Министерство продовольствия настойчиво рекомендовало «в целях сохранения крупного рогатого скота допускать замену его овцами и свиньями без ограничения процентного отношения к общему наряду скота по губернии»[18]. Твердые цены устанавливались и на животные жиры: шпик – 33 руб., говяжье и баранье кашное (топленое) сало – 40, свиное кашное – 42, техническое сало – 35 руб.

Транспортный кризис, связанный с падением мощностей подвижного состава железных дорог, негативно сказывался на погрузке и перевозках продовольственных грузов. Циркуляр Отдела Заготовок губпродкомам от 13 июля просил принять меры, «чтобы продукты, подвозимые к станциям железных дорог, незамедлительно принимались представителями продовольственных комитетов и сдавались к перевозке», так как «грузы эти вызывают переполнение станционных складочных помещений и создают затруднения в деле отправки». Следующий циркуляр от 19 июля возлагал на губпродкомы ответственность за составление графиков погрузки продовольствия: «в связи с введением 1 августа правил постепенности отправления по железным дорогам грузов малой скорости, необходимо заблаговременное предъявление железным дорогам плана предстоящих в следующем месяце перевозок скота. Прошу телеграфировать не позже 23 июля полный план предстоящих в августе перевозок на фронт, а равно на убойные пункты живого скота по вашей губернии, с обозначением железных дорог, где будет погрузка, а также о количествах эшелонов на месяц скота – отдельно фронту и на убойные пункты, с указанием – какие»[19].

Номенклатуру и количество продовольственных запасов на предстоящий год, равно и финансовое обеспечение закупки этих материалов, показывает доклад финансово-счетного отдела Министерства продовольствия в августе 1917 г., требовавший на годовую потребность в продовольствии минимум 9 232 375 000 рублей[20]:

[14] ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 314. Л. 1–14.
[15] ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 372. Л. 1.
[16] ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2199. Л. 3.
[17] ГАРФ. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 69. Л. 13–14об.
[18] ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 372. Л. 2–3.
[19] ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 387. Л. 32б, 83.
[20] ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 23а. Л. 132.

Таблица 1

Предполагаемые закупки продовольствия на операционный (заготовительный) 1917/1918 г., согласно требованиям Министерства продовольствия

Продукт	Пудов	Рублей
Мука, крупа и зернофураж	881 500 000	2 475 000 000
Незерновой фураж (сено и солома)	235 000 000	412 000 000
Мясо	77 687 000	1 887 000 000
Рыба	25 300 000	315 000 000
Жиры	26 800 000	1 111 000 000
Сыр	1 000 000	80 000 000
Овощи и фрукты	26 400 000	126 000 000
Сахар	60 000 000	900 000 000
Соль	100 000 000	100 000 000
Табак	5 000 000	290 000 000

Таким образом, Министерство продовольствия Временного правительства планировало потратить на централизованные государственные закупки продовольствия до лета 1918 г. около 10 млрд. руб., даже без учета прогрессировавшей инфляции. При этом более половины закупок должен был составить, конечно, хлеб.

Головной болью Временного правительства в условиях продолжающейся Первой мировой войны оставалось продовольственное снабжение фронта, перебои в котором в критические дни февраля 1917 г. побудили высший генералитет поддержать революцию. Намереваясь поддержать продовольственные усилия тыла, Журналом 16 марта Военный Совет положил:

1) ввести во время настоящей войны для всех войск, управлений, учреждений и заведений военного ведомства внутри страны, вне района войны находящихся, 4-й обязательный постный день в неделю,

2) подтвердить, что военнопленные могут получать мясо по ¼ фунта в день на человека не более трех дней в неделю и при том лишь условии, если мясо можно получать без затруднения на местном рынке наличной покупкой» (подтверждение Положения Военного Совета от 19 января 1917 г.)[21]. То есть, тот продукт, в котором страна испытывала наибольшую нехватку (не считая сахара, на который еще летом 1916г. были введены карточки), экономился даже и армией, ибо войска поглощали огромную часть товарного мясного ресурса. Солдатский паек составлял 205 граммов в день, но 2 мясопустных дня на фронте и теперь уже 4 для тыловых гарнизонов, позволяли чрезвычайно экономить мясные продукты. Также Временное правительство подтвердило еще царскую меру о частичной замене мяса в пайке тыловых войск яйцами. Суть проблемы, например, разъясняет телеграмма Окружного интенданта штаба Московского военного округа в июле: «некоторые части отказываются от довольствия яйцами, высланными распоряжением министра земледелия для гарнизонов. Прошу предложить полковым комитетам разъяснить, что яйца должны быть обязательно использованы и высланы – они для уменьшения расходов мяса, запасы которого истощаются, почему замена хотя бы одного мясного дня яичным является необходимой, тем более что такая замена введена даже в действующей армии. При обостряющемся продовольственном кризисе, возможность получения войсками яиц является значительным облегчением при способах довольствия»[22]. Твердые цены на яйца с 1 августа 1917 г. в Центральной России составили 100 руб. за 1000 штук[23].

Военные власти, после революции оказавшиеся в подчинении у правительства, вынуждены были согласовывать свои действия продовольственных закупок с органами Министерства продовольствия. Так, Совещание в Ставке 17 мая по вопросу об урегулировании снабжения фронтовых организаций, постановило, что «заготовку всех продовольственных продуктов отдельными войсковыми частями и организациями в войсковом

[21] Государственный архив Тульской области (далее ГАТО). Ф. 1130. Оп. 1. Д. 19. Л. 111.
[22] ГАТО. Ф. 2260. Оп. 1. Д. 59. Л. 88.
[23] ГАРФ. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 94. Л. 309.

районе фронта в экстренных случаях разрешить производить без соглашения с продовольственными комитетами, но по твердым ценам. В тыловом районе фронта допустить заготовку войсковыми частями и организациями, но по соглашению с продовольственными комитетами овощей, различных противоцинготных средств, масла и яиц; заготовку же сена, сала, мяса и всех монополизированных продуктов воспретить»[24]. Тем самым укреплялась централизация закупок по твердым ценам и устранялась ненужная конкуренция военных фуражиров, но с другой стороны – фронт вставал в полную зависимость от усилий тыла по снабжению основными продуктами.

С лета 1917 г. ситуация со снабжением фронта ухудшается, что было связано с провалом усилий государства по реализации закупок хлеба и других продуктов. Телеграмма министра продовольствия от 16 июля сообщала, что «подача продуктов фронтам сравнительно с нормой и подачей мая и июня за последнее время резко угрожающе понизилась… настоятельно прошу принять самые решительные меры, приложить все усилия для преодоления встретившихся препятствий к немедленному доведению погрузки до нормы и срочному пополнению допущенных недогрузов, памятуя, что положение таково, что если не будет достигнуто быстрых удовлетворительных результатов, делу продовольствования армии грозит полная гибель». Передавая эту телеграмму на места, тульский губпродком добавлял: «принять самые энергичные меры к скорейшему вывозу овса и ржи»[25].

В поисках выхода из тупика резкого уменьшения запасов, власть оказалась вынуждена пойти на новое повышение твердых цен (первое повышение состоялось в конце марта), что было явной уступкой деревне производящих регионов, реакцией на ее противодействие государственным усилиям. Еще 4 августа Временное правительство выступило с официальным заявлением о гарантии неповышения цен на хлеб. Однако уже 27 августа твердые цены были увеличены вдвое, ибо Центр рассчитывал, что повышение уровня цен лишит хлебовладельцев основания и материальной выгоды уклоняться от поставки хлеба. Повышение сразу ударило по наименее зажиточным семьям, вынужденных прикупать хлеб, в том числе по семьям солдат; пострадало сельское население потребляющих областей, особенно острым положение оказалось в городах.

Безусловно, власти превосходно сознавали ключевое значение продовольственного вопроса в преддверии зимы. От решения этой задачи зависело не только продолжение войны российскими армиями Восточного фронта, но и само существование демократической власти. Не случайно новый министр продовольствия С. Н. Прокопович заявлял на заседании Предпарламента 16 октября: «Под влиянием полного истощения запасов как на фронте, так и внутри страны, Временное правительство вынуждено было прибегнуть к крайней мере – к удвоению цен… по старым ценам население хлеб не везло… И если теперь по удвоенным ценам, мы все-таки не получим хлеба, который нам будет нужен, конечно, мы вынуждены будем прибегнуть к… воинской силе»[26]. Телеграмма МВД на места от 19 октября предлагала «принять все меры вплоть до применения вооруженной силы по организации охраны хлебных запасов и хлебных грузов в пути и на складах в целях выполнения плановых перевозок для снабжения армии и населения… Разъясните охраняющим солдатам, что защита хлеба и органов, заведующих продовольствием, есть защита родины»[27]. Впрочем, никакой силы у Временного правительства уже не было: через десять дней в ходе очередного переворота к власти придут большевики.

Временное правительство еще хуже царского справлялось с проблемой продовольствования всех нуждавшихся в продуктах адресатов. Глобальное воздействие аграрного движения, управлявшегося общиной, на помещичье хозяйство в смысле его дезорганизации с целью предстоящего перехода в руки села, делало крестьянское хозяйство основной формой организации сельскохозяйственного производства. Община, ставшая основной и практически единственной силой в российской деревне 1917 года, стремилась стандартизировать отечественное хозяйство до уровня этики выживания. Только такой путь давал возможность ее сохранения как социального института, а архаичное массовое сознание большинства сельского населения гарантировало успех данной тенденции объ-

[24] ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 312. Л. 209.
[25] ГАТО. Ф. 2260. Оп. 1. Д. 58. Л. 43.
[26] Цит. по: История России. 1917-1940. Хрестоматия. Екатеринбург, 1993. С. 18.
[27] ГАТО. Ф. 2260. Оп. 1. Д. 48. Л. 125.

ективного порядка. Успех революции, победоносно прошедшей в городе, был закреплен и развит ее распространением на деревню. Решающим условием победы общины, знаменовавшее тем самым углубление развития революционного процесса в стране, явился захват пахотных частновладельческих земель и их переход в общинный передельный фонд. Разумеется, что при таком положении дел, дальнейшие пути деревни и верховной власти расходились в диаметрально противоположные стороны.

FOOD ISSUE IN RUSSIA IN 1917: WEAKNESSES OF THE NEW GOVERNMENT

M.V. OS`KIN

Tula. Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian police association

e-mail: maxozv@yandex.ru

The food problem in Russia in 1917 became one of the key to the existence of the revolutionary government of the Russian republic. The task of overcome of the food crisis, which became one of the main causes of the fall of the monarchy, from revolutionary innovative authorities also became the point of no return. Introduction of the grain monopoly, the supply of the army and the rear, the centralization of bread-procurement was met with the opposition of the producer of the bread – peasantry. The article discusses some aspects of development of the food situation in 1917, unresolved which has become an important cause of the fall of the Provisional Government in October 1917. Transport crisis, falling grain stocks, the collapse of the front – all these factors contributed to the success of the Bolshevik revoiution.

Key words: the food problem, the grain monopoly, Ministry of Food, fixed prices.

УДК 94(47):374.7

ВОПРОСЫ ОПЕКИ В ПРАВОВОМ БЫТУ КРЕСТЬЯНСТВА ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

В.В. КУЛАЧКОВ

Брянская государственная инженерно-технологическая академия

e-mail: vad2517@yandex.ru

В данной статье изучаются вопросы опеки в правовом быту крестьянства Западного региона России первой трети XX века. Опекунские отношения до революции преимущественно регулировались так называемым обычным правом. Сельские общества на постоянной основе контролировали действия опекунов и учитывали изменения в составе имущества. Как правило, опекунами становились ближайшие родственники и после достижения совершеннолетия состояние опеки прекращалось. После революции 1917 г. крестьяне продолжали своими силами проявлять заботу о сиротах. При этом государство помогало сельскому населению, несмотря на сложную обстановку в первое постреволюционное десятилетие. В итоге автор приходит к выводу, что опекунский институт был традиционным для крестьянского сословия. Его основные черты функционировали в деревне автономно от государственной регламентации. Но постепенно неписаные установления обычного права утрачивали свою силу под влиянием норм письменного гражданского законодательства.

Ключевые слова: крестьянство, Западный регион России, опека, сироты, правовой быт, имущество.

В повседневном быту крестьянства вопрос опеки и связанные с ними отношения занимали одно из важных мест. Целью данной статьи является изучение роли опекунских отношений в правовом быту крестьянства Западного региона России первой трети XX века. Традиционно к Западному региону относят Брянскую (1920-1929), Смоленскую (1708-1929) и Калужскую (1796-1929) губернии. До революции Брянский уезд входил в состав Орловской губернии, поэтому для статьи актуальны сведения по данной территории. Постановлением президиума ВЦИК от 14 января 1929 года губернии были полностью ликвидированы и вышеуказанные регионы вошли в состав Западной области. Кроме того, в статье использовались материалы, относящиеся к Гомельской губернии (1919-1926). Это обусловлено тем, что в мае 1923 г. декретом ВЦИК к Брянской губернии был присоединен Почепский уезд Гомельской губернии. Декретом ВЦИК от 27 марта 1924 г. Трубчевский уезд был ликвидирован, а его территория была распределена между Почепским, Бежицким и Севским уездами. В связи с расформированием Гомельской губернии в конце декабря 1926 г. в состав Брянской губернии были включены Клинцовский, Новозыбковский и Стародубский уезды[1].

Следует отметить, что в назначении опекунов и попечителей и проверке их деятельности, крестьянам дозволялось руководствоваться местными обычаями, т.е. правилами так называемого обычного права. В связи с этим в опекунских взаимоотношениях ярко выражались представления крестьян о справедливом *(с их точки зрения – В.К.)* правовом порядке в данной социальной сфере.

Изучение вопросов опеки наиболее активно происходило в дореволюционный период. В частности, можно выделить работы, специально посвященные крестьянской опеке[2]. В советское время данная тематика рассматривалась в контексте изучения общих проблем сиротства[3], т.е. отдельного изучения темы не осуществлялось.

[1] Государственный архив Брянской области (далее ГАБО). Ф. П-1. Брянский губком ВКП (б) 1919-1929. Историческая справка. С. 2.

[2] См.: Цыпкин П.С. Опека в русском крестьянском быту. СПб., 1908; Боровский А.К. Опека над личностью и имуществом малолетних сирот сельского состояния. Петрозаводск, 1900.

[3] См.: Бусыгин Е.П. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Казань, 1973; Яшин А. Сирота // Избранные произведения в 2 томах. Т. 2. М., 1972. С. 7-126.

В постсоветский период изучение сферы опекунских отношений активизировалось как в историческом, так и правовом смысле. Так, в трудах ряда авторов отдельно изучалось функционирование крестьянской опеки[4]. В частности, М.П. Осипова в результате анализа регионального материала пришла к выводу, что «рассмотрение юридических обычаев крестьянства позволяет утверждать, что обычное право не только знало понятие опеки над малолетними, но и содержало целый комплекс норм, призванных регулировать отношения в опекунской сфере»[5].

Предпринимались попытки сравнительного анализа опекунских отношений в среде разных сословных групп. Например, Е.П. Мерко исследовала развитие института опекунства в дворянской и крестьянской среде[6]. В результате автор констатировала, что «процесс правовой эволюции института опекунства осуществлялся в сторону сближения дворянской и крестьянской опек, подчинения последней общим гражданским законам»[7]. Кроме того, данная тема рассматривалась и в юридических работах[8].

Очевидно, что в настоящее время наблюдается интерес к изучению сферы опеки как в историческом, так и в правовом плане. При этом налицо пробелы в изучении региональной специфики эволюции данного социального института. Поэтому введение в научный оборот новых архивных данных позволит в какой-либо мере восполнить исследовательские лакуны. При этом материалы архивных учреждений содержат достаточный объем сведений о ситуации в сфере опеки[9]. Как правило, после смерти отца по приговору сельского схода к имуществу и малолетним детям, в качестве опекуна назначалась мать. Обязательными условиями выступали ее хорошее поведение и забота о хозяйстве. Так, после смерти крестьянина с. Заборья И.Г. Шило в 1910 году, опекуном стал П.И. Грибанов, дети остались с матерью, которая вышла замуж за опекуна. Он каждый год отчитывался перед сельским сходом о расходовании средств и ведении хозяйства[10]. Если мать не могла стать опекуном, то призывался кто-либо из ближайших родственников. В свою очередь, если родственники были не в состоянии содержать сирот, то их разбирали по состоятельным домам.

Примерно тоже самое произошло после смерти крестьянина д. Вязновки К.В.Бердникова в 1909 году. Опекуном по предложению сельского старосты был назначен Карп Лемешенок, который также отчитывался перед сходом деревни. Сельский сход либо утверждал отчет, либо нет[11]. В Карачевском уезде Орловской губернии: «если у сироты не осталось никакого имущества и нет земельного надела, общество могло установить ежегодный сбор в пользу сирот до того времени, в котором можно «заработать себе на пропитание»[12]. Информатор С.Гришин в 1898 году сообщал: «опека учреждается по приговору только над теми, у которых никаких родственников не осталось, а имущество есть сравнительно порядочное. Опека учреждается над девушками до выхода замуж, а мужчинами до 21 года. … Опекуны никакого вознаграждения не получают»[13].

---

[4] См.: Соловьева И. Крестьянские сироты XIX в.// Нескучный сад. Православный журнал о делах милосердия. 2002 № 3. С. 25-27; Безгин В.Б. Опека малолетних и сирот в русском селе (вторая половина XIX в.) // Юридический мир. 2009. № 2 (146). С. 76-79; Осипова М.П. Правовые основы и организация опеки над малолетними в крестьянской среде во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Тамбовской губернии). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Тамбов, 2011.

[5] Осипова М.П. Правовые основы и организация опеки над малолетними в крестьянской среде во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Тамбовской губернии)… С. 23.

[6] См.: Мерко Е. П. Эволюция института опекунства детей-сирот в Российской империи в 1890-1914 гг. (на материалах губерний Центрального Черноземья). Автореф. дисс.… канд. ист. наук. Белгород, 2012.

[7] Мерко Е. П. Эволюция института опекунства детей-сирот в Российской империи в 1890-1914 гг. (на материалах губерний Центрального Черноземья)… С. 25; Мерко Е.П. Правовой механизм социальной помощи детям-сиротам сельских обывателей в Центральном Черноземье в конце XIX – начале XX века (1890-1914 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. Белгород, 2010. № 19 (90).Выпуск 16. С. 137-144.

[8] См.: Макарова С.В. Институт опеки и попечительства над несовершеннолетними детьми: история его становления в России // Вопросы ювенальной юстиции. М., 2006. № 1(6). С. 5-7; Томилов А.Ю. Защита прав и интересов несовершеннолетних лиц, находящихся под опекой и попечительством. Дисс.…канд. юрид.наук. М., 2001.

[9] См., например: ГАБО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 58. Приговоры сельских сходов, обществ крестьян и казаков селений Почепской волости о назначении опеки и опекунов над имуществом и малолетними детьми умерших, утверждении отчетов опекунов о расходовании наличных денежных средств, отчеты опекунов, описи имущества умерших. 1914-1918 гг.; ГАБО. Ф. 409. Оп. 1. Д. 11. Дело об установлении опеки над имуществом и малолетними сиротами умершего крестьянина дер. Подузово Григория Потаповича Прочухаева. 1904 – 1912 гг. и др.

[10] ГАБО. Ф. 553. Оп. 3. Д. 1.

[11] ГАБО. Ф. 553. Оп. 3. Д. 2.

[12] См.: Цыпкин П.С. Опека в русском крестьянском быту. СПб., 1908. С. 148.

[13] Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 48. (Орловская губерния, Дмитровский уезд, с. Волконское).

В Смоленской губернии «вместо слова «опека» употреблялось другое однозначное выражение «отдача на руки, на воспитание». Опекун вознаграждения за свой труд по опеке никакого не получал, а лишь имел право пользоваться прибытком от имущества малолетних и приплодом от их скота»[14]. По этому поводу информатор Н.И. Половинкин отмечал, что: «сирот, не имеющих имущества берут на воспитание родственники, усыновляют бездетные, или миром отправляют в приюты; если же сироте более десяти лет, то он остается без всякого призрения со стороны общества и ходит побираться. По выходе матери вторично замуж, малолетние ее дети поступают под опеку к своему отчиму. Растраты имущества опекунами не бывает, потому что мир зорко следит за ними. Опекунами чаще всего избираются родственники, но бывают случаи, что назначают опекуном постороннего, помимо матери»[15].

Приговоры сельских сходов, посвященные вопросам опеки, содержат достаточно подробную информацию на эту тему. Так, на протяжении периода с 1908 по 1913 гг. осуществлялось опекунское управление над имуществом и малолетними детьми умершего крестьянина дер. Близна Н.А. Толкачева. В одном из приговоров за 1910 г. указывалось, что «мы нижеподписавшиеся, Черниговской губернии, Суражского уезда, Голубовской волости, крестьяне дер. Близна были сего числа на сельском сходе по созыву нашего сельского старосты из числа 85 всех домохозяев, имеющих право голоса на сельском сходе, в числе 56 наличных домохозяев, где на основании п.6 ст.62 общего положения о крестьянах издания 1902 г., производили поверку действий опекунов над имуществом и детьми умершего крестьянина нашего общества Николая Толкачева»[16].

Далее в приговоре отмечалось, что опекунами были назначены крестьяне София и Ефим Толкачевы и «за время с 12 декабря 1908 по 1 января 1910 г. оказалось, что наследники, дети умершего, имеют в настоящее время от роду Елизавета – 17 лет, Анисья – 15 лет, Андрей – 8 лет, Михаил – 4 года, находятся на воспитании матери – опекунши и содержатся по состоянию надлежащим образом. ...Сомнительных статей приход и расхода в представленном отчете нами не замечено и показанное по отчету опекунов имущество сирот, при поверке его с первоначально составленной описью и утвержденными уже отчетами опекунов, за прибылью и убылью в законном порядке, находится налицо и хозяйство их ведется надлежащих образом»[17]. В итоге крестьяне приговорили, что действия опекунов считать поверенными и их отчет признать правильным. Аналогичные выводы о том, что имущество сирот находится в порядке, содержатся и в других приговорах сельского схода по данному опекунскому делу.

Для облегчения учета и контроля за действиями опекунов в дореволюционный период существовали документы, представленные записными книжками опекуна. В частности, такой вид документа отложился в деле о назначении опекунского управления над имуществом и малолетними детьми умершего крестьянина местечка Почеп Ивана Мальцева (1910-1914 гг.). В указанной записной книжке были напечатаны как общие правила об опеке над сельскими обывателями, так и позже написанные от руки конкретные записи опекунов. В этот раз ими стали жена умершего, мать малолетних А.Я. Мальцева и его брат С.В. Мальцев. Опекуны были обязаны заботиться о воспитании сирот, защищать их интересы на законном основании и отчитываться о своих действиях[18]. В качестве опекаемых выступили Вера Мальцева, 3 лет и ее сестра Нина Мальцева, 7 лет. Опека была учреждена Почепским крестьянским обществом 30 декабря 1910 г.[19]

Обычно по достижении совершеннолетнего возраста опекаемые выходили из-под контроля опекунов. Например, так произошло в случае с малолетними сиротами умершего казака с. Ишово Ф.В. Кузьменка (1898-1912 гг.). В приговоре сельского схода Шиловского общества Кульневской волости о прекращении опеки указывалось, что «11 января 1912 г. мы, нижеподписавшиеся, Черниговской губернии Мглинского уезда Кульневской волости с. Ишово казачьего общества, состоящего из домохозяев, были сего числа на сельском сходе, в присутствии нашего сельского старосты Бортышева в числе 35 домохозяев, слушали просьбу однообщественников наших Василия, Афанасия, Алек-

[14] ГАРФ. Ф. 586. Оп.1. Д. 120. Л. 66-67. (Смоленская губерния, Дорогобужский уезд, дер. Рыбок).
[15] ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 114. Л. 130. (Орловская губерния, Масловская волость, с. Погорельцы).
[16] ГАБО. Ф. 426. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.
[17] Там же.
[18] ГАБО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 19. Л. 22об.
[19] ГАБО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 19. Л. 22.

сея и Ефросиньи Сидоровых Кузьменков о прекращении над ними в виду достижения совершеннолетнего возраста опекунского управления. В виду чего постановили: прекратить опекунское управление над имуществом и сиротами умершего Федора Васильева Кузьменка»[20].

После революционного 1917 г. крестьяне продолжали заботиться о сиротах и не оставляли детей, оставшихся без внимания родителей. Так, в 1924 г. в редакцию «Крестьянской газеты» пришло письмо под названием «Помогите сиротам» из деревни Плешково, Богдановской волости, Лихвинского уезда, Калужской губернии. В нем рассказывалось о нелегкой судьбе сирот Панкрашиной Веры (15 лет) и Анны (8 лет). Их опекун И.М.Панкрашин упросил землемера Комаровского отделить пахотную землю сирот от усадьбы и прирезать эту землю к своей. «Крестьянская газета» в ответе порекомендовала обратиться в Народный комиссариат социального обеспечения[21]. В 1926 г. в Стародубском уезде Гомельской губернии была учреждена опека над имуществом и личностью гражданина с. Сапычей И.П. Веремьева, его опекуном стал Ф.Т. Блоха. В постановлении от 16 сентября 1926 г. сообщалось, что «его родители умерли, ранее занимались земледелием. Брат, М.П. Веремьев, уехал, о месте жительства сведений нет никаких. Ребенок изъявил желание жить у гражданина с. Сапычей Блохи Ф.Т., возраст 34 года, жена и сын 3 года, середняк, занимается земледелием, образование домашнее»[22].

Можно предположить, что судьба сироты сложилась более-менее благополучно, что нельзя сказать о других детях,оставшихся без родительского попечения. Так, в 1925 г. было направлено циркулярное письмо Гомельского губисполкома Чаусовскому волисполкому. В нем указывалось, что «из имеющихся материалов обследования постановки опечного дела на селе над рядом несовершеннолетних сирот, нуждающихся в опеке, видно, что, опека не учреждена и имущество несовершеннолетних расхищается. Цифры опечных дел на селе чрезвычайно малы и не охватывают всего контингента детей, подлежащих опеке»[23].

Конечно, только своими силами крестьяне не могли обеспечить призрением всех сирот, оставшихся без родителей. Поэтому определенную работу в области защиты детства проводили государственные органы. Так, в 1921 г. в Деткомиссию при ВЦИК был отправлен доклад о деятельности Орловской губернской деткомиссии, в котором сообщалось, что «по вопросу о приеме в Орловскую губернию детей из голодающего Поволжья Орловская губерния может разместить в национализированных усадьбах, которых по сведениям Орловского Губсоцвоса, до 700 и мелких советских хозяйствах до 4000 детей при условии присылки с детьми воспитательного персонала, верхнего платья и обуви, отпуска до 100 ящиков стекла. Дети могут быть размещены исключительно по уездам, сам Орел не может принять ни одного ребенка»[24]. В 1922 г. в докладе о деятельности Орловской губернской деткомиссии указывалось, что «положение детей в настоящее время в губернии, выражаясь мягко, не совсем удовлетворительно, как со стороны материальной, так и воспитательной: нужны одежда, обувь, инвентарь и постановка учебно-воспитательного дела. Всё это привлекало бы детей к труду и к получению материальных благ для существования»[25].

В середине 20-х годов ситуация коренным образом не изменилась. В очередном отчете о работе Орловской губернской деткомиссии за 1924-1925 гг. отмечалось, что «в связи с недородом в губернии наметились очаги, которые могут быть названы голодающими. Указывалось, что два района могут быть признаны весьма опасными: Кромская волость Орловского уезда и Казацкая волость Елецкого уезда. Поэтому губерния обращалась к центральным органам с просьбой отпустить дополнительные средства с губернии на организацию питательных пунктов в Ельце и Кромах, куда из деревень в поисках работы будут стекаться голодные подростки из расчета в день. Помощь центра необходима и ее отсутствие приведет в большему росту беспризорности детей»[26]. Смоленская губернская деткомиссия в 1924 г. отправил в комиссию ВЦИК по улучшению жизни детей просьбу о лечении крестьянского ребенка. Комиссия просила принять девочку Петухову

[20] ГАБО. Ф. 409. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.
[21] Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 396. Оп. 2. Д. 139. Л. 31.
[22] ГАБО. Ф .1417. Оп. 1. Д. 50. Л. 3,8.
[23] ГАБО. Ф. 1417. Оп. 1. Д. 47. Л. 28.
[24] ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 55. Л. 25.
[25] ГАРФ. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 133. Л. 2-2об.
[26] ГАРФ. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 237. Л. 73.

на лечение в г. Москву. Отмечалось, что «Петухова происходит из беднейшей крестьянской семьи и на дорогу, и на содержание ее в Москве у ее матери средств нет. Губернская комиссия просила поместить её для лечения за счет государства, взять расходы по дороге, содержанию и лечению на счет комиссии при ВЦИК по улучшению жизни детей»[27].

В последние годы новой экономической политики отчет о работе Смоленской губернской деткомиссии за 1927-1928 гг. содержал сведения о борьбе с беспризорностью. В нем отмечалось, что «Смоленская губерния в деле борьбы с беспризорностью проводит работу не только с детьми своих сел и городов, но и из других местностей, которые передвигаются по железной дороге и имеют остановку в узловых пунктах губернии – Смоленске, Вязьме, Рославле и др. Поэтому обращаемся за содействием и помощью из-за значительного количества детей из деревень. Крестьянские хозяйства используют труд безнадзорных и беспризорных детей в летний период, с наступлением зимы заканчивают счеты с ними и дети вынуждены искать помощи. Смоленский Губисполком просит отпустить на усиление борьбы с беспризорностью в губернии дотацию в сумме 151800 рублей (в том числе на выпуск воспитанников в жизнь (в крестьянские семьи, в ученичество), считая по 30 руб. на человек, т.к. предложено выпустить 700 человек – 21000 руб.»[28] Резюмируя вышесказанное, следует сказать, что государство в плане защиты детей оказывало посильную помощь крестьянскому населению.

Таким образом, ситуация с опекой в крестьянской среде ярко характеризует то обстоятельство, что существо отношения для русского крестьянина всегда было важнее формы. Например, по обычному праву в отличие от официального незаконнорожденные дети приравнивались в определенных случаях к законным детям. В этом случае главными и определяющими считались имущественные факторы. В изучаемый период сельские общества довольно эффективно контролировали соблюдение правил опекунского управления. При этом обычное право играло роль стабилизирующего регулятора в данной сфере[29]. Однако в первой трети XX века шел достаточно активный процесс подчинения его неформальных норм гражданскому императорскому, позже советскому законодательству.

QUESTIONS OF GUARDIANSHIP IN LEGAL LIFE OF THE PEASANTRY OF THE WESTERN REGION OF RUSSIA OF THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY

V.V. KULACHKOV

Bryansk state engineering and technological Academy

e-mail: vad2517@yandex.ru

This article examines issues in legal guardianship home the peasantry of the Western region of Russia in the first third of the twentieth century. Guardian's relationship to the revolution of predominantly adjustable as the socalled customary law. Rural society on an ongoing basis controlled the actions of guardians and teach changes in the composition of the property. Typically, guardians was next of kin and after reaching the sovershannalee state guardianship continued. After revolution 1917 the peasants continued their own to take care of orphans. The state helped the rural population, despite the difficult situation in the first post-revolution decade. In the end, the author comes to the conclusion that the Trustees the Institute was the traditional peasant class. Its main features functioned autonomously from the village from state regulation. But gradually unwritten engineering Academy the establishment of customary law has lost its power under the inf luence of the norms of the written civil law.

Key words: peasantry, Western region of Russia, guardianship, orphans, legal life, property.

[27] ГАРФ. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 204. Л. 18.
[28] ГАРФ. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 366. Л. 17.
[29] См.: Кулачков В.В. Правовая повседневность крестьянства Западного региона России в первой трети XX века. Брянск, 2012.

УДК 908

ИМПЕРАТОРСКИЙ ДОМ РОМАНОВЫХ И РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ

А.В. ПЕРЕПЕЛИЦЫН

Воронежский государственный педагогический университет

e-mail: avp64@mail.ru

В работе анализируется содержание книги воронежских историков А. Н. Акиньшина и Н. А. Комолова «Династия Романовых и Воронежский край (1696-1916)» (Воронеж, 2014), посвященной истории посещения правящими российскими монархами и членами их семей Воронежского края в обозначенный период.

Ключевые слова: историография, династия Романовых, Воронежский край.

В современной отечественной историографии так же, как и в дореволюционной литературе, закономерно большое внимание уделяется истории российской правящей династии. Подобное вполне объяснимо, поскольку жизнь и деятельность монархов и членов их семей была тесно связана с историей России, они оказывали зачастую определяющее влияние на развитие страны. Основное время представители династии обычно проводили в столицах, имели нередко смутные представления о российской провинции, но все же периодически оказывались в удаленных от центра местах. В свою очередь, визиты царственных особ, великих князей становились важными событиями в общественной жизни провинции, привлекая всеобщее внимание.

Книга известных воронежских историков А.Н. Акиньшина и Н.А. Комолова стала первым в историографии научным исследованием, дающим целостное представление об истории приездов в Воронежский край с 1696 г. по 1916 г. правящих монархов и членов их семей. Авторы учли результаты предшествующего изучения данной темы в краеведческой литературе, привлекли комплекс законодательных, нормативно-правовых, делопроизводственных, эпистолярных, дневниковых и мемуарных материалов, взятых как в опубликованных источниках, так и в фондах РГАДА (Москва), РГВИА (Москва), РГИА (Санкт-Петербург), ГАВО (Воронеж). Примечательно, что у самих авторов книги имеются многочисленные публикации, касающиеся различных аспектов темы, и в новой работе они подводят определенные итоги собственным многолетним изысканиям.

Структура работы оптимальна, состоит из предисловия, четырех глав, приложения (хронология воронежских визитов представителей династии Романовых, аннотированный именной указатель).

В первой главе содержится обстоятельный исторический очерк пребывания на воронежской земле Петра I. Установлено, что первый российский император с 1696 г. по 1722 г. тринадцать раз посещал Воронеж, проведя здесь в общей сложности около 500 суток. Благодаря усилиям Петра I, Воронеж, ставший «колыбелью русского флота», был выведен на качественно новый политический и экономический уровень.

Во второй главе рассмотрены приготовления воронежских властей и общества к возможному приезду Екатерины II. После последней поездки Петра I в течение 94 лет представители дома Романовых не бывали в Воронеже. В 1787 г. Екатерина II совершила поездку в Крым, ее маршрут не предполагал посещения Воронежа, тем не менее, воронежцы участвовали в организационных мероприятиях, а большие дороги Воронежского наместничества были приведены в порядок.

В третьей главе говорится о посещении Воронежа в период с 1816 г. по 1866 г. Николаем I и Александром I, императрицей Александрой Федоровной, великими князьями Михаилом Павловичем, Александром Николаевичем (будущим императором Александром II), Михаилом Николаевичем, великими княгинями Еленой Павловной и Ольгой Федоровной, великой княжной Марией Николаевной.

Четвертая глава повествует о визитах в Воронежский край с 1868 г. по 1916 г. императоров Александра III и Николая II, императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны, великих князей Николая Николаевича Старшего, Константина Николаевича,

Владимира Александровича, Алексея Александровича, Георгия Александровича, Константина Константиновича, Сергея Александровича, великих княгинь Милицы Николаевны, Елизаветы Маврикиевны, Елизаветы Федоровны, великих княжон Ольги и Татьяны. Кроме того, здесь подробно рассказывается о роли Ольденбургских в истории края.

Авторы отмечают, что в XIX в. визиты Романовых в Воронеж стали относительно регулярными. Это объяснялось расположением города на основном южном тракте, наличием под Рамонью имения принцев Ольденбургских, приходившихся Романовым близкими родственниками, а также необходимостью решения государственно-административных задач. По ходу описаний визитов авторы дают обширную и крайне важную информацию об истории края, воронежском обществе и конкретных людях. В книге содержится большое число иллюстраций с видами Воронежа и Воронежской губернии, портретами Романовых и воронежских деятелей, картами, таблицами, схемами и т.д.

Книга, безусловно, представляет значительный интерес для историков, студентов и аспирантов, а также для любителей местной старины.

THE IMPERIAL HOUSE OF ROMANOV AND THE RUSSIAN PROVINCE

A.V. PEREPELITSYN

Воронежский государственный педагогический университет

e-mail: avp64@mail.ru

The author reviews a book by the Voronezh historians A.N. Akinshina and N. A. Komolov The Romanov Dynasty and the Voronezh Krai (1696-1916) (Voronezh, 2014) which deals with the history of visits to the Voronezh krai by the ruling Russian monarchs and their family in the given period.

Key words: historiography, the Romanov dynasty, the Voronezh krai.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 324(470+571)

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ ГРАЖДАН: РОССИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Т.С. БОЛХОВИТИНА

Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: info@bfrane.brk.ru

Обращается внимание на необходимость формирования демократической электоральной культуры российских граждан, повышения степени их политического участия, изменения характера электоральных настроений россиян, преодоления абсентеистских настроений в обществе. Условием повышения электоральной культуры автор видит совершенствование политико-правового регулирования избирательного процесса, обеспечение полноценного доступа избирателей к информации о ходе избирательной кампании, развитие партийной идентификации электората, формирование политической культуры участия, повышение результативности общественного мониторинга за проведением выборов в органы государственной и муниципальной власти.

Ключевые слова: политические выборы, электоральная активность, электоральная культура, политическое участие, абсентеизм, политическая культура.

Выборы, как известно, выступают важнейшим фактором политического развития общества. Они реально способствуют не только повышению легитимности власти, корректировке политического курса, но и определяют линию политического поведения граждан, дают возможность выявить мотивы их политического участия. В процессе выборов граждане могут выразить свою волю, на основе которой формируется и действует власть.

В соответствии с Конституцией России, федеральными законами «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «О выборах депутатов Государственной Думы Российской Федерации», «О выборах президента Российской Федерации», «Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов власти в Российской Федерации», «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» граждане, избирая во власть своих представителей, уполномочивают их на реализацию принадлежащей народу государственной власти, реализуя тем самым конституционный принцип народовластия.

Общепризнано, что выборы в России как демократический институт соответствуют международным избирательным стандартам. Они являются всеобщими, равными, свободными, гарантируется их добровольность, сохраняется тайна голосования, избирательные цензы вполне соответствуют демократическим нормам. О демократичности выборов свидетельствует возможность присутствия на них наблюдателей от кандидатов, политических партий, общественных организаций, международных наблюдателей.

Тем важнее в связи с этим понимание сущности электоральной культуры, ее особенностей, ведь именно она, электоральная культура предопределяет ход избирательной кампании, выбор политических технологий, а главное, результаты политических выбо-

ров. Знаковыми характеристиками электоральной культуры являются ответственность (осознание гражданином важности и значимости выборов) и компетентность (умение оценивать ситуацию, политические заявления кандидатов, политические платформы партий и партийных лидеров и т.п.).

Очень важно в связи с этим совершенствовать избирательный процесс, делать его более открытым, гласным, максимально честным и справедливым, избегая некорректных политических технологий продвижения кандидатов, имитации альтернативности кандидатов, манипулятивного влияния СМИ и т.п. Однако никто не станет отрицать использование на сегодняшний день в России административного ресурса при регистрации партий, кандидатов на выборах, при обеспечении явки, голосования на дому. Понятно, что властные корпорации различного уровня имеют собственный прагматический интерес к выборам и стремятся управлять избирательным процессом, стремясь в полной мере этот интерес удовлетворить[1]. Подобная электоральная практика порождает политическую апатию части населения, абсентеистские настроения. Отказ от участия в голосовании объясняется многими причинами, среди которых не на последнем месте социальное самочувствие граждан, неуверенность в справедливости итогов (результатов) выборов, неверие в возможность повлиять на позитивное отношение властей к нуждам людей. Главными требованиями к властям на протяжении последнего десятилетия были «стабильность и повышение благосостояния».

Один из возможных путей повышения избирательной активности граждан, их электоральной культуры состоит в возможности высказывания протестного мнения. Согласно опросам ВЦИОМ в 2013 году возвращение графы «против всех» в избирательные бюллетени поддержали 43% опрошенных избирателей, против этого выступили 21%, 32% констатировали, что им это совершенно безразлично. Причины голосования «против всех» респонденты объяснили, главным образом, отсутствием реального выбора (38%) и способом выражения недоверия всем кандидатам, участвующих в выборах (38%), а также недовольством своей жизнью (23%), недовольством всем (12%)[2]. О том, как голосовал бы избиратель в зависимости от наличия или отсутствия графы «против всех» свидетельствуют данные «Левада Центра»[3].

Таблица

Распределение голосов в зависимости от наличия/отсутствия графы «против всех»

янв.15	В % от всех опрошенных		В % от определившихся с выбором (т.е. как бы могли распределиться голоса)	
	при наличии графы "против всех"	при отсутствии графы "против всех"	при наличии графы "против всех"	при отсутствии графы "против всех"
Единая Россия (Д.Медведев)	44	44	66	71
Коммунистическая партия (КПРФ) (Г.Зюганов)	7	8	10	13
Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) (В.Жириновский)	6	4	10	7
Справедливая Россия (С.Миронов)	2	1	3	2
Яблоко (С.Митрохин)	1	<1	2	1
Гражданская платформа (Р. Шайхутдинов)	1	1	1	2
Партия прогресса (А.Навальный)	<1	1	<1	2
Другие	2	2	2	2
Против всех	4	-	7	-
Не стал(а) бы принимать участие в этих выборах	17	18	-	-
Затрудняюсь ответить	17	20	-	-

[1] Бузин А.Ю. Административные избирательные технологии и борьба с ними. М., 2007. С. 17; Панфилова Е.А., Шевердяев С.Н. Противодействие злоупотреблению административным ресурсом на выборах: проблемы и перспективы. М., 2005.

[2] «ВЫБОРЫ В БУДНИ И ВОЗВРАЩЕНИЕ ГРАФЫ «ПРОТИВ ВСЕХ»: ЗА И ПРОТИВ» //Пресс-выпуск ВЦИОМ №2832.

[3] Возможные результаты парламентских выборов. Режим доступа: http://www.levada.ru/05-02-2015/vozmozhnye-rezultaty-parlamentskikh-vyborov

В 2014 году в российское избирательное законодательство была возвращена графа «против всех». Однако она коснулась лишь выборов в местные органы власти, тем самым подтвердив половинчатость принятого решения. Единые дни голосования 2013, 2014 гг. показали, что данное решение абсолютно не повлияло на состояние электоральной активности граждан. Напротив, оно еще раз подтвердило, что значимость местных выборов, несмотря на их совмещение с федеральными выборами, все еще остается низкой, хотя местное самоуправление – наиболее близкая к населению властная инстанция[4]. В условиях, когда 90% муниципий Российской Федерации являются дотационными, целиком полагаясь на государственные преференции, достаточно сложно убедить избирателя в необходимости тратить свои усилия и время для участия в формировании органов управления, которые фактически не играют самостоятельной роли, в значительной степени являются зависимыми от государственных органов власти.

Особый скепсис избиратель испытывает к статусу представительных органов местного самоуправления, считая их «второстепенными», зависимыми от институтов исполнительной власти. Поэтому внимание населения к выборам представительных органов обычно ниже, чем к выборам глав муниципалитетов. И это не только российская болезнь. Такие явления, как абсентеизм, низкий уровень легитимности представительных органов, бюрократизация муниципальной службы в полной мере проявляют себя в государствах, где местное самоуправление имеет давнюю историю и проявляет себя подлинным институтом народовластия.

Российские наблюдатели склонны усматривать в низкой явке избирателей несовершенство отечественной демократии. Отчасти это так. Однако на выборах в зарубежных государствах явка избирателей также не блещет высокой активностью. Представительская модель демократии, практикуемая, к примеру, в США, Великобритании отводит избирателю достаточно ограниченную роль, которая сводится к выдаче санкции народным избранникам на решение вопросов государственного или местного значения. В дальнейшем граждане ограничены в возможности контролировать деятельность депутатского корпуса, поскольку представители последнего обладают правом «свободного» мандата. Это дает право народным избранникам по своему усмотрению, без обязательного учета мнения своего избирателя, решать конкретные политико-административные задачи. Правда есть опыт Франции, когда в 80-е годы XX века реформа местного самоуправления способствовала децентрализации власти, росте политических функций коммун, расширении их финансовых полномочий, на этом фоне позитивно изменилась и кривая избирательной активности[5].

Очевидно, что электоральная активность во многом производна от политической культуры общества, являясь критерием его зрелости. Она включает в себя многообразие ценностей, установок, ориентаций, предпочтений, действующих норм политической жизни. Политическая культура проявляет себя через позиции, конкретное политическое поведение. Для современного российского общества характерно преобладание подданнической культуры, характеризующейся односторонней зависимостью индивида от власти, ожиданиями получения от нее различных благ. Она во многом ориентирована на ценности коллективизма, справедливости, хотя в ней появился и новый социокультурный поток, ориентированный на ценности индивидуализма, плюрализма, свободы выбора.

Следует отметить, что степень зрелости различных компонентов политической культуры (знаний, убеждений, ориентаций) у разных социальных групп нашего общества неодинакова. Политическая культура большинства не лишена эмоциональной окраски, что делает многих граждан заложниками популистских лозунгов, демагогических призывов. Дефицит культуры ведет к невозможности эффективной политической социализации личности. В результате достижение политических целей часть граждан усматривает не только в выборах, но и в уличных акциях (митингах, демонстрациях, шествиях).

Эти акции возникают, в том числе и как реакция на несправедливые, с точки зрения неудовлетворенного электората, выборы. Примером того могут быть митинги против итогов голосования на выборах в Государственную Думу 4 декабря 2011 года. Оппозиционные митинги «За честные выборы» на Болотной площади и на проспекте Акаде-

[4] Беляев А., Тарасов Е. Тенденция абсентеизма в современном российском обществе // Власть. 2013. № 5. С. 43-45.

[5] Там же.

мика Сахарова в Москве стали самыми крупными с начала 90-х годов[6]. В них приняли участие более 100 тысяч человек. В 2011-2013 гг. состоялось немало локальных акций — известные «гуляния» на Чистых прудах, по Красной площади в Москве, митинги за пересмотр результатов выборов в Астрахани, Воронеже, Ярославле и других городах. Резолюции массовых митингов были поддержаны и либо частично, либо полностью включены в предвыборные программы кандидатов на выборах Президента Российской Федерации С. Миронова, М. Прохорова и Г. Зюганова.

Фактором, оказавшим влияние на состояние участия в выборах, стало отсутствие необходимой политической мотивации граждан. Многие не видят пока авторитетной политической силы, которая смогла бы гарантировать решение наболевших общественных проблем. Часто программы политических партий и их лидеров оказываются декларативны, несут отпечаток популизма и далеко не во всем совпадают с ожиданиями граждан.

Следует отдавать отчет, что электоральная культура российского избирателя, уровень знания им процедур избирательной кампании не могут быть такими же, как в странах, где выборы насчитывают не одно столетие. Тем не менее, наш избиратель многому научился, он становится не похожим на наивного простака и по мере обретения политического опыта он непременно научится отделять зёрна от плевел.

Проявлением высокой электоральной культуры может служить заинтересованность граждан в эффективном мониторинге избирательного процесса, тем более что законом прямо предусматривается право не только избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, но и участвовать в выдвижении кандидатов (списков кандидатов), в предвыборной агитации, наблюдении за проведением выборов, работой избирательных комиссий, включая определение результатов выборов.

Ныне общественный контроль за выборами ведут неправительственные организации «За честные выборы», «Корпус наблюдателей», «Лига избирателей» и др. Уникальной по масштабу стала веб-трансляция с избирательных участков в ходе выборов президента России. Такую систему, которая одновременно транслирует информацию со 184 тысяч камер для неограниченного количества пользователей, в мире еще никто не строил[7]. Важно и дальше совершенствовать практику гражданского контроля за проведением политических выборов, вовлекать в эту работу всё большее число активистов, особенно из среды молодежи. Это существенным образом повлияет на возвращение доверия граждан к институту политических выборов, будет способствовать повышению уровня электоральной культуры в обществе.

Трансформация электоральной культуры участников избирательного процесса видится также на пути формирования должного уровня политико-правового сознания граждан, создания эффективной консультативной сети по работе с политическими партиями, общественно-политическими объединениями, кандидатами на выборные должности, наблюдателями, другими субъектами избирательной кампании.

ELECTORAL CULTURE AND POLITICAL PARTICIPATION OF CITIZENS: THE RUSSIAN MEASUREMENT OF A PROBLEM

T.S. BOLKHOVITINA

Bryansk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: info@bfrane.brk.ru

Attention is drawn to the necessity of forming a democratic electoral culture of the Russian citizens, increase their political participation, changes in electoral attitudes of Russians, overcoming absenteeism attitudes in society. As a condition to raise electoral culture, the author notes the improvement of political and legal regulation of the electoral process, ensuring full access of voters to information about the election campaign, the development of party identification of voters, the formation of the political culture of participation, enhancing the effectiveness of public monitoring of elections to the bodies of state and municipal authorities.

Key words: electoral culture, electoral activity, political participation, absenteeism, political culture.

[6] Яницкий О. Протестное движение 2011 -2012 гг.: некоторые итоги// Власть. 2013. № 2. С.14-19.

[7] Закатнова А. Никогда еще на выборах не было столько наблюдателей и видеотрансляций. Режим доступа: http://www.rg.ru/2012/03/07/a591664.html

32.019.5(470+571)

ИДЕОЛОГИЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НЕОБХОДИМОСТЬ И ПРЕДПОСЫЛКИ

В.Н. ШИЛОВ

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: ***Shilov@bsu.edu.ru***

Необходимость формирования новой идеологии для современной России обуславливается геополитическими и внутренними факторами. Обязательными предпосылками являются создание соответствующей социально-психологической базы в стране (культурной гегемонии) и пересмотр содержания и иерархии основных политических ценностей – гуманизма, благосостояния, всестороннего развития личности, свободы, безопасности.

Ключевые слова: Россия, идеология, идеологическая борьба, политические ценности, геополитика.

В период существования СССР шла борьба между мировой социалистической системой и системой капитализма, которая включила в себя и военное противостояние, и экономическое соревнование, и идеологическую борьбу. Идеологическая борьба была неизбежна, ибо человечество было поделено на два полюса силы именно по идеологическому принципу.

Крах системы социализма означал, прежде всего, поражение в идеологической, и шире, в информационно-психологической войне, что было бы невозможно без проигрыша соревнования в экономике: «самая передовая идеология» не смогла обеспечить населению стран социализма устраивающий его уровень благосостояния.

Россия, как часть, по существу, самоликвидировавшегося Советского Союза[1], перешла на идеологические принципы своего былого идеологического антипода. В этом проявилась присущая политической культуре страны склонность к инверсионному (движение от одной крайности к другой), революционному типу социальной динамики. От обожествления императора к его расстрелу, от коммунизма – к антикоммунизму. При реформаторском подходе Россия бы получила в первом случае конституционную монархию (как это было в ряде стран Европы), а во втором – переход к менее радикальной версии социалистической идеологии, что имело место в Китае.

Однако, уже в 90-е годы политической руководство России, в целях получения ментального эквивалента отброшенной единой государственной «тоталитарной идеологии» поставило задачу формирования национальной идеи России, эквивалента, выполняющего традиционные функции идеологии – целеполагания, интеграции и мобилизации[2]. Общественность к этой задаче особого интереса не проявила, и вскоре от выполнения этой задачи отказались. Обоснования отказа были разными: ссылки на то, что формирование единой национальной идеи ведет в тоталитарное прошлое, что в условиях постмодернистского плюрализма невозможно наличие объединяющего всех «повествования». Говорилось также, что России надо отдохнуть от политико-идеологических игр, что не надо изобретать некий особый путь России, а без излишних мудрствований жить как весь «цивилизованный мир» и т.п. Затем последовало изменение экономической ситуации в стране к лучшему[3], и интерес к поискам некой особой модели развития угас: стали преобладать политический прагматизм, снисходительное отношение к идеологии как некой романтике прошлых веков. Казалось, было найдено удачное сочетание управляемой рыночной и политической конкуренции с православием, как неким высшим духовным началом, освящающим установившийся порядок.

При этом тревогу российского политического руководства вызывало то, что «ци-

---

[1] Подробнее об этом см.: Шилов В.Н. Московский майдан августа 1991 года: предпосылки и последствия // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2014. № 15(186). Выпуск 31. С. 184-186.

[2] Подробнее об этом см.: Шилов В.Н. Национальная идея России: методологические аспекты // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 3.

[3] По ВВП на душу населения и уровню жизни Россия в 2007 г. достигла лучших показателей советского периода.

вилизованный мир» не хотел воспринимать Россию в качестве равноценного партнера. Более того прилагались усилия по сдерживанию России, предпринимались меры по обеспечению полной подконтрольности страны. Примером этого являлись и выход США из договора по ПРО, и попытки создания единой системы противоракетной обороны в Европе. Это расширяло для США возможности осуществления доктрины «быстрого глобального удара» для фактического уничтожения России. После того как страны НАТО бомбили Белград стало ясно, что подобную участь может ждать и Россию в случае её «ненадлежащего поведения». Обеспокоенность России по поводу политики Запада В. Путин аргументировал в своей речи в 2007 г. в Мюнхене.

Стремление России проводить самостоятельную внешнюю политику вызывало раздражение у Запада. Резкое обострение отношений России с Западом, происшедшее после идейно и финансово поддержанного Западом антиконституционного государственного переворота в Украине, вынудившего Россию к активным действиям в своем ближнем юго-западном зарубежье, показало еще раз, что Россия не «вписывается» в траекторию движения, одобренную Западом. Запад не без оснований полагал, что Россия, проиграв, в том числе в идеологической борьбе, должна была быть послушным учеником и разделять трактовку Запада и ценностей «цивилизованного мира», и норм международного права. Россия должна была прислушаться к замечаниям Запада и «исправиться», чего Россия не сделала. Таким образом, формируется первый импульс к формированию идеологии отличной от доминирующей идеологии Запада: независимая политика требует своей, «независимой» идеологии, оправдывающей эту политику.

Другая побудительная причина формирования идеологии лежит также в русле геополитических интересов России. Самосохранение России как самодостаточного суверенного социального организма требует её объединения с другими странами, по отношению к которым продукция её предприятий будет конкурентоспособной – речь идет о формировании общего рынка для стран с суммарной численностью населения в 300-400 млн. человек[4]. Но для достаточно прочного объединения стран кроме экономических связей требуются идейные скрепы. Речь идет о некой, говоря словами К. Хаусхофера, панидеи[5]. То есть требуется определенный эквивалент коммунистической идеи, объединявшей в свое время Советский Союз с другими странами в мировую социалистическую систему. Пока что Россия не может предложить даже странам, интегрированным в Евразийский экономический Союз (ЕАЭС), некоего оригинального идейно-ментального комплекса, отличающегося от того, что уже есть на Западе, проекта, выходящего за рамки идеала потребительского общества. Отсюда ЕАЭС видится со стороны как ухудшенный вариант ЕС[6]. Даже в самой России отсутствует некий общецивилизационный проект[7], Россия ещё только ищет свою субъектность[8].

В качестве третьей причины для формирования новой идеологии можно назвать нынешнюю стагнацию экономики России, обрекающую страну на отставание от мира в целом[9]. Нужен некий комплекс идей, который бы дал верные ориентиры для страны, сплотил и мобилизовал её население на достижения в сфере экономики. Без роста экономики Россия может потерять свой статус на международной арене. Уже сейчас, по мнению аналитиков и политиков Запада, Россия на международной арене ведет себя «нескромно» вне соответствия своему статусу. «Восприятие Россией себя в качестве нового глобального игрока порождалось в последнем десятилетии растущими доходами от

---

[4] Объединение на основе европейских ценностей со странами ЕС, с одной стороны, учитывая нынешнюю ситуацию, стало затруднительным, если невозможным. Так выполнение требования стран ЕС о прекращении помощи Донбассу и возврату Крыма Украине будет ничем иным как унизительной капитуляцией России. С другой стороны, это объединение несет в себе также угрозу закрепления за Россией роли сырьевого придатка Запада.

[5] Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М., 2001. С. 254-261.

[6] Так для населения Украины привлекательность ЕС оказалась выше привлекательности ЕАЭС, который часто пренебрежительного обозначался как «таёжный союз». Подробнее об этом см.: Шилов В.Н. К вопросу о геополитической ориентации современной Украины // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2014. № 1(172). Выпуск 29. С. 185-187.

[7] Тихонова Н.Е. Мечты россиян «об обществе» и «о себе»: можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте? // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С.62.

[8] Тимофеева Л.Н. Россия в поисках субъектности // Власть. 2014. № 2.

[9] Рост ВВП России за последние годы был ниже среднемирового роста ВВП.

энергоносителей… шансы на дальнейший рост доходов от энергоносителей малы… без роста доходов на энергоносители экономика будет стагнировать, не имея перспектив на оздоровление… Мировая держава без сильной и растущей экономики может основывать свои глобальные притязания только политико-милитаристским образом, и то до тех пор, пока финансовые ограничения не введут их в рамки… В экономической области Россия не является даже региональным гегемоном… Будучи зависима сама от поставок извне, страна не может быть мотором в развитии новых технологий»[10], – поясняют свой скептицизм в отношении амбиций России Р. Трауб-Мерц и Ф. Хетт в статье, опубликованной в ведущем журнале немецких социал-демократов. Относительная слабость экономики России уменьшает и её интеграционный потенциал. «Евразийский проект придает России решающую порцию веса, чтобы обосновать себя на глобальной сцене в качестве великой державы – несмотря на сырьевой характер экономики, которая соответствует масштабам Италии…»[11], – с долей иронии констатирует немецкая исследовательница Л. Фикс. Экономическая уязвимость России, кризисные явления, вызванные санкциями Запада, серьезным образом сказались и на экономике стран, уже вошедших в ЕАЭС – речь идёт, прежде всего, о Беларуси и Казахстане. Экономическое ослабление России, побуждает её союзников к диверсификации своих экономических связей, чтобы уменьшить риски связей с Россией.

Можно говорить о необходимости идеологии и в целях мобилизации и интеграции населения страны. Пока руководство страны в лице В. Путина говорит о патриотизме как неком объединяющем начале. «Нельзя создать здоровое общество, благополучную страну, руководствуясь принципом «каждый – сам за себя», следуя примитивным инстинктам нетерпимости, эгоизма и иждивенчества. Мы должны строить своё будущее на прочном фундаменте. И такой фундамент – это патриотизм. Мы, как бы долго ни обсуждали, что может быть фундаментом, прочным моральным основанием для нашей страны, ничего другого всё равно не придумаем»[12].

Значительный патриотический подъем наблюдается в стране после присоединения Крыма, сплачивает население и противостояние санкциям Западу. Однако патриотизм – это довольно общее моральное основание, применительно к нынешней ситуации – некое отрицание крайностей либерализма. Требуется конкретика, которая включает в себя обозначение и иерархии политических ценностей, ценностей, как глобальных целей для страны и средств их достижения, что делается на основе анализа проблем, стоящих перед Россией[13].

Было бы ошибкой утверждать, что в стране отсутствуют детально разработанные идеологические конструкции. Каждая из почти 80 зарегистрированных политических партий России[14] предлагает политическую программу, содержащую ту или иную иерархию политических ценностей. Однако эти партии, включая парламентские партии, не оказывают какого-либо заметного влияния на жизнь страны, в то время как правящая партия «Единая Россия», представляет собой конгломерат идеологически разнородных сил, а ее политическая программа представляет собой текст объемом в небольшую статью. Партия заявляет о своей приверженности консерватизму, обозначая тем самым курс на постепенность модернизации страны, с опорой на традиции[15]. Но это указание лишь на метод решения стоящих перед страной проблем: отказ от революций. Идеологии как иерархии, политических ценностей нет.

Однако в этом, скорее всего, проявляется реализм и политический прагматизм

---

[10] Hett F., Traub-Merz R. Russlands Rolle in der Welt – Anspruch und Möglichkeiten // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. 2014. N 9. S. 25-26.

[11] Fix L. Die Masken sind gefallen. Das Ende der Beziehungen zwischen der EU und Russland, wie wir sie kennen // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. 2014. N 9. S. 31.

[12] Встреча с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодёжи. Режим доступа: http://kremlin.ru/news/16470

[13] Л.Г. Фишман предлагает для этого обратиться к идейному и методологическому потенциалу идеологии и практики коммунитаризма См. Фишман Л.Г. Либеральный консенсус: дрейф от неолиберализма к коммунитаризму? // Полис. 2014. № 4. С. 162-163.

[14] См.: Список зарегистрированных политических партий. Режим доступа: http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok

[15] Шилов В.Н. Партия «Единая Россия» и идеология консерватизма // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2010. № 1(72). Выпуск 13.

партии. Любая политическая идеология «повисает в воздухе», если она не опирается на определенную политическую психологию. Политические ценности должны иметь нравственную поддержку, политическая идеология может быть эффективной при наличии соответствующей культурной гегемонии (А. Грамши) ценностей, лежащих в её основе. На сегодняшний день после устранения господства коммунистической идеологии политическое сознание преобладающей части населения довольно аморфно и не содержит в себе потенциал для перспективной идеологии модернизации общества. Поэтому малосодержательна и идеология правящей партии.

Несомненно, необходима большая работа по формированию сознания населения и политической элиты, соответствующего вызовам времени. Согласимся с мнением Е.Б. Шестопал, что для некоего ценностного единства требуется долгий путь образования и воспитания[16]. Здесь нужны не только научные разработки, но и широкие общественные дискуссии, в том числе и в СМИ, относительно проблем, стоящих перед страной, и путей их решения. Причем эти дискуссии должны касаться не только частных вопросов текущего момента, но и глобальных вопросов. Важно при этом, анализируя уже имеющиеся идеологические разработки Запада и Востока, не делать ставку на нахождение некоего «серединного» пути[17]. Путь России – это не обязательно путь «середины» в уже освоенных маршрутах развития. Надо искать нечто своё, свою идею национального развития как аттрактивную структуру[18]. Можно обозначить несколько тем для обсуждения.

Так сейчас часто говорится о необходимости возвращения России в имперскую парадигму развития[19]. Но Россия уже знает, что такое «бремя империи». Союзники нужны, но важно и то, чтобы они не стали своеобразными иждивенцами. Требуется здесь дополнительно и учет следующего обстоятельства. По мнению многих аналитиков, если ситуация не изменится, то мир уже через несколько десятилетий (3-5-7) ждет экологическая катастрофа: речь идёт о потеплении климата и сопутствующих этому засухах и затоплениях больших территорий, о загрязнении окружающей среды и истощении природных ресурсах. Вряд ли сложится какой-то общемировой консенсус относительно решения обостряющихся проблем. Скорее всего, восторжествует национальный эгоизм, и каждая страна будет искать свой выход из катастрофической ситуации. В этом плане России повезло: у неё громадные территории и запасы природных ресурсов, сравнительно прохладный климат. Но несомненно, что менее удачливые соседи (и даже не соседи) будут в той или иной форме претендовать на то, что принадлежит России. И России важно будет защитить дипломатическим, идеологическим[20], экономическим и даже военным образом, то, что ей принадлежит. В какой мере Россия будет должна проявлять сострадание и милосердие по отношению к остальному миру? К ответу на это вопрос надо быть готовым. России необходимо определиться с зоной своей ответственности. Русская идея состоит, скорее всего, не в том, чтобы спасти всё человечество, а чтобы создать модель устойчивого развития общества и через нее спасти страну и ее ближайших союзников. В этом плане важно определиться, сколько может выдержать «корабль Россия».

Как говорил почитаемый в прошлом классик общественной мысли, нельзя решить частных вопросов, не решив общих. Наиболее общим вопросом является вопрос о содержании гуманизма[21]. На сегодняшний день доминирует либеральная трактовка содержания гуманизма, являющаяся базой для обоснования общепринятого реестра прав человека. В России пытаются эту концепцию гуманизма скорректировать путём ссылок на христианско-православные ценности. Но насколько подобные подходы способны предложить решение обостряющихся проблем, касающихся взаимоотношения человече-

---

[16] Шестопал Е.Б. Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегия развития страны // Полис. 2014. № 2. С. 69-70.

[17] Селезнев П.С. Политическая идеология инноваций: выбор Запада и выбор Востока // Власть. 2014. № 3.

[18] Мещерякова Н.Н. Идея национального развития как аттрактивная структура // Власть. 2014. № 1.

[19] Подробнее об этом см.: Паин Э.А. Имперский национализм (Возникновение, эволюция и политические перспективы в России) // Общественные науки и современность. 2015. № 2.

[20] Во время своего нахождения на должности госсекретаря США М. Олбрайт говорила о праве всех жителей планеты на ресурсы, принадлежащие России.

[21] Именно на основе нового видения гуманизма должна быть, по мнению Ю.А. Красина, сформирована «метаидеология гуманизма» как ориентир дальнейшего развития России. См.: Красин Ю.А. Идеология в трансформирующемся мире: штрихи к новому видению // Полис. 2014. № 6. С.163-164.

ского рода и планеты Земля, отдельного человеческого индивида и человеческой популяции (популяции отдельной страны)? Назовем некоторые их этих проблем. В число глобальных проблем стала входить проблема старения человечества. В настоящее время она, в основном, касается развитых стран. Увеличивается доля людей старше 80 лет, многие из которых уже не могут самостоятельно поддерживать свое существование, страдают слабоумием и нуждаются в уходе со стороны родственников или сиделок. Часто престарелые дети-пенсионеры вынуждены осуществлять уход за своими одряхлевшими родителями. Каждая вторая из ныне рождающихся девочек в Германии имеет шанс дожить до 100 лет[22]. Нарушенный баланс между возрастными группами восполняется в развитых странах за счет миграции молодежи из других стран, что порождает межэтнические конфликты. Еще одна из проблем: это пугающая стоимость лечения ряда заболеваний. СМИ заполнены просьбами о помощи в лечении: иногда речь идет о суммах в сотни тысяч евро при незначительных шансах на спасение больного. В России существует программа помощи людям, страдающим редкими (орфанными) заболеваниями: для поддержания жизни этих хронических больных расходуется в среднем одна тысяча рублей в день на каждого. Иногда речь идет о десятках миллионов рублей в год применительно к одному больному. Успехи медицины приводят к тому, что число людей с различными патологиями растет: если раньше они умирали, то теперь не только выживают, но и производят потомство. Все это приводит к растущим издержкам со стороны общества. Индивидуальная человеческая жизнь бесценна, но к каким издержкам готово общество для ее поддержания? При обсуждении этих и других вопросов следует следовать теоретической модели «окна Овертона»[23], когда первоначально немыслимое становится радикальным, затем приемлемым, а далее разумным и популярным и, наконец, общим правилом.

Вопрос о гуманизме сопряжен и с вопросом о цели человеческого существования, что отражено и в целях политики. На сегодняшний день главным критерием успешности страны является объём внутреннего валового продукта (ВВП), производимого на душу населения. Но, что включается в этот ВВП? Так в Великобритании принято решение учитывать при определении объёма ВВП наркобизнес и проституцию[24]. В России серьезно озабочены снижением покупательского спроса на автомобили, что приводит к сокращению производства в автомобилестроении и других смежных отраслях. Правительство РФ принимает меры по стимулированию спроса населения страны на автомобили (программы утилизации старых автомобилей, льготные кредиты). При этом часовые автомобильные пробки и забитые автомобилями дворы уже без того осложняют жизнь людей. Но рост ВВП требует роста потребления, требует формирования у населения потребительской психологии, когда степень успешности жизни человека определяется уровнем его потребления. Цивилизация потребления становится цивилизацией долга, когда в долг живут не только отдельные люди, но и целые страны[25]. И с этими растущими долгами, взращенными удовлетворением во многом искусственно культивируемых потребностей, должны будут расплачиваться последующие поколения. Можно согласиться с А. Зубцом в том, что именно в создании альтернативы «экономики долга» может быть идеологическое лидерство России[26].

Как уровень жизни (уровень потребления) не должен быть главным критерием благополучия человека, так и уровень ВВП сам по себе не должен быть решающим показателем в определении успешности страны (её политического руководства). ВВП – это, в ко-

---

[22] Tschechne M. Ich bin Rentner. Ich pflege meine Mutter // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. 2014. N6. S.57.

[23] Окно Овертона. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%CE%EA%ED%EE_% CE%E2%E5% F0%F2%EE%ED%E0

[24] О'Коннор С. Наркобизнес и проституция увеличат ВВП Великобритании более чем на $16 млрд. Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/finance/articles/2014/05/30/narkobiznes-i-prostituciya-uvelichat-vvp-velikobritanii

[25] Так государственный долг стран еврозоны в среднем приближается к 100% их годового ВВП. См.: Больше еще не было: госдолг еврозоны достиг рекордных 91,9 процента. Режим доступа: http://ria.ru/world/20150421/1060021625.html#14306429902363&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration

[26] Зубец А. Неожиданное идеологическое лидерство России. Режим доступа: http://expert.ru/2015/04/13/neozhidannoe-ideologicheskoe-liderstvo-rossii/

нечном итоге средство, а не самоцель. Несомненно, что в новой идеологии должны быть и новые критерии ориентиров и оценок функционирования и развития общества: они должны определяться в ходе обсуждения, затрагивающего все слои населения России. Можно ожидать, что приоритет будет отдан различным аспектам валеологической безопасности и факторам её обуславливающим (экологической, этологической, медицинской безопасности и др.)[27]. Исходя из особенностей геополитического положения страны, исторической памяти населения, можно предположить и высокую значимость внешнеполитической (уже, военной) безопасности. Несомненно, достижение этих целей невозможно без значительного объёма ВВП, выступающего, повторяем, в качестве средства.

Разумеется, не должно быть никакого возвращения к тоталитаризму и поддержки авторитаризма[28]. Даже их наследие в виде патернализма губительно для страны. Современная экономика с ростом разнообразия потребностей людей, их непредсказуемостью, непредсказуемостью научно-технического прогресса делает невозможным централизованную плановую экономику. Требуется, чтобы товары и услуги производили самостоятельные индивиды (группы индивидов – фирмы, холдинги и т.п.), действующие на свой страх и риск, без гарантии на успех (самоокупаемость, прибыль, расширение производства). Требуется свободная личность, несущая ответственность за свои действия. На сегодняшний день в России наблюдается дефицит личностей такого типа, индикатором чего является неразвитость малого бизнеса, преобладающее стремление молодежи работать в госструктурах или крупных корпорациях. Таким образом, свобода, должна быть существенным элементом новой идеологии: стремление к свободе должно обеспечить сдвиг массового сознания от патернализма к самостоятельности и ответственности за свою судьбу.

Готовность к свободе и ответственности выступает одним из элементов мотивационной составляющей человеческого потенциала (капитала) общества, являющего главным национальным богатством. Формирование человеческого потенциала должно быть первостепенной политической задачей, несущей конструкцией новой идеологии. Итоги соперничества наций зависят именно от человеческого потенциала, который кроме мотивационной, нравственной составляющей включает также образованность населения, производственную квалификацию работников, интеллектуальное развитие в целом, а также здоровье людей.

Главным в формировании человеческого потенциала является образование: оно, по мнению специалистов, дает 60-70% человеческого потенциала. В современной России в этом плане имеются серьезные проблемы. Общепринятым является мнение, что нынешняя система образования менее эффективна, нежели система образования советского периода. Современная Россия пока использует заделы образования и науки СССР, которые близки к исчерпанию, о чем свидетельствую многочисленные аварии в той отрасли, где СССР имел приоритет – в сфере освоения космоса. Недавно было объявлено о возобновлении производства стратегического бомбардировщика ТУ-160, разработанного более 30 лет назад, что свидетельствует об отсутствии новых разработок в этой сфере[29]. Человеческий потенциал советского периода был во многом утрачен и в результате миграции многих специалистов в страны, предоставившие им лучшие бытовые условия и возможности для работы. Одно из главных достижений советского периода слой научно-технической интеллигенции существенно сократился, его социальный статус резко понизился. Это одно из проявлений имевшей место демодернизации страны, что делает необходимым, «перезапуск модернизации в России»[30].

Поэтому важно не только сформировать человеческий потенциал, но и правильно его использовать, сохранить его. До сих пор доминирует мнение, что результаты работы в сфере образования и науки должны оцениваться рыночным образом. Но эти результаты

---

[27] О безопасности как политической ценности и структуре безопасности см.: Шилов В.Н. Политическая аксиология. Белгород, 2005. С. 24-30.

[28] Подробнее об этом см.: Феофанов К.А. Российская общенациональная идеология: цивилизационные особенности государственническо-патриотического авторитарного контрлиберализма // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 1.

[29] Нерсисян Л. Ту-160: Возобновление строительства «Белых лебедей» — латание дыр? Режим доступа: http://tehnowar.ru/18511-tu-160-vozobnovlenie-stroitelstva-belyh-lebedey-latanie-dyr.html

[30] Мартьянов В.С. Глобальный модерн, постматериалистические ценности и периферийный капитализм в России // Полис. 2014. № 1. С. 94-97.

появляются с большим временным лагом, когда люди, занятые в этих сферах, «устают» ждать соответствующего вознаграждения и переходят или в иные социальные сферы, или покидают страну.

Развитие и поощрение общественно-полезного применения человеческого потенциала должно быть целью политики и должно найти отражение и в политической идеологии. Важно, чтобы развитие общества было направлено не на рост совокупного потребления, а на саморазвитие, самосовершенствование индивидов его составляющих. И социальный прогресс должен быть, в конечном итоге, прогрессом человека.

Таковы лишь некоторые из возможных направлений обсуждения новой идеологии для российского общества. Важно, чтобы дискуссии в этой области хотя бы начались. Пока что преобладает вера, что как-то само по себе всё решится, или даже, что для России всё решено некими высшими силами, говоря словами гимна, «одна ты на свете, одна ты такая – хранимая Богом родная земля!». Однако, космос безмолвен и безучастен, и судьба России зависит только от неё самой.

IDEOLOGY FOR MODERN RUSSIA: NECESSITY AND PRECONDITIONS

V.N. SHILOV

Belgorod National Research University

e-mail: Shilov@bsu.edu.ru

Necessity of formation of new ideology for modern Russia is caused by geopolitical and internal factors. Obligatory preconditions are creation of corresponding socially-psychological base in the country (cultural hegemony) and revision of the maintenance and hierarchy of the cores political values – humanism, well-being, an all-around development of the person, freedom, safety.

Key words: Russia, ideology, ideological struggle, political values, geopolitics.

УДК [32.019.51:323.173](410.5)

АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РЕФЕРЕНДУМА О НЕЗАВИСИМОСТИ ШОТЛАНДИИ 2014 ГОДА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ «ОКНА ОВЕРТОНА»

Е.В. ВАСИНА

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

e-mail*: *lisa.vasina@gmail.com

Данная статья посвящена событиям, связанным с информационным сопровождением референдума о независимости Шотландии в 2014 году. Усиление и развитие идеи о независимости Шотландии в современном обществе Великобритании рассматриваются с помощью теории убеждения «Окно Овертона». В рамках данной работы подтверждается, что гипотеза об использовании ТОО для анализа событий, связанных с референдумом о независимости в сентябре 2014 г. целесообразна и позволяет концептуально объяснить механизмы зарождения и осуществления подобных явлений.

Ключевые слова: Шотландия, Великобритания, референдум, независимость, технология Окно Овертона, общественное мнение, прогнозирование, Окно возможностей.

Введение

В 1970-х гг. в Северном море были обнаружены новые месторождения нефти, чем и воспользовалась Шотландия для того, чтобы получить больше самостоятельности, а впоследствии и вовсе заявить о желании стать независимым государством.

Рассматриваемые нами события являются одним из самых актуальных вопросов в Великобритании на данный момент. Как и сторонники, так и противники отделения Шотландии, пытаясь найти своих единомышленников, повышают интерес населения к данной проблеме и убеждают его принять определенную точку зрения. Именно такую ситуацию отражает технология Окно Овертона[1]. Что касается ее эффективности, она была успешно применена к проблеме принятия обществом однополых браков. Несколько десятков лет назад все открыто презирали нетрадиционные семьи, а теперь многие европейский страны пропагандируют данную идею и даже позволяют однополым родителям усыновлять детей. Иными словами, новые моральные установки начинают прочно укрепляться в современном обществе, которое в скором времени полностью примет идею гомосексуализма. Пройдя через все этапы ТОО, она почти достигла цели – полного принятия новой установки, что и позволяет говорить об эффективности теории.

Исходя из вышесказанного, мы предполагаем, что идея о независимости Шотландии пройдет через схожие этапы, так как обе идеи пропагандируются с целью их безусловного приятия, о чем и говорит ТОО. Мы также полагаем, что с ее помощью мы сможем детально рассмотреть события, связанные с появлением и развитием идеи о независимости Шотландии.

Содержащийся в данной статье анализ событий, происходивших в Шотландии непосредственно перед референдумом о независимости в ходе этого референдума позволяет охарактеризовать изменения общественного мнения, которое, как мы предполагаем, соответствует описанным в ТОО этапам.

1. Содержание технологии Окно Овертона

В своей теории Джозеф Овертон, старший вице-президент центра общественной политики, описал, как идеи, кажущиеся неприемлемыми, становятся широко обсуждаемыми, а, впоследствии, общепринятыми и законодательно закрепленными.

Согласно ТОО, для каждой идеи существует т.н. «Окно возможностей», в пределах которого происходит изменение отношения людей к той или иной проблеме. Окно возможностей двигается, изменяя моральные и правовые нормы. От «немыслимого» и «запретного» идея переходит в стадию «актуальная», она принимается массовым сознанием и закрепляется в законах. Эта технология последовательно воздействует на сознание человека, изменяя его моральные установки.

Как и любой процесс, ТОО проходит в несколько этапов, на каждом из которых

[1] Далее ТОО.

происходят те или иные изменения в отношении людей к проблеме, ранее не принимаемой обществом. Выделяется пять этапов.

На первом этапе соответствующая тема не приемлема, о ней не принято говорить ни в СМИ, ни в дружеской компании. Главная задача – перевести ее из области «немыслимого» в область «радикального», что и является первым движением Окна Овертона.

Рис. Поэтапная схема изменения характеристик нововведенной идеи

Ученые на этом этапе активно участвуют в пропаганде идеи. Пересматриваются позиции. Далее начинается всплеск активности в массах, характеризующийся появлением радикальных обществ. В СМИ активно публикуются мнения и комментарии различных ученых и членов неоднозначных обществ. Таким образом, неприемлемая тема введена в оборот, многие запреты исчезают.

Следующий этап обозначает переход данной темы от «радикального» к «возможному»[2]. Не интересующихся данным вопросом считают плохими собеседниками. Продолжают цитироваться видные ученые. Более того, на этом этапе происходит создание эвфемизма[3]. Чтобы легализовать изначально не принимаемую обществом идею, нужно изменить ее название, отрывая ее суть от реального содержания. С течением времени название меняется, предшествующие считаются оскорбительными, тем самым скрывается истинная сторона проблемы. Происходит так же создание прецедента, он широко представляется обществу, но его подлинность не подтверждается. Однако необходимо, чтобы он был легитимированным, иначе это не будет доказательством того, что данная идея в принципе может существовать в рамках закона.

Третий этап предоставляет уже легитимированному прецеденту возможность двигать Окно Овертона дальше, от «возможного» в область «рационального» (см. рис. 1). Обществу демонстрируется искусственная борьба за проблему, что характеризуется появлением радикальных сторонников и противников. Борьба, как и раньше, освещается СМИ, которые стараются выставить противников этой новой идеи в негативном свете. При таком соотношении сил ее сторонники остаются в рамках разумного, их позиция кажется осмысленной. Ученые и журналисты доказывают в рамках этого этапа, что эта идея не нова, в ней нет ничего неприемлемого. Более того, подчеркивается, что в истории были подобные случаи.

Четвертый этап предполагает поддержку идеи современными широко известными и авторитетными медиа-персонами. Таким образом, она массово проникает во всевозможные СМИ. Существует и такой приём популяризации данной идеи: политики, журналисты, теле-, радиоведущие активно обсуждают эту тему, опираясь на свое видение проблемы. Но после появления уважаемого специалиста, который опровергает ранее известную информацию, задается иной вектор мышления – изменяются границы Окна. Кроме того, СМИ выражают поддержку сторонникам, оправдывает их, создает положительный образ вопреки тому, что они общественностью воспринимаются негативно.

На пятом завершающем этапе обсуждение этой идеи достигает своего максимума. Ее переводят из категории «популярное» в сферу актуальной политики, что и было изначальной целью[4]. В СМИ публикуются социологические опросы, подтверждающие тот

[2] См. рис. 1.
[3] Эвфемизм (греч.) – воздержание от неподобающих слов, смягчённое выражение.
[4] См. рис. 1.

факт, что большинство населения поддерживает новую идею. Политики многократно высказываются на эту тему. Начинается законодательное закрепление. На этом этапе общество уже подчинилось. Безусловно, осталась небольшая часть населения, которая будет продолжать доказывать невозможность принятия этой идеи, но их меньше и их действия расцениваются как незаконные. В законодательную базу вносится ряд поправок, моральные нормы кардинально меняются.

Таким образом, описанная Овертоном технология возможна в обществе, где понятия добра и зла не имеют четких границ. Она может иметь огромное влияние на человеческое сознание, постепенно изменяя его моральные нормы, психологические установки, с ее помощью появляются новые идеалы, новая идеология, которая бессознательно принимается общественностью.

2. Поэтапная характеристика событий перед референдумом в Шотландии в рамках Окна Овертона

Первый этап, 1970-е гг. – 2007 г.

Первый этап характеризуется введением новой идеи в общественное сознание, в данном случае, это – независимость Шотландии от Великобритании. Данный тезис стоял в предвыборной программе Шотландский Национальной Партии[5] в 1970-х гг., что, в первую очередь, связанно с обнаружением новых месторождений нефти в Северном море. Стоит так же отметить, что исторически с самого начала существования Шотландии вопрос о ее вхождении в состав Великобритании стоял остро. Иными словами, мы предполагаем, что сепаратистские идеи уже существовали в общественном сознании, но долгое время не получали развития. Начавшаяся пропаганда ставила своей целью лишь повторное привлечение внимания к ней только в ином ключе, предполагающем радикальные изменения, ведь сепаратистские настроения в шотландском обществе существуют долгое время, что делает неправомерным определять идею о независимости как новую для данного общества.

Как уже было сказано, в связи с обнаружением новых месторождений нефти в Северном море, ШНП выдвинула предвыборный лозунг «It's Scotland's oil»[6], что спровоцировало новую волну сепаратизма. Как следствие, в 1979 г., был проведен референдум о деволюции[7], целью которого было создании самостоятельного законодательного органа в Шотландии. После неудовлетворительных результатов, взгляды шотландских политиков, поддерживающих расширение полномочий в рамках Соединенного Королевства, разделились: часть продолжала выступать за полную независимость, другие – за частичный суверенитет.

В сентябре того же года состоялся второй референдум о деволюции. 44,8% от общего количества избирателей поддержали идею о создании Шотландского парламента, первой главой которого стал Дональд Дьюар[8], победивший на выборах в Парламент в 1997 г.

Из всего выше сказанного, мы можем говорить о наличии, как сторонников, так и противников этой идеи, что коррелирует с первым этапом ТОО. Окно возможностей начинает движение, представляя идею о независимости в определенном аспекте для широких слоев общества. На этом первый этап, главной целью которого было введение в общественное сознание ранее не обсуждаемой в данном ключе идеи, а именно – отделение Шотландии от Великобритании, можно считать завершенным.

Второй этап, май 2007 г. – май 2012 г.

Идею продолжают развивать, всё более активно обсуждая ее. Дискуссии о независимости Шотландии теперь только приветствуются. В СМИ публикуется множество статей на эту тему, они подтверждаются высказываниями видных политиков.

Чтобы создать поле для обсуждения, необходимы как сторонники, так и противники этой идеи. Именно такое противостояние повышает интерес к этой проблеме, привлекает все больше последователей определенных взглядов.

---

[5] Далее ШНП.

[6] «Это шотландская нефть» *(англ.)*.

[7] Деволюция (англ. devolution) – передача (делегирование) центральными правительственными органами части своих полномочий органам власти административно-территориальных единиц.

[8] Дональд Дьюар (англ. Donald Dewar) — шотландский политический деятель, представитель Шотландии в лейбористской партии в парламенте Великобритании.

Следующим шагом ТОО является изменение названия идеи, с целью оторвать суть проблемы от ее реального содержания. Но в данном случае неуместно утверждать о создании эвфемизма. Единственное изменение состоит в различии требований и их формулировке: первоначально выражалось желание о расширении полномочий для Парламента Шотландии, а уже после было объявлено о необходимости проведения референдума о независимости.

Говоря о легитимированном прецеденте, нужно обратиться к истории. Шотландия впервые обрела независимость в 1314 г. в битве при Беннокберне и оставалась таковой до 1707 г. Обращая внимание на этот факт, утверждалось, что Шотландия может существовать отдельно от Великобритании. Правительство Шотландии в лице Алекса Салмонда[9] выразило готовность предпринимать меры по восстановлению независимости, акцентируя внимание на данном историческом факте.

Третий этап, май 2012 г. – 2013 г.

Идея легитимирована, то есть такое положение вещей уже переходит из разряда «возможного» к «рациональному» (см. рис. 1). Освещаемая СМИ борьба сторонников и противников идеи все больше привлекает интерес публики, которая больше поддерживает сторонников, так как пропаганда «за» выглядит более эффективной.

Как было сказано раннее, необходимы радикальные общества «за» и «против», активно пропагандирующие свои идеи, для наиболее явного противостояния. Такими обществами мы вправе назвать кампании «Да Шотландии!» и «Лучше вместе», начавшиеся 25 мая и 25 июня 2012 г. соответственно.

Кампания в поддержку референдума о независимости «Да Шотландии!» была организована Алексом Салмондом, главой ШНП, и исполнительным директором – Блэром Дженкинсом[10]. За 500 дней до референдума – 5 мая 2013 г., была развернута кампания «Yes Scotland 500 Club», целью которой был поиск и поддержка сторонников отделения Шотландии. Несмотря на их относительно невысокий процент, ШПН и участники кампании были настроены весьма решительно и полностью уверены в своей победе. Они всячески пытались заинтересовать массы в политической жизни страны и, кроме того, настраивали их на определенный вектор мышления, то есть, заставляя думать о Шотландии как о независимом государстве еще до самого референдума, оказывая значительное влияние на общественное сознание.

Противники независимости Шотландии во главе с Блэром МакДугаллом[11] организовали в июне 2012 г. кампанию «Лучше вместе». Основная идея, которая проходит через всю кампанию, – это важность принятия данного решения вместе, потому что оно коснется каждого из британцев. Они делали акцент на тот факт, отделится ли Шотландии от Великобритании или нет, будет иметь огромный резонанс, так как в случае получения Шотландией независимости, вся политическая жизнь Британии в корне изменится. Жители Соединенного Королевства должны думать о будущем их страны и подрастающем поколении, ведь именно им придется жить в государстве, чью судьбу они выбирают сейчас.

Подводя итог, можно говорить о том, что кампания «за» пытается навязать свое мнение, критикуя сторону противника, выставляя его позицию в невыгодном свете, что соотносится с третьим этапом ТОО. Те, кто высказывается в поддержку референдума, считает свою позицию единственно верной и осмысленной, пытаясь навязать такое же мнение другим людям.

Более того, на данном этапе, происходит еще одно движение Окна Овертона, описанное в самой теории как пятый этап, – это законодательное закрепление идеи о независимости. Однако если брать во внимание хронологическую последовательность событий, то данное явление будет принадлежать третьему этапу.

Законность идеи о независимости Шотландии определяется соглашением о проведении референдума, подписанным 15 октября 2012 г. между Англией в лице Дэвида

---

[9] Александр Салмонд (англ. Alexander Salmond) — шотландский политик, первый министр Шотландии, лидер Шотландской национальной партии.

[10] Блэр Дженкинс (анг. Blair Jenkins) – исполнительный директор кампании «Да Шотландии!», бывший директор радиовещания на STV и глава новостей и текущих событий на SNV и BBC Scotland.

[11] Блэр МакДугалл (англ. Blair McDougall) – специальный советник Лейбористской партии Великобритании при правительстве Тони Блэра и Гордона Брауна, национальный директор Движения Лейбористской партии, главный директор «Лучше вместе».

Кэмерона[12] и Шотландией в лице Николы Стреджен[13]. Оно состоит из 30 пунктов, которые содержат основную информацию о референдуме. Стоит отметить, что впервые в истории британского избирательного права в референдуме могли участвовать лица, достигшие 16-17-летнего возраста. Хотя они составляют лишь 2,5% от всего населения, националисты делали ставку именно на молодежь.

Развернув активную борьбу за и против идеи, подписав официальный документ, сторонники идеи привлекли ещё больше внимания на свою сторону. Окно Овертона продолжило двигаться в направлении принятия идеи о независимости. Третий этап завершился.

Четвертый этап, 2013 г. – настоящее время

Итак, третий этап закончился созданием поля для обсуждения идеи о независимости, в которое со временем включается всё больше людей, поддерживающих или отрицающих эту идею. Поэтому СМИ, а в особенности сайты кампаний «Да Шотландии!» и «Лучше вместе», публиковали мнения и высказывания обычных людей, данные опросов и т.д., подтверждая все больший интерес населения к этому вопросу.

Однако результаты проведенных социологических опросов показывали незначительную разницу в количестве голосов сторонников и противников отделения. Тем не менее были надежды, что наступит пятый завершающий этап, соответственно, по его окончанию идея независимости Шотландии станет полностью общепринятой.

На практике всё оказалось иначе: шотландцы проголосовали против независимости. Но референдум, скорее всего, не является окончательным этапом в движении Окна возможностей. Воздействие на сознание людей с целью принятия идеи о независимости продолжается. По мнению сторонников независимости Шотландии пятый этап впереди.

ANALYSIS OF INFORMATION SUPPORT OF THE REFERENDUM ON THE SCOTTISH INDEPENDENCE IN 2014 FROM THE POINT OF VIEW OF THE THEORY OF «THE OVERTON WINDOW»

E.V. VASINA

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

e-mail: lisa.vasina@gmail.com

This article is devoted to the events associated with the referendum on independence, which occur at the present time in Scotland. The development of this idea, and society's attitude towards it dealt with it through the theory of persuasion the Overton Window. In this work confirms the hypothesis that the use of LLP to analyze the events related to the referendum on independence in September 2014 is appropriate and allows fundamental approach to the study of such processes.

Key words: Scotland, the United Kingdom, a referendum, independence, technology the Overton Window, public opinion, forecast, Window of Opportunity.

[12] Дэвид Кэмерон (англ. David Cameron) — британский политик, лидер Консервативной партии, действующий премьер-министр Соединённого Королевства.

[13] Никола Стерджен – замглавы правительства Шотландии.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабенкова Ю.В. – аспирант III года обучения кафедры истории Древней Греции и Рима института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Богданов Д.Е. – аспирант II года обучения кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета

Болгова А.М. – доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук

Болховитина Т.С. – заведующая кафедрой менеджмента, государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Брянске, кандидат политических наук, доцент

Бродяк Д.А. – соискатель кафедры новой и новейшей истории Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, Украина

Васина Е.В. – старший лаборант научно-исследовательской лаборатории анализа, прогноза и стратегического моделирования Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Дудина О.В. – преподаватель кафедры политической истории Воронежского государственного университета

Ерицян Б.Г. – ведущий научный сотрудник Института Археологии и Этнографии Национальной академии наук Республики Армения, г. Ереван, заведующий секцией палеолита, кандидат исторических наук

Ермолин А.Л. – научный сотрудник Археологического института Цинмана, Университет г. Хайфа, Израиль, кандидат исторических наук

Иваницкая Я.Ю. – заместитель директора МБОУ «Гимназия № 5», г. Белгород, кандидат исторических наук

Касаткин В.П. – профессор кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук

Кобзарева Н.И. – аспирант кафедры российской истории и докуметоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета

Колосов Д.В. – редактор издательства «Книговек», г. Москва, кандидат исторических наук

Корнилов А.А. – профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и локальной истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор исторических наук

Костенюк Н.В. – директор Музея Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

Кулачков В.В. – доцент кафедры философии, истории и социологии Брянской государственной инженерно-технологической академии, кандидат исторических наук

Лиман С.И. – профессор, заведующий кафедрой туристического бизнеса Харьковской государственной академии культуры, Украина, доктор исторических наук

Манукян Э.М. – аспирант I года обучения кафедры всеобщей истории и международных отношений исторического факультета Ивановского государственного университета.

Могаричев К.Ю. – бакалавр исторического факультета Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Оноприенко И.Г. _ доцент кафедры российской истории и докуметоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета

Оськин М.В. _ доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин Института законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, г. Тула, кандидат исторических наук

Перепелицын А.В. _ профессор кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета, доктор исторических наук

Пигорева О.В. _ доцент кафедры истории государства и права Курской государственной сельскохозяйственной академии имени профессора, И.И. Иванова, кандидат исторических наук

Пушкарев А.С. _ доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук

Руми Ф. _ аспирант кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Сивкина Н.Ю. _ профессор кафедры истории древнего мира и классических языков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор исторических наук

Степанова Л.Г. _ доцент кафедры технологий сервиса и деловых коммуникаций Академии маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ, г. Краснодар, кандидат исторических наук

Терещенко Д.А. _ доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Курского филиала Российского экономического университета им Г.В. Плеханова, кандидат исторических наук

Тимошкова О.А. _ старший преподаватель кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук

Третьякова М.В. _ доцент кафедры всемирной истории Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат исторических наук

Фролов Р.М. _ ассистент кафедры всеобщей истории, сотрудник Научно-образовательного Центра антиковедения Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, кандидат исторических наук

Фурсов В.Н. _ профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета, доктор исторических наук

Худавердян А.Ю _ научный сотрудник Института Археологии и Этнографии Национальной академии наук Республики Армения, г. Ереван, кандидат исторических наук

Циглер М.В. _ аспирант кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого

Шилов В.Н. _ профессор кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;
- по электронной почте редакторам разделов: «Актуальные вопросы отечественной истории» – shatohin@bsu. edu. ru (Шатохин Иван Тихонович – заместитель главного редактора); «Актуальные вопросы всеобщей истории» – bolgov@bsu. edu. ru (Болгов Николай Николаевич); «Актуальные вопросы политологии» – Shilov@bsu. edu. ru (Шилов Владимир Николаевич – заместитель главного редактора); ответственный секретарь серии журнала – onoprienko@bsu. edu. ru (Оноприенко Инна Григорьевна); сайт журнала: http://unid. bsu. edu. ru/unid/res/pub/index. php.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ИНФОРМАТИКА» ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ»

В материалы включается следующая информация:

1) УДК научной статьи;
2) аннотация статьи (от 600 до 1200 знаков);
3) ключевые слова;
4) сведения об авторах (Ф. И. О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны);

на русском и английском языках

5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук);
6) текст статьи;
7) ссылки.

на русском языке

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4, портретный. Без переносов.
2. Поля:
- правое – 1,5 см;
- левое – 3,0 см;
- нижнее – 2,0 см;
- верхнее – 2,0 см.

3. Шрифт:
- гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
- размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт.**

4. Абзац:
- отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
- межстрочный интервал – одинарный.

5. Ссылки:
- номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
- нумерация – автоматическая, сквозная;
- текст сноски внизу каждой страницы;
- размер шрифта – 9 пт.

6. Объем статей: до **8 страниц** (**Georgia, 11 пт).**

7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.

8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. **Оформление статьи**

УДК 65. 01

КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ*

А. В. ИВАНОВ[1)]
Л. Н. ПЕТРОВ[2)]

[1)] Департамент экономического развития Белгородской области

[2)] Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: bor@bsu. edu. ru

При выборе пути инновационного развития необходимо учитывать возможные риски и ограничения социально-экономического развития, продуцированные перспективами постепенного вступления России в единое мировое экономическое пространство. В работе рассмотрены ключевые вызовы развитию России и регионов на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: глобализация, вызовы развитию, риски и ограничения социально-экономического развития, региональная политика.

В последние годы в российском обществе обозначился явный дефицит долгосрочного (на 10-15 и более лет) видения перспектив развития национальной экономики[1].

KEY CHALLENGES TO REGION DEVELOPMENT IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

A. V. IVANOV[1)]
L. N. PETROV[2)]

[1)] Department of Economic Development, Belgorod Region

[2)] Belgorod National Research University

e-mail: bo@bsu. edu. ru

Choosing a way of innovative development it is necessary to take into account the risks and restrictions of socio-economic development, produced by prospects of the gradual introduction of Russia into the whole world economic space. There considered key challenges to development of Russia and its regions for the long-term prospect.

Key words: globalization, challenges to development, risks and restrictions of socio-economic development, regional policy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А. В. – доцент кафедры экономики и права Белгородского государственного университета, кандидат экономических наук
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: dizelsnab@mail. ru, тел. 33-22-44

[1] Караганов С. А. XXI век и интересы России // Современная Европа. 2004. №3. С. 6; Айналов Д. В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900. С. 2.

Приложение 2. **Оформление таблиц**

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Расположение начала таблицы.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Продолжение таблицы, расположенное на следующей странице.

Приложение 3. **Оформление графических объектов**

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

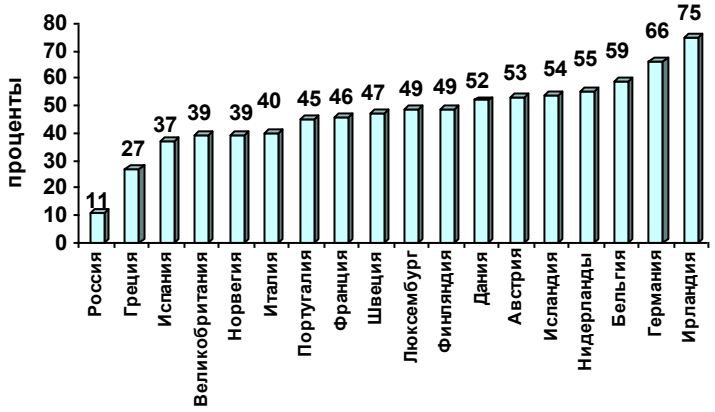


Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

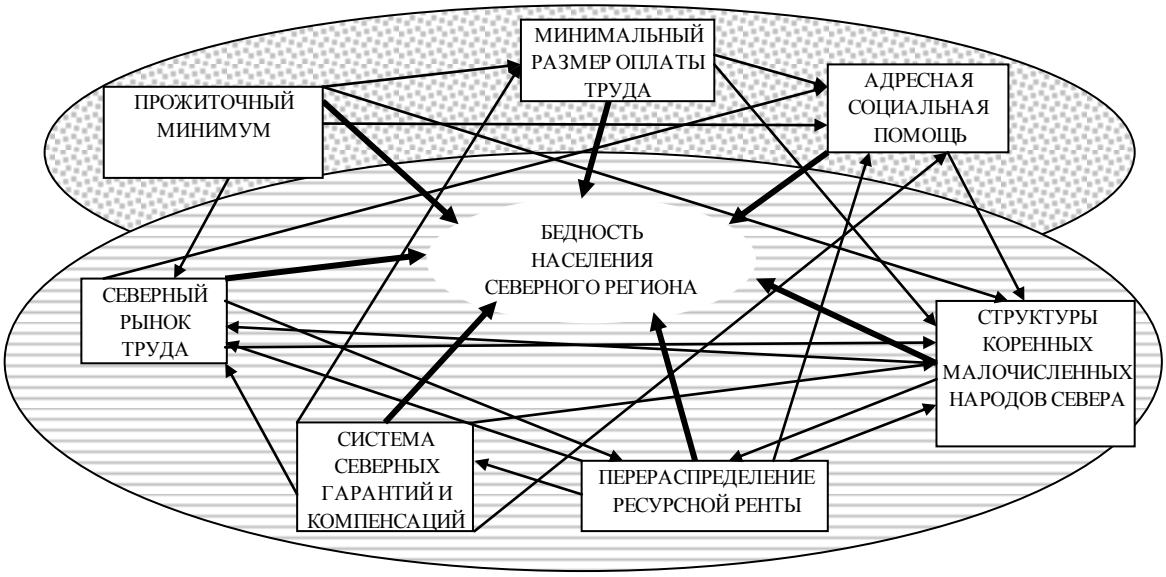


Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.

За публикацию рукописи в журнале «Научные ведомости Белгородского государственного университета» плата с авторов не взимается.

Ф. СП-1

АБОНЕМЕНТ на журнал **18078**

Научные ведомости БелГУ.
Серия История. Политология. Экономика. Информатика

(наименование издания) | Количество комплектов: 1

на 2015 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
		X			X			X			X

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы) Тел.

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ | место | литер

на журнал **18078** индекс издания

Научные ведомости БелГУ.
Серия История. Политология. Экономика. Информатика

(наименование издания)

Стоимость: подписки ____руб. ____коп.; переадресовки ____руб. ____коп. | Кол-во комплектов: 1

на 2015 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
		X			X			X			X

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)